

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) Российская академия образования, принимая во внимание высокое нравственное, патриотическое, историческое значение этой даты, подготовила трехтомное издание о состоянии всех уровней системы образования, деятельности педагогов, помощи педагогической и психологической наук фронту, бойцам и мирному населению, прежде всего детям и подросткам. Материалы, подготовленные на основе архивных документов, нормативных актов, военной периодики и трудов ученых, подкрепляются мемориальными свидетельствами, воспоминаниями участников грозных событий тех лет, интервью и трогательными семейными историями.

Издание адресовано ученым, педагогам, обучающимся на всех уровнях образования, а также всем интересующимся героической историей Родины, подвигом науки и учительства, детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Система образования
СССР в годы Великой
Отечественной войны

I

Российская академия образования

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 1

**Система образования
СССР в годы Великой
Отечественной войны**

УДК 94(47).084.8(37)
ББК 63.3(2)622
С40

*Проект реализован при поддержке Фонда «История Отечества»
и Российского исторического общества*

Научный консультант проекта:
Васильева О. Ю., доктор исторических наук, профессор, академик РАО
Руководитель проекта:
Иванова С. В., доктор философских наук, профессор, академик РАО
Координатор проекта:
Елкина И. М., кандидат педагогических наук
Соорганизаторы (том 1):
Акишина Е. М., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО;
Демин В. М., доктор педагогических наук, профессор;
Мелентьева Ю. П., доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;
Сурвилло В. Ю.;
Уба Е. В., кандидат педагогических наук;
Фроленкова И. Ю., кандидат философских наук

Рецензенты:
Киселев А. Ф., доктор исторических наук, профессор, академик РАО;
Мальшиева Е. М., доктор исторических наук, профессор

С40 Система образования, педагоги и дети в годы Великой Отечественной войны: в 3 т.
Том 1. Система образования СССР в годы Великой Отечественной войны / под науч.
ред. О. Ю. Васильевой, под общ. ред. С. В. Ивановой — М. : АНО «Центр «Наследие»,
2025. — 440 с.: ил.

ISBN 978-5-6053251-1-6
ISBN 978-5-6053251-2-3 (т. 1)

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) Российская академия образования, принимая во внимание высокое нравственное, патриотическое, историческое значение этой даты, подготовила трехтомное издание о состоянии всех уровней системы образования, деятельности педагогов, помощи педагогической и психологической наук фронту, бойцам и мирному населению, прежде всего детям и подросткам. Материалы, подготовленные на основе архивных документов, нормативных актов, военной периодики и трудов ученых, подкрепляются мемориальными свидетельствами, воспоминаниями участников грозных событий тех лет, интервью и трогательными семейными историями. Издание адресовано ученым, педагогам, обучающимся на всех уровнях образования, а также всем интересующимся героической историей Родины, подвигом науки и учительства, детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны.

УДК 94(47).084.8(37)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-6053251-1-6
ISBN 978-5-6053251-2-3 (т. 1)

© Российская академия образования, текст,
2025
© Коллектив авторов, текст, 2025
© АНО «Центр «Наследие», оригинал-макет,
издание, 2025

Содержание

Васильева О. Ю.

Вступительное слово 7

Овчинников А. В.

Школьная политика в годы Великой Отечественной войны 10

Катагощина М. В.

Школьное образование в тыловых территориях Советского Союза 40

Рыжов А. Н.

Профессиональное образование в годы Великой Отечественной войны 56

Тимофеев М. А., Соловьева Т. А., Лазуренко С. Б.

Специальная школа СССР в годы Великой Отечественной войны 93

Мурафа С. В.

Профессиональное служение дефектологов в годы Великой Отечественной войны 115

Люттов С. Н.

Книгоиздание в помощь обучению и воспитанию в условиях войны 127

Иванова С. В.

Детская периодическая печать: 1938–1947 144

Мазурицкий А. М.

Библиотеки в годы Великой Отечественной войны. Страницы истории 250

Мелентьева Ю. П.

Чтение в СССР во время Великой Отечественной войны 275

<i>Акишина Е. М., Миндзаева Э. В.</i> Военно-патриотическая подготовка школьников в годы Великой Отечественной войны	287
<i>Мальшева Е. М., Осерская Э. В.</i> Кадетское образование в СССР в годы Великой Отечественной войны	338
<i>Абылкасымова А. Е., Тлеп Б. А.</i> Состояние народного образования Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны	345
<i>Васильева О. Ю.</i> «Артек» в годы Великой Отечественной войны	361
<i>Фомина Н. Н.</i> Центральный дом художественного воспитания детей в годы Великой Отечественной войны	371
<i>Каверкина А. М.</i> Литературный институт имени А. М. Горького в годы Великой Отечественной войны	390
<i>Нелюбов С. А., Сидорчук О. Н., Хлытина О. М.</i> Новосибирский государственный педагогический университет в годы Великой Отечественной войны	394
<i>Кичева И. В.</i> Бессмертный научный полк Пятигорского государственного университета	406
<i>Фроленкова И. Ю.</i> Благовещенский педагогический институт	414
<i>Шавалеева Г. М.</i> Преподаватели Можгинского педагогического колледжа имени Т. К. Борисова Удмуртской Республики, не вернувшиеся с войны	417
Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны	421
Список сокращений	431
Сведения об авторах	434

Вступительное слово

2025 год — год особой важности для всего российского народа. Он ознаменован 80-летием Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Память о ней непоколебима и передается из поколения в поколение. Этот праздник навсегда вписан в судьбу каждой семьи. Мы свято помним о подвигах героев-освободителей и преклоняемся перед всеми, кто защищал наше Отечество и приближал победу, не щадя себя.

В связи с этим значимым событием, в благодарность ветеранам и в честь героев и участников Специальной военной операции, Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил этот год Годом защитника Отечества.

Наша общая задача — сохранить историческую и нравственную память о подвиге российского народа, который своей сплоченностью, храбростью и безграничной преданностью Отчизне обеспечил мир, свободу и независимость новым поколениям нашей страны.

Мы, академики и члены-корреспонденты Российской академии образования, следуя своему гражданскому и человеческому долгу всегда помнить события войны и чтить память ее героев, подготовили трехтомный труд — монографию, посвященную доблести, отваге и патриотизму участников тех страшных событий и связывающую тем самым героическое прошлое нашей страны с современным — непростым — этапом борьбы России с внешними угрозами и агрессией.

Наряду с членами и сотрудниками Академии в создании этих книг приняли участие наши соратники — коллеги-ученые и преподаватели из разных регионов страны, что обогатило издание новыми данными, яркими примерами, ценными воспоминаниями.

Главная тема книг, написанных на основе архивных материалов, документальных свидетельств, воспоминаний участников войны, — насущные вопросы, связанные с состоянием системы образования СССР в годы Великой Отечественной войны, с бессмертным героизмом детей и педагогов в тяжелейших военных условиях, с бесценным вкладом ученых — педагогов, психологов, дефектологов — в оказание помощи детям

и взрослым в обучении, выздоровлении, реабилитации после перенесенных ранений и тяжелейших испытаний.

Первый том «Система образования СССР в годы Великой Отечественной войны» посвящен разным направлениям образовательной деятельности в годы Великой Отечественной войны.

В нем рассмотрена государственная политика в сфере общего образования в суровое военное время. Школа, даже во время блокады Ленинграда и в трудных условиях эвакуации населения и восстановления освобожденных территорий, работала как слаженный механизм, исполняя свою образовательную и социальную функции. Она была объединяющим центром, поддерживающим детей в голодные военные годы. Это позволило выдержать страшные испытания войны и, сохранив накопленный опыт, обеспечить дальнейшее укрепление системы образования, выучить и воспитать молодые поколения, на плечах которых в послевоенные десятилетия поднималась советская экономика, развивались наука и образование.

Также мы включили в монографию нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны, отражающие надежную поддержку образованию со стороны государства, которое стремилось дать возможность обучения каждому ребенку, продолжало работу по расширению сети и улучшению деятельности школ и детских садов, детских приемников-распределителей, детских домов.

В издании раскрывается и роль книгоиздательской отрасли в годы Великой Отечественной войны, которая проявила способность к серьезной реорганизации. Это позволило обеспечить фронт и тыл обучающей и воспитательной печатной продукцией для детей, отвечающей задачам военного времени.

Особое внимание уделяется глубокому анализу детских периодических изданий накануне, во время и после Великой Отечественной войны (1939–1947), которые не прекращали свою деятельность в годы войны, — журналов «Мурзилка», «Пионер», «Дружные ребята», «Костер». Обладавшие мощнейшим воспитательным потенциалом, они отражали суровые реалии того времени, переживая вместе с читателями военные тяготы и помогая юному поколению вернуться к мирной жизни.

В первом томе также характеризуется сила влияния чтения в годы Великой Отечественной войны, которая особенно отчетливо проявлялась на фронте, в партизанских отрядах, госпиталях, блокадном Ленинграде. Анализируется деятельность библиотек, в частности вопросы, связанные с гибелью библиотечных фондов и началом восстановления библиотечной системы страны.

Отдельно исследуется специфика военно-патриотического воспитания, подготовки молодежи к военной службе в российской системе

образования — эффективная модель допризывной подготовки в России, в частности, способствовала подъему патриотических настроений, мотивировала на беспощадную борьбу с фашистскими захватчиками.

Показана и специфика работы специальных школ для больных детей, специалистов в области дефектологии, что еще раз показывает внимание государства ко всем аспектам образования в Советском Союзе в годы тяжелых испытаний.

Несомненным достоинством книги являются редкие материалы, посвященные деятельности образовательных и воспитательных учреждений в годы войны. Рассказывается о многочисленных испытаниях, которые довелось перенести гостям и сотрудникам уникального пионерского лагеря «Артек» в годы войны (эвакуация в сложных условиях, оккупация фашистскими захватчиками, варварское разрушение лагеря), с восстановлением и развитием после ее окончания. Анализируется содержание альбома, подаренного Центральным домом художественного воспитания детей (ЦДХВД) в 1944 г. народному комиссару просвещения РСФСР В. П. Потемкину, где отражены научно-методические труды сотрудников ЦДХВД в военные годы, проводившиеся ими мероприятия, созданные детьми художественные произведения. Также исследуются особенности образовательной деятельности Литературного института им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны.

На страницах книги словно оживают события того сложного времени, связанные с историей ряда регионов, вузов, техникумов, школ Советского Союза, тяготы военного периода и мужественное преодоление работниками системы образования всех испытаний в борьбе за победу.

Уверена, эти великие примеры воспитывают гордость за наш народ и любовь к Отечеству, укрепляют веру в будущее России и стремление жить во имя ее безопасности. Наш священная миссия — хранить и передавать молодому поколению память о трагических событиях Великой Отечественной войны, о мужестве, чести и патриотизме участников тех страшных событий, настойчиво бороться за приумножение славы наших предков и процветание Родины.

*Президент РАО, академик РАО
О. Ю. Васильева*

А. В. Овчинников

Школьная политика в годы Великой Отечественной войны

Существенную роль в успехах государства и его национальной безопасности, как неоднократно подчеркивали многие политические деятели различных стран на протяжении истории, играет система школьного образования. создание и функционирование которой является важнейшим элементом социальной политики.

Коренное переустройство российского государства в 1917 г. оказало существенное влияние на развитие всей системы отечественного образования и образовательную политику, состояние которой к началу Великой Отечественной войны не поддается однозначной оценке. С одной стороны, начиная с середины 1930-х гг. ее определяющим направлением стала государственная регламентация школьной системы, которая достаточно часто характеризуется в историографии как усиление тоталитарной направленности школы в соответствии с общей достаточно жесткой политикой того времени. С другой стороны, необходимо помнить и о том, что это были попытки советской власти каким-то образом систематизировать школьное образование страны, получившее богатый опыт свободного развития в первые послереволюционные годы.

Несмотря на новизну и оригинальность ряда направлений школьной политики, они далеко не всегда сочетались с традиционными отечественными представлениями о социальной роли школьного образования. И это несоответствие стало предметом внимания государственной власти, которая в новых социально-политических условиях сделала попытку усиления традиционных российских начал в системе образования, правда, основанных теперь на новых идеологических постулатах.

Помимо внутрениполитической ситуации в определении курса образовательной политики стали учитываться некоторые тенденции мирового развития. Иллюзорное представление советской власти о скорой всемирной победе пролетариата во всем мире сменилось пониманием необходимости существования в реальных условиях противостояния между странами, непрекращающейся борьбы за расширение сфер влияния.

Со второй половины 1930-х гг. неминувость прямого военного столкновения между СССР и фашистской Германией стала очевидной. Несмотря на определенное спокойное и даже, казалось бы, пренебрежительное отношение к надвигающейся в скором времени войне, которое было свойственно советской пропаганде того времени, государство принимало целенаправленные меры не только по укреплению обороноспособности страны. Разрабатывались методики в области обучения и воспитания молодых поколений, готовых к защите Родины.

Существенно усилилось внимание к военно-физической подготовке школьников и молодежи. В стране целенаправленно пропагандировали и развивали комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), ориентированный на обязательную для всех минимальную спортивную подготовку с явным уклоном на формирование элементарных навыков выживания в условиях военного времени.

Говорить о том, что в Советском Союзе царило благодушное настроение в отношении перспективы военного конфликта, было бы неверным. Тезис о внезапности нападения фашистской Германии отнюдь не подразумевает, что страна не ощущала приближение военного конфликта и не предпринимала меры для того, чтобы в условиях начавшихся боевых действий минимизировать их страшные последствия. Власть готовилась к возможной войне, направляя усилия для того, чтобы отсрочить время начала прямого столкновения.

Накануне Великой Отечественной войны со стороны ЦК ВКП(б) Народному комиссариату просвещения РСФСР были высказаны определенные претензии и пожелания по ряду аспектов системы образования. Так, на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1939 г., была поставлена задача осуществления всеобщего среднего обучения в городе и семилетнего обучения в сельской местности и национальных окраинах с перспективой возможности получения десятилетнего образования на всей территории СССР. Столь высокие темпы развития образования планировалось обеспечить за счет крупных материальных вложений. Можно утверждать, что задача создания современной для того времени системы общего образования с максимально единым содержанием обучения была объявлена в качестве приоритетной задачи социальной политики советского государства.

Органы власти страны активно реализовывали поставленные задачи. 21 декабря 1939 г. СНК РСФСР принял постановление № 717 «О состоянии всеобщего обучения в школах РСФСР», которым предписывалось «в кратчайший срок обеспечить вовлечение в начальные, неполные средние и средние школы всех детей, подлежащих обучению» [16, с. 17]. Достижение столь важной исторической задачи могло стать реальностью, если бы в намеченные планы не вмешалась война, создавшая угрозу потери независимости всего советского государства, в том числе и системы

образования. Задача сохранения и укрепления отечественной общеобразовательной школы стала одной из первоочередных.

Это был не единственный документ, свидетельствующий о стремлении советской власти активно развивать отечественное образование и по возможности готовить систему к тяжелым испытаниям. В этой логике необходимо рассматривать издание 2 октября 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа «О государственных трудовых резервах СССР», согласно которому ежегодно, в порядке мобилизации, для обучения рабочим специальностям направлялось от 800 тыс. до 1 млн молодых людей. Указ также обязывал «председателей колхозов ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по два человека молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16–17 лет — в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет <...> городские Советы депутатов трудящихся ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) молодежь мужского пола в возрасте 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16–17 лет — в школы фабрично-заводского обучения в количестве, ежегодно устанавливаемом Советом Народных Комиссаров СССР» [12].

При вновь назначенном народном комиссаре просвещения РСФСР В. П. Потемкине в 1940 г. были предусмотрены конкретные меры по выполнению поставленной партийным руководством задачи. Разрабатывались планы реформы школы, подразумевавшей обязательное семилетнее обучение и возможность его пройти для тех, кто такое образование ранее не получил. Речь шла о создании школ рабочей молодежи, что и было реализовано уже во время Великой Отечественной войны. Они позволили бы окончательно решить многочисленные проблемы, возникавшие в связи с низким уровнем грамотности большей части населения.

В тяжелых условиях войны необходимо было не только перевести школьную систему на военные рельсы, но и обеспечить преемственность учебно-воспитательного процесса, создать базу для скорейшего возвращения школ в мирное русло развития сразу после освобождения территорий от врага, в победе над которым никто не сомневался.

В истории общеобразовательной школы военных лет ярко прослеживаются два периода, которые сформировались под влиянием хода Великой Отечественной войны. Первая половина военной поры наполнена героической борьбой против оккупантов. Местные органы власти, учителя, родители учеников прилагали максимальные усилия в битве за выживание системы образования, особенно в районах, подвергшихся фашистской оккупации. Началась бескомпромиссная борьба за сохранение традиций, пусть еще немногочисленных, советской системы образования, которая только недавно стала показывать миру первые позитивные результаты, и показать ее преимущества и устойчивость. Вторая

половина Великой Отечественной войны была связана с усилением внимания власти и общества к вопросам школьного строительства. В течение 1943–1944 гг. были приняты важные нормативно-правовые акты, на основе которых вырабатывалась стратегия дальнейшего развития советской школы, выступавшей важнейшим социальным и идеологическим институтом советского общества. Многие из этих политических решений определили направленность развития отечественного общего образования на длительное время.

Начало Великой Отечественной войны поставило перед страной и системой образования такие задачи, опыта решения которых у советского руководства, естественно, не было. Большинство лиц, принимавших решения, имели военный опыт в период Гражданской войны, но он был фактически неприемлем в новых условиях. По этой причине политическое и организационное руководство системой образования подчас выстраивалось ценой ошибок и просчетов. Прежде всего, требовались адекватная оценка быстро меняющейся стратегической ситуации, оперативная и слаженная работа государственных и местных органов власти, педагогических коллективов по организованной эвакуации образовательных учреждений из оккупированных районов. В первые недели Великой Отечественной войны было крайне важно развернуть широкую агитационную работу среди учительства, показать всю античеловечность фашистского режима, его устойчивую ориентацию на разрушение нашей страны, всей цивилизации. Для этого активно использовались средства массовой информации, и прежде всего — «Учительская газета». На ее страницах постоянно публиковались материалы, которые позволяли в полной мере понять остроту сложившегося конфликта: «Фашисты обрекают на голод и вырождение миллионы детей трудящихся. Медицинские комиссии констатируют: «Плохое питание сильно влияет на работоспособность детей. Обычно уже после третьего урока замечаются усталость и рассеянность». Но эти измученные, голодные дети после классных занятий обязаны учиться маршировке и «выходить на военную практику» в поле. Замученные ребята нередко падают от усталости и изнеможения, а инструктора-«наци» издевательски превозносят «такую тренировку, развивающую здоровый аппетит»» [8].

История распорядилась так, что система образования, как и все наше Отечество, не только выстояли перед напором агрессора, но и смогли обеспечить всемирно-историческую победу над германским фашизмом. Добиться такого результата без выработки грамотной политической линии не представлялось возможным.

Первым документом, имевшим важное политическое и организационное значение, стало обращение наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина и руководителей профессиональных союзов работников

начальной и средней школы, высшей школы и научных учреждений, работников детских садов и детских домов «Ко всем работникам просвещения РСФСР». «Наш гражданский долг — проявить максимум твердости, организованности, дисциплинированности. Наша помощь фронту должна выразиться в самоотверженном, беззаветном выполнении работы, возложенной на нас партией и правительством», — говорилось в нем [7].

Органы власти активно разъясняли сложность сложившейся ситуации, призывали советских граждан направить все силы на отпор агрессору. Работники образования должны были занять одно из центральных мест в рядах защитников страны. Их призывали превратить каждую школу в крепость: «Миллионная армия советского учительства и руководимая ею школьная молодежь активно участвует в этом великом и благородном деле — защите родины. Каждый учитель, каждый школьник, старшеклассник должны быть на своих постах подлинными бойцами, помогающими нашей героической Красной армии ковать победу над коварным, неукротимым в своей злобе врагом. <...> Нет сомнения, что в осуществлении этой задачи советское учительство и наша замечательная школьная молодежь с честью выполнят свой долг перед любимой Родиной. Силами всего советского народа кровавый фашизм будет беспощадно растоптан и уничтожен навеки!» [4].

С первых дней войны стала понятна необходимость внесения изменений в учебно-воспитательный процесс. Потребовалось оперативно обеспечить возможность обучения школьников основам военного дела, научить действовать в сложных ситуациях военного времени, например укрываться в бомбоубежище и т. п. От этого зависела сама жизнь учащихся — будущего страны. Это стало главным направлением школьной политики советского государства в первые месяцы войны.

Как отмечают исследователи, одной из проблем, с которой столкнулся Наркомпрос в этот период, были случаи самоликвидации образовательных учреждений, в том числе в тыловых районах. «Причины были в бездеятельности, пассивности, попустительстве и растерянности некоторых работников областных и районных советов, отделов народного образования, комсомольских организаций. ЦК ВКП(б) осудил подобную политику. Местные партийные организации вступили на путь решительной борьбы с этими явлениями. ЦК партии, ЦК К[омитета] П[артийного] К[онтроля], Госплана РСФСР, НКП РСФСР выделяли в 1942 г. специальных работников для восстановления нарушенных связей» [27, с. 25].

Однако общее состояние органов руководства образованием позволяло оперативно решать возникающие проблемы, связанные с перестройкой системы образования в условиях военного времени. Так, Наркомпрос и местные органы образования стали активно проводить целенаправленную работу по корректировке содержания ряда учебных предметов в начальной и средней школе. В случае изменения сроков начала

обучения в связи с эвакуацией либо по иным причинам было разрешено изменять учебные планы. Из них исключались рисование (черчение) и пение. В начальной школе больше внимания стало уделяться изучению русского языка и арифметики, а также военно-физической подготовке старшеклассников, легкой атлетике и лыжному спорту, изучению основ санитарии и оказания первой медицинской помощи. Преподавание истории, географии и естествознания было перенесено в IV класс [20, с. 24–25]. В содержание многих предметов добавлялась военно-просветительская тематика.

Следующим важным направлением государственной образовательной политики в годы Великой Отечественной войны стало обязательное обучение военному делу. 17 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Во всех учебных заведениях страны вводился курс «Военное дело». Обязательному обучению подлежали все лица мужского пола от 16 до 50 лет. Инструкторами были командиры запаса и лица старших возрастов, не призванные в армию, способные обучать пополнение. Всеобщее военное обучение населения получило большой размах и способствовало приходу в действующую армию уже отчасти подготовленного пополнения, что делало армию более боеспособной. Одновременно с этим элементарная военная подготовка лиц, многим из которых предстояла мобилизация и отправка на фронт, способствовала уменьшению потерь личного состава в первое время службы из-за отсутствия боевого опыта.

По решению Наркомпроса в школах страны с 1942/43 учебного года вводился «временный план», согласно которому содержание обучения было сориентировано на максимально возможное увеличение времени на военно-физическую подготовку учащихся, необходимую для обучения и воспитания воина. Для развития этого направления работы среди учащихся школ и педагогических училищ было создано добровольное спортивное общество «Смена». Оно стало организационной структурой при создании спортивных баз и спортивных площадок. Большое внимание уделялось организации тиров для стрелковой подготовки учащихся. Девушки дополнительно проходили программу для сандружинниц, обучавшую навыкам оказания первой медицинской помощи.

Самым главным вопросом школьной политики стало всеобщее обучение. На протяжении всей Великой Отечественной войны он находился в центре внимания руководящих органов и общегосударственного, и областного уровней; постоянно обсуждался на заседаниях партийных и советских органов в республиках, краях и областях Советского Союза, независимо от их близости к линии фронта.

Специалист по истории отечественного образования в годы Великой Отечественной войны Ю. Г. Россинский приводит следующие данные:

«С сентября 1941 г. до февраля 1942 г. из школ РСФСР выбыло значительное число учащихся. В целом план по всеобучу в учебном 1941/42 году был выполнен на 83 %. Причин было много, прежде всего плохое питание, отсутствие обуви и одежды, болезни. Резкое уменьшение числа учащихся старших классов влекло за собой угрозу общего недостатка рабочих кадров со средним образованием. Критика работы Наркомпроса РСФСР, прозвучавшая в начале 1942 г. со стороны ЦК партии, способствовала некоторой активизации его деятельности» [27, с. 26].

Необходимо было создать условия для вовлечения всех обучающихся в школьные занятия, неукоснительно исполнять все указания, связанные со всеобщим обучением, особенно в отношении тех детей, которые остались без присмотра родителей.

14 июля 1943 г. Постановлением СНК РСФСР была утверждена Инструкция по организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении. На местные органы власти возлагалась обязанность обеспечить учет детей и подростков, проживавших в любых помещениях, расположенных на территории школьного участка. Учителя школ совместно с управляющими домами должны были составлять и выверять списки детей и представлять их в местные органы власти.

Еще одним важным направлением в работе школ и органов образования в годы войны стало усиление идеологической и воспитательной работы, как на уроках, так и во внеурочное время.

Власть понимала, что без внимания к учителю, к его повседневным нуждам нельзя добиться успехов в сфере образования. Отношение власти к учительству выражает статья М. И. Калинина «Учительство и война», опубликованной в «Учительской газете» 14 июня 1942 г. Кажалось бы, в условиях военного времени глава государства должен был обратиться с политическими и пропагандистскими лозунгами. Но статья стала доверительным разговором власти с учительством. Прежде всего, речь шла об усилении патриотического воспитания с самых ранних лет, о необходимости, начиная с младших классов, «знакомить детей с родной страной, с окружающим миром» [6, с. 266]. О важности формирования любви к Отечеству было сказано следующее: «Родная страна становится еще более близкой и родной, когда знаешь ее историю, когда учитель, преподавая историю, заставил школьников пережить прошлое народа, когда он зажег в их глазах огонь гордости славными победами наших войск и талантливых полководцев. Не менее благодарна почва у словесника. Ознакомление с русской литературой, ее корифеями — какое поле для внедрения лучших патриотических чувств в сердца молодых людей! Я не вижу предмета, который не давал бы возможности развивать любовь к родине, воспитывать лучшие гражданские чувства в молодежи» [6, с. 266].

Педагоги насыщали учебный материал большим числом исторических примеров борьбы за независимость российского государства, причем не только в годы Гражданской войны: учащимся стали чаще рассказывать о ратных подвигах войск Александра Невского, походах А. В. Суворова, героях Отечественной войны 1812 года и т. п.

Таким образом, с самого начала Великой Отечественной войны Наркомпросом РСФСР были заложены основные направления реализации образовательной политики, ориентированной на период войны с агрессором. Оставляя в качестве приоритетной задачи классовое воспитание обучающихся, сохраняя незыблемые идеологические постулаты, органы государственной власти пополняли ресурс патриотического воспитания мощной историей многовековой борьбы российского народа против иноземных завоевателей.

Уделялось внимание и участию учителей и школьников в сельскохозяйственных работах. Уже в первые недели войны были сформированы бригады по уборке урожая. В западных районах страны урожай собирали до последнего, когда захват определенной территории немецко-фашистскими оккупантами становился неизбежным. Школьники, учащиеся техникумов и училищ, студенты на протяжении осени 1941 г. массово проявили патриотизм и самоотверженность в труде, работая на сборе урожая во всех регионах страны. О важности помощи учителей и школьников сельскому хозяйству свидетельствует тот факт, что 26 декабря 1941 г. был издан приказ наркома просвещения РСФСР «О сокращении учебных программ школ ввиду отвлечения учащихся на сельскохозяйственные работы», который легализовал сложившуюся практику привлечения школьников к участию в решении хозяйственных задач, вызванных военным временем, за счет учебных занятий. С началом нового сельскохозяйственного сезона 13 апреля 1942 г. было издано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 507, согласно которому совнаркомам республик, краев и областей разрешалось мобилизовать на сельскохозяйственные работы учащихся школ начиная с шестого класса, а также всех студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений, при этом привлечение студентов и учащихся школ могло осуществляться только в каникулярное время. В другое время требовалось разрешение народного комиссара просвещения [14].

Незадолго до этого, 1 апреля 1942 г., было опубликовано обращение учеников и учителей Ирбитского района Свердловской области, призывавшее активно участвовать в сельскохозяйственных работах, помочь Родине вырастить и собрать урожай. По всей стране было развернуто социалистическое соревнование за лучшее участие в полевых работах. Победителям вручались переходящие красные знамена, почетные грамоты и подарки. Всего по стране в сельскохозяйственных работах

1942 г. приняли участие 4 765 000 учащихся, которые выработали около 148 797 000 трудодней [28, с. 208–209].

Итоги социалистического соревнования школьников на летних сельскохозяйственных работах были рассмотрены в ноябре 1942 г. ЦК ВЛКСМ, Народным комиссариатом просвещения РСФСР, народными комиссариатами земледелия и зерновых и животноводческих совхозов СССР. Шесть особо отличившихся школ получили красные знамена. Первыми премиями награждались 11 школ, вторыми — 14, и третьими — 25. Лучшие ученики и учителя получили значки отличника. По РСФСР в годы войны за активное участие в сельскохозяйственных работах 55 школ, 76 школьных отрядов, 176 учителей и 950 учащихся были награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса РСФСР [28, с. 209–210].

Можно констатировать, что с самого начала Великой Отечественной войны в отношении системы отечественного образования были приняты четкие меры, способствующие минимизации человеческих и материальных потерь в тяжелейших условиях войны.

Казалось, что начавшаяся война не оставила шансов для развития общего образования, однако внутренние силы педагогических коллективов, сформировавшаяся к тому времени система управления образованием, продуманная образовательная политика способствовали выживанию отечественной школы на протяжении всего военного лихолетья.

Патриотическое воспитание педагогических работников было важным направлением образовательной политики советского государства. Для создания патриотического настроения среди учителей использовались различные приемы. Одним из них было противопоставление образов советского и германского обучения и воспитания.

Большое значение в сохранении школьного контингента сыграли школьные консультационные пункты. Решение об их открытии принимали местные органы власти. Наибольшее число консультационных пунктов было открыто в Москве. Такая форма учебной работы показала свою эффективность в условиях привлечения подростков к работе на предприятиях и в сельском хозяйстве. Для обучения в консультационных пунктах требовались большие усилия как со стороны обучающихся, так и со стороны преподавателей. Каждый консультационный пункт был рассчитан на 720 человек. Если учащихся набиралось слишком мало для полноценного пункта, организовывались консультационные уголки.

Много консультационных пунктов было открыто в Московской области, а также в других областях центральной России. Несмотря на то, что многие консультационные пункты имели организационные трудности в работе, и порой весьма значительные, созданная система существенно помогла в организации работы с обучающимися в трудное

военное время. Прошедшие через консультационные пункты учителя и обучающиеся на всю жизнь получили хорошую закалку работоспособности и целеустремленности [20, с. 27–28].

Начиная с 1942 г., когда начали постепенно освобождаться территории, временно занятые врагом, перед местными органами власти остро встала задача восстановления школьных зданий и организации нормальной школьной деятельности в тех зданиях, которые во время военных действий использовались не по назначению.

С 1943/44 учебного года, с наступлением коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, школьная политика советского государства стала более активной. Основной задачей, которую ставили органы власти всех уровней, продолжало оставаться всеобщее обучение школьников. Были проведены мероприятия, направленные на усиление точности учета детей, которые переселились из захваченных врагом районов страны. Для детей, оставшихся без попечения родителей, создавались интернаты.

Органы управления народным образованием советского государства, реализуя задачи, поставленные властью перед отечественным образованием в те годы, неоднократно подчеркивали то, что в условиях военного времени, когда точное выполнение принятых распоряжений, строгая вертикаль власти и реализация принципа единоначалия имеют особую актуальность, являются эффективным способом оперативного управления школьным образованием в стране. Наряду с этим в политике советского государства прослеживалась тенденция к усилению общественных начал в решении важных вопросов развития разных сфер жизни страны. Не была исключением и система образования. Ведущим направлением образовательной политики России, как и в мирное время, продолжала оставаться забота об учителях — главным человеческим потенциалом, необходимым для сохранения и развития образования в стране.

Условия военного времени привели к резкому сокращению учительского корпуса, изменению его социальной структуры. Прежде всего, органы образования стали активно ликвидировать последствия кадрового голода, вызванного уходом многих учителей на фронт и эвакуацией в восточные районы страны. На место выбывших педагогов пришли молодые кадры, к которым нужно было проявлять особое внимание, т. к. подчас они не обладали необходимым опытом и знаниями. Надо было создать такие условия, которые позволили бы сохранить и укрепить учительские коллективы, особенно в отдаленных регионах страны.

Наркомат просвещения РСФСР постоянно отслеживал ситуацию и принимал оперативные меры, направляя молодых педагогов на специальные курсы, организованные при областных учительских институтах.

Новые задачи продиктовало военное время и в области методической работы с учителями. С самого начала Великой Отечественной войны

Институт школ Наркомпроса РСФСР оперативно разработал и внедрил в практику повышения квалификации учителей методические разработки по организации учебного процесса с изучением практического материала, необходимого в условиях военного времени [2, с. 1].

Методическая работа с учительством выполняла сразу две функции: помимо повышения квалификации работников образования это был мощный инструмент пропаганды образовательной политики советского государства, идейно-политического воспитания педагогических кадров. То есть идеологическое воспитание и повышение профессиональной квалификации находились в единой системе.

Подчеркивая важную организационно-педагогическую функцию директора школы, Наркомпрос РСФСР также считал необходимым повышение роли педагогических советов в решении повседневных вопросов, возникавших в процессе как учебно-воспитательной, так и организационно-хозяйственной деятельности учебных заведений. Главной формой общественного участия в руководстве образованием в годы Великой Отечественной войны были заседания педагогических советов и работа родительских комитетов. Их деятельность должна была ощущаться в школах каждый день, а не только в момент проведения собраний или одномоментных акций. Эти общественные органы должны были быть хорошим подспорьем школьным администрациям в решении повседневных задач организации учебно-воспитательного процесса. Информация о ходе работы педсоветов и родительских комитетов часто появлялась на страницах центральной и местной прессы — тем самым распространялся передовой опыт в разных республиках, краях и областях Советского Союза.

Уже в конце 1942 г., когда еще было рано говорить о победе над врагом, когда казалось, что школа может сохраниться в условиях военного времени исключительно на командно-административном, единоличном управлении, идеи коллективного руководства, повышения роли педагогических коллективов не только не уходили на второй план — напротив, они получили еще больше поддержки. 16 декабря 1942 г. «Учительская газета» вышла с передовой статьей под названием «Педагогический совет школы». В первой колонке статьи бросались в глаза выделенные жирным шрифтом слова о том, что педагогический совет является «органом коллективной творческой мысли учительства». Приведем наиболее интересные выдержки из этой статьи: «И тот факт, что во многих школах педагогические советы проводятся крайне редко, случайно, без углубленной подготовки, говорит о том, что руководители этих школ не понимают ни значения педагогического творчества в настоящее время, ни важности организованной коллективной работы учителей в этой области. <...>

Если же взять область воспитательной работы, то здесь значение коллективного педагогического труда, организованных и координированных

усилий всех учителей неизмеримо возрастает. Единство подхода, единство требований — непреложный закон воспитания в школе. Но этого единства нет там, где бездействуют органы коллективной педагогической мысли, где каждый учитель решает вопрос о методах и стиле воспитательной работы единолично, на свой вкус, на свой аршин. <...>

Крупнейшим недостатком в работе педагогических советов как раз и является нередкое навязывание им функций, которые лишь мельчат и принижают значение этого важнейшего органа школы. В отличие от методических комиссий, решающих специальные вопросы методики, в отличие от производственных совещаний, обсуждающих текущие, оперативные вопросы школьной работы и являющихся трибуной производственно-педагогической общественности, педагогический совет решает коренные вопросы школы, здесь обсуждаются новые педагогические проблемы, выдвигаемые жизнью, здесь теоретически обобщается практический опыт учителей и на его основе разрабатываются единые руководящие указания для всего коллектива школы. <...>

Речь идет не о каких-то частных поправках и коррективах. Речь идет о принципиально новом подходе к решению насущных педагогических проблем, исходя из уроков и опыта великой отечественной войны. Как велико здесь значение активной теоретической мысли учителя! И какую большую роль в подъеме и оживлении этой мысли могут и должны сыграть педагогические советы!» [21, с. 1].

Еще одним важным направлением в деятельности школы военной поры выступал контроль за деятельностью учителя, что проявлялось во взаимопосещаемости уроков и их обсуждении. Не секрет, что это направление работы несло в себе не только педагогическую, но и контрольно-надзорную направленность.

В целом, тяжелые условия войны не связывали творческую инициативу учителя, напротив, давали возможность проявиться лучшим его профессиональным качествам. Государственная политика в области образования способствовала совершенствованию индивидуально-педагогического мастерства.

Во второй половине 1942 г. было принято несколько важных решений, позитивно повлиявших на развитие школьного дела в условиях военного времени. 30 июня последовало Распоряжение Совнаркома СССР «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению», согласно которому совнаркомы союзных республик обязывались принять меры по недопущению отсева учащихся из школы. С разрешения совнаркомов республик могли проводиться занятия в третью смену. Все школьные здания, используемые не по назначению, должны были в оперативном порядке переданы для проведения занятий со школьниками. Кроме того, к началу учебного года должны были быть оборудованы дополнительные здания для нормального размещения школ [11].

1943-й стал годом уверенности в том, что победа в страшной и кровопролитной войне обязательно наступит, несмотря на все трудности, которые приходилось переживать людям разных возрастов на фронте и в тылу. На мирную перспективу стала ориентироваться и система образования. Перед государственной властью встал не только вопрос о восстановлении школьной сети страны, но и о выборе дальнейших путей развития школьного образования.

В тот период принят целый ряд политических решений, оформленных в нормативные правовые акты, значение которых в тех условиях было трудно переоценить. Они вселяли уверенность в будущем, и для граждан это служило мощным источником вдохновения на новые ратные подвиги и героический труд во имя мирного будущего страны.

Последовала серия нововведений, которые иногда называют школьной реформой военной поры. Одним из таких нововведений, во многом определившим судьбу отечественного образования в военные и послевоенные годы, стало введение раздельного обучения мальчиков и девочек. Постановление СНК СССР по этому вопросу было принято 16 июля 1943 г. за № 789. Официальная мотивировка принятого решения была следующей: «Учитывая, что совместное обучение мальчиков и девочек в средней школе создает некоторые затруднения в учебно-воспитательной работе с учащимися, что при совместном обучении не могут быть должным образом приняты во внимание особенности физического развития мальчиков и девочек, подготовки тех и других к труду, практической деятельности, военному делу и не обеспечивается требуемая дисциплина учащихся...» [10]. Решение о введении с 1943/44 учебного года раздельного обучения не относилось ко всей системе школьного образования. Оно вводилось только в областных и краевых городах, столичных центрах союзных и автономных республик, крупных промышленных городах — всего в 72 населенных пунктах. В них создавались мужские и женские школы, без изменения программ и содержания обучения.

Принятые решения охватывали практически все стороны жизни советской школы. Они касались повышения социального статуса учителя, усиления школьной дисциплины, совершенствования содержания обучения и воспитания учащихся. По сути, в условиях военного времени была предпринята весьма успешная попытка реформирования школьной системы страны, результатом которой явилось существенное обновление системы всего школьного обучения.

2 августа 1943 г. Постановлением СНК РСФСР № 692 были введены ученические билеты и утверждены «Правила для учащихся»:

«КАЖДЫЙ УЧАЩИЙСЯ ОБЯЗАН:

1. Упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы советской Родине.

2. Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе.

3. Беспрекословно подчиняться распоряжениям директора школы и учителей.

4. Приходить в школу со всеми необходимыми учебниками и письменными принадлежностями. До прихода учителя приготовить все необходимое для урока.

5. Являться в школу чистым, причесанным и опрятно одетым.

6. Содержать в чистоте и порядке свое место в классе.

7. Немедленно после звонка входить в класс и занимать свое место. Входить в класс и выходить из класса во время урока только с разрешения учителя.

8. Во время урока сидеть прямо, не облокачиваясь и не разваливаясь, внимательно слушать объяснения учителя и ответы учащихся, не разговаривать и не заниматься посторонними делами.

9. При входе в класс учителя, директора школы и при выходе их из класса приветствовать их, вставая с места.

10. При ответе учителю вставать, держаться прямо, садиться на место только с разрешения учителя. При желании ответить или задать учителю вопрос поднимать руку.

11. Точно записывать в дневник или особую тетрадь то, что задано учителем к следующему уроку, и показывать эту запись родителям. Все домашние уроки выполнять самому.

12. Быть почтительным с директором школы и учителями. При встрече на улице с учителями и директором школы приветствовать их вежливым поклоном, при этом мальчикам снимать головные уборы.

13. Быть вежливым со старшими, вести себя скромно и прилично в школе, на улице и в общественных местах.

14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи.

15. Беречь школьное имущество. Бережно относиться к своим вещам и вещам товарищей.

16. Быть внимательным и предупредительным к старикам, маленьким детям, слабым больным, уступать им дорогу, место, оказывать всяческую помощь.

17. Слушаться родителей, помогать им, заботиться о маленьких братьях и сестрах.

18. Поддерживать чистоту в комнатах, в порядке содержать свою одежду, обувь, постель.

19. Иметь при себе ученический билет, бережно его хранить, не передавать другим и предъявлять по требованию директора и учителей школы.

20. Дорожить честью своей школы и своего класса как своей собственной.

За нарушение правил учащийся подлежит наказанию, вплоть до исключения из школы» [23].

8 сентября 1943 года СНК СССР издал постановление, на основании которого с 1944/45 учебного года совнаркомам союзных республик было предложено ввести повсеместно обучение детей с семилетнего возраста. 1 декабря 1943 г. соответствующее постановление издал СНК РСФСР.

Принятие такого постановления было важным политическим решением, имевшим большое историческое значение: государство значительно расширяло систему образования, заботясь о ее развитии. Вовлечение детей в школы с более раннего возраста стало эффективным инструментом в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Важное организационно-политическое значение имело Всероссийское совещание по народному образованию, прошедшее в Москве 2–5 августа 1943 г., на котором с большим докладом выступил нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин. Это было первое за годы войны крупное мероприятие, посвященное школьной проблематике. В докладе наркома подводились итоги работы школ за последние два года. Было подчеркнуто, что школа не только выдержала суровое испытание, но и вместе со всей страной принимает участие в борьбе с врагом. Одновременно отмечался значительный вклад учителей и школьников в оказание помощи сельскому хозяйству. Несмотря на военное время, советское государство, как отмечалось в докладе, продолжало в прежних объемах финансировать систему образования. Только в 1942/43 учебном году на финансирование материально-технического снабжения школ было выделено 140 млн рублей. В новом учебном году было запланировано выпустить новых учебников на сумму 20 млн рублей. Отделы народного образования по всей стране обязывались закупить у населения 40 млн экземпляров подержанных учебных книг. Кроме того, внимание всех учебных заведений было сосредоточено на создании обменного фонда учебной литературы.

Несмотря на все сложности военного времени, педагогам была повышена заработная плата с 1 августа 1943 г. В основу расчета зарплаты были положены педагогическая нагрузка, стаж педагогической работы и уровень образования. По уровню образования работники школ подразделялись на две категории. К первой, более высокооплачиваемой относились лица с высшим образованием, ко второй — «окончившие учительские институты и приравненные к ним учебные заведения». Зарплата педагогов в сельской местности была ниже, чем у учителей, работавших в городских школах. Зарплата директоров и заведующих зависела от числа учащихся в учебном заведении.

За наличие ученой степени или за звание заслуженного учителя вводилась доплата в размере 100 рублей. Также были введены доплаты за классное руководство, за работу в школах с особым режимом. Доплата

вводилась и по географическому принципу. Одновременно повышалась зарплата старшим пионерским вожатым [13].

Народный комиссариат просвещения РСФСР на основе анализа ситуации в системе народного образования страны издал 16 сентября 1943 г. приказ № 162 «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановкой учета знаний учащихся». Этот приказ сыграл определяющую роль в организации контроля за работой школ, усилил ответственность педагогов и руководителей за результативность учебно-воспитательного процесса. Важное значение придавалось школьной инспекции и инспекторам, которые должны были следить за правильностью исполнения учителями нормативов по оцениванию знаний учащихся и выставлению отметок [9, с. 137–138].

На протяжении всей истории советского общества вопросы морального и материального стимулирования труда учителя были в центре внимания органов государственной власти. Период Великой Отечественной войны не стал исключением. Среди мер, стимулировавших деятельность учителей, следует особо отметить Постановление СНК РСФСР от 14 ноября 1943 г., которым учреждался нагрудный знак «Отличник народного просвещения». Им награждались педагоги и работники органов народного образования за отличное выполнение закона о всеобуче, за образцовую постановку учебно-воспитательной работы и ряд других видов деятельности, в которых учителя могли проявить свои профессиональные знания и таланты [22].

Курс на существенные изменения деятельности общеобразовательной школы был одним из ведущих направлений социальной политики советского государства, он продолжился и в 1944 г., когда победа над врагом уже была близка. Со второго полугодия 1943/44 учебного года несколько изменялась система оценивания учащихся. Постановлением СНК РСФСР от 10 января 1944 г. вместо пятибалльной словесной системы оценки вводилась цифровая. 29 февраля наркомом просвещения РСФСР В. П. Потемкиным была утверждена «Инструкция о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы».

Изменение словесной оценки на цифровую не носила простого технического характера. Инструкция содержала две части. В первой устанавливались характеристики оценок за успеваемость, во второй — за поведение:

«В связи с приказом народного комиссара просвещения РСФСР от 10 января 1944 г. за № 24 “О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы” Управление начальных и средних школ Наркомпроса РСФСР предлагает руководствоваться следующими указаниями:

I. При оценке успеваемости учащихся

1. Балл “5” ставится в том случае, когда учащийся исчерпывающе знает весь программный материал, отлично понимает и прочно усвоил его. На вопросы (в пределах программы) дает правильные, сознательные и уверенные ответы. В различных практических заданиях умеет самостоятельно пользоваться полученными знаниями. В устных ответах и письменных работах пользуется литературно правильным языком и не допускает ошибок.

2. Балл “4” ставится в том случае, когда учащийся знает весь требуемый программой материал, хорошо понимает и прочно усвоил его. На вопросы (в пределах программы) отвечает без затруднений. Умеет применять полученные знания в практических заданиях. В устных ответах пользуется литературным языком и не делает грубых ошибок. В письменных работах допускает только незначительные ошибки.

3. Балл “3” ставится в том случае, когда учащийся обнаруживает знание основного программного учебного материала. При применении знаний на практике испытывает некоторые затруднения и преодолевает их с небольшой помощью учителя. В устных ответах допускает ошибки при изложении материала и в построении речи. В письменных работах делает ошибки.

4. Балл “2” ставится в том случае, когда ученик обнаруживает незнание большей части программного материала, отвечает, как правило, лишь на наводящие вопросы учителя, неуверенно. В письменных работах допускает частые и грубые ошибки.

5. Балл “1” ставится в том случае, когда учащийся обнаруживает полное незнание проходимого учебного материала.

6. При определении четвертных и итоговых (в конце учебного года) оценок не допускается выведение их как средних арифметических. Эти итоговые оценки должны соответствовать уровню знаний учащегося к моменту его аттестации.

7. В свидетельствах и аттестатах отметки об успеваемости обозначаются цифровыми баллами и в скобках наименованием:

5 (отлично);

4 (хорошо);

3 (удовлетворительно).

II. При оценке поведения учащихся

8. Балл “5” ставится за безупречное поведение учащегося в школе и вне ее.

9. Балл “4” ставится за заметное нарушение поведения учащегося. Оценка поведения баллом “4” допускается только в одной четверти. В случае неисправления ученика педагогический совет рассматривает вопрос о дальнейшем снижении ему отметки за поведение.

10. Балл “3” ставится за серьезное нарушение поведения учащегося и служит ему предупреждением о возможном исключении из школы. В случае неисправления ученика в установленный для него испытательный срок педагогический совет обсуждает вопрос о возможности оставления его в школе. При решении вопроса об исключении учащегося его поведение оценивается баллом “2”, и ученик исключается из школы. Решение педагогического совета об исключении учащегося из школы утверждается районным (городским) отделом народного образования.

11. Выдача свидетельств аттестатов допускается только при отличном поведении ученика (балл “5”) со следующей записью: “при отличном «5» поведении”.

12. Учителя и классные руководители должны обеспечить регулярный просмотр дневников и четвертных ведомостей успеваемости и поведения, учащихся родителями или заменяющими их лицами. О каждом снижении отметки по поведению доводится до сведения родителей» [3].

Вскоре, 21 марта 1944 г., народный комиссар просвещения издал приказ «Об укреплении дисциплины в школе». Его суть состояла не в простом навязывании работникам образования требования ужесточить борьбу за дисциплину учащихся, а в подробном разъяснении того, что мешает формированию чувства и состояния сознательной дисциплины. Приказ давал оценку сложившейся в образовании ситуации после принятия нормативных актов, вызвавших существенное обновление всей школьной жизни:

«Народный комиссариат просвещения, отмечая некоторое улучшение воспитательной работы с учащимися, устанавливает, что отдельные учителя и директора школ в своей практической работе допускают извращения принципов советского воспитания.

Эти извращения идут по двум направлениям:

- с одной стороны, учителя и директора школ не предъявляют твердых требований к учащимся, не применяют к ним соответствующих мер взыскания за нарушения порядка и дисциплины в школе, ограничиваясь бесплодными разъяснениями и уговариванием бесчинствующих и лентяев;

- с другой стороны, систематическая воспитательная работа со всеми учащимися и каждым в отдельности подменяется зачастую голым администрированием, механическим перенесением в школу дисциплинарной практики армии, а также применением к учащимся мер наказания, оскорбляющих достоинство ученика.

Та и другая практика не дает положительных результатов, не воспитывает чувства долга и ответственности учащихся, снижает авторитет учителя и директора и противоречит воспитательной политике партии и прогрессивным традициям русской педагогики.

Партией и правительством неоднократно давались исчерпывающие указания о путях и методах укрепления порядка и дисциплины в школе. Дисциплина учащихся воспитывается всем содержанием работы школы и общим ее укладом: умелым преподаванием учебных предметов, строгим режимом всей школьной жизни, неуклонным соблюдением каждым школьником “Правил для учащихся”, сплоченной организацией детского коллектива, разумно применяемыми мерами поощрения и наказания. Ведущая роль в этом деле принадлежит учителю.

Только неукоснительное проведение этих указаний, умелое преодоление трудностей в воспитательной работе, а не беспринципное метание из одной крайности в другую обеспечат требуемую дисциплину учащихся.

Приказываю:

Заведующим областными (краевыми) отделами народного образования и народным комиссарам просвещения АССР:

1. Поставить в центр внимания отделов народного образования, директоров и учителей школ, наряду с задачей повышения качества обучения учащихся, обязательность всемерного укрепления дисциплины и порядка в школе.

2. Вменить в обязанность директорам и учителям школ вести неустанную и систематическую работу по внедрению в жизнь “Правил для учащихся”. Разъяснить директорам и учителям школ необходимость при воздействии на учащихся умелого сочетания методов убеждения с непреклонным требованием беспрекословного выполнения ими установленных правил и порядка в школе и вне ее.

3. Установить следующие меры поощрения и наказания учащихся:

а) поощрения: похвала учителя, награда и похвальная грамота, выдаваемые директорами школы;

б) наказания: замечание учителя, выговор перед классом, приказание провинившемуся встать (у парты, классной доски или стола учителя, у двери), удаление из класса, оставление после уроков, снижение балла по поведению, вызов для внушения на педагогический совет, исключение из школы (временно — не свыше двух недель, на срок от года до трех лет), направление в школу с особым режимом.

Исключение учащихся из школы сроком от одного до трех лет, направление в школу с особым режимом утверждать районному (городскому) отделу народного образования.

4. Указать, что назначение поощрений и наказаний всецело зависит от педагогических соображений учителей и директора школы и что награды и наказания тем более действенны, чем разумнее и реже они применяются.

5. Подчеркивая решающую роль учителя в установлении порядка и дисциплины в школе, обеспечить со стороны педагогического

коллектива единство требований к учащимся, непереносимое доведение каждого требования до конца, тщательную подготовку к уроку, использование его в воспитательных целях и постоянное совершенствование учителя в вопросах теории и практики воспитания.

6. Считая, что работа комсомольских и пионерских организаций в школе является неотъемлемой частью всей воспитательной работы, направить их усилия на создание такого общественного мнения учащихся, при котором всякое нарушение порядка и дисциплины было бы нетерпимым, как порочащее честь школы и ученика.

7. Потребовать от директора и учителей школ серьезной работы по улучшению военно-физического воспитания учащихся, привитию им трудовых навыков, а также развешиванию внеклассных и внешкольных мероприятий, способствующих укреплению дисциплины в школе и вне ее.

8. Усилить педагогическую пропаганду среди населения и родителей учащихся по вопросам воспитания. С этой целью восстановить лектории, родительские университеты и систематически проводить лекции и доклады» [18].

Неотъемлемой частью повседневной деятельности школ в годы Великой Отечественной войны было социалистическое соревнование. Это был практически универсальный политический инструмент во всех отраслях и областях жизни советских людей, начиная с середины 1930-х гг. и заканчивая последними годами существования СССР. Его суть состояла в том, что участники соревнования, взяв повышенные обязательства по сравнению с плановыми, стремились выполнить их быстрее, качественнее и лучше. Победители соревнования получали призы, премии, награды и т. п.

Педагоги Горьковской области выступили с инициативой организовать социалистическое соревнование между школами в 1942/43 учебном году.

Приведем документ полностью, поскольку он ярко отражает колорит эпохи:

«Ко всем учителям и работникам органов народного образования

В дни смертельной схватки с фашизмом неизмеримо выросла роль советского учителя, советской школы. Успешно выдержав суровые испытания войны, опираясь на богатейший опыт коммунистического воспитания и обучения детей, накопленный за четверть века, наша школа растит пламенных патриотов, проникнутых горячей любовью к своей родине и страстной ненавистью к фашистским захватчикам.

При поддержке и повседневном руководстве партийных и советских органов, широко развивая социалистическое соревнование среди учителей и учащихся, школы Горьковской области напряженно работают над выполнением поставленных перед ними задач. Воодушевленные своими учителями, школьники стали лучше учиться, показывая образцы высокой сознательности и дисциплины. Молодежь, окончившая школу, идет

в Красную Армию, пополняя ее боевые резервы кадрами культурных бойцов и командиров, преданными патриотами социалистической родины. Наша школы сыграла немалую роль в уборке военного урожая. Свыше 6 миллионов трудодней выработали учителя и ученики Горьковской области на полях колхозов и совхозов летом нынешнего года. Во многих колхозах их самоотверженный труд решил успех сельскохозяйственных работ.

Общественно-полезная работа детей на помощь героической Красной Армии принимает самые разнообразные формы. Много тонн металлолома передали они оборонным заводам. Ими собраны и изготовлены десятки тысяч теплых вещей для бойцов. Их руками шьется белье для раненых, заготавливается ценное лекарственное сырье.

Организатором и вдохновителем этого огромного патриотического подъема миллионных масс детей является советский учитель. Он поднимал патриотическую инициативу ребят, увлекал их своим примером общественной деятельности в помощь фронту, на полях показывал им образы самоотверженного, стахановского труда. Неизмеримо выросла роль учителя как агитатора в народных массах. Передовые учителя области с первых же дней отечественной войны ведут активную агитационно-пропагандистскую работу среди населения.

Сейчас, с первых дней нового учебного года, учитель настойчиво работает над тем, чтобы в трудных условиях военного времени дать ученикам полноценные знания, воспитать их крепкими, выносливыми людьми, мужественными защитниками родины.

В дни, когда советский народ напряженно борется за честь, свободу и независимость своей родины, советская школа должна работать неизмеримо лучше и добиваться более высоких результатов, чем, когда бы то ни было. Мы, учителя и работники отделов народного образования Горьковской области, призываем все учительство нашей страны развернуть социалистическое соревнование на лучшую работу школ в 1942–1943 учебном году и берем на себя следующие обязательства:

1. Выполним основной закон о всеобщем обязательном обучении. Вовлечем в школы всех детей, подлежащих обязательному обучению, и создадим необходимые условия для нормальной их учебы. Поможем местной промышленности, торгующим организациям создать фонды детской одежды и обуви. Откроем детские столовые и буфеты при каждой школе в городах и рабочих поселках. Организуем при поддержке и помощи колхозов в сельских школах горячие завтраки, подвоз детей, далеко живущих от школы. Организуем интернаты и комнаты ночлега для учеников. Окружим особой заботой детей фронтовиков. Создадим новые отряды тимуровцев, которые изо дня в день будут помотать семьям красноармейцев.

2. Высоко поднимем качество учебно-воспитательной работы в школах. Добьемся полной успеваемости школьников и еще более активного участия в общественно-полезной работе в помощь фронту. Воспитаем

учащихся в духе высокого советского патриотизма, в духе безграничной преданности социалистической родине и жгучей ненависти к фашистским захватчикам.

3. Обеспечим высокое качество военно-физкультурной подготовки учащихся. Укомплектуем все школы квалифицированными преподавателями военного дела и физкультуры. Обеспечим при школах необходимый минимум оборудования.

4. Организуем систематическое обучение учащихся 5-х — 9-х классов основам сельского хозяйства, подготовим учащихся к работе на полях колхозов и совхозов, создадим в городах межшкольные базы для практического изучения программы по сельскому хозяйству.

5. Установим в школах твердую, сознательную дисциплину, соответствующую требованиям военного времени, поможем комсомолу перестроить работу пионерских организаций, дадим по области на работу в качестве старших пионервожатых не менее 500 лучших учителей. Полностью восстановим сеть внешкольных учреждений, вовлечем всех учеников во внеклассную и внешкольную работу.

6. Развернем педагогическую пропаганду среди родителей. Восстановим родительские университеты и лектории. Организуем в каждой школе лекции и доклады для родителей по вопросам воспитания детей, будем широко практиковать беседы с родителями на дому.

7. Неустанно будем укреплять материально-хозяйственную базу школ, включимся в это дело сами и привлечем учащихся. Поведем решительную борьбу за бережное хранение школьного имущества и экономное использование электроэнергии, топлива. В зимний период в свободное время заготовим для школ дрова на весь будущий учебный год. Проведем силами учеников реставрацию подержанных учебников, библиотечных книг и ремонт учебно-наглядных пособий.

8. Окружим заботой детские учреждения и детей, эвакуированных в нашу область, выделим на работу в эти учреждения лучших педагогов, сделаем все, чтобы детям, прибывшим к нам, жилось тепло и уютно, чтобы они были здоровы, хорошо учились, воспитывались в духе преданности родине.

9. Коренным образом улучшим методическую работу учителей, сделаем педагогические кабинеты и организованные в области 700 педагогических объединений учителей подлинными центрами творческой коллективной работы учительства над разрешением основных вопросов коммунистического воспитания в обучения детей в период войны. Окружим вниманием молодых учителей. Будем повседневно помогать им, обозначим для них систематическую квалифицированную консультацию по основным вопросам советской педагогики.

10. Усилим агитационно-массовую работу в избах-читальнях, домах культуры и библиотеках. Будем систематически разъяснять трудящимся

события, происходящие на фронте и в тылу, вопросы международной политики, решения партии и правительства.

Принимая на себя эти обязательства, призываем все учительство страны включиться в социалистическое соревнование на лучшую постановку учебно-воспитательной работы в школах.

Будем работать так, как того требует грозная обстановка войны, отдадим все знания, все свое умение, все свои силы без остатка советскому народу, своей любимой родине.

Да здравствует наша социалистическая родина!

Да здравствуют советская школа и наша любимая советская детвора!

Да здравствует мудрый полководец советского народа, наш вождь и учитель товарищ Сталин!» [25].

Безусловно, это был высокий патриотический порыв учителей-горьковчан, который нашел поддержку в органах государственной власти и у педагогов всей страны. Призыв был выдержан в духе государственной образовательной политики и был использован в качестве основы для развертывания большой и продуктивной работы во благо достижения победы над врагом.

Между тем процесс реализации этого порыва не всегда приносил позитивный опыт, в частности когда речь заходила об организации социалистического соревнования по учебной работе, особенно при подведении итогов и определении победителей. Справедливо критиковалась погоня за процентами успеваемости, которые стали важным показателем при определении победителей.

Эти моменты не оставались незамеченными органами государственной власти, вызывая опасения в сохранении нормального учебно-воспитательного процесса и эффективности решения собственно педагогических задач.

31 марта 1943 г. в «Учительской газете» вышла передовая статья под говорящим названием: «Против прожектерства в педагогической работе», в которой был упомянут довоенный приказ наркома от 11 апреля 1941 г. «Об извращении учебно-воспитательной практики» и подвергалась резкой критике вновь возобновляемая практика докладов, рапортов и т. п., приводившая «к подмене глубокой, систематической работы со школьниками вредной шумихой, штурмовщиной». С первой полосы главной педагогической газеты страны прозвучал призыв: «прежде чем использовать тот или иной метод, ту или иную форму работы, учитель обязан тщательно взвесить, проверить, какое образовательное и воспитательное содержание они несут в себе, какие качества и навыки в учащихся способны они выработать, в какой мере отвечают они педагогическим принципам и целям советской школы» [24].

В статье детально разбирались проблемы, которые возникли в результате непродуманных действий. Подчеркивалось, что внешняя

показная работа, без педагогически взвешенной проработки каждого мероприятия, не только не принесет желаемого результата, но, напротив, навредит делу обучения и воспитания. «Отечественная война поставила перед школой ряд новых задач, требующих смелого, творческого решения. И у нас уже есть немало передовых учителей, которые успешно решают эти новые педагогические задачи, которые накопили уже богатый опыт обучения и воспитания детей в суровых условиях военного времени. Творческая и рационализаторская мысль этих работников является верным помощником и путеводителем в их школьной работе. Однако это творчество не имеет ничего общего с порождаемым педагогическим бескультурьем, прожектерством, которое встречаешь в иных школах.

Не погоня за показными эффектами, не поиски “легких” путей, а глубокое понимание задач педагогики в условиях военного времени, страстное желание отдать все свои силы и знания на дело воспитания культурных, мужественных, закаленных телом и духом патриотов на всей великой родине — вот что движет учителем-творцом в его напряженном труде», — отмечалось в передовице [24].

Власть адекватно отреагировала на сложившуюся неординарную ситуацию. Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин издал 25 января 1944 г. приказ «О социалистическом соревновании в школе»: «Социалистическое соревнование, механически перенесенное из области производства в учебную работу школы, вредно отражается на качестве обучения и дисциплине в школе. Заключение договоров между учителями, учащимися и школами с обязательством давать стопроцентную успеваемость и определенное число отличных и хороших отметок приводит к искусственному завышению оценок успеваемости, ослабляет требовательность учителей к учащимся, снижает роль учителя в учебно-воспитательной работе школы. Учитель перестает объективно подходить к оценке знаний учащихся, так как органы народного образования оценивают качество его работы в зависимости от процента успеваемости учащихся данного класса. Некоторые учащиеся используют самообязательства учителей о стопроцентной успеваемости для прикрытия своей нерадивости и лени. В результате таких извращений основ учебно-воспитательного дела во многих школах формальные показатели успеваемости растут, а в действительности учащиеся не становятся грамотнее и образованнее.

Приказываю:

Наркомам просвещения АССР, заведующим областными (краевыми), городскими, районными отделами народного образования, директорам (заведующим) школ: а) прекратить практику социалистического соревнования в школе среди учащихся и учителей по вопросам учебной работы. Запретить неправильную и вредную практику оценки работы

школы и учителя на основе средних процентов успеваемости учащихся; б) решительно устранить всякое давление на учителя в оценке успеваемости учащихся, возложив на него полную персональную ответственность за правильность оценки успеваемости учащихся» [17].

Запрещая социалистическое соревнование по учебной работе, власть фактически ориентировала педагогов на необходимость правильного и четкого ведения учебно-воспитательного процесса, усматривая именно в нем основное предназначение школы как важнейшего социального и государственного института.

Указанные решения были приняты в дни проведения Всероссийского совещания работников образования, что придавало им большое общественное значение. Большинство педагогических коллективов и их общественные организации с воодушевлением приняли данное нововведение и развернули активную работу по его реализации. Как положительный результат деятельности школьных общественных организаций в отчете отдела школ Московского комитета ВКП(б) за 1944 г. отмечалось устранение «пресловутой возни со средними процентами и вытекающей из нее обстановки нажима и давления на учителя». Резко повысилась требовательность к учащимся, неизмеримо поднялись роль и ответственность учителя за оценку знаний своих учеников, за качество обучения и воспитания детей [26, с. 153].

Для реализации принятых решений была значительно активизирована работа методических служб. Заметно усилилась пропаганда передового педагогического опыта. Наркомат просвещения РСФСР и органы местного управления народным образованием разъясняли педагогическим коллективам основные положения образовательной политики советского государства. В нормативно-правовых актах и методических рекомендациях государственные органы ориентировали директоров школ и педагогические советы на проведение постоянной работы по обобщению передового педагогического опыта. Многие школы активно обсуждали педагогические находки своих учителей на заседаниях педагогических советов и методических объединений.

На этих заседаниях практически всегда присутствовало политическое начало. Какой бы вопрос ни обсуждали преподаватели, всегда необходимо было придерживаться четко выверенного политического, идеологического курса. На первый взгляд это кажется излишней идеологизацией учебно-воспитательного процесса, что, безусловно, имело место в то время. Тем не менее в тех политических условиях подобные обсуждения способствовали усилению инициативности педагогов, проявлению определенной самостоятельности в работе.

Чтобы основные направления образовательной политики получили серьезную научную поддержку, было принято решение о создании Академии педагогических наук РСФСР. «6 октября 1943 г. СНК СССР принял

Постановление «Об организации Академии педагогических наук РСФСР». Академии вменялись в обязанность: научная разработка вопросов общей педагогики, специальной педагогики, истории педагогики, психологии, школьной гигиены, методов преподавания основных дисциплин в начальных и средних школах, подготовка через аспирантуру и докторантуру научно-педагогических кадров по педагогике и психологии. Академия была призвана обобщать опыт лучших педагогов страны, оказывать научную помощь школам, кафедрам педагогики высших учебных заведений в подготовке к изданию школьных учебников и учебных пособий» [1].

Первым президентом АПН РСФСР был утвержден В. П. Потемкин. Постановлением СНК РСФСР от 11 марта 1944 г. был утвержден первый состав действительных членов (13 человек) и членов-корреспондентов (13 человек) АПН РСФСР. Первому составу ученых предстояло проанализировать поступавшие предложения, составить научный план работы Академии, укомплектовать состав институтов, определить наиболее приоритетные проблемы.

«Совет народных комиссаров утвердил устав Академии и определил следующий состав ее учреждений: Научно-исследовательский институт теории и истории педагогики, Научно-исследовательский институт методов обучения, Научно-исследовательский институт психологии, Научно-исследовательский институт дефектологии, Музей по народному образованию, Государственная библиотека по народному образованию. <...>

Поскольку Академия была создана в дни Великой Отечественной войны, то в планах ее научно-исследовательской работы вполне естественно переплетались мирная и военная тематика. <...>

К июню 1944 г. был разработан первый план работы Академии. В нем предусматривалась научная разработка и обоснование вопросов всеобща, принципы размещения и планирования сети школ, совершенствование содержания образования и на этой основе повышение уровня учебно-воспитательной работы в школах, исследование проблем детской и педагогической психологии, общей и военной психологии, социальной педагогики.

Большое место в плане работы Академии отводилось изучению деятельности школ и учителей в дни Великой Отечественной войны. В Академии была учреждена особая комиссия для составления хроники жизни и деятельности школы в годы войны. В ее задачи входили соби- рание, систематизация и подготовка к изданию соответствующих материалов и документов» [1].

Создание Академии имело важное научно-педагогическое, методическое, политическое, а главное — стратегическое значение. В условиях тяжелой войны создавалась государственная научная структура, в задачу которой входила разработка научных основ образования. Академия позволила связать фундаментальную науку и повседневную

практику педагогической деятельности в единой работе по формированию нового облика послевоенной советской школы. Сразу после своего создания Академия активно включилась в оказание практической помощи системе школьного образования Советского Союза.

«Осенью 1944 г. по решению Президиума Академии была создана под руководством И. А. Каирова педагогическая лаборатория при школе № 349 Бауманского района Москвы. Лаборатория ставила перед собой задачу соединить научную работу с практикой школы. Поэтому все ее сотрудники вели учебно-воспитательную работу в школе, а учителя принимали участие в научных исследованиях» [5, с. 28]

1944/45 учебный год начался с анализа материалов Всероссийского совещания по народному образованию, которое прошло 15–19 августа 1944 г. На нем были подведены итоги деятельности школ Российской Федерации за время войны. В докладе наркома просвещения и на выступлении делегатов подчеркивалось, что общеобразовательная школа справилась с тяжелыми условиями военного времени и сохранила потенциал для дальнейшего развития. Достигнутые успехи базировались на образцовом выполнении всеми педагогами и управленцами политических решений, принятых органами государственной власти. Особое внимание в работе совещания было уделено борьбе с формализмом в работе школ и отдельных педагогов. Однако самым опасным провозглашался формализм в преподавании и оценке знаний. Наиболее проблематичным в этом отношении назывался предмет «Родной язык».

Важно отметить, что, несмотря на постоянное подчеркивание принципиальной новизны советской школы, в докладе наркома неоднократно звучала идея преемственности, говорилось о необходимости овладения высокой педагогической культурой, которая не могла быть достигнута без овладения богатым педагогическим наследием России. Перед педагогами была поставлена задача воспитания нового поколения советских людей, способных восстановить понесенные во время войны потери и в дальнейшем развивать нашу страну.

В 1944/45 году значительно улучшилось материально-техническое снабжение ученых заведений, в том числе питание для школьников, расширилось число школ. Первоочередными задачами последнего военного учебного года стало дальнейшее улучшение качества обучения и воспитания, развитие и обобщение практики раздельного обучения мальчиков и девочек, внедрение в практику работы школ «Правил для учащихся», усиленное внимание к военно-физической подготовки молодежи.

Обращалось внимание и на улучшение работы комсомольских и пионерских организаций, на что были нацелены решения XII пленума ЦК ВЛКСМ. Приказ наркома просвещения № 310 от 30 апреля 1944 г. ориентировал учебные заведения на более тесное взаимодействие комсомольских организаций и администраций школ.

Мероприятия, проведенные в 1943/44 учебном году, отмена социалистического соревнования по учебной работе способствовали повышению эффективности повторения материала при подготовке к экзаменам, усилению борьбы с формализмом в обучении. В 1944/45 учебном году расширялись направления воспитательной работы в школе; ставилась задача углубления знаний учащихся на основе сочетания содержания обучения и внеклассной работы.

Пройдя испытания Великой Отечественной войной, общеобразовательная школа России возвращалась к мирной жизни. Школа, как и вся страна, выдержала схватку с фашизмом благодаря взвешенной образовательной политике, мужеству и патриотизму учителей, родителей и школьников.

Спустя три недели после светлого Дня Победы 30 мая 1945 г. Постановлением СНК СССР было утверждено Положение о золотой и серебряной медалях, образцах аттестата зрелости, затем отменена военная подготовка. В мирную послевоенную жизнь вступала обновленная отечественная школа, в которой больше стало патриотической направленности, уважения к лучшим национальным традициям.

На протяжении всей войны школа работала как отлаженный механизм, реализуя свою социальную функцию. Проводимая образовательная политика позволила выдержать суровые испытания и, сохранив накопленный опыт, обеспечить развитие системы образования, на основе реализации политических и организационных решений по совершенствованию школьной системы страны, разработанных в военное время.

Список литературы

1. Академия педагогических наук РСФСР // Библиографическая энциклопедия. Образование. Наука. Культура. URL: <https://dates.gnpbu.ru/3-8/APN/apn.html> (дата обращения: 15.05.2025).
2. *Всесвятский В. В.* Неустанно помогать школе, учительству // *Учительская газета*. 1942. 1 января. № 1. С. 1.
3. Инструкция о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы. Утв. народным комиссаром просвещения РСФСР 29 февраля 1944 г. // *Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973* / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 180.
4. Каждая школа — крепость обороны // *Учительская газета*. 1941. 9 июля. № 82. С. 1.
5. *Каиров И. А.* Очерки деятельности Академии педагогических наук РСФСР. 1943–1966. М.: Педагогика, 1973. 417 с.
6. *Калинин М. И.* Учительство и война // *Его же. О воспитании и обучении. Избранные статьи и речи*. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Минпроса РСФСР, 1957. 344 с.

7. Ко всем работникам просвещения РСФСР. Обращение Народного комиссара В. П. Потемкина // Учительская газета. 1941. 2 июля. № 79. С. 1.
8. Константинов Н. Звериное лицо фашистской «педагогике» // Учительская газета. 1941. 2 июля. № 79. С. 3.
9. Ладнушкина Н. М. Институт инспектирования образования: становление и развитие. М.; Саратов: Саратовский источник, 2023. 206 с.
10. О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов. Постановление СНК СССР от 16 июля 1943 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 177.
11. О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению. Распоряжение СНК СССР от 30 июля 1942 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 117.
12. О государственных трудовых резервах СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Эволюция трудовых отношений в российской промышленности: от дореволюционной индустриализации к советской. URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/1940_10.htm (дата обращения: 15.05.2025).
13. О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 от 11 августа 1943 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. С. 230–238.
14. О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 507 от 13 апреля 1942 г. // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. М.: Гос. изд-во мест. промышленности РСФСР, 1943. Вып. 1–3. С. 1–3.
15. О порядке организации консультационных пунктов для учащихся г. Москвы. Указания Мосгорона, январь 1942 г. // Московское образование в годы войны. 1941–1945. М.: Жизнь и мысль; Моск. учебники, 2007. С. 221–225.
16. О состоянии всеобщего обязательного обучения в школах РСФСР. Постановление Совнаркома РСФСР № 717 от 21 декабря 1939 // Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей / сост. Т. И. Куприянов. [М.]: Наркомпрос РСФСР, 1944. 96 с.
17. О социалистическом соревновании в школе. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР от 25 января 1944 г. // Справочник директора. М.: Учпедгиз, 1954. С. 78.
18. Об укреплении дисциплины в школе. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР 21 марта 1944 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 180–181.
19. Овчинников А. В. Московское учительство в годы Великой Отечественной войны. М.: УРАО ИТИП, 2010. 87 с.

20. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. М.: Педагогика, 1988. 272 с.
21. Педагогический совет школы // Учительская газета. 1942. 16 декабря. № 51. С. 1.
22. Положение о нагрудном значке «Отличник народного просвещения». Утвержден Постановлением СНК РСФСР от 14 ноября 1943 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 474.
23. Правила для учащихся. Утверждены постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 178.
24. Против прожектерства в педагогической работе // Учительская газета. 1943. 31 марта. № 14. С. 1.
25. Развернем социалистическое соревнование на лучшую работу школ в 1942–1943 году // Учительская газета. 1942. 25 ноября. № 48. С. 1.
26. Ровный Б. И. Особенности разработки и реализации политики Советского государства в сфере образования в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... д. и. н. М., 2004. 359 с.
27. Россинский Ю. Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 24–39.
28. Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. М.: Педагогика, 1984. 240 с.

М. В. Катагощина

Школьное образование в тыловых территориях Советского Союза

О школьной жизни в СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сохранилось немало свидетельств. Это воспоминания и дневниковые записи учеников, учителей, директоров школ, родителей, работников местных органов управления и прочих очевидцев тех испытаний, которые перенесли наши школы в военные годы, письма школьников на фронт, газетные и журнальные статьи, фотографии, сохранившиеся в музеях и семьях памятники эпохи: потрепанные учебники, самодельные тетрадки, личные вещи учащихся и преподавателей. За редким исключением все они сходны друг с другом как в описаниях переживаемых событий, так и в их восприятии в рамках определенных возрастных и социальных групп. Это версии картин сурового быта военных лет, описания бед и тревог, потерь и разлук, но не только; пожалуй, сущность этих нарративов можно выразить одним словом — «преодоление». Учителя, дети, пионервожатые, директора проходили через тяжелое и страшное военное время, сохраняя школу как важнейшую общественную ценность и часть своей личной судьбы, ступеньку в мирную послевоенную жизнь. Сопряжение этих свидетельств с материалами, отражающими повседневную жизнь городов и поселков в тыловых регионах, настроения советских людей на разных этапах войны, каждодневную борьбу за выживание и героический труд, позволяет воссоздать общую картину школьного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Изучение советской школы 1930-х — 1940-х гг., как и других аспектов отечественной истории этого периода, осложнено существующей в современном обществе, в том числе в научном мире, политизированных, порой диаметрально противоположных оценок внутренней и внешней политики СССР. В довоенные годы учебная работа и вся атмосфера школьной жизни испытывали воздействие мощных преобразовательных импульсов эпохи индустриализации, идеологической задачей школы было воспитание граждан — творцов нового, прекрасного будущего. Но, конечно, была и темная сторона, связанная с политическими репрессиями, доношением и прочими подобными явлениями, которые в большей

или меньшей степени затрагивали все общественные институты и частную жизнь советских людей. Эта тема также проходит пунктирной нитью в ткани воспоминаний о советской школе сталинской эпохи, в том числе военных лет, дополнительно подчеркивая огромность испытаний, которые выдержали взрослые и дети, несмотря ни на что самоотверженно боровшиеся за победу над фашистскими захватчиками.

Вклад в Победу — это, безусловно, важнейшая часть истории отечественной школы в 1941–1945 гг. Современному читателю, особенно молодежи, трудно осознать и принять массовую вовлеченность школы в общественный труд помимо основной задачи — учебы: организация противовоздушной обороны, помощь раненым, работа в мастерских и на фабриках вместо каникул, полевая страда — все это было неотъемлемой частью школьной повседневности военных лет. Не говоря уже о тех учителях и старшеклассниках, которые были мобилизованы на оборонные предприятия, добровольно ушли на фронт, в партизаны, отдали свои жизни за Родину.

Следует отметить, что школа, как и все советское общество, жила и развивалась в атмосфере осознанной внешней угрозы. «В мире было беспокойно, чувствовалось приближение войны» [11]. Идеологическое и геополитическое противостояние СССР и капиталистических держав постоянно подчеркивалось в советской прессе, обсуждалось на партийных и комсомольских собраниях, митингах. При этом в сознание молодежи внедрялось понимание того, что в случае войны защита родины станет делом всего народа. В 1925 г. М. В. Фрунзе, народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Союза ССР, выступая на заседании военно-научного общества, подчеркнул: «Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том, что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом, что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что война будет смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всесторонняя тщательная подготовка еще в мирное время» [2, с. 47]. По всей стране среди школьников и молодежи было развернуто военно-спортивное движение. Только через кружки ПВО, созданные Осоавиахимом, прошли 33 млн советских граждан [17].

После вторжения Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 г. и дальнейшего стремительного обострения обстановки в Европе агитационная и военно-спортивная работа в советских школах усилилась. В январе 1940 г. вышел приказ народного комиссара просвещения об обязательной сдаче норм БГТО и ГТО. Активную роль в военно-патриотическом воспитании школьников играли пионерская организация и комсомол [11].

С первых школьных лет на уроках, классных часах и внеклассных мероприятиях детям прививались гражданское самосознание, интерес

к политическим событиям, воспитывались идейные и моральные ценности в соответствии с официальной пропагандистской доктриной, которая с середины 1930-х гг. предусматривала внедрение, наряду с марксистским, государственно-патриотического понимания отечественной истории. Соответствующие новые методические подходы требовались и от учителей, прежде всего от учителей истории, которые, работая по обновленным учебникам, внесли огромный вклад в воспитание у школьников чувства любви к Отчизне, к родной земле. Как отмечает О. В. Золотарев, «без решительного перехода правящей Коммунистической партии на патриотические позиции, воспитания подрастающего поколения в национально-патриотическом духе победа в грядущей войне вряд ли была бы достижимой. Особенно разительными были эти перемены в школе. Огромная роль в воспитании подрастающего поколения отводилась учительству. Хотя и не без трудностей и проблем, советское учительство справилось с задачей воспитания советской молодежи в духе уважения и преданности своей Родине, что в немалой степени способствовало военным победам» [13, с. 37].

Патриотическая воспитательная работа была дополнительно усилена после начала Великой Отечественной войны. Среди учителей распространялись методические материалы, разъяснявшие политический смысл происходивших событий и то, как его необходимо передавать учащимся. Продолжала возрастать роль школьных уроков истории, которые насыщались примерами героизма предков, защищавших Родину от врага [21]. Учителя истории рассказывали детям о текущих событиях, о нападении фашистской Германии на СССР, а также о том, как следует вести себя во время авиационных налетов, химических атак и т. д.

Репортажи и очерки, направленные на усиление идеологической составляющей школьной жизни, поддержку патриотических настроений учителей и школьников, постоянно публиковала «Учительская газета». Печатались и практические советы, например как устроить на селе газоубежище [14]. Война находила свое отражение и на уроках литературы, когда детям предлагалось написать сочинение на тему «Чем я помог фронту», математики и физики, на которых задачи посвящались расчетам количества танков и самолетов, работе двигателей военной техники и т. п. «Суровое военное время наложило на школьников свой отпечаток. Ребята словно повзрослели, стали гораздо дисциплинированнее. Заметно это и во время перемен, и на занятиях», — сообщал корреспондент «Учительской газеты» А. Виноградов осенью 1941 г. [3].

С первых дней войны учителя, пионерские и комсомольские организации публиковали коллективные письма и обращения к фронтовикам, к своим бывшим сослуживцам и выпускникам, ушедшим защищать Родину, подчеркивая решимость на своих местах, в школе, также

бороться за победу над врагом. В канун 1942/43 учебного года «Учительская газета» опубликовала письмо педагогического коллектива Федякинской школы Рязанской области фронтовикам-односельчанам, которое завершалось словами: «Остановите врага! Очистите от него нашу землю. А о семьях своих знайте: всем поможем, чем нужно, вашим матерям, женам и сестрам, воспитаем, как того требует родина, ваших детей» [28].

Война уже в первые дни сильно повлияла на школьную жизнь. Там, где близко подступал враг, занятия в школах и вузах пришлось прекратить. Так, в Москве работа образовательных учреждений была восстановлена только в 1943 г. (При этом для учащихся 7–10 классов в столице действовали 32 учебно-консультационных пункта, где можно было получить консультации для самостоятельного освоения школьной программы.)

Вчерашние выпускники 10-х классов московских школ уже в первых числах июля 1941 г. были мобилизованы и направлены под Брянск и Смоленск строить оборонительные рубежи. В зданиях школ размещались госпитали и различные временные учреждения военного времени. Оставшиеся в Москве учителя рыли противотанковые рвы на подступах к столице и непосредственно на окраинах города. Анна Ивановна Зорина, которая в военные годы работала заведующей учебной частью школы № 601, а затем директором школы № 205 Октябрьского района г. Москвы, вспоминала: «Наш район рыл противотанковые рвы рядом с Химкинским речных вокзалом. Учителя помоложе работали внизу, выкидывали наверх землю со дна рва, углубляя его. Те, кто постарше, наверху откидывали землю от края рва. Бывало, что шел дождь, ноги скользили, а над головой пролетали немецкие самолеты-разведчики...» [12]. Единственным, но таким важным преимуществом для учителей, занятых на этой тяжелой работе, было хорошее, по военным временам, питание: «Обедом нас кормили на самом Химкинском речном вокзале. Давали щи и гречневую кашу. Мы считали эти обеды очень хорошими. Потом в Москве долго не было таких сытных обедов, Москва долго голодала» [12].

Еще одной повседневной заботой учителей и школьников, оставшихся в столице осенью — зимой 1941 г., была борьба с пожарами. «Все окна школ, как и других зданий города, были закрыты плотными шторами; на чердаках стояли большие ящики с песком, лежали лопаты для сбрасывания зажигательных бомб вниз, где также стояли ящики с песком. Технический персонал школы (технички, гардеробщицы, дворники), а также ученики старших классов дежурили на чердаках» [12]. И в других прифронтовых областях, в городах, подвергавшихся бомбежкам фашистской авиации, учителя и школьники принимали активное участие в организации гражданской обороны: тушили зажигательные бомбы, помогали пожилым людям и инвалидам в бомбоубежищах.

В прифронтовых регионах семьи с детьми школьного возраста были охвачены частично государственной эвакуацией, частично стихийным движением беженцев на восток страны. В школах создавались штабы по эвакуации учащихся и их матерей. Организовано вывозились в тыл школы ФЗО и детские дома. При этом некоторые московские школы были вывезены с учителями, но без родителей, в сельские районы Подмосковья и соседние области. Им пришлось неоднократно передвигаться, так как враг подступал все ближе, — в итоге около 2000 человек были реэвакуированы в Москву тем же летом. Другие школьники вместе со своими учителями следовали в другие регионы страны, нередко под бомбежками и обстрелами.

1941-й учебный год во многих школах СССР начался с опозданием. При первой же возможности занятия в школах прифронтовых городов возобновлялись. Силами учителей, технического персонала, учеников приводились в порядок учебные помещения, налаживался учебный процесс. Где-то школьные здания были разрушены в ходе боев и бомбежек, были временно реквизированы для других нужд — тогда уроки проходили дома у учителей или учащихся. Так, в 1942 г., несмотря на блокаду, учебный год в 208й школе Куйбышевского района Ленинграда начался в «большой и уютной квартире жилого дома на набережной Мойки. Комнаты-классы тщательно прибраны, вымыты... Все это сделано руками самих учителей и школьников» [29].

Школы Урала, Сибири, республик Средней Азии, принимавшие эвакуированных детей, испытывали значительную дополнительную нагрузку, которая была связана с нехваткой помещений, парт, дров или угля, свечей и керосина для ламп [18]. В небольших городах и на селе занятия порой проводились в амбарах, сараях, в теплое время года — на улице. Заниматься приходилось в две, а порой и в четыре смены. Время занятий смещалось в зависимости от светового дня. Учебников и наглядных пособий не хватало, учителя сами рисовали географические карты и другие пособия к урокам. Описание трудностей быта учителей и учащихся является общим лейтмотивом воспоминаний о военных годах [6; 9; 27]. В памяти школьников и учителей остались холодные полутемные классы, отсутствие тетрадей, чернил, карандашей, мела и других привычных атрибутов школьного обихода. Дети выполняли задания на оберточной бумаге обрывках обоев, на старых газетах, на полях книг [1]. Самостоятельно изготавливалось подобие чернил.

Общей проблемой большинства школ был холод. Зима 1941 г. выдалась особенно холодной не только в Подмосковье. Школьница военных лет, а в наши дни преподаватель школы № 4 г. Шадринска Челябинской области М. Н. Пырьева вспоминала: «Мороз стоял такой, что воробьи, голые и худые, как мы, частенько умирали на лету. Школа не отапливалась, не доставало стекла, и окна были забиты фанерой или картоном.

Поэтому занятия проводились на дому. В один из дней к нам домой пришел целый класс, устроились, и начались уроки. Дома стояла железная печка на четырех ножках, с трубой, выходящей в окно. Печка не требовала много дров, быстро нагревалась и быстро остывала. Но когда она топилась, нам было тепло. Мы сидели вокруг этой печки, читали, писали, считали» [1].

Школа во многом заменяла эвакуированным детям дом и семью. Здесь, хоть и скудно, но кормили обедом, учителя должны были следить за тем, чтобы дети организованно посещали баню, боролись с завшивленностью, неопрятностью и др. Скрывая собственную усталость, горе, тревогу, передавали все свои профессиональные знания и человеческое тепло ученикам. Большие усилия педагоги прилагали к тому, чтобы помочь детям, потерявшим во время бомбежек родителей, крышу над головой, одежду. Учителя обходили дворы, квартиры своих учеников, порой на руках относили ослабевших малышей в больницы, устраивали сирот в детские учреждения, собирали теплые вещи. В свою очередь, и дети тянулись к учителям, видя в них любовь и защиту от ужасов военного времени. «Я помню, как два мальчика, двое братишек из 1-го и 2-го классов, рано утром пришли в школу и заявили мне: “Сегодня разбомбили наш дом. Мама погибла под развалинами, папа — на фронте. Не отправляйте нас из школы, будьте нашей мамой”. Мы организовывали детские дома, шили детям белье и теплое платье, мыли их, готовили им пищу...», — рассказывала преподаватель 105й ленинградской школы В. Ф. Любова, выступая на антифашистском митинге учителей, который состоялся в Колонном зале Дома союзов в Москве осенью 1942 г. [29].

О высоком авторитете учителей, их глубокой эмоциональной связи с учениками говорят многочисленные письма ребят с фронта в школы. «Вы, наверное, меня давно уже позабыли: таких, как я, вы воспитали сотни, а может быть, тысячи. Но я вас забыть не могу», — писал выпускник Средне-Ахтубинской школы В. Григорьев своему учителю [31]. Бывший ученик Бердюжской средней школы (Тюменская область), принятый в Томское артиллерийское училище, просил, как вспоминала его одноклассница, чтобы ему «высылали тексты контрольных работ, и там, вдали от нас, он хотел жить жизнью класса, выполняя те же задания, и высылая их для проверки учителям» [11].

Эвакуация и реэвакуация школьников в годы Великой Отечественной войны, работа образовательных учреждений Урала, Сибири, Узбекистана, Казахстана и других регионов СССР, куда были направлены дети из Европейской России, составляет самостоятельный пласт историографии и документальных публикаций по истории советской школы в 1941–1945 гг. Как правило, в центре внимания авторов оказываются проблемы повседневной жизни школьников, на долю которых выпал

долгий, трудный, часто опасный путь в тыл, а затем адаптация к жизни и учебе в непривычной обстановке.

Следует отметить, что эвакуированные учителя и школьники порой встречались с настороженной и негативной реакцией местных жителей, не осознававших, особенно в начальный период войны, насколько страшными были реалии в прифронтовых регионах, в блокадном Ленинграде и др. Так, эвакуировавшийся в Омск мальчик из Ленинграда Ф. К. Надь вспоминал, что в местной школе товарищи и учителя «не верили в то, что он так сильно истощен, и думали, что это притворство и он просто ждет, что его пожалеют. После попытки рассказать в школе о пережитых ужасах блокады ученик был вызван сотрудниками НКВД и предупрежден, что рассказывать о подобном не стоит» [26, с. 336].

Были зафиксированы случаи халатности, невыполнения местными органами управления обязанностей по размещению и снабжению детей. Так, в феврале 1942 г. в Сталинск Новосибирской области из Ленинграда было эвакуировано Ремесленное училище № 70, руководство которого фактически бросило подростков на произвол судьбы. Из эвакуированных 398 учащихся в Сталинск прибыли 240. В пути потерялось 158 человек, из которых 54 отстали от эшелона, 26 умерли, 67 попали в больницы, 11 отпущены из училища [25, с. 29].

Вместе с тем подобные примеры все же составляют незначительный процент от общего числа нарративов, раскрывающих заботу административных органов, детских учреждений, школ об эвакуированных детях. Нередко школьники попадали в регионы, где говорили на незнакомых им языках. Если на бытовом уровне языковой барьер преодолевался быстро, то в школе на первых порах приходилось трудно и детям, и учителям. Не знавшая русского языка девочка из Литвы, эвакуированная вместе с друзьями из пионерского лагеря в Крыму на восток России, позднее вспоминала: «Помню, пришла учительница вести урок. Ни она не знает ни одного литовского слова, ни мы — русского. Как вышли из положения — не знаю, но учились! Помню, как Валентина Григорьевна читала нам на уроках Пушкина “Станционного смотрителя”. А мы облокотимся на парты, смотрим на нее во все глаза. И плачем...» [15]. Примечательно, что для этих детей были каким-то образом (по газетам, случайным книгам) организованы и уроки литовской литературы [15].

Внутренняя обстановка в школах порой была довольно сложной, и не только по материальным причинам. В 1930-е гг. далеко не везде удалось обеспечить повышение качества учебной работы: сохранялась нехватка квалифицированных учительских кадров, а с уходом многих педагогов на фронт ситуация стала еще хуже. Среди учащихся также падала успеваемость, дисциплина. Дети бросали учиться. Война не щадила никого: уходили на фронт отцы и старшие братья. Родители, оставшиеся дома, сутками были заняты на работе, многие дети фактически росли

беспризорниками, что негативно сказывалось на их поведении: в школе они курились, дрались, занимались мелким хулиганством, а нередко и воровством. Часто происходили опоздания и прогулы. Положение усугубляло введение в 1943 г. раздельного обучения мальчиков и девочек в семилетках и средних школах 72 городов СССР. Считалось, что это упростит обучение военному делу, но поддерживать порядок в мужских школах стало труднее.

О том, какой бывала порой атмосфера в школах военных лет, наглядно свидетельствуют «Правила для учащихся», изданные постановлением Совнаркома РСФСР от 2 августа 1943 г. В документе, в частности, требовалось «во время урока сидеть прямо, не разговаривать и не заниматься посторонними делами, при входе в класс учителя, директора школы и при выходе их из класса приветствовать их, вставая с места, при встрече на улице с учителями и директором школы приветствовать их вежливым поклоном, при этом мальчикам снимать головные уборы, не употреблять бранных и грубых выражений, не курить, не играть в игры на деньги и вещи, иметь при себе ученический билет и предъявлять по требованию директора и учителей школы» [20, с. 69]. За несоблюдение правил полагались наказания вплоть до исключения из школы. На практике провинившихся отправляли на распилку дров, уборку школьной территории и другие общественно важные работы.

Выручали учителя, приходившие в школу с фронта. Их авторитет у школьников был колоссальным, что положительно сказывалось на дисциплине и успеваемости. Также в школах была введена должность военрука, на которую назначались уволенные в запас по ранению офицеры. «Пришел новый военрук — brave широкорудый мужчина с таким количеством медалей, что их было не сосчитать. Медали в войну носили не снимая, и, когда военрук шел по коридору, мы издаleка слышали их звон и в панике бросали папиросы. На уроках военрука стояла тишина, нарушаемая лишь этим звоном да его четким военным голосом...» [1].

Судя по свидетельствам педагогов тех лет, большинству рано повзрослевших ребят было свойственно желание учиться. «А наши мальчишки! Какие они были. Сейчас гул при отправке призывников в армию. А тогда их в военкомат вызывали два раза в месяц вместе с мужчинами-учителями. И они снова приходили в класс изучать алгебру. Да еще как изучали! На квартиру учителя ходили решать уравнения. Только после каждого вызова в военкомат, собравшись в школе, основательно вытряхивали из карманов крупинки табака, скручивали большую самокрутку и раскуривали ее вместе с Целищевым Василием Федоровичем, с которым были в военкомате. И за алгебру брались с азартом», — вспоминал учитель одной из школ Нижегородской области [16].

Сохранились дневниковые записи двенадцатилетнего Владика Бердникова из г. Молотова, где, в частности, говорится: «Учиться стараюсь хорошо и отлично, чтобы не съехать» [8, с. 467]. Мемуарист, в школьные годы побывавший в эвакуации, также подчеркивает, что «тяга к учению, к школе была огромной. За годы оккупации так истосковались по родной школьной обстановке, что, кажется, не замечали всех неудобств» [23].

А вот образ девятиклассников-комсомольцев 1942 г., готовившихся отправиться на фронт. Такими их запомнили одноклассники: «Это комсомольцы тридцатых годов, их было двадцать человек. Каждый из них прошел суровый суд товарищей по школе, каждый держал отчет в РК ВЛКСМ. Они были строги и требовательны друг к другу, но еще более к себе. Им не надо было внушать, что отличная учеба — их главный долг. Они сами хорошо сознавали это и учились самозабвенно и настойчиво. Они были первыми, а сколько потом еще уходили на войну... Многих учителей и учеников не досчиталась школа» [32].

Горькие и вместе с тем лирические строки о мальчишках, уходивших на фронт, можно встретить во многих школьных исторических хрониках, документальных сборниках. Вот, например, запись воспоминаний В. Г. Пегановой, ученицы школы села Бердюжье Тюменской области: «...мальчики писали заявления и шли в военкомат, чтобы их добровольцами отправили на фронт. Но брали не всех и не сразу, а сначала из 9–10 класса в училище авиационное, или артиллерийское в Курган, или в Московское военно-инженерное и др. <...> В 10 классе мы остались без мальчиков... Из нашего класса все побывали в военкомате, но девочек не брали на фронт. И лишь исключение сделали Соловьевой Вале и Даниловой Маше. Они с наградами вернулись домой. А наши мальчики, не дожив до победного конца, остались для нас молодыми навсегда» [11].

Необходимо подчеркнуть, что качество образования, как главная задача школы, поставленная в 1930-х гг., оставалось приоритетом для учителей и в период Великой Отечественной войны. Как уже говорилось, старались хорошо учиться и дети, быстро взрослевшие и осознававшие ценность учебы.

Вот фрагмент описания экзамена в школе деревни Соколово Московской области в мае 1942 г.: «Цветет черемуха. В помещении очень душно, тесно. Мы решаем проводить экзамены на улице. С помощью детей вытащили столы и скамейки на лужайку, доску поставили к дереву. Татьяна Васильевна (Т. В. Виноградова) написала на доске условия задачи и примеры. Ребятишки бедно одетые. Некоторые босые. Поджав ноги, были сосредоточены. Через час задание было выполнено. Результат прекрасный, троек нет» [4].

Для большинства учеба была символом нормальной, мирной жизни, давала какую-то опору в тяжелое время: «Учиться в военные годы было

очень сложно. Не было самого необходимого. Писали на обрывках газет или брошюрах. А домашнее задание выполняли практически в темноте, освещение фитилька в коптилке было очень слабым, но было большое желание учиться, получать знания, и уроки не пропускались. А учителя всегда пытались сделать урок очень интересным. Внимание учителей, их сердечность, участие в делах, проблемах, доброта скрашивали жизнь детей, помогали им», — вспоминала Н. Харина [34].

Качество обучения и методической работы возросло в тех отдаленных школах, куда приходили преподавать эвакуированные москвичи, ленинградцы и педагоги из других крупных городов, где профессиональный уровень учителей был выше, чем в глубинке. Они «хорошо владели своими предметами, мастерски преподавали материал и строго спрашивали. Отстающих среди выпускников не было» [34].

Среди учащихся пропагандировалась идея хорошей учебы как гражданского долга, личного вклада в общее дело борьбы за Победу, за будущее советской страны [5]. Об этом писали школьные газеты, пионеры и комсомольцы выступали с обязательствами учиться на отлично. Эта тема нередко встречается в переписке ребят с бойцами Красной армии. «Папа, передай бойцам горячий привет. Боритесь еще сильнее там, на фронте, а мы будем здесь, в тылу, учиться на “отлично”! Папа, передай бойцам Красной Армии наш Октябрьский привет!», пишет девочка из Башкирии Инна отцу [22]. «В дни, когда Вы, дорогой Александр Константинович, не щадя своей жизни защищаете каждый метр советской территории, мы клянемся учиться на “хорошо” и “отлично”, быть дисциплинированными, помогать фронту, — обращаются ученики к своему учителю А. К. Беневоленскому. — Только вы, дорогие защитники Родины, громите ненавистного всему советскому народу врага. Пусть он знает, что в наших пионерских сердцах горит великий костер ненависти к нему» [22].

В школах активно продолжалась начальная военная подготовка ребят, введенная в обязательном порядке с января 1943 г. Программа предусматривала проведение строевой, лыжной, огневой и противохимической подготовки, изучение стрелкового оружия, техники рукопашного боя и военно-санитарного дела, знакомство с армейским уставом, родами войск, боевой техникой, тактикой военных действий. Комсомольцы соревновались за значки ГТО, ГПВХО, «Ворошиловский стрелок». Постоянно проводились военные тренировочные походы. Во время летних каникул 1943 г. учащиеся 7–10-х классов направлялись на двухнедельные лагерные сборы. Девочки обучались специальностям телеграфиста и радиста-оператора.

Велось также изучение основ безопасности и первой помощи. Так, учащиеся московских школ прошли 20-часовую программу занятий по противовоздушной и противохимической обороне, создавались группы самозащиты, химические и противопожарные звенья, санитарные

дружины. Школьники участвовали в сдаче норм ГТО, в соревнованиях военно-спортивных обществ. Осоавиахим, например, проводил состязания по следующим умениям: надевание противогаза на себя; надевание противогаза на пострадавшего; бег в противогазе; перевязка раненого; тушение авиабомб.

В школах военного времени велась разнообразная внеучебная работа. Учителя-энтузиасты создавали различные кружки, посещая которые, дети не только приобретали дополнительные знания по литературе, истории, физике, природе местного края и т. п., но и забывали на время о своих трудностях и бедах: рисовали, разучивали песни и танцы, театральные сцены. Например, драматический кружок, созданный в московской школе № 205, создал целую серию постановок спектаклей-сказок для детей младшего возраста. Сказки с большим успехом неоднократно ставились учащимися и у себя, и в других школах и учреждениях. Творчество увлекало и объединяло детей, учителей, родителей: «При постановке “Золушки” весь класс 4б был охвачен самым искренним творческим порывом. Роли были буквально у всех: кто-то поднимал и опускал занавес, кто-то переставлял декораций и реквизит, часть учеников готовила костюмы и декорации, некоторые обеспечивали звуковое сопровождение спектаклей и т. д., не говоря уже о самих артистах... Работа над спектаклем спаяла, организовала весь коллектив класса. А главное, учащиеся поняли, что их увлечение постановкой спектакля никоим образом не должно отразиться на успеваемости (в сторону ее ухудшения). В результате, несмотря на большую дополнительную нагрузку, связанную с репетициями во внеурочное время, успеваемость не понизилась, а, наоборот, повысилась» [12].

Учителя и школьники повсеместно были вовлечены в оказание помощи фронту и различные общественно полезные работы в своих городах и селах. Их труд был особенно востребован в местностях, освобожденных от фашистской оккупации, где необходимо было как можно скорее восстановить разрушенное хозяйство, наладить мирную жизнь. В тыловых районах организовали обучение детей основам различных ремесел, при школах создавались мастерские, где девочки занимались шитьем и вязанием, мальчики — сапожным делом, изготовлением и ремонтом металлических изделий и др. Например, в Ростовской области городские школьники «в период летних каникул привлекались к обучению в мастерских по ремонту и пошиву обуви, одежды, ремонту часов, изготовлению гребешков и мундштуков (галантерейные мастерские), на жестяном и столярном производстве, в артелях по плетению корзин, на производстве спичек, головных уборов и даже игрушек» [33]. Во время обучения ремеслам дети получали стипендию в размере 100 рублей, а затем сдельную заработную плату. Произведенные товары поступали в продажу в магазины, снабжавшие школы, и приобретались также школьниками и учителями.

Следует отметить, что снабжение учащихся и учителей товарами первой необходимости — бельем, одеждой, обувью — происходило по ордерам на покупки, которые выдавали школам отделы народного образования. В первую очередь снабжались дети фронтовиков. Им выдавались также денежная помощь и бесплатные завтраки, то есть администрация школ выполняла также функции органа социальной защиты детей.

Сельские учителя и школьники много и тяжело трудились во время полевых работ. Как вспоминает Борис Калиткин, проживавший тогда в селе Бисерово Кировской области: «Летом мы работали в колхозе: подавали снопы на молотилку с конным приводом, а вечером и рано утром гоняли лошадей на пастбище и обратно. Было нам тогда по 11–12 лет, и на лошадь мы садились впервые, но вполне самостоятельно. Нам насчитывали трудодни в колхозе и платили за них зерном» [16]. Имеются и многие другие подобные свидетельства. Так, Юлия Селиванова из Нижегородского края, отец которой погиб на фронте в первые дни войны, вспоминала: «Мой брат Лева с 16 лет встал к станку на заводе, работая по 12 часов за 800 г хлеба, наравне с маминым братом и ее младшей сестрой. Мама и дед весь световой день в колхозе. А я с 11 лет и печи топить, и воду носить, и полы мыть, и сестренку нянчить, и огород поливать, и траву полоть, и по осени в колхозе овощи убирать. Руки и коленки мои от работы были черно-зеленые» [10].

Кроме того, преподаватели и старшеклассники овладевали сельскохозяйственной техникой, заменяя ушедших на фронт трактористов и механиков.

Городские школьники также выезжали летом в колхозы и совхозы на прополку, уборку урожая. Сохранились многочисленные упоминания о том, что дети на селе, в том числе младшие, 6–9 лет, собирали лекарственные травы [24], в городах силами школьников проводился сбор аптечной посуды, металлолома и макулатуры.

При этом учителя и ученики, особенно пионеры и комсомольцы, нередко вели агитационную работу в своих семьях, во дворах, среди соседей, разъясняя необходимость материальной поддержки фронту, призывая сдавать различные необходимые бойцам вещи, то, что сегодня мы называем «гуманитарной помощью». Например, М. А. Маркова (Нижегородская область) вспоминала, что в 1942 г. «учителя и учащиеся Савинской неполной школы, обсудив вопрос о сборе теплых вещей для Красной Армии, дали обещание принять участие в этом деле. Обещание они выполнили: были проведены беседы с родителями и к двадцать пятой годовщине октября учащиеся собрали пятнадцать килограммов шерсти, каждый учитель связал по паре теплых рукавиц. Особенно хорошо прошла эта работа в четвертом и седьмом классах, где не было ни одного ученика, который не принял бы участия в сборе» [32].

Проводились также сборы теплых вещей и белья для эвакуированных детей. Ребята делились с сиротами изделиями собственного изготовления или вещами, которые совместными усилиями собрали, сшили и связали дома и в школе. Это были шерстяные шарфы, варежки, носки и т. п. Школы центральных и восточных областей СССР оказывали помощь школам в населенных пунктах, освобожденных от фашистской оккупации. Несмотря на собственные крайне скудные возможности, собирали и высылали в подшефные города ручки, карандаши, линейки, книги, одежду и обувь, подарки к Новому году [19].

Массовое распространение получило посещение школьниками госпиталей, тем более что многие из них размещались непосредственно в школах. Ребята выступали перед выздоравливающими бойцами — пели, танцевали, читали стихи, приносили маленькие сувениры, обычно изготовленные своими руками, просто общались с ранеными, даря им частичку мирной жизни, домашнего тепла, помогали написать письма родным. «Как-то одному бойцу в подарок досталась маленькая куколка. Он был очень растроган; оказалось, что дома у него осталась маленькая дочка, — вспоминала А. И. Зорина. — Боец этот привязался к нашей ученице, подарившей ему эту куколку, и у них установились дружеские отношения. Через некоторое время он и сам сделал нашей ученице ответный подарок» [12].

Нельзя не упомянуть и об участии школьников в непосредственной помощи Красной армии. Любопытные, все замечающие, хорошо знающие местность мальчишки и девчонки не раз указывали военным места падения сбитых и приземлившихся вражеских самолетов, помогали в поиске фашистских диверсантов. Летом 1943 г. командующий Ростовским дивизионным районом ПВО генерал-майор артиллерии Н. В. Марков направил в Ростовский обком ВКП(б) письмо, в котором высказывал поддержку идее создания разведывательных групп из подростков 14–16 лет. В письме отмечалось, что «наиболее полные сведения о числе сбитых самолетов, местах их падения, судьбе вражеских летчиков и характере самого боя имели дети в возрасте 9–14 лет, а не взрослое население и местные органы, которые, казалось бы, должны были, ориентируясь по обстановке, следить за событиями, происходящими в воздухе» [33, с. 53]. Также в областях, освобожденных от врага, допризывники собирали по лесам и полям патроны, гильзы, трофейное стрелковое оружие. Эта работа тоже поощрялась и поддерживалась местными партийными органами и представителями военного командования, несмотря на ее рискованный опасный характер. Дети и подростки рассматривались как полноценный трудовой ресурс, как члены ответственные члены общества, наравне со взрослыми решавшие задачи помощи армии и восстановления хозяйства [33, с. 52].

В период Великой Отечественной войны школа стала постоянным источником рабочих кадров для промышленности и сельского

хозяйства СССР. Не только учителя, но и подростки 14–16 лет призывались и шли добровольно на оборонные предприятия. Созданное в октябре 1940 г. Главное управление трудовых резервов направляло подростков в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Согласно указу Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», на трудовой фронт могли быть призваны молодые люди и девушки с 16 лет. В сельском хозяйстве была узаконена мобилизация подростков с 14 лет. Но на практике эти возрастные границы, как и нормы рабочего времени для подростков (4–6 часов в день в зависимости от возраста), далеко не всегда выполнялись. И взрослые, и дети работали до изнеможения на нужды фронта. На вспомогательные работы в заводские цеха нередко брали ребят с 11 лет. Так, например на Пермском моторостроительном заводе имени Сталина работало около 8 тыс. подростков. Этот завод выпускал пистолеты-пулеметы Шпагина, запалы и взрыватели для «Катюш».

Призыв школьников на трудовой фронт был настоящей мобилизацией, с полным отрывом от семьи, школьных и дворовых товарищей. Один из таких юных рабочих позднее вспоминал, что «когда уходил в 14 лет, его мама плакала и спрашивала: “Зачем такому маленькому идти?”». Встретился с матерью он только в 1946 г. Увидев сына, женщина «снова плакала и говорила: “Ты даже не вырос за эти годы”» [7].

Далеко не все школьники, оказавшиеся на фронте, в партизанах, на военных заводах, смогли потом вернуться к учебе, вернуться в детство. Многие продолжали работать, как ради зарплаты, так и в силу сложившегося понимания жизни и гражданского долга. Кроме того, обучение в старших классах оставалось платным, что не каждая семья могла себе позволить. Бесплатно учились дети фронтовиков.

Мало кто из ушедших на фронт учителей и старшеклассников вернулся домой. Но некоторые молодые фронтовики снова садились за школьные парты, чтобы закончить учебу.

Таким образом, мир советской школы в тыловых регионах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. наглядно отражает во всей полноте драматизм и сложность социальных процессов военного времени.

Задачи работы школ, решавшиеся в условиях повседневной борьбы за выживание, сложной общественно-политической обстановке, требовали максимального напряжения моральных и физических сил всех акторов образовательного процесса — от директора до первоклассника. Продолжалась реализация задач научно-методического развития школьного образования, решения организационных проблем, выявившихся в экстремальных условиях военного времени. При этом школы выполняли важнейшую идеологическую функцию воспитания будущих

воинов и работников тыла, а также являлась первичным звеном практической военной подготовки молодежи.

Несмотря на все проблемы, ошибки, личные драмы, огромные людские и материальные потери, советская школа как сообщество и социальный институт не только выжила, но и вышла из военных лет победителем вместе со всем народом. Школы в тылу смогли выучить и воспитать молодые поколения, на плечах которых в послевоенные десятилетия поднималась экономика СССР, развивались наука и образование.

Список литературы

1. Борисов С. «Я писала в тетрадях, сшитых мамой из обоев»: школьный быт в годы Великой Отечественной войны. // Родина. 2021. 1 сентября. № 9. URL: <https://rodina-history.ru/2021/09/01/ia-pisala-v-tetradiah-sshityh-mamoj-iz-oboev-shkolnyj-byt-v-gody-velikoj-otechestvennoj.html> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Борисов С. Б. Фрунзе. М.: Молодая гвардия, 1940. 312 с.
3. Виноградов А. Первые уроки // Учительская газета. 1941. 24 сентября. № 110. С. 2.
4. Воспоминания учителей и работников школ, переживших войну // Солнечного-рье. 28.04.2020. URL: <http://www.soledu.ru/news/2867/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Голицына С. «Получаю хорошую оценку — пуля по врагу»: детские письма на фронт // Mail.ru. 08.05.2019. URL: <https://deti.mail.ru/article/5-pisem-na-front-o-chem-pisali-sovetskie-deti/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945: сб. док. и материалов / сост. И. И. Ханипова, Е. Г. Кривоножкина. Казань: Гл. арх. управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. 416 с.
7. Дети и подростки на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны // Сурский казанский рубеж. 1941–1942. 31.07.2022. URL: <https://сурскийрубеж.рф/дети-и-подростки-на-трудовом-фронте-в-г> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Детская книга войны. Дневники 1941–1945 / ред. совет: Н. Зятков [и др.]. М.: АИФ. Доброе сердце, 2015. 455 с.
9. Детство, опаленное войной: сборник воспоминаний детей войны / сост. В. З. Соркин. Вологда: ФЕСТ, 2011. 116 с.
10. Дневник детской памяти. Это и моя война / сост. Л. Машир. М.: АСТ, 2014. 234 с.
11. Дюкова Г. А. История школы в годы Великой Отечественной войны 1941–45 годов в документах. Тюменская область, село Бердюжье. 07.05.2017. URL: <https://hist-country.1sept.ru/article/1175> (дата обращения: 15.05.2025).
12. Емельянов С. А. Школа 205. 1943–1956 гг. (Воспоминания директора [А. И. Зориной]). 04.08.2018. URL: http://samlib.ru/e/emelxjanow_s_a/school205-2doc.shtml (дата обращения: 15.05.2025).
13. Золотарев А. В. Советский союз в 1930-е годы: поворот в идеологии и историческое образование // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 28–38.
14. Как в селе построить простейшее газоубежище // Учительская газета. 1941. 3 сентября. № 104. С. 3.
15. Меньшикова М. Как жили дети в эвакуации: невыдуманные истории // Mail.ru. 09.05.2021. URL: <https://deti.mail.ru/article/kak-zhili-deti-v-evakuacii/> (дата обращения: 15.05.2025).

16. *Калиткин Б.* Суровые времена // Proza.ru. 2011. URL: <https://www.proza.ru/2011/02/07/171> (дата обращения: 15.05.2025).
17. *Кудряшов К.* Осоавиахим — парашютная вышка или социальный лифт и щит страны? // Аргументы и факты. 23.01.2022. URL: https://aif.ru/society/history/osoaviahim_parashyutnaya_vyshka_ili_socialnyy_lift_i_shchit_strany (дата обращения: 15.05.2025).
18. *Лагода М. С.* Школьные годы детей в период Великой Отечественной войны на материалах станицы Брюховецкой // Молодой ученый. 2022. № 20. С. 431–433.
19. Люди и судьбы земли афанасьевской: к 85-летию образования Афанасьевского района и 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / [ред. коллегия: Е. К. Тutyнина (рук. проекта), Н. А. Некрасов, Г. И. Половников]. Киров: Кировская обл. тип., 2015. 167 с.
20. Мы должны учить всех детей и учить хорошо, несмотря на сложность военного времени // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. С. 66–92.
21. *Огоновская И. С.* Перестройка исторического образования и обновление содержания школьных учебников истории СССР в годы Великой Отечественной войны // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения: сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. Ч. II. С. 259–267.
22. «Папочка, возвращайся с победой домой». Письма детей на фронт // Мел. 09.05.2020. URL: <https://mel.fm/blog/yekaterina-khasanova1/20468-papochka-vozvvrashchaysya-s-pobedoy-domoy-pisma-detey-nafront> (дата обращения: 15.05.2025).
23. «Первый урок уходил на отопление»: воспоминания учителей военных и послевоенных лет / Музей-заповедник «Прохоровское поле» // Dzen.ru. 04.10.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZRvTGBJeLCNe8IJg> (дата обращения: 15.05.2025).
24. Пионеры и школьники заготавливают лекарственное сырье // Колхозный путь. 1941. 1 августа.
25. *Снегирева Л. И.* Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.
26. *Сушко А. В., Носова М. С.* Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 330–347.
27. 1941. Детство отменяется. Воспоминания / ред. В. И. Десятерик М.: МГУП, 2016. 491 с.
28. Учительская газета. 1942. 27 августа. № 35. С. 1.
29. Учительская газета. 1942. 3 сентября. № 36. С. 3.
30. Учительская газета. 1942. 13 октября. № 42. С. 2.
31. Учительская газета. 1944. 9 октября. № 42. С. 3.
32. «Учиться в военные годы было очень сложно» (школы нашего края в годы Великой Отечественной войны) // Афанасьевский музей. 17.04.2020. URL: <https://краеведческий-музей.рф/exponat/uchitsya-v-voennye-gody-bylo-ochen-slozhno-shkoly-nashego-kraya-v-gody-velikoy> (дата обращения: 15.05.2025).
33. *Фогель Е. А.* Патриотические инициативы и трудовой вклад несовершеннолетних Ростовской области в Победу в Великой Отечественной войне // Научая мысль Кавказа. 2023. № 1. С. 50–56.
34. *Харина Н.* Выпускники сорок второго // Призыв. 1983. 31 марта.

А. Н. Рыжов

Профессиональное образование в годы Великой Отечественной войны

Введение

80-летие Победы нашей страны в Великой Отечественной войне позволяет вспомнить не только о важных военных и политических событиях, но и о работе системы профессионального образования, приближавшей день победы. Ее учебные заведения, преподаватели и студенты имели разные судьбы. Около половины профессиональных учебных заведений было эвакуировано в восточные районы страны, другие же оказались на временно оккупированной территории и были разграблены германскими войсками. Однако нельзя утверждать вопреки весьма расхожему, но ошибочному мнению, что система профессионального образования СССР была застигнута врасплох началом войны. В предвоенные годы шла активная перестройка ее работы для приспособления к военным условиям. В частности, в 1940 г. была создана подчинявшаяся напрямую Совету народных комиссаров система трудовых резервов, куда включили все создававшиеся ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Первостепенное значение в условиях надвигавшейся войны приобрела быстрая перестройка всей экономики страны на условия военного времени. Подобная перестройка требовала наличия в тылу значительного числа квалифицированных специалистов, в связи с чем повышались требования к системе профессионального образования. Не все меры удалось реализовать, и начавшиеся военные действия выявили целый ряд проблем, требовавших ускоренного решения. Потеря значительного числа профессиональных учебных заведений в период временной оккупации ряда территорий СССР, массовый уход студентов и преподавателей добровольцами на фронт, активные мероприятия по эвакуации учебных заведений в восточные районы страны уже к началу 1942 г. вызвали сокращение числа профессиональных учебных заведений: вузов — почти на 40 %, средне-специальных — на 55 %. Новые условия требовали колоссальной работоспособности от преподавателей и студентов действовавших учебных заведений. Главное, что последние не прекращали свою работу, несмотря на серьезные трудности

военного времени, выпуская специалистов, готовых достойно трудиться на благо победы.

Учебная деятельность преподавателей и студентов совмещалась со строительством оборонительных рубежей, работой на фабриках и заводах, колхозах и совхозах.

Важной составляющей работы системы профессионального образования была научная деятельность, сосредоточенная главным образом в вузах. И для фронта, и для тыла крайне нужны были новые, как бы сейчас сказали — прорывные технологии. Военные действия ставили перед коллективами ученых серьезные испытания: от успеха и скорости их работы зависели жизни многих людей на фронте и в тылу. Направлениями научных исследований ученых системы профессионального образования в годы войны выступали не только теоретические и прикладные исследования, но и поиск новых сырьевых баз, в основном в восточных районах страны.

Одна из главных задач данного материала заключается в демонстрации удивительной по своей самоотверженности работы высших, среднеспециальных и начальных профессиональных учебных заведений, коллективов преподавателей и учащихся, которые в тяжелых военных условиях учили и учились, работали на заводах, строили укрепления, а заработанные средства переводили в фонд обороны, совершали научные открытия... Подобный трудовой подвиг может служить хорошим примером при организации образовательного процесса и воспитательной работы в современных учебных заведениях. Также важно отметить, что в военные годы возникали интересные и продуктивные модели подготовки специалистов, которые могут быть использованы и сегодня.

Подготовка системы профессионального образования к деятельности в военных условиях (1940–1941)

Правительственные решения в области профессионального образования и шаги по их реализации

Подготовка всей системы профессионального образования СССР к условиям военного времени началась за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Актуальной задачей, стоявшей перед кардинальной перестройкой работы профессионального образования, была подготовка кадров, способных действовать в новых условиях. Именно в связи с этим правительство приняло ряд решений по восстановлению номенклатуры научных специальностей, подготовке диссертационных исследований и практике присвоения ученых степеней и званий

(1934–1936), что стимулировало проведение научных исследований по целому ряду перспективных направлений в области технических наук, в том числе и в военной сфере. Важность такого шага правительства подчеркивалась тем, что решение о присуждении ученой степени выносилось совместно Высшей аттестационной комиссией, которая функционировала при Всесоюзном комитете по высшему техническому образованию, и Наркоматом обороны [10].

Личную ответственность обучающихся и студентов за результаты своего обучения в профессиональных учебных заведениях и овладение профессией или специальностью стимулировали путем введения платы за обучение (за исключением учреждений системы трудовых резервов) [59, с. 176–177]. При этом учащиеся и студенты, успешно осваивавшие учебную программу и демонстрировавшие хорошие профессиональные навыки, получали стипендии.

Важным шагом на пути перестройки системы среднего профессионального образования стал указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. В соответствии с указом создавались: ремесленные училища с двухгодичным курсом для подготовки квалифицированных рабочих — металлистов, металлургов, химиков, горняков, нефтяников и других профессий; железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения для подготовки квалифицированных рабочих железнодорожного транспорта; школы ФЗО с шестимесячным сроком обучения для подготовки рабочих наиболее массовых профессий. Общее руководство осуществляло Главное управление трудовых резервов при СНК СССР.

Все учащиеся системы трудовых резервов находились на полном государственном обеспечении: они получали бесплатное обучение, питание, одежду, обувь, белье, учебную литературу и общежития. Для учащихся в ремесленных и железнодорожных училищах была предусмотрена форменная одежда. Стоит отметить, что даже терминология документа свидетельствовала о подготовке молодежи к условиям военного времени: «призыв на учебу», «мобилизация для обучения» и т. п. Ежегодно для обучения должно было мобилизовываться около 800 тыс. — 1 млн юношей и девушек, а после его окончания предусматривалась обязательная профессиональная деятельность в течение четырех лет на предприятиях конкретной отрасли.

С 1 сентября 1940 г. вводилась новая программа по физической подготовке. Она предусматривала помимо обязательности занятий собственно физической подготовкой еще и овладение комплексом упражнений, ориентированных на военное дело. Примечательно, что известный комплекс ГТО разрабатывало в начале 1930-х гг. именно военное ведомство — Народный комиссариат по военным и морским делам. Вскоре выполнение нормативов этого комплекса стало важной задачей

военно-физического воспитания во всех профессиональных учебных заведениях страны.

В этом же ряду стоит и Постановление СНК СССР № 1696 от 16 сентября 1940 г., которое ввело обязательное преподавание иностранных языков в вузах в течение всех четырех лет обучения. Основным языком, как правило, был немецкий. При этом от преподавателей требовалось, чтобы каждый выпускник вуза мог свободно говорить и читать специальную литературу на иностранном языке.

На XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), проходившей в феврале 1941 г., перед высшей школой были поставлены задачи подготовки специалистов и научное сопровождение важнейших отраслей производства, прежде всего связанных с обороной страны [49, с. 474]. Указания СНК СССР и ВКП(б) от 29 июня 1941 г. раскрывали в том числе и важность участия преподавателей и студентов в строительстве оборонительных сооружений и возможности записи добровольцами в народное ополчение. История появления последнего относится к инициативе Ленинградского горкома ВКП(б), направленной в ГКО, о формировании в стране войск народного ополчения, с использованием при этом исторического опыта XVII в.

Студенты и преподаватели средней и высшей профессиональной школы уже в первые дни войны не только массово поступали на службу в войска народного ополчения, но и уходили в действующую армию. Это иллюстрируют некоторые цифры за несколько месяцев 1941 г.: из Уральского индустриального института 1500 студентов и 655 сотрудников и преподавателей ушли добровольцами на фронт [85, с. 120], из Горьковского индустриального института — 744 человека [52, с. 56], Ивановского энергетического института — 330 человек [40, с. 11], из студентов и преподавателей Ленинградского горного института был сформирован отдельный полк численностью 960 человек [54, с. 94]. Аналогичная статистика прослеживалась во всех средних и высших профессиональных учебных заведениях страны.

Таким образом, решения партии и правительства в области укрепления обороны страны перед войной и в первые месяцы после ее начала не только стимулировали развитие профессионального образования, но и находили реальный отклик у студентов и преподавателей.

Интеграция профессионального образования и задач обороны страны в начале войны

В целях налаживания совместной работы высшей технической школы, научных учреждений и производства решением ГКО № 88 от 10 июля 1941 г. был создан Научно-технический совет координации научной работы исследовательских учреждений и высших учебных заведений. В его состав вошли преподаватели высшей технической школы — ученые с мировыми именами: П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, С. Л. Соболев,

А. Н. Несмеянов, С. А. Христианович и др. [53, с. 45]. Основные задачи принятого решения выдвинулись в концентрации усилий ученых вузов на решении важнейших задач обороны страны; сосредоточении экономических ресурсов на производственных нуждах оборонной сферы при ограничении других сфер производства; оперативном внедрении научно-технических достижений в промышленность.

В республиках и областях также были созданы подобные организации. Так, по инициативе преподавателей ряда высших технических учебных заведений Томска были созданы Комитет ученых и Комитет содействия развитию предприятий промышленности и транспорта в военное время, давшие начало подобным организациям в других регионах страны [84, с. 39]. Еще одним примером интеграции задач подготовки профессиональных кадров в высшей школе и задач обороны страны может служить создание в Новосибирске 19 июля 1941 г. Научного совета по мобилизации ресурсов области для обороны страны и своего комитета ученых. Задачами этих организаций стали обеспечение максимально тесной связи научных работников с производством и организация наблюдения за скорейшим внедрением новейших достижений науки и техники в производство.

В Ленинграде с начала войны действовала Комиссия по реализации оборонных предложений. В нее входили крупнейшие ученые ленинградских вузов: А. Ф. Иоффе, М. А. Шателен, Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон и др., большинство из которых впоследствии работали в так называемом «атомном проекте». Вместе с Комиссией действовало Бюро научной и научно-технической помощи городу и фронту, состоявшее также из преподавателей вузов Ленинграда. Оценивая работу этих организаций, академик А. Ф. Иоффе отмечал: «Нигде никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научной идеи в практику, как в Ленинграде в первые месяцы войны» [83, с. 10]. Только за несколько месяцев 1941 г. в военное производство и в войска Ленинградского фронта было направлено 422 реализованных изобретения, из которых 95 относились к бронетанковой технике, 84 — к средствам связи, 78 — к артиллерии [48, с. 283]. Подобным образом преподаватели профессионального образования интегрировали научные идеи в производство по всей стране.

Другим важным направлением единения науки, высшей школы и оборонного производства стал переход известных ученых и преподавателей вузов в управление производством и непосредственно на заводы. Важное значение имело решение ГКО о назначении известных ученых заместителями наркомов ведущих оборонных направлений: академик И. П. Бардин стал заместителем наркома черной металлургии, академик Б. Е. Веденеев — заместителем наркома электростанций, член-корреспондент А. И. Берг — электропромышленности, профессор А. Г. Касаткин — химической промышленности и т. д. Большинство преподавателей

Ленинградского политехнического института уже в июне — июле 1941 г. ушло работать на производство: на Кировский завод, «Электросилу», «Красный выборжец», а эвакуированные преподаватели работали на Уралмаше [1, с. 10]. Практически в полном составе на производство по освоению новых марок стали и обработке материала военного назначения перешел профессорско-преподавательский состав Уральского индустриального института. Во многих случаях подобные инициативы преподавателей служили действенным ориентиром и для студентов старших курсов. Данные примеры отражают общую тенденцию понимания высшей технической школой своих приоритетных задач в условиях начала войны.

Решение названных задач проходило в сложных условиях, когда значительно сокращалась численность научных и преподавательских коллективов, резко менялся профиль научно-исследовательских трудов сотрудников высшей школы, учебно-воспитательные процессы совмещались с работой на производстве. Однако интеграция науки и оборонного производства уже в первый год войны позволила преодолеть эти трудности и помочь переходу производства на военные заказы.

Комплексные задачи единения науки, высшего образования и оборонного производства решала Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, которую возглавлял президент Академии наук СССР В. Л. Комаров. Деятельность Комиссии была направлена на мобилизацию ресурсов Урала и Поволжья на нужды обороны страны, поиск новых месторождений полезных ископаемых [75, с. 9]. Масштабность ее задач отражает тот факт, что к ее работе было привлечено более 60 учреждений, а подчинялась она напрямую Государственному комитету обороны.

Важным шагом на пути интеграции среднего профессионального образования с нуждами оборонного производства стало решение о причислении учащихся и выпускников ремесленных и железнодорожных училищ к мобилизованным с обязательством проработать четыре года на предприятиях и предоставлением отсрочки от службы в армии и флоте на период учебы и работы.

Государственная поддержка среднего и высшего профессионального образования в годы войны

Партийные и правительственные решения по организации профессионального образования

В связи с оперативным переводом промышленности на нужды обороны первостепенными правительственными задачами в начале войны были пересмотр всех учебных программ и режима работы средней

и высшей профессиональной школы, а также организация ускоренной подготовки технических специалистов и инженеров. При этом требовали внимания и связанные с нехваткой кадров и материального обеспечения проблемы, возникшие из-за отсутствия своевременной эвакуации значительного числа учебных заведений и оборудования из захваченных впоследствии немецкими войсками территорий, ухода технических специалистов добровольцами на фронт. Так, например, нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян докладывал в ЦК ВКП(б), что из необходимого контингента студентов технических вузов в 8270 человек к концу 1941 г. осталось 3716 человек — в основном первокурсников [26, л. 7]. После серьезного обсуждения этого вопроса руководство страны предложило перевести всех желающих студентов из других вузов на оборонные направления подготовки инженерных кадров, увеличить планы приема и освободить от мобилизации в армию студентов металлургических специальностей. С аналогичными предложениями выступили руководители всех наркоматов, обеспечивавших нужды обороны страны. Все эти предложения нашли отражение в докладной записке Всесоюзного комитета по делам высшей школы «О состоянии подготовки кадров в высших учебных заведениях СССР» (апрель 1942), направленной в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Для решения вопроса было издано совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 629 от 5 мая 1942 г. «О плане приема в вузы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» [3, с. 3]. Партийным руководством страны подчеркивалось: «Как бы ни были поглощены местные партийные организации огромной работой по обслуживанию нужд фронта..., они не вправе хотя бы в малейшей степени ослабить свое внимание к вузам» [65, с. 32]. Кроме того, отмечалось: «Надо добиться, чтобы все высшие учебные заведения, у которых были изъяты учебные здания и общежития, имели необходимые помещения для учебных занятий... И игнорирование нужд высшей школы не может быть оправдано войной. И в военное время нам нужны квалифицированные кадры. Более того, война повысила спрос на многие специальности, особенно те, которые связаны с оборонной промышленностью» [71].

Проблемы средней и высшей технической школы были в центре внимания и высшего органа управления в стране на период войны — Государственного комитета обороны. Около двух третей всех его решений были связаны с вопросами подготовки кадров для экономики страны и деятельности учебных заведений.

Неоценимый вклад детей, заменивших у станка взрослых и отдававших свои силы работе на заводах и фабриках, получил поддержку правительства в Постановлении СНК СССР № 782 от 5 июля 1943 г. «Об обучении подростков, работающих на предприятиях», согласно которому непосредственно на производстве организовывались школы

рабочей молодежи для теоретического и практического обучения рабочей профессии.

В целях улучшения условий реализации учебного процесса СНК СССР в июле 1943 г. обязал местные органы управления в кратчайшие сроки освободить здания техникумов и вузов и вернуть их учебным заведениям. Вероятно, это решение недостаточно активно исполнялось, поскольку в декабре 1943 г. вышло новое Постановление СНК СССР № 1337 от 1 декабря 1943 г. «О порядке возвращения зданий вузов и техникумов, используемых не по назначению», которое ужесточало требования и вводило персональную ответственность руководителей.

Меры партийного руководства и правительства, направленные на изменения работы техникумов и высших учебных заведений на освобожденных от оккупации территориях СССР, нашли отражение в совместном Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 901 от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Еще до полного освобождения территорий Украинской и Белорусской ССР были созданы и приступили к работе управления по делам высшей школы при СНК республик и местные управления трудовых резервов. При этом обращает на себя внимание то, что по вопросам эвакуации каждого учебного заведения принималось отдельное решение ГКО или СНК СССР [16]. При составлении и принятии подобных решений высшие государственные органы страны исходили из анализа конкретной ситуации с наличием учебных и жилых помещений, обеспечением учебным оборудованием и продовольствием, материальными возможностями города.

Деятельность профессиональных учебных заведений и предприятий в восточных районах страны в условиях эвакуации

Продвижение немецко-фашистских войск вглубь страны и грядущая временная оккупация ряда территорий СССР привели к серьезному сокращению сети профессиональных учебных заведений, численности обучающихся и студентов, процессу их эвакуации в восточные районы страны: Урал, Сибирь, республики Средней Азии, Казахстан. Вместе с оборудованием предприятий в восточные районы страны направлялись эшелоны со студентами, преподавателями, профессорами средних и высших профессиональных учебных заведений. Нередко эвакуируемые сотрудники, сопровождавшие оборудование, пособия, библиотеки своих учебных заведений, уезжали вместе с семьями.

Стремительное продвижение немецких войск и бездействие многих руководителей вузов привело к ситуации, когда библиотеки и ценное научное оборудование не были вывезены и оказались захвачены врагом и уничтожены. Так, из 26 белорусских вузов были полностью или

частично эвакуированы только шесть. Схожая ситуация была и с вузами Украины. Тем не менее в результате действий правительства, пусть и не всегда своевременных, было эвакуировано 147 вузов [20], а в 1942/43 учебном году действовало уже 460 вузов с 228 тыс. студентов [23; 27]. Как правило, эвакуация проходила в достаточной мере организовано, поэтому удавалось сохранить и материальную базу учебного заведения. Несмотря на колоссальные трудности, учебный процесс в новых регионах был налажен достаточно быстро.

В целях оперативного руководства, чтобы быть ближе к регионам, в которых были сосредоточены эвакуированные вузы, в Томск был эвакуирован и Всесоюзный Комитет по делам высшей школы.

Свидетельством успешной работы вузов в районах эвакуации может служить проведение ряда серьезных научных мероприятий, организованных и проведенных эвакуированными из Белоруссии, Украины, Москвы и Ленинграда вузами. Например, весной 1942 г. в городе Кзыл-Орда (Казахская ССР) была проведена первая из серии конференций, посвященная двум актуальным проблемам: роли фашистской идеологии в фальсификации науки и формам участия научных организаций в развитии производительных ресурсов Казахстана [55; 56].

Результатом подобных научных мероприятий стало реальное практическое участие технических вузов в деятельности производств. Ученые эвакуированного Днепропетровского горного института участвовали в разработке Карагандинского угольного бассейна и внедрении новейших научных технологий в целях развития его промышленности [42]. Помощь в серьезной модернизации Красноуфимского механического завода (Свердловская обл.) оказали сотрудники эвакуированного туда Харьковского механико-машиностроительного института [87, с. 10–11]. Ученые Киевского медицинского института, переведенного в Челябинск, проводили регулярные дежурства и консультации в эвакогоспиталях города и области. При институте были организованы курсы усовершенствования врачей. За двухлетний период работы в Челябинске ученые и преподаватели института подготовили 3067 врачей, из которых около 2 тыс. ушли на фронт [15]. После реэвакуации благодаря огромной организационной работе, проведенной учеными Киевского медицинского института, в Челябинске удалось открыть самостоятельный медицинский вуз.

Особые сложности с эвакуацией испытывали ленинградские вузы. Тем не менее только за весну 1942 г. из Ленинграда в восточные районы страны было эвакуировано 38 вузов [18]. Например, Ленинградский государственный университет был эвакуирован в Саратов, где в течение двух лет провел пять научных сессий и более десятка защит диссертационных исследований, а также организовал публичный лекторий по различным вопросам текущей военно-политической ситуации

и популяризации науки. Всего было проведено около 600 лекций, которые посетило более 120 тыс. человек. Профессором Ленинградского политехнического института, эвакуированного в Ташкент, членом-корреспондентом АН СССР М. А. Шателеном был организован Ташкентский энергетический институт [22].

В целом, эвакуированные вузы содействовали развитию не только науки и промышленности, но и просвещения и культуры. Так, около тысячи студентов и преподавателей нескольких консерваторий из европейской части страны, эвакуированные в Ташкент, проводили открытые тематические концерты на предприятиях, в госпиталях, в частях Красной армии (параллельно помогая и в уборке хлопка). За период эвакуации они организовали ряд музыкальных школ и подготовили преподавателей для них.

Таким образом, можно выделить по крайней мере три важные общие тенденции, связанные с деятельностью высшей профессиональной школы в период эвакуации: развитие науки и промышленности в регионах эвакуации, организация новых средних и высших профессиональных учебных заведений, широкая культурно-просветительская деятельность.

Сбор средств в Фонд обороны преподавателями и студентами

Профессиональные учебные заведения участвовали и в таком значимом деле, как сбор средств на нужды фронта. Преподаватели, студенты, технические служащие техникумов и вузов передавали свои денежные средства, активно подписывались на государственные займы и денежно-вещевую лотерею, собирали одежду и подарки для бойцов Красной армии. Нередко это отмечалось в благодарственных телеграммах от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Например, такие благодарности получили ижевские вузы: пединститут — за собранные преподавателями средства для создания авиаэскадрильи «Научный работник СССР» (1942), медицинский институт — за самоотверженную работу и активную помощь всего коллектива института Красной Армии, сбор средств на постройку самолета «Медик Удмуртии» (1943) [31]. Также летом 1942 г. студентами Удмуртского педагогического института была собрана сумма в 10 тыс. руб. в фонд 174-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона им. Комсомола Удмуртии [33; 34].

В передаче своих средств на нужды фронта участвовали известные ученые. Например, группа ученых МВТУ им. Баумана (академик Е. А. Чудаков, профессора М. А. Саверин, А. П. Котельников и др.), удостоенных сталинских премий [81] за ряд научных открытий оборонного значения, полностью передала свои премии в Фонд обороны. На собранные средства

Летчики 240-го истребительного авиационного полка у одного из самолетов с надписью «Бауманцы герою Лукьянову», построенных на средства преподавателей и студентов МВТУ имени Баумана. Август 1942

студентов и сотрудников этого вуза были построены три новейших истребителя Ла-5 «Бауманец» и несколько танков для танковой колонны «Москва» [58]. Коллектив Уральского индустриального института собрал более миллиона рублей, которые передал на строительство танковой колонны «За передовую советскую науку». Кроме этого, несколько сотен тысяч рублей поступили от института на танковую колонну «Свердловский комсомолец» и на постройку артиллерийской батареи [36–38]. В период освобождения стран Европы в войска было передано новейшее артиллерийское орудие, изготовленное на средства, собранные студентами Магнитогорского педагогического института. Получивший это орудие боевой расчет прошел с ним до Берлина, рассказывая в письмах студентам о его боевом пути и уничтоженной технике врага [86].

Приведенные примеры иллюстрируют массовый для всех учебных заведений системы профессионального образования сбор средств для фронта, который проходил по всей стране — от Благовещенска до Ленинграда. Студенты и преподаватели средней профессиональной и высшей школы только в течение 1941–1942 гг. внесли для вооружения Красной армии более 110 млн рублей. Подобный вклад свидетельствует, что учащиеся и работники профессионального образования приближали победу не только в учебных аудиториях, но и незримо на полях сражений. Поддержка фронта имела важнейшее воспитательное значение для подготовки педагогических кадров.

Деятельность системы трудовых резервов в годы войны

Главное управление трудовых резервов — шаг в подготовке к обороне страны

Учебные заведения Главного управления трудовых резервов СССР в годы войны являлись самыми массовыми в подготовке техников и квалифицированных рабочих. В течение кратчайшего срока — около полутора месяцев — в условиях грядущей войны в системе Государственных трудовых резервов было открыто 1,5 тыс. учебных заведений с контингентом учащихся в 601 378 человек [69]. В мае 1941 г. состоялся первый выпуск из школ ФЗО, давший стране 250 тыс. молодых рабочих. Всего за годы войны было подготовлено более 2 млн рабочих [73; 50, с. 30], внесших значительный вклад в победу.

В целях оперативного восполнения в промышленности выбывших рабочих кадров был существенно скорректирован учебный процесс: серьезно сокращены зимние и летние каникулы, введено трехсменное обучение, уменьшены официальные сроки практики и подготовки выпускных работ. Рабочая неделя вместо 36 часов была увеличена до 48 часов. При этом даже в сложное военное время все учащиеся трудовых резервов обеспечивались питанием, форменной одеждой, обувью, бельем, учебниками и учебными пособиями, общежитиями.

Учащиеся школ ФЗО, ремесленных, транспортных, сельскохозяйственных училищ с момента поступления считались мобилизованными и обязаны были проработать четыре года на государственных предприятиях, получая отсрочку по призыву в армию. С июля 1941 г. решением ГКО училища и школы ФЗО перевели на выполнение оборонных заказов, временно отменив теоретическое обучение. Учащиеся под руководством опытных рабочих производили боеприпасы, инструмент, запчасти для машин и станков.

Главное управление трудовых резервов достаточно оперативно реагировало на требования военной экономики, существенно изменив основную специализацию многих учебных заведений. Например, если в начале войны в училищах акцент делался на подготовке рабочих для угольной промышленности, строительной отрасли, металлургии, железнодорожного транспорта, то с 1943 г. стала существенно расти численность специализированных училищ по подготовке специалистов для коксохимических заводов, для шахт по добыче коксующихся углей, по обслуживанию энергетических установок, для морского флота. А к 1945 г. в условиях восстановления экономики в районах, пострадавших от военных действий, решением Главного управления трудовых резервов было открыто 30 художественных ремесленных

Учащиеся ремесленного училища собирают мины для 82-мм минометов.
Ленинград, апрель 1942

училищ с трехлетним сроком обучения, для повышения художественно-эстетического облика восстанавливаемых после военных действий городов.

В системе государственных трудовых резервов в военный период были созданы десятки учебных заведений нового типа:

- 37 специальных ремесленных училищ по 400 человек в каждом с четырехлетним сроком обучения для детей 12–13 лет, оставшихся без родителей и имевших образование в объеме начальной школы. За период обучения в училище они получали общее семилетнее образование и производственную квалификацию четвертого-пятого разрядов по избранной специальности. В этих заведениях обучалось свыше 10 тыс. детей в год;
- 33 ремесленных училища и 45 школ ФЗО механизации сельского хозяйства. В 1944–1945 гг. по каждой из 56 специальностей для нужд сельского хозяйства обучалось от 25 до 100 тыс. человек;
- 22 индустриальных техникума.

Не оставались без внимания Главного управления трудовых резервов и вопросы кадрового обеспечения деятельности училищ и школ ФЗО. С целью восполнения и подготовки квалифицированных преподавателей производственного обучения в годы войны были открыты 16 индустриально-педагогических техникумов и организовывались курсы повышения квалификации и переподготовки мастеров и преподавателей.

Работа ремесленных и железнодорожных училищ, школ ФЗО

По решению Совета по эвакуации в 1941–1942 гг. из прифронтовых областей были эвакуированы в восточные районы страны 473 ремесленных и железнодорожных училища и 242 школы ФЗО с контингентом учащихся 125 тыс. человек. Эвакуированные учебные заведения

трудовых резервов были размещены в 30 областях страны, так же как и вузы, преимущественно на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Их деятельность в районах эвакуации вела к расширению базы подготовки рабочих, за счет увеличения численности учеников и открытия новых училищ.

В связи с необходимостью массового привлечения учащихся к изготовлению необходимой фронту продукции здесь тоже были пересмотрены учебные планы и программы. В школах ФЗО, например, сроки обучения были сокращены до четырех месяцев, проводились досрочные выпуски учащихся из ремесленных и железнодорожных училищ. Большинство училищ и школ ФЗО было переведено на выполнение конкретных государственных заданий, изучение теоретических и специальных дисциплин временно было значительно сокращено или временно отменено. В мастерских и непосредственно на производстве учащиеся трудовых резервов принимали участие в изготовлении различных деталей вооружения, самолетов и танков, в производстве металла, добыче угля и нефти, строительстве заводских и жилых зданий. Общая стоимость военной продукции, изготовленной учащимися трудовых резервов в военные годы, превышала 5 млрд рублей.

Опыт воспроизводства кадров квалифицированных рабочих в системе трудовых резервов может быть интересен и полезен для настоящего времени рядом особенностей. Показательно, что не только в военное, но и в мирное довоенное время по всей стране, в том числе и в тыловых районах Сибири и Дальнего Востока, действовали особые призывные комиссии по приему в училища трудовых резервов. Комиссии выезжали в районы, в общеобразовательные школы и рассказывали о деятельности учебных заведений новой системы профессионального образования, призывая подавать в них документы.

Важной частью функционирования системы учебных заведений трудовых резервов, которые возможно учесть при проектировании работы учреждений профессионального образования сегодня, являлась возможность для обучающихся самостоятельно зарабатывать деньги путем выполнения государственных заказов, используя материальную базу образовательного учреждения, его возможности в реализации продукции. 80 % заработанных средств шло обучающемуся, из которых он частично оплачивал стоимость верхней одежды (проживание, питание и форма были для учащихся бесплатными), а оставшиеся 20 % шли на развитие училища. Такая система повышала заинтересованность ученика в работе и усиливала его ответственность за результат труда и бережное отношение к форме и оборудованию. Заработная плата учащихся, включенных в производственный процесс, напрямую зависела от объема и качества работы и могла быть в два-три раза выше средней за значительное перевыполнение плана, достигать до 2 тыс. рублей [41,

с. 77]. (Средняя заработная плата в 1943 г. учителя в школе была около 500 рублей, директоров школ — 1000 рублей.)

Свидетельством эффективности этих и иных мер, стимулирующих получать образование в системе трудовых резервов, может служить высокий конкурс при поступлении в училища. Например, в Приморском крае на каждые 15 мест по определенной специальности в военный период подавалось в среднем 111 заявлений [41, с. 30].

Поощрялось и изобретательство учеников, которые создавали конкретные технологии или технические приспособления, позволявшие успешно перевыполнять плановые показатели, — как финансово, так и правительственными наградами. Особо отличившиеся на производстве учащиеся награждались медалью «За трудовое отличие». За успешное выполнение заданий правительства по осуществлению оборонных заказов, подготовке рабочих массовых профессий для промышленности и транспорта, а также за выполнение специальных заказов для фронта орденами и медалями Советского Союза было награждено более 20 тыс. учащихся и работников ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО.

Образовательный процесс в профессиональных учебных заведениях и на производстве в годы войны

Содержание и формы подготовки рабочих и инженерно-технических кадров на производстве

Большое значение в годы войны придавалось системе подготовки рабочих кадров и повышению их квалификации. В этом процессе наметился ряд проблем, требующих решения, в том числе обучение производственным профессиям лиц, никогда ранее на производстве не работавших, и переобучение рабочих, трудившихся на гражданских предприятиях, на выпуск продукции военного назначения. Главный печатный орган ЦК ВКП(б) — газета «Правда» в передовой статье «Готовить кадры темпами военного времени» писала: «Нельзя полагаться только на энтузиазм новых рабочих, на их инициативу и готовность как можно скорее овладеть профессией. Война требует исключительно высоких темпов подготовки кадров, стало быть, их систематического и упорного обучения, воспитания, технического роста и производственной закалки» [70].

Система обучения квалифицированных рабочих без отрыва от производства была существенно изменена. В условиях, когда состав рабочих обновлялся особенно быстро, было необходимо учитывать два важных требования: значительный рост числа обучающихся и сокращение сроков обучения. Основной формой подготовки рабочих наиболее

востребованных профессий на период войны стало индивидуально-бригадное обучение, которое позволило обеспечить не менее 85 % всей потребности в рабочей силе предприятий промышленности.

Развитию индивидуально-бригадного обучения активно способствовали мастера-наставники. Важным элементом этой формы обучения было включение ученика в реальный процесс выполнения мастером государственного заказа. Высокая ответственность за результат обучения уже с самого его начала ускоряла практическую подготовку. Постановлением СНК СССР № 732-377с от 21 мая 1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» разрешалось принимать детей, достигших 14-летнего возраста, для обучения у опытных рабочих непосредственно на производстве, установив для подростков шестичасовой рабочий день [74, с. 68–69].

Другой формой обучения непосредственно на производстве служили курсы подготовки рабочих более сложных профессий: шоферов, электросварщиков для особо ответственных работ, машинистов дизельных и иных сложных машин, монтеров контрольно-измерительной аппаратуры и т. д. После некоторой стабилизации кадрового состава на производстве, преимущественно на военных заводах, процесс обучения на предприятиях был дополнен целевыми курсами по освоению новых технологических процессов и выпуску новых видов изделий.

Проходило обучение и в специальных учебно-производственных цехах. Они создавались, как правило, на крупных предприятиях и помимо основной деятельности они призваны были выполнять определенные производственные задания, которые устанавливались с учетом программ профессионального обучения.

В условиях необходимости быстрого кадрового воспроизводства, резкого сокращения сроков обучения и теоретической подготовки неизбежно снижался уровень профессиональной квалификации. Поэтому еще одной формой обучения и одновременно повышения квалификации молодых рабочих в годы войны служили так называемые стахановские школы. Они призваны были ознакомить с опытом передовых рабочих — участников стахановского движения — и развивать технические знания и практические навыки. Обучение в них, как правило, было краткосрочным и не превышало одного-двух месяцев. Проводилось оно непосредственно на рабочем месте через демонстрацию профессиональной деятельности лучших рабочих и наглядных примеров работы с инструментом. В течение 1943 г. только на предприятиях авиационной промышленности в стахановских школах обучалось и повышало квалификацию около 63 тыс. рабочих, в промышленности боеприпасов — 38 тыс., в промышленности вооружения — 43 тыс. рабочих [72]. А за весь период войны в стахановских школах прошли обучение более 2,5 млн рабочих [79, с. 145].

**Молодые ученики
стахановской школы
А. Косицын
и К. Шестакова
на производстве
снарядов. 1943**

Названные формы обучения рабочим профессиям непосредственно на производстве — индивидуально-бригадное обучение, учебно-производственные цеха, стахановские школы — были массовыми и за годы войны через них прошло: в 1941 г. — 2,8 млн человек, в 1942 г. — 3,77 млн и за 1943 г. дополнительно 5,1 млн человек [7, с. 115]. Всего же за годы Великой Отечественной войны на производстве было подготовлено 11,3 млн новых рабочих, а свою квалификацию смогли повысить более 9,2 млн рабочих [82, с. 333].

Проблема подготовки квалифицированных рабочих в условиях войны неизбежно сталкивалась с другой важной проблемой — обеспечения промышленности инженерно-техническими кадрами. Для ее решения, в частности, значительное число специалистов средней и высшей квалификации освободили от призыва и бронировали их за предприятиями.

Война затормозила рост и затруднила деятельность высших и средних специальных учебных заведений — из-за уничтожения их на временно оккупированных территориях, достаточно сложного процесса эвакуации на восток, ухода на фронт значительного числа преподавателей техникумов и вузов. Приведем некоторые цифры: полностью или частично было уничтожено около 2 тыс. высших и средних специальных учебных заведений, в том числе 334 вуза, в которых обучалось 233 тыс. студентов [62, с. 563]. В 1942/43 учебном году сеть высших учебных заведений сократилась по сравнению с довоенным периодом на 44 %, а сеть средних специальных учебных заведений — почти на 48 %, при этом число учащихся сократилось соответственно на 72 % и 68 % [47, с. 414].

В целях увеличения контингента абитуриентов в средних и высших профессиональных учебных заведениях в 1942 г. были введены новые правила приема. В высшие учебные заведения и техникумы без экзаменов принимались отличники и лица, окончившие средние школы в 1941 и 1942 гг. с отметками «хорошо» и «отлично». Всем нуждающимся

студентам — участникам войны или освобожденным от службы в Красной армии вследствие ранения или болезни, — директорам вузов и техникумов разрешалось выплачивать стипендию. В 1942 г. правительство приняло ряд мер для восстановления сети высших и средних учебных заведений, числа учащихся и улучшения их материального положения.

Требования военного времени отразились и на изменении программы подготовки специалистов в вузах. На физико-математических факультетах в программы обучения были введены курсы по аэродинамике самолетов, изучению авиаприборов, морской астрономии; на географических — военной топографии и картографии, аэрофотосъемке, геологии в военном деле, на исторических — военной истории, политико-просветительской работе в армии и пр.

Постановлением СНК СССР в июне 1942 г. были отменены введенные в начале войны учебные планы с сокращенными сроками обучения, а с 1942/43 учебного года все вузы переводились на постоянные учебные планы. Если обратиться к цифрам, то за военный период из высших учебных заведений было выпущено 302 тыс. специалистов, из которых 131 тыс. — в просвещение, 71 тыс. — в промышленность, транспорт и связь, 63 тыс. — в здравоохранение [8, с. 71].

Воспитательная деятельность в средних профессиональных и высших учебных заведениях

Важное место в подготовке рабочих кадров на производстве и профессиональных учебных заведениях занимала воспитательная деятельность. В системе трудовых резервов за организацию воспитательной работы отвечал Отдел политико-массовой и воспитательной работы, а в ее реализации можно выделить целый ряд взаимосвязанных направлений, направленных на включение учащихся в реальные социальные и производственные процессы:

- привлечение учащихся ремесленных, железнодорожных, фабрично-заводских училищ к восстановлению мирной жизни в освобожденных городах, а именно восстановлению заводов, жилых домов, учебных заведений;
- организация бесед на важные военные, политические или культурные темы и привлечение библиотек к помощи в их проведении. Были изданы брошюры: «Чем помогают фронту учащиеся?», «Патриотические черты молодого советского рабочего» и пр., подготовлен короткометражный учебный фильм «Трудовые резервы — фронту» [12]. На основе материалов библиотек ученые выступали с выездными лекциями и сообщениями перед учащимися: «Герои Отечественной войны», «Русский полководец А. В. Суворов» и др. [2]. С лекциями перед учащимися выступили даже ведущие члены Академии наук СССР [11];
- организация Главным управлением трудовых резервов совместно с Академией наук СССР «Ломоносовских чтений», целью которых было

приобщение учащихся к научной деятельности, формирование стремления повышать свою образовательную подготовку и заниматься самообразованием;

- стимулирование технического творчества учащихся через организацию выставок технических достижений конкретных учебных заведений угольной, нефтяной, металлургической, строительной и пр. отраслей. В 1943 г. подобная выставка, приуроченная к трехлетию трудовых резервов, состоялась в Политехническом музее и в ней приняли участие более 140 учебных заведений;

- личное воздействие воспитателей, отвечавших за всю повседневную жизни учащихся системы трудовых резервов, от трудовой деятельности до отдыха и досуга, на формирование их характера и мировоззрения;

Постановление ГКО СССР № 690сс от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», призванное повысить готовность учащихся к защите Родины. С этим также должны были помогать руководители военно-физкультурной подготовки. Организовывались военно-спортивные игры, в училищах массово открывались секции по рукопашному бою, боксу, фехтованию. В 1943 г. было создано добровольное спортивное общество «Трудовые резервы»;

- формирование понимания того, что труд в тылу — это также защита Родины, поскольку помогать ей нужно не только на фронте, а также повышение дисциплины в рамках воспитательной работы. В частности, это проявлялось в строгом регламентировании форменной одежды учащихся и преподавателей учебных заведений системы трудовых резервов, ношение которой считалось обязательным. По своему дизайну и крою она напоминала военную форму. Такая мера эмоционально отождествляла учебу и работу в тылу с военной службой;

- создание условия для развития художественной самодеятельности учащихся через организацию музыкальных коллективов, театральных кружков, ансамблей песни и пляски. Так, в 1943 г. в Москве был проведен всесоюзный смотр результатов художественной самодеятельности учащихся системы трудовых резервов, и по его итогам около 300 участников были награждены нагрудным знаком «Отличник Государственных трудовых резервов». Интерес учащихся к художественной самодеятельности привел к открытию сети домов культуры трудовых резервов для поддержания и развития этого направления культурной деятельности.

Важное стимулирующее воздействие на хорошую учебу и честный труд оказывало награждение учащихся правительственными наградами: орденом «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

Приоритетной задачей в организации воспитательной работы, требующей своего скорого решения, признавалась перестройка в подготовке педагогических кадров.

Проблемы подготовки преподавательских кадров

Подготовка преподавательских кадров являлась одной из важнейших задач системы профессионального образования в годы войны. Требовались ускоренная подготовка педагогических кадров, изменение учебных планов, существенное повышение доли женщин в педагогических вузах и высшем образовании в целом. В деятельности педагогических учебных заведений в тот период проявлялись как специфические, так и общие черты, присущие всем учебным заведениям военного времени.

В начале войны ВКВШ принял решение сократить число имеющихся в стране педагогических вузов и училищ. Общее число педагогических учебных заведений к 1942 г. сократилось в два раза [60, с. 231]. Их корпуса передавались под госпитали, воинские части, оборонные предприятия. Однако лишение зданий не означало прекращения работы.

Критичной проблема подготовки педагогических кадров стала для регионов Средней Азии, Казахстана, Урала и Сибири, поскольку в них было эвакуировано значительное число средних школ, училищ, техникумов, вузов. Нехватка кадров для общеобразовательной школы чувствовалась особенно остро. Восполнялась она несколькими способами. Одним из них стало возвращение к педагогической деятельности лиц, работавших не по специальности. Этому способствовало Постановление СНК СССР от 30 июня 1942 г., на основе которого начался процесс возвращения учителей к работе по специальности, которую они оставили по различным причинам военного времени. Постановление исполнялось региональными руководителями недостаточно активно, в связи с чем было принято новое постановление — «Об обеспечении начальных, неполных средних и средних школ РСФСР учительскими кадрами» от 28 июля 1943 г.

Для решения проблемы подготовки педагогических кадров с 1942 г. были изменены правила приема в педагогические вузы: успешно окончившим среднюю школу выпускникам разрешалось поступать без вступительных экзаменов. Также проводились просветительские кампании по привлечению школьников в педагогические вузы. Реализация названных мер сталкивалась со значительными трудностями, которые уже перечислялись ранее: сокращение числа абитуриентов, студентов и преподавателей, эвакуационные процессы, материальные затруднения (невозможность оплатить обучение, сочетать учебу и обеспечение себя и семьи). Последний фактор в первые два года войны являлся преобладающим [29]. Для оказания материальной поддержки студентам предпринимались самые разные меры, в частности, с 1942 г. при вузах были организованы подсобные хозяйства и студенческие столовые закрытого типа. Например, студенты Свердловского педагогического института получили 30 га подсобного хозяйства, с которых осенью 1943 г. собрали более 40 тонн овощей [13]. По приоритетности и размеру стипендии

снабжение студентов педагогических вузов было приравнено к снабжению рабочих оборонных предприятий.

В отношении изменений учебного процесса стоит обратить внимание на два характерных для военного времени момента: сокращение сроков подготовки и приближение содержания образования к нуждам военного времени. С 1941/42 учебного года сроки подготовки для педагогических вузов с пятилетним сроком обучения были сокращены до 3,5 лет, с четырехлетним — до 3 лет. Однако после анализа результатов учебного года и выпускных экзаменов уже через год эта мера была отменена. Резко сокращалось время каникул, рабочая неделя увеличилась с 36 до 42–48 часов.

В направлении приближения содержания подготовки к нуждам военного времени были введены актуальные для военного времени темы и даже отдельные курсы за счет сокращения, как посчитали в тот период, второстепенных в подготовке учителя тем. Например, во всех педагогических вузах в программы были включены темы, связанные с введением в городских школах раздельного для мальчиков и девочек обучения, «Правил для учащихся», новой системы оценивания успехов учеников, условий награждения выпускников золотой и серебряной медалями. С 1941 г. для студентов педагогических вузов была введена обязательная военная подготовка, студентки же проходили военно-санитарную подготовку.

Преподавательский состав для системы профессионального образования включал в себя и наставников на производстве из числа инженерно-технических кадров. Подготовка инженерно-технических кадров происходила не только в средних и высших профессиональных учебных заведениях, но и на краткосрочных курсах, без отрыва от производства. Только в 1943 г. на заводах Наркомата танковой промышленности окончили курсы мастеров и бригадиров 8173 человека, на предприятиях Наркомата электропромышленности в 1944 г. было подготовлено и повысили квалификацию свыше 1200 техников и мастеров, а в 1945 г. прошли подготовку и повысили квалификацию на курсах и в институтах повышения квалификации около 200 тыс. инженерно-технических работников [78, с. 214].

В условиях военного времени в вузах, помимо основного расписания занятий, происходило освоение дополнительных рабочих профессий, востребованных в промышленности или сельском хозяйстве, после основных занятий по два часа в день. В его рамках подготавливали и специалистов для нужд фронта. Например, в педагогических вузах происходила подготовка переводчиков и радистов [30].

В целом, если проанализировать только названные изменения в образовательном процессе профессиональных учебных заведений в условиях военного времени, то поражает работоспособность преподавательского

состава и студентов. На протяжении многих месяцев им приходилось учить и учиться, осваивать не только основную, но и дополнительную профессию или специальность, дежурить в госпиталях, работать на предприятиях, строить оборонительные сооружения. Анализируя деятельность сотрудников профессиональных учебных заведений, можно говорить о примерах настоящего трудового подвига в тылу.

Вклад ученых — деятелей профессионального образования в победу

Организация науки в военных условиях.

Научные достижения и открытия

Ученые и преподаватели системы профессионального образования проводили в годы войны серьезную научную работу, сочетая ее с преподавательской деятельностью и выполнением заказов оборонной промышленности. Научные исследования и доведение их результатов до внедрения в производство проходили по следующим крупным и значимым направлениям: разработка новых видов вооружений: артиллерии, ракетных снарядов, брони танков и пр.; улучшение военно-санитарного дела; поиск на Урале и в Казахстане новых месторождений цветных металлов — меди, никеля, хрома, вольфрама, молибдена; разработка новаторских подходов к их выплавке, без чего невозможно военное производство. Учеными была разработана и реализована система добычи необходимого стране угля открытым способом, что существенно увеличило его добычу. За выдающиеся научные заслуги 315 работников технических вузов были удостоены Государственных премий.

Образовательный процесс во многих медицинских вузах стал включать в себя научную работу, направленную: на поиск путей скорейшего выздоровления и возвращения в строй раненых бойцов и командиров Красной армии; предупреждение эпидемических заболеваний на фронте и в тылу; улучшение санитарных условий на предприятиях оборонной промышленности; разработку новых лекарственных средств [32]. В медицинских вузах в восточных регионах страны в военное время организовывались научно-практические конференции по перечисленным направлениям. В центре внимания находилась помощь находящимся на лечении в военных госпиталях [46, с. 189–192].

Укреплялась работа аспирантуры. Например, в техническую аспирантуру предлагалось принимать только лиц, имеющих стаж инженерной работы и знакомых с производством. Мотивировалось это тем, что для научных изысканий важно, во-первых, знать нужды производства, а во-вторых, ясно понимать перспективы внедрения полученных результатов.

Важнейшим направлением развития научной мысли в военных условиях стало участие ученых — преподавателей высшей профессиональной школы в разработке и внедрении перспективных вооружений и средств защиты для Красной армии. Центром научных поисков в области улучшения характеристик брони и танкостроения был Урал, в частности магнитогорские заводы. Так, в созданное в сентябре 1941 г. броневое бюро Магнитогорского металлургического комбината был приглашен ряд ученых Магнитогорского горно-металлургического института и эвакуированного Днепропетровского металлургического института. Был даже образован особый Комитет ученых помощи фронту, который возглавил всю научную работу по обеспечению фронта новыми видами брони и вооружений. Следует отметить, что подобные комитеты создавались во всех научных центрах страны. Всего за годы войны в Магнитогорске было выполнено более 200 научно-исследовательских работ, имевших оборонное значение [25; 57]. Речь в них шла об улучшении качества танковой брони, прицельной оптики, способов отопления танка зимой и пр. За серьезный научный вклад группа ученых решением Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1945 г. была награждена орденами и медалями СССР.

Ученые Уральского индустриального института в Свердловске трудились над увеличением объемов выплавки и улучшения свойств цветных металлов. За успешное решение целого комплекса проблем в этом вопросе ученые института получили Государственную премию СССР.

Помощь фронту оказывали не только профильные технические, но и универсальные учебные заведения. Например, учеными Уральского государственного университета был разработан более быстрый и дешевый способ получения алюминия, сконструирован прибор астрономической ориентировки в воздухе для военных летчиков, улучшено качество авиационного бензина и пр. [24].

Как и везде, важная роль в координации науки и производства принадлежала комитетам ученых помощи фронту. Интересным будет привести воззвание начала июля 1941 г. Томского комитета ученых — первой в стране научно-общественной организации: «Ко всем ученым, изобретателям, инженерно-техническим работникам. Ученые Томска с первых дней Великой Отечественной войны... показали себя пламенными патриотами... Каждый временно находящийся в тылу знает, что тыл неотделим от фронта. Профессия ученого сейчас — военная профессия. Каждый ученый должен незамедлительно направить свои силы, знания, волю на обслуживание практических задач обороны, промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Комитет ставит своей задачей содействие перестройке науки на службу обороны нашей страны» [51]. По результатам этого воззвания комитеты по всей стране взяли на себя пересмотр научных тематик образовательных и научных организаций

в пользу решения задач обороны страны и налаживание связей научных организаций с производством, а научных исследований — с задачами оборонных ведомств. Примечательно, что активная научная и общественная деятельность Томского комитета ученых в годы войны позволила создать Западно-Сибирское отделение Академии наук СССР.

Всего за годы войны более 500 ученых и преподавателей высшей школы получили государственные премии, а за 1942–1944 гг. только в научных центрах металлургических и машиностроительных вузов было выполнено и внедрено около 2,5 тыс. научных разработок. Реализованный в военных условиях опыт расширения самостоятельности научных подразделений вузов при выполнении ими военных заказов и увеличения финансирования научных разработок уже 1941–1942 гг. был изучен и использован Управлением научных исследований и разработок США (*англ.* Office of Scientific Research and Development, OSRD) [88].

Положительные результаты организации научной работы в военные годы привели к принятию Положения СНК СССР № 178 от 18 февраля 1944 г. «О научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений», которое среди прочих поставило важнейшую и для настоящего времени задачу: обеспечить понимание студентами перспектив внедрения научных и технических разработок и привлечение наиболее способных из них к совместным с ведущими учеными научным исследованиям. Также обращалось внимание на необходимость тесного контакта вузовских научных центров с научными структурами Академии наук СССР.

Перестройка работы научных центров

В годы войны роль научных центров в системе профессионального образования выполняли, прежде всего, институты, лаборатории и кафедры высших учебных заведений, и именно в них происходило активное взаимодействие науки и обороны. Научные лаборатории сочетали в себе научные центры по усовершенствованию характеристик вооружения и производственные сборочные цеха. Например, в лаборатории МВТУ им. Баумана (в начале войны — механико-машиностроительного института) были усовершенствованы характеристики противотанковых ружей и подготовлены новые чертежи для промышленного производства. Научные лаборатории вуза превращались в производственные цеха, а руководители лабораторий — в начальников цехов. Так, литейная научная лаборатория превратилась в цех по производству мин: от отливки металла до конечной сборки. За усовершенствование процесса, позволившего ускорить процесс их производства, ученые МВТУ получили государственные премии. Другие группы ученых этого вуза получили государственные премии за совершенствование характеристик станков, задействованных в выпуске военной продукции, внедрение

резки металла и электросварки под водой, новые механизмы управления танками и пр. [76].

Научные центры вузов оперативно решали как стратегические оборонные, так и сверхсрочные военные задачи. Например, Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ) участвовал в проектировании и строительстве «Дороги жизни», а скорости и успешности выполнения учеными военных задач могли бы позавидовать и современные научные лаборатории. Ученые ЛИИЖТ при строительстве переправы для танков через р. Неву получили задание спроектировать и построить специальное устройство для забивки свай моста в грунт в зимних условиях. За 8 часов был готов проект, за 7 часов на заводе были собраны сами устройства, а еще через полтора часа они уже использовались при строительстве моста [61].

В июне 1943 г. ВКВШ создал Объединенный Ученый совет при Ленинградском политехническом институте. Он получил право присуждать ученые степени кандидата и доктора технических наук. Важно, что многие ученые, защитившие диссертации в годы войны, к тому моменту уже являлись лауреатами государственных премий или имели правительственные награды за свои изобретения.

Эвакуированные в восточные районы страны технические вузы смогли организовать активную научную деятельность и в местах своего временного размещения. Благодаря такой работе только за несколько военных лет было открыто 60 новых вузов, в том числе промышленных и строительных — 15, сельскохозяйственных — 7, связи и транспорта — 3. Географически новые центры науки и образования разместились: на Урале — 5, в Сибири — 5, в Средней Азии — 12 [8, с. 80].

Благодаря самоотверженной работе научных центров советских вузов, их тесной связи с производством, участием ученых в разработке и усовершенствовании новых видов вооружений были созданы образцы и запущены в производство более совершенные, чем в германской армии, типы танков, самолетов, артиллерии и других видов техники и вооружений.

Можно сказать, что совпадение года Победы с широко праздновавшимся 220-летним юбилеем Академии наук символично: праздник Победы являлся и праздником отечественной науки и ее превосходства в годы войны.

Жизнь системы профессионального образования

Проблемы восполнения и подготовки рабочих кадров

Важнейшей задачей, стоявшей перед производством в годы войны, было восполнение в короткие сроки кадров — ушедших в армию рабочих, при этом систематически наращивая выпуск продукции для фронта. Также важно иметь в виду, что эвакуированные в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь из прифронтовых территорий действующие предприятия не могли перевезти и задействовать всех своих рабочих. Возникла необходимость обеспечить подготовку кадров на новых территориях.

В целях решения задач обеспечения производства квалифицированными рабочими Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ № 160/1 от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период войны неработающего городского населения для работы на производстве и строительстве» [4]. Этим же указом Комитету по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР разрешалось перераспределять рабочие кадры между различными отраслями промышленности.

Основным источником пополнения рабочих кадров на производстве была система Государственных трудовых резервов, деятельность которой была рассмотрена выше. Но существовали и другие источники пополнения, во многом специфические, обусловленные сложностью военного времени. К таким источникам относилось привлечение женщин-домохозяек трудоспособного возраста (к 1941 г. их было около 5 млн) на производство с краткосрочным обучением непосредственно на рабочих местах. Женщины шли даже в такие сложные и специфически «мужские» отрасли, как литейное производство.

Еще одним источником пополнения рабочей силы, вызванным военными условиями, был приход на производство подростков 14–15 лет. В основном они привлекались в те отрасли, где не требовалась большая физическая сила (инструментальные мастерские, сборка механизмов, обслуживание телефонных станций и пр.). Их обучение также осуществлялось непосредственно в процессе работы.

Третьим источником восполнения рабочих кадров стало привлечение на предприятия служащих организаций, функционал которых был сокращен: работников торговли, общепита, финансовой сферы (естественно, речь шла преимущественно о женщинах и пожилых мужчинах). В первые два года войны в крупных городах была проведена работа по выявлению из числа служащих квалифицированных рабочих и направлению их на производство [66, с. 14].

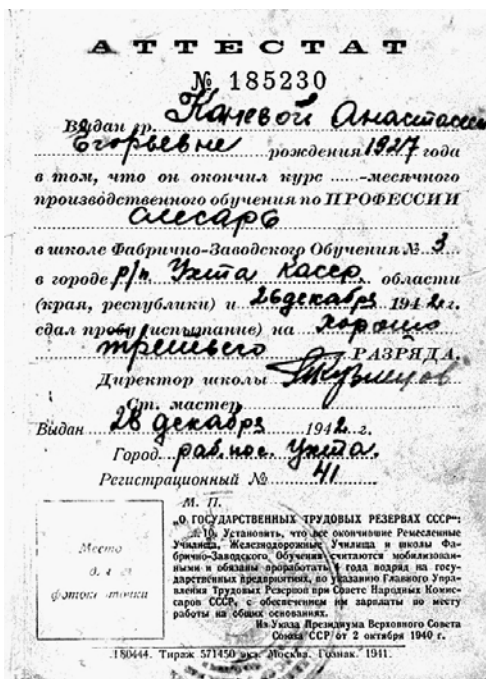
Четвертым направлением стало привлечение в промышленность инвалидов труда и Великой Отечественной войны с учетом их физического состояния и имеющейся производственной квалификации.

По данным Наркомата социального обеспечения РСФСР, ведшего учет этой категории населения, более 75 % инвалидов третьей группы, т. е. имевших ограниченную трудоспособность, было занято на производстве по своей полученной ранее квалификации [66, с. 14]. В условиях выполнения задачи обеспечения работой всех инвалидов войны организовывались курсы переквалификации для тех, кто не мог силу здоровья работать по прежней специальности [66, с. 15]. При этом нередко примеры перевыполнения ими нормы на 200 %, что приближало результаты их труда к нормам полностью трудоспособных рабочих [66, с. 14].

Важнейшей формой профессионального обучения и подготовки новых рабочих кадров непосредственно на производстве были курсы техминимума, основное назначение которых заключалось в предоставлении лицам без профессиональной подготовки необходимой теоретической информации и формировании производственных навыков [66, с. 16]. Сроки обучения по профессии на этих курсах составляли 1,5–2 месяца [66, с. 19].

Также активно применялось индивидуальное или индивидуально-бригадное обучение, курсовое обучение, заводские школы и обучение в специально организованных учебно-производственных цехах [66, с. 20–27]. Для этого использовалось наставничество через прикрепление по 1–2 новичка к опытным рабочим. Основные отличия в содержании подготовки объяснялись особенностями конкретной отрасли промышленности. Кроме того, на сложных производствах, например на заводах по сборке самолетов «Лавочкин-5», в обучение были включены 40–60 часов теоретических занятий или же готовились специальные программы обучения, рассчитанные на 3–5 месяцев, с обязательным теоретическим курсом и производственной практикой [66, с. 23]. Курс обучения завершался экзаменом перед квалификационной комиссией и последующим присвоением определенного разряда. Такая форма обучения позволяла подготавливать не одного-двух, а целую группу рабочих одновременно. Преподавателями могли выступать работники как средних, так и высших профессиональных учебных заведений.

В 1943–1944 гг. происходило восстановление деятельности учебных комбинатов и учебных пунктов, осуществлявших свою деятельность при предприятиях до войны. Массово организовывались специальные учебные курсы по наиболее сложным профессиям, рассчитанные на 500–800 часов. Для этого создавались группы по 10–15 человек по однородным специальностям на основе сходного уровня общеобразовательной подготовки. По каждой профессии использовалась учебная программа, составленная с учетом требований конкретного производства и включавшая два раздела — теоретический и производственный. Теоретические занятия проводились в форме уроков-бесед в специально оборудованных

Документ, выданный 15-летней девушке — А. Е. Каневой, прошедшей краткосрочные курсы производственного обучения по профессии слесарь с присвоением 3-го разряда. 1942

лабораториях и кабинетах при предприятиях [66, с. 24–26]. Производственный блок подразумевал как групповые, так и индивидуальные занятия, начиная от постановки корпуса при работе и правил движения рук с инструментом и заканчивая самостоятельным изготовлением конкретного изделия.

В годы войны реализовывались и новые формы повышения квалификации рабочих. Основными формами повышения квалификации стали «кружки техминимума» и краткосрочные школы передачи опыта передовых рабочих, или «стахановские школы». В них использовалось два типа повышения квалификации рабочих: устранение в работе новичков однородных ошибок и обучение опытных рабочих новым приемам — что позволяло обеспечивать выполнение производственных норм и существенно повышать производительность труда.

Германский «новый порядок» в профессиональном образовании на оккупированных территориях

На временно оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях СССР выполнялась важная составляющая проводимой тотальной войны — уничтожение культурных и научных ценностей нашей страны. Так, в приказе генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау говорилось, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» [64]. По сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), были частично или полностью разрушены здания 334 вузов, а оборудование химических и физических лабораторий, фундаментальные библиотеки и уникальные коллекции были вывезены в Германию [80].

Временные управляющие учебными заведениями занимались главным образом оценкой вывозимых культурных и научных ценностей. Например, в Киевский государственный университет был назначен

Служащие зондеркоманды СС Э. Кюнсберга осматривают книги, конфискованные в библиотеках советских вузов в начале оккупации, на предмет их ценности для Германии. 1940-е

германский директор — доктор филологии и одновременно начальник отдела радиоэлектронной разведки МИД Германии Й. Бензинг. По его приказу все научное имущество Киевского университета, включая фундаментальную библиотеку с рукописями XVI–XVIII вв., большую часть которого эвакуировать не успели, было вывезено в Германию. В ботаническом саду была устроена конюшня [5; 44].

Перед своим отступлением в 1943 г. фашисты взорвали ансамбль красивейших зданий университета середины XIX в. Аналогичная судьба постигла Одесский, Львовский, Харьковский, Днепропетровский государственные университеты [17; 21; 43; 45]. Книги вузовских библиотек, которые, по мнению немецких властей, не имели научной ценности, подлежали сожжению. Так, из 600 тыс. томов библиотеки Донецкого индустриального института было сожжено 530 тыс., остальные вывезли в Германию [80]. Библиотека Киевского индустриального института, скомплектованная в основном дореволюционными научными изданиями, была почти полностью вывезена в Германию. Аналогичная судьба постигла научное оборудование и библиотеки белорусских вузов.

Всего только на территории Украинской ССР было полностью уничтожено и разграблено более 30 технических, медицинских и педагогических вузов. Наглядно раскрывают политику Германии по отношению к науке и образованию нашей страны показания пленного офицера специальной команды СС, занимавшейся разграблением научных и образовательных учреждений: «Перед нашей отправкой в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа “основательно прочесывать” все научные учреждения, институты, библиотеки, просматривать все архивы и забирать все, что представляет ценность. <...> Богатая добыча досталась нам в библиотеке Украинской академии наук, где хранились раритеты и манускрипты персидских, абиссинских, китайских каллиграфов, русские и украинские хроники, инкунабулы русского первопечатника Ивана Федорова» [39].

Если говорить об отношении германских властей к среднему профессиональному и к образованию в целом на временно оккупированных территориях СССР, то оно сводилось к реализации правил германского «нового порядка». Основные положения этого «порядка» можно свести к двум пунктам: полное уничтожение научного и образовательного наследия Российской империи и СССР и открытие новых учебных заведений не выше уровня среднего профессионального образования для подготовки верных Германии служащих. В Киеве, например, германскими властями было открыто среднее медицинское учебное заведение — «Полимедикум» для привлечения лояльной к оккупационным властям советской молодежи. Были и другие примеры подобной деятельности немецких властей [68]. Однако их ожидания не оправдались: молодежь не стремилась получать профессиональное образование на основе германских ценностей и стандартов.

После освобождения Украины в здании Львовского генерал-губернаторства была найдена показательная директива немецким оккупационным чиновникам, в которой говорилось, что советский народ «не имеет совсем никакого права на поддержку высшего образования. Мы были бы мерзавцами, если бы мы что-либо делали для... образования, в частности для повышения уровня интеллигенции. Фюрер нашел пока достаточным организовать... [для народа] четырехклассную школу. Там он научится читать, считать и писать, и этого для него достаточно» [67]. Согласно официальному отчету ЦК ВКП(б) Белоруссии, на ее территории немецкие оккупационные власти допускали лишь начальное профессиональное образование. Оно, как правило, было организовано в формате краткосрочных профессиональных курсов, основной задачей которых была подготовка рабочих для хозяйственных нужд германских властей. Поэтому полноценными учебными заведениями считать их явно нельзя.

Оккупационная политика в области образования касалась и уничтожения высокопрофессиональных и научных кадров. В памятке немецким солдатам под наименованием «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения с русскими» по отношению к интеллигенции и научным работникам указывалось: «Русского вы не переубедите. Не разговаривайте с ним, а действуйте» [64]. И оккупанты действовали. В одном только Донецком индустриальном институте были заживо сожжены 43 научных работника этого института [35, с. 15]. Подобные бесчеловечные меры осуществлялись в отношении кадров системы профессионального образования на всех оккупированных территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики, южных районов нашей страны.

За годы оккупации германскими войсками были полностью разграблены и уничтожены более 330 вузов, пострадали и столичные вузы, включая МГУ [19; 6]. Одних только педагогических и учительских институтов

было уничтожено 137 [80]. Все выявленные преступления германских властей на территории нашей страны в отношении науки и образования периода Великой Отечественной войны детально обобщены в отчетах ЧГК, действовавшей уже с 1943 г.

Возвращение системы профессионального образования к мирной жизни

Несмотря на трудности военного времени, преподаватели и ученые эвакуированных вузов оказывали значительную помощь в подготовке национальных профессиональных и научных кадров, в организации защит диссертационных исследований. Так, например, в Казахском университете за военные годы было защищено 40 кандидатских и 4 докторских диссертации [9, с. 14].

Возвращение системы профессионального образования к мирной жизни во многом определялось совместным Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 901 от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором в том числе раскрывались меры, направленные на нормализацию работы начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений. Одним из приоритетных направлений стала оперативная эвакуация и восстановление работы учебных заведений, поскольку страна остро нуждалась в профессиональных кадрах, особенно в регионах, пострадавших от немецкой оккупации. Свидетельством внимания правительства может служить пример Сталинградского медицинского института, когда всего через месяц после освобождения Сталинграда СНК СССР принял решение восстановить с нового учебного года его работу и провести прием 200 человек на первый курс [14]. Откликом на это решение стала присылка из 13 медицинских институтов страны научной и учебной литературы, оборудования, медикаментов и реактивов для оснащения восстанавливаемого вуза. Уже в том же 1943 г. вуз выступал центром восстановления всей системы здравоохранения в городе и области. Схожим образом в рекордно короткие сроки была восстановлена деятельность Новочеркасского индустриального института, оборудование и библиотека которого были полностью уничтожены или вывезены в Германию. Воронежскому университету повезло больше: с фронта вернулась часть фундаментальной библиотеки, отбитой советскими войсками при попытке отправить ее в Германию.

В целом путь восстановления жизни всех высших учебных заведений после окончания оккупации проходил схожими путями: в течение всего двух-трех месяцев восстанавливался учебный процесс, а вскоре и научная деятельность. Вузы, чьи здания и оборудование были полностью уничтожены врагом, получали помощь и поддержку из восточных районов страны, а в восстановлении учебных корпусов

участвовали сами преподаватели и студенты. Примером подобной кропотливой работы может служить пример спасения из руин взорванного немецкими войсками Харьковского университета, когда студенты и преподаватели при разборе завалов вновь находили и восстанавливали в буквальном смысле по крупицам коллекции полезных ископаемых, минералов, древнейших окаменелостей, собранных еще в XIX в. [77; 11, л. 24].

Также в условиях войны был объявлен всесоюзный конкурс проектов на восстановление университетского городка Минского университета, разрушенного в период немецкой оккупации.

Другой особенностью работы средних и высших профессиональных учебных заведений в освобожденных районах стала организующая роль промышленных предприятий и всей производственной отрасли региона по конкретным профилям работы учебных заведений в налаживании их работы. Это проявлялось в обеспечении кадрами, ремонте и отладке оборудования, строительных работах.

Вместе с восстановлением работы существовавших до войны профессиональных учебных заведений в освобожденных районах открывались и новые. Так, в 1944–1945 гг. были открыты Киевский автомобильный институт и институт инженеров гражданского строительства, Харьковский инженерно-строительный институт, Львовский лесотехнический и технологический институты, Одесское высшее мореходное училище (закрытое в 1918 г.), Черновицкий медицинский институт, Минский институт инженеров гражданского строительства и др. Открывались новые учебные заведения и в центральных районах страны. Например, в Ярославле, после того как эвакуированный в него Минский университет вернулся в столицу Белоруссию, был открыт свой медицинский институт.

Серьезной потребностью различных отраслей производства в профессиональных кадрах и самоотверженной работой по решению этой задачи можно объяснить значительное увеличение числа студентов уже в 1944/45 учебном году по сравнению с довоенным уровнем. Например, рост числа студентов большинства вузов Украинской ССР составил от 116 до 282 % [28]. Аналогичным образом обстояли дела в Белорусской ССР.

Важным направлением правительственной поддержки восстановления системы профессионального образования было увеличение финансирования учебных заведений. В 1945 г. общий объем финансирования профессионального образования превысил довоенный уровень, а расходы государства на одного обучающегося увеличены на 50 % [63].

При более детальном анализе мер правительства по поддержке профессиональных учебных заведений, принадлежавших разным наркоматам, можно заметить, что прежде всего приоритет отдавался отраслям, обеспечивающим восстановление экономики страны.

Великая Отечественная война не только разрушила сложившуюся на тот момент систему учебных заведений, но и очень сурово проверяла качество подготовки специалистов в системе профессионального образования. Условия войны ориентировали каждого человека на понимание того, что от качества его учебы и работы будет зависеть само существование всей страны. И эту самую суровую проверку система профессионального образования не просто выдержала — она приобрела важный практический опыт и в содержании, и в формах подготовки квалифицированных специалистов. Этот опыт при должном осмыслении может быть весьма полезен современной системе подготовки профессиональных кадров.

Заключение

Представленные в данном материале примеры трудового и научного подвига всей системы профессионального образования в годы Великой Отечественной войны отражают деятельность не только отдельных людей, но и целых коллективов ученых, преподавателей и студентов, трудившихся в аудиториях, научных лабораториях, оборонном производстве, строительстве укреплений, в партизанском движении и на фронте. Анализ того, что было ими сделано в годы войны, позволяет говорить о целом ряде важных уроков для современной системы профессионального образования России.

Урок 1. Значимость единения образования, науки и производства, когда студенты и преподаватели учреждений среднего профессионального и высшего образования, ученые, деятели производства ясно видят не только собственные задачи, но и задачи всех участников профессионального взаимодействия — от раскрытия научной идеи до выпуска конечного продукта на ее основе.

Урок 2. Готовность жертвовать, если это необходимо, личным ради общего. Понимание того, что личный материальный достаток в один момент может оказаться ничем, а вклад в общее дело поможет спасти целую страну.

Урок 3. Важность инициативы, отсутствие боязни предлагать новые научные или производственные идеи, особенно в условиях, когда они могут спасти человеческие жизни. Ни в один период российской истории не было такого числа открытий за столь короткий срок в условиях военного времени.

Урок 4. Значимость и реализация перспективного планирования в подготовке кадров, которое позволяло распределять контингенты учащихся по специальностям, в которых наблюдался дефицит рабочих кадров, организовывать прием и выпуск специалистов в соответствии с потребностями промышленности и экономики.

Урок 5. Осознание, что успешное производство начинается с абитуриента, поступающего в профессиональное учебное заведение. И в предвоенные, и в военные годы школьникам рассказывали о преимуществах овладения промышленной профессией, и о том, что за успешное перевыполнение государственных заказов учащиеся могли получать зарплату, в два раза превышавшую зарплату директора школы. Несмотря на колоссальную нехватку опытных квалифицированных рабочих, на производстве действовали институт индивидуального наставничества и около десятка различных форм подготовки рабочих.

Урок 6. Стимулирование желания постоянно, каждую минуту учиться. И не важно кто ты: студент, мастер-производственник, профессор или академик — учились все, и это во многом помогло выиграть тяжелейшую войну.

Урок 7. Осознание того, что воспитание — это не набор «мероприятий», а сама жизнь: за партой, в аудитории, у станка, в научной лаборатории, на полях трудовых и боевых сражений... От того, как выстроено взаимодействие между людьми, от ясного понимания целей своего труда прежде всего и зависит воспитание.

Представляется, что вдумчивое осмысление уроков, преподанных нам системой профессионального образования периода Великой Отечественной войны, позволяют по-иному взглянуть на слова известного русского историка В. О. Ключевского: «История — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а сурово наказывает за незнание уроков».

Завершить очерк можно весьма красноречивым суждением, оценивающим советское профессиональное образование в годы войны, американского писателя и педагога А. С. Трейса из его книги «Что Иван знает, чего не знает Джонни» (1961): «Анализируя особенности организации профессионального образования в годы войны и значительные меры по восстановлению и совершенствованию системы подготовки кадров стоит обратить внимание на использование советским правительством опыта работы системы профессионального образования в годы Первой мировой войны (1914–1918) и дореволюционной модели образования в целом. Умелое сочетание традиций мобилизации всех ресурсов на благо победы и опыта, полученного в годы Великой Отечественной войны, позволили выстроить в послевоенные годы систему образования, которая позволила СССР выйти в мировые экономические лидеры» [89].

Список литературы

1. 75 лет Ленинградскому политехническому институту // Труды ЛПИ. 1974. № 339. 144 с.

2. Большевик. 1943. № 7–8.
3. Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1942. № 4.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 6.
5. Вестник высшей школы. 1947. № 8.
6. Вечерняя Москва. 1942. 30 сентября.
7. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
8. Высшая школа СССР за 50 лет. М.: Высшая школа, 1967. 272 с.
9. Высшие учебные заведения Казахстана: сб. ст. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. 136 с.
10. ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 5–10.
11. ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 159. Л. 20–25.
12. ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 65. Л. 81.
13. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 183.
14. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 192. Л. 67.
15. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 197. Л. 16.
16. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 207. Л. 140–162.
17. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 481. Л. 4, 36.
18. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 66. Л. 49.
19. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 69. Л. 102–105.
20. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 85. Л. 93.
21. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 86. Л. 94.
22. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 95. Л. 103.
23. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 97. Л. 34.
24. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 97. Л. 143.
25. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 217. Л. 8.
26. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 608. Л. 7.
27. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 665. Л. 53.
28. ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 699. Л. 7.
29. Государственный архив Свердловской области. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.
30. ГКУ «ЦДНИ УР». Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л. 61.
31. ГКУ «ЦДНИ УР». Ф. 207. Оп. 1. Д. 13. Л. 119–119 об.
32. ГКУ «ЦДНИ УР». Ф. 207. Оп. 1. Д. 13. Л. 176–176 об.
33. ГКУ «ЦДНИ УР». Ф. 207. Оп. 1. Д. 13. Л. 64–64 об.
34. ГКУ «ЦДНИ УР». Ф. 2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 68 об., 88.
35. Донецкий ордена Трудового Красного Знамени индустриальный институт: К 40-й годовщине Великой Октябрьской соц. революции. Сталино: [б. и.], 1957. 66 с.
36. За индустриальные кадры. Свердловск, 1941. 7 ноября.
37. За индустриальные кадры. Свердловск, 1943. 22 января.
38. За индустриальные кадры. Свердловск, 1944. 1 мая.
39. Заявление Совинформбюро // Правда. 1942. 17 ноября.
40. Ивановский энергетический институт имени В. И. Ленина / И. А. Забродин [и др.]. М.: Энергоиздат, 1981. 192 с.
41. *Иващенко Л.* Резервы трудовые — резервы боевые. Очерк о деятельности школ трудовых резервов Приморья в годы Великой Отечественной войны. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1970. 84 с.
42. Известия Днепропетровского горного института им. Артема. Днепропетровск, 1957. Т. XXXII (1917–1957). С. 15–16.

43. Известия. 1944. 14 июня.
44. Известия. 1944. 19 января.
45. Известия. 1944. 29 сентября.
46. Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. М.: Печатный дом «Магистраль», 2017. 224 с.
47. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 681 с.; М.: Воениздат, 1963. Т. 5. 654 с.
48. История Ленинградского военного округа / под ред. А. И. Грибкова. М.: Воениздат, 1974. 614 с.
49. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., испр. и доп. М.: [б. и.], 1971. Т. 5: 1931–1941. 479 с.
50. Комсомольский работник. 1945. № 11–12.
51. Красное знамя. Томск, 1941. 10 июля.
52. Кузница инженерных кадров: К 50-летию Горьков. политехн. ин-та им. А. А. Жданова, 1930–1980 / отв. ред. Ю. С. Лезин. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 186 с.
53. Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.
54. Ленинградский ордена Ленина горный институт за 30 лет Советской власти. 1917–1947: сб. ст. Л.: 9-я тип. Воениздата, 1948. 144 с.
55. Ленинский путь. Кзыл-Орда, 1942. 29 сентября.
56. Ленинский путь. Кзыл-Орда, 1942. 30 июня.
57. Магнитогорский рабочий. 1948. 18 января.
58. Московский большевик. 1943. 6 марта.
59. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 559 с.
60. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сб. М.: Статистика, 1977. 450 с.
61. Наш путь. Ленинград, 1964. 25 января.
62. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов. М.: Госюриздат, 1958. Т. 3: Военные преступления и преступления против человечности / сост. Г. Н. Александров [и др.]. 816 с.
63. О государственном бюджете СССР на 1945 год. Доклад народного комиссара финансов СССР // Правда. 1945. 25 апреля.
64. О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах. Нота наркома иностранных дел от 27 апреля 1942 года // Правда. 1942. 28 апреля.
65. Партийное строительство. 1943. № 16–18.
66. Сонин М., Мирошниченко Б. Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М.: Госпланиздат, 1944. 39 с.
67. Правда Украины. 1944. 21 октября.
68. Правда Украины. 1944. 6 марта.
69. Правда. 1940. 28 ноября.
70. Правда. 1941. 20 августа.
71. Правда. 1942. 13 сентября.
72. Правда. 1944. 8 мая.
73. Правда. 1945. 3 октября.

74. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. 1941–1952 годы / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. 751 с.
75. Салов В. И. Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943) // Исторические записки. 1957. Т. 60. С. 3–30.
76. Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. (СП СССР). М.: Юридлит, 1943. № 4. Ст. 74; СП СССР. 1946. № 9. Ст. 161; СП СССР. 1946. № 2. Ст. 32.
77. Советская Украина. Киев, 1943. 13 октября.
78. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. М.: Наука, 1970. 502 с.
79. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа / под общ. ред. акад. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 366 с.
80. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Правда. 1945. 13 сентября.
81. СП СССР. 1943. 4. Ст. 73.
82. СССР в цифрах: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1958. 467 с.
83. Страницы героической летописи // Наука и жизнь. 1965. № 5. С. 3–27.
84. Томская городская партийная организация в годы войны: сб. док. Томск: Кн. изд-во, 1962. 487 с.
85. Бакунин А. В. Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова, 1920–1970. Свердловск: Изд-во УПИ, 1970. 403 с.
86. Ученые записки Магнитогорского государственного педагогического института. 1957. Вып. 5.
87. Ученые Харькова к годовщине освобождения родного города / отв. ред. С. С. Уразовский. Харьков: Соц. Харківщина, 1944. 83 с.
88. Stewart I. Organizing scientific research for war: the administrative history of the Office of Scientific Research and Development. Boston: Little, Brown and Company, 1948. 358 p.
89. Trace Arther S. What Ivan knows that Johny does not. New York : Random House, 1961. 251 p.

М. А. Тимофеев, Т. А. Соловьева, С. Б. Лазуренко

Специальная школа СССР в годы Великой Отечественной войны

Сороковые годы XX в. стали особым периодом в истории развития системы специальной педагогики и дефектологии в нашей стране. Это время оправданно выделяется в отдельный этап их развития, который А. И. Дьячков обозначил как «советскую теорию и практику специальной школы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [26, № 1, с. 3–4]. Традиционную работу с детьми с нарушениями в развитии дополнили и принципиально расширили реалии военного времени. В дефектологической науке «возникло новое направление — разработка теории преодоления слуховых, речевых и других нарушений, обусловленных условиями военного времени. Создавались специальные методы обучения взрослых — ослепших, оглохших и потерявших речь, инвалидов Великой Отечественной войны. В специальных школах усилилась трудовая подготовка; учащиеся готовились к активному участию в общественно полезном труде» [25, с. 10].

К сожалению, период 1941–1945 гг. в истории специальной школы на сегодня крайне мало изучен, хотя как предмет исследования он интересен не только в плане анализа влияния войны на работу и развитие системы специального образования, но и в вопросах и проблемах ее функционирования (кадровых, материальных, методических), которые возникли ранее и не были до конца решены к лету 1941 г.

Состояние системы специального образования в СССР к началу 1941 года

В 1941 г. система советского специального образования вступала со значительными итогами, большими обязательствами и не менее серьезными ожиданиями. Ее развитие было продиктовано стратегической задачей, сформулированной в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б): «...осуществить в третьей пятилетке всеобщее среднее обучение в городе и завершить всеобщее семилетнее обучение в деревне и во всех национальных республиках с расширением охвата детей десятилетним обучением» [19, № 7, с. 2].

Реформы и изменения, происходившие в системе специального образования в СССР после 1924–1927 гг., позволяют обозначить следующие рубежи, которых она — местами и по ряду позиций — достигла к началу сороковых годов. Это:

- издание первого в истории правительственного постановления о введении всеобщего обязательного обучения глухонемых, слепых, умственно отсталых детей и подростков;
- введение дифференцированного обучения детей с недостатками слуха и детей с недостатками зрения. Начало осуществляться на практике дифференцированное обучение тугоухих и слабослышащих;
- разработка основных положений теории развития аномальных детей;
- переход специальных школ на новые программы, которые давали возможность реализовать принцип систематического обучения основам научных знаний;
- разработка новых учебников для школ глухонемых и для вспомогательных школ;
- перестройка в специальных школах профессионально-трудового обучения в плане вооружения учащихся теоретическими знаниями с элементами политехнического подхода;
- внедрение в учебно-воспитательный процесс специальных школ принципов общественного воспитания;
- издание специальных методических пособий; создание аспирантуры для подготовки научных кадров [26, № 3, с. 8].

Можно констатировать, что к началу Великой Отечественной войны обучением в специальных школах и классах удалось охватить основную массу детей с нарушенным слухом и зрением из числа способных усвоить программу общеобразовательной школы I–II ступени [31, с. 220, 235]. Хотя это относится в первую очередь к районам европейской части России, а также к большим городам и прилегающим местностям Урала и Сибири [26, № 4, с. 4]¹.

Обратимся непосредственно к данным по количеству учреждений системы специального образования в республиках Советского Союза накануне трагического июня 1941 г. Точных и всеми принятых цифр в силу различных методик подсчета на сегодняшний день не существует². Основной массив данных ожидаемо приходится на РСФСР, УССР и БССР.

¹ Неполноту охвата и неудовлетворительно поставленную на местах работу по учету этой категории детей подтверждают годовые отчеты школ периода войны, действовавшие в районах, которые не были театром боевых действий.

² Точный подсчет возможен при привлечении официальных документальных архивных материалов, находящихся в фондах ГА РФ и РГАСПИ, обработанных по единой методике.

РСФСР

В пределах административных границ РСФСР, согласно официальной информации республиканского Наркомпроса, в 1940/41 учебном году в системе ведомства насчитывалось 435 специальных и вспомогательных школ с контингентом учащихся 46 302 человека. Из них в 255 школах для глухонемых обучалось 27 010 человек, в 119 вспомогательных (для умственно отсталых) — 14 679 человек. И еще 4613 человек учились в 61 школе для слепых [17, с. 27]¹.

Скорее всего, сеть специальных школ находилась примерно в том же состоянии и испытывала те же самые проблемы, что и средняя школа: необходимость повышения уровня профессиональной подготовки учителей, и технического состояния школ и обеспеченности их оборудованием, пересмотра преподавания ряда предметов, внутреннего распорядка и пр. Об этом говорят материалы постановления Всероссийского совещания заведующих краевыми (областными) отделами народного образования (край(обл)оно) и наркомов просвещения АССР, состоявшегося в начале 1941 г.

Специальной школе в документе был посвящен отдельный пункт: «3. Принять меры к обучению всех слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей, для чего расширить сеть специальных школ, установить систематическое руководство ими со стороны край(обл)оно и наркомпросов АССР и обеспечить перевод этих школ на односменные занятия» [18, № 7, с. 4].

Увидеть текущее состояние дел в специальной школе на местах, далеких от столицы, можно на примере Татарской АССР². В 1940/41 учебном году в республике было две школы для слепых детей (средняя на 94 человека в Свияжске и неполная средняя на 72 человека в Елабуге) и три неполных средних вспомогательных (одна областная с интернатом на 85 человек в Свияжске и две в Казани, русская на 92 человека и татарская на 111 человек. Дополнительно в начале учебного года была выделена группа имбицилликов в количестве 12 человек).

Основные проблемы, с которыми сталкивались школы: низкий процент успеваемости, несоответствие школьных помещений

¹ В цифрах, существующих в основной литературе по истории специального образования и дефектологии, нет единства. Так, А.Г. Басова, без ссылок на источники, сообщает, что в 1941 г. в РСФСР была 271 школа для глухих [22, с. 245]. Возможно, имеет место смешение понятий РСФСР и СССР. Имеется явная опечатка и в количестве учащихся — 314 428 (там же). 271 школа и 31 426 учащихся фигурируют в опубликованной в 1965 г. статье Г.В. Кузнецовой [30, с. 118]. А.И. Дьячков в указанной статье дает цифры: 219 школ для глухих, 108 вспомогательных школ и 56 школ для слепых [26, № 4, с. 3, 5]. В.А. Феоктистова указывает 55 школ для слепых [37, с. 47].

² Материалы приводятся по Отчетам НКП Татарской АССР [10]. Судя по материалам из других регионов Поволжья, описываемая ситуация встречалась достаточно часто.

гигиеническим требованиям, недостаточная квалификация педагогов, недостаток или низкий уровень подготовки учителей по профобразованию.

Так, в школах слепых только три учителя закончили деффак ЛГПИ им. А. И. Герцена и еще два имели высшее педагогическое образование. Из 30 педагогов, работавших во вспомогательных школах, только три имели высшее дефектологическое и четыре — законченное высшее педагогическое образование. Тем не менее бросается в глаза их стремление самостоятельно повышать квалификацию, вести необходимую методическую работу. Так, педагоги вспомогательных школ проводили методические совещания, где выступали с докладами по актуальным темам, например «Изучение умственно отсталого ребенка», «Психология умственно отсталого ребенка по Занкову» и др. Учителя внимательно изучали новые учебники и методики, а также читали статьи из бюллетеня Научно-практического института специальных школ и детских домов НКП РСФСР (с 1943 г. — НИИ дефектологии).

Реальный процент успеваемости был низкий; например, во вспомогательных школах — 73,7 %. Проблемы с этим показателем, как правило, были связаны с недостаточной компетентностью и опытом педагогов, уровнем технической оснащенности учебного процесса и личными качествами некоторых учеников. Так, во вспомогательные школы очень часто поступал смешанный и не соответствующий характеру деятельности учебного заведения контингент — дети с тяжелой умственной отсталостью, переростки с легкой степенью отсталости, которых отчисляли из детских домов за плохое поведение [10, л. 9 об.].

И в школах для слепых детей, и во вспомогательных (не только в этом регионе) существовала проблема с педагогами профессионального обучения. Из-за их отсутствия в Свияжской школе слепых девять трикотажных машин простаивали без дела и обучение не велось, а ученики вспомогательных школ хронически не могли полностью пройти программы по швейному и столярному делу «из-за недостаточной квалификации инструкторов» [10, л. 13].

Несмотря на кадровую специфику, педагоги помимо учебы уделяли большое внимание формированию у своих подопечных простейших навыков самообслуживания: в рамках кружков рукоделия незрячих девочек учили шить носовые платки, штопать и ставить заплатки. Во вспомогательных школах в этот список добавлялось умение подмести комнату, полить цветы, вытереть пыль с предметов, пришить пуговицу.

Следует отметить, что во всех школах активно велась и иная воспитательная и внеклассная работа. Ученики посещали драмкружки, хоровой, кружок по изучению истории ВКП(б). Учащиеся школы слепых в Елабуге выступали с концертами на республиканском радио, а их коллеги из Свияжска — в районной олимпиаде по детскому творчеству.

Для некоторых школ РСФСР 1941-й год стал юбилейным. 14 июня отмечала свое 50-летие Смоленская школа слепых. 26 ее воспитанников встречали праздник на летней даче школы в д. Слобода. Здесь они и встретили начало войны, отсюда отправились в эвакуацию [29, с. 46–47].

Украинская ССР

Накануне Великой Отечественной войны УССР насчитывала 129 специальных школ (в том числе 84 для глухих детей (из них одна для позднооглохших), 18 для слепых детей и 27 вспомогательных)¹. Развитие системы образовательных учреждений для детей-инвалидов опиралось и на крепкие дореволюционные традиции в организации признания и образования таких детей, и на местные научные школы, а также на тесное взаимодействие СНК СССР и Наркомпроса УССР, который «усердно и добросовестно исполнял все указания и распоряжения ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вовлечению детей с нарушениями физического и умственного развития во всеобщ» [31, с. 237].

В частности, начиная с 1938 г. был принят ряд законодательных актов, направленных на максимально широкий охват образованием глухонемых детей всех возрастов; в годовые планы капиталовложений были заложены средства на строительство школ-интернатов для глухонемых; в Харькове с 1938 г. открывались курсы по подготовке учителей, а в областных отделах образования вводились должности инспекторов специальных школ. В это же время Киевская центральная дефектологическая станция была преобразована в Центральный научно-методический кабинет специальных школ, который вместе с НИИ дефектологии в Харькове разрабатывал методическую литературу для специальных школ, причем не только для глухих. Тогда же отдел спецшкол Наркомпроса УССР начал разработку целого пакета программ и учебников для школ глухонемых [39, с. 257–261]. Методические материалы разрабатывал и упомянутый НИИ дефектологии на основе программ, изданных в РСФСР.

Вместе с тем охват обязательным общим образованием глухонемых детей колебался на уровне 60–90 % в зависимости от региона. Школы испытывали серьезные кадровые проблемы, а имевшиеся сотрудники далеко не всегда отвечали профессиональным требованиям. С целью полного охвата учащихся в конце 1930-х гг. в республике открыли еще

¹ Такие цифры по школам для глухих приводит Н.Д. Ярмаченко [39, с. 268]. В это количество не входят заведения для взрослых и дошкольников с нарушениями слуха и зрения. В диссертации украинской исследовательницы Л.К. Одинченко приводится другая цифра по вспомогательным школам на начало 1941 г. — 25 заведений, где учились 3009 учеников [33, с. 18]. А.Г. Басова приводит другие данные для детей с недостатками слуха — 65 школ [22, с. 245]. Данные по школам для слепых (из них одна для слабовидящих) см.: [37, с. 18].

23 школы-интерната, увеличили прием в вузы на специальность учителя-дефектолога.

Ситуация усложнялась присоединением в 1939 г. к УССР западных областей с неразвитой системой специальных школ. Так, для глухонемых на Западной Украине было всего две школы (Львов и Черновцы), в которых училось около 100 детей из богатых семей [39, с. 264]. Для исправления положения в 1940–1941 гг. туда были направлены учителя из других областей республики — 10 человек для работы со слепыми детьми и по 15 для работы с глухонемыми и умственно отсталыми, а также 30 выпускников харьковских годичных курсов. В это же время было открыто 14 школ-интернатов для глухонемых. Планировалось, что в 1942 г. полный охват образованием детей с нарушением слуха будет завершен.

Белорусская ССР

Государственная система специального образования на территории Белорусской ССР начала активно развиваться и оформляться с 1924–1925 гг. Однако к полному охвату обучением основных категорий аномальных детей с нарушениями зрения, слуха, речи и интеллекта республика подошла только в середине 1930-х. К концу этого десятилетия организаторы специального образования и учительский корпус приступили к осуществлению неполного среднего образования детей с нарушениями слуха и речи (г. Мстиславль) и среднего образования детей с нарушениями зрения (г. Могилев). Тогда же в БССР начали созреть объективные условия для организации дифференцированного обучения детей с различными степенями нарушений слуха, зрения, речи и интеллекта. Основные кадры для белорусских специальных школ готовились в Мстиславском педтехникуме и в вузах РСФСР. Консультантами часто выступали сотрудники Научно-практического института спецшкол и детдомов (г. Москва). Учебные планы и программы создавались на основе учебно-методической документации, разработанной в дефектологических центрах РСФСР [24, с. 117].

В целом можно отметить, что содержание, формы и методы обучения и воспитания основных категорий аномальных детей в Белорусской ССР претерпевали те же изменения, которые были характерны для специальных школ других союзных республик [23, с. 113], в первую очередь РСФСР и УССР. На скорость и характер решения этих проблем влияли нехватка кадров профессиональных дефектологов, ограниченные материальные возможности республики, в том числе в области печати по Брайлю, не всегда оперативное и квалифицированное методическое руководство учреждениями для детей с отклонениями в развитии. Тем не менее педагоги организовывали процесс обучения по комплексным программам с формированием «живой речи» у глухонемых, развитием пространственной ориентировки у слепых, коррекцией познавательной

деятельности у умственно отсталых детей, предпочитая предметную структуру преподавания.

В 32 специальных школах (18 — для глухих, 10 — для умственно отсталых, 3 — для слепых и 1 — для детей с расстройствами слуха и речи), включая школы, открытые и на территории воссоединенных с Белоруссией в 1939 г. западных ее областей, числилось около 3 тыс. воспитанников. С ними занимались свыше 300 педагогов [24, с. 114].

* * *

В других республиках Советского Союза сеть специальных учебных заведений была практически не развита. Так, в Грузинской ССР было три школы, находившихся в Тбилиси, — для слепых (открыта в 1893 г.), глухих (фактически заработала не в 1941, а в 1945 г.) и вспомогательная (с 1938 г.). Азербайджанская ССР располагала школой глухих в г. Баку (открыта в 1932 г.). В Туркменской ССР в 1935 г. был открыт Республиканский детский дом для слепых им. В. Я. Ерошенко. Несколько иначе складывалась ситуация в Узбекской ССР. В 1921 г. в Ташкенте открылась школа для слепых и глухонемых детей, которая в 1929 г. была разделена на три самостоятельных учебных заведения — для глухих, слепых и умственно отсталых. Подготовка педагогов-дефектологов (сурдопедагогов) началась в республике только в 1939 г.

Начало войны. Эвакуация. Тыловая повседневность

Начало Великой Отечественной войны вызвало неизбежную перестройку всего уклада жизни общества, в том числе системы образования и специальной школы как ее звена. В условиях военного времени возникли серьезные затруднения в жизни и деятельности специальных школ и в развитии теоретических основ системы воспитания и обучения аномальных детей.

В обращении руководства Наркомпроса РСФСР к педагогам 29 июня 1941 г. говорилось о необходимости полностью подготовиться к новому учебному году несмотря на военные действия [20, № 79, с. 1]. Приспособление к новой реальности началось незамедлительно. 3 июля вышел приказ Наркомпроса о привлечении учащихся 7–10 классов к сельскохозяйственным работам в военное время [19, № 15–16, с. 3–4]. И буквально через несколько дней после начала войны началась эвакуация в глубокий тыл всех типов школ и детских домов из прифронтовых районов и районов, которым угрожало воздушное нападение. Специальные школы являлись в своем большинстве интернатными учреждениями, эвакуация которых составляла значительную сложность.

Не имея практического опыта перемещения огромных людских масс в таких условиях, организаторы эвакуации допускали летом 1941-го

много ошибок. Не было мобилизационного плана, сотрудники органов власти перекладывали решение вопроса об эвакуации детей на родителей (г. Москва), не были предусмотрены врачи и педагогические кадры на местах, не решались вопросы с транспортом, горячим питанием [2, д. 2]. Встречалось и откровенное неприятие эвакуируемых со стороны местных чиновников. Учащиеся спецшкол вместе с педагогами долго добивались до конечного пункта назначения. Кто-то не выдерживал нагрузки и бросал своих коллег и учеников.

Ученики Смоленской школы слепых попали в Пензу через полтора месяца пути под бомбежками [29, с. 47–51]. Учащиеся московского Института для слепых детей были эвакуированы в г. Мензелинск (Татарская АССР) [36, с. 103]. В Москву они вернулись в 1943 г. Школы глухих с Украины перемещались в Астрахань, специальные школы Белорусской ССР — в Саратов, Ивановскую, Уфимскую и Челябинскую области; школы Ленинграда — в Омскую, Тюменскую, Челябинскую области (часть школы № 1 для глухих и школы для тугоухих). В Узбекистане около 100 человек приняла школа слепых и более 200 учеников — школа глухих [31, с. 248].

С целью организации приема эвакуированных Наркомпрос издал 17 июля приказ № 547 «О наведении порядка по обслуживанию школьников», которым предписывалось обеспечить полный цикл функционирования образовательных учреждений — от количества школ и интернатов до топлива, медикаментов и пр. [19, № 15–16, с. 4]. И хотя документ относился только к Москве, Ленинграду и соседним областям, его нормы впоследствии транслировались уже повсеместно. В начале августа в регионы ушла директива Наркомата, которая предписывала организовать регистрацию всех детей, находившихся на территории, и обеспечить им образование [20, № 93, с. 1].

12 августа глава Наркомпроса В. П. Потемкин проинформировал руководство страны об основных изменениях в организации работы школы: новый режим, изменения в учебном плане и программе (учеба в три смены и пр.) [2, д. 2]. Эти нововведения в полной мере относились и к спецшколам. 17 августа в «Учительской газете» в развернутом виде была опубликована, по сути, новая концепция жизни школы в условиях войны [20, № 99, с. 1].

В целях упорядочения жизни и деятельности эвакуированных детских учреждений НКП РСФСР издал 16 сентября 1941 г. специальное «Положение об интернатах для детей школьного возраста, прибывающих из других областей». Мера была своевременной, так как никто не рассчитывал на столь большое количество эвакуированных. На местах поначалу к ним относились по-разному. Так, в приказе Наркомпроса РСФСР № 682 от 18 сентября 1941 г. говорилось: «...Наркомпрос Татарской АССР не осознал в должной мере всей политической важности вопроса обслуживания эвакуированных детей и осуществления повседневной заботы

о них. Только известной беспечностью можно объяснить тот факт, что в Татарской республике даже отсутствует точный учет эвакуированных детей и что интернаты находятся в недопустимом состоянии» [19, № 18, с. 2].

Руководствуясь этим положением и принимая во внимание особенности развития аномальных детей, коллективы эвакуированных специальных школ старались организовать учебно-воспитательный процесс, а не просто жизнь детей в интернатном учреждении. Спецшколы, расположенные в тылу, оказывали помощь школам глухонемых, слепых, вспомогательным, эвакуированным из районов военных действий. Местным властям приходилось решать целый ряд сложнейших проблем: размещение детей, организацию снабжения одеждой, учебниками, топливом на зиму, питанием.

Следует отметить, что, несмотря на значительные сложности, которые испытывали специальные школы (в том числе и эвакуированные), учебные занятия в 1941/42 учебном году начались 1 сентября.

Война вынудила педагогов и учащихся специальных школ заниматься не совсем привычным делом. В соответствии с приказом Наркомпроса от 13 февраля 1942 г. «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов» школы, в том числе и специальные, получили участки земли, скот, занимались агротехническими работами, выращивая корнеплоды, что позволяло обогатить рацион питания учащихся.

Постановление СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» обязывало руководителей образовательных учреждений решить старую проблему с учетом всех детей школьного возраста и вовлечь их в образовательный процесс. Хотя на практике это получалось сделать далеко не везде.

В целом же в первые годы войны сеть специальных школ в РСФСР значительно уменьшилась — были закрыты 232 школы, в том числе 30 в тыловых областях. За этот период из специальных школ было 25,9 тыс. учащихся [17, с. 27]. Количество вспомогательных школ сократилось в два раза [32, с. 196]. В 1942/43 учебном году Наркомпрос официально заявлял, что не располагает полными данными о движении учащихся [18, с. 5].

На протяжении всей войны располагавшиеся в тыловых областях и республиках школы, даже не расширившиеся за счет эвакуированных, ежедневно решали сложнейшие задачи выживания учителей и учеников, а также обеспечения учебного процесса. Так, Горьковская областная школа-интернат для слепых не была обеспечена санитарно-гигиеническими принадлежностями («не было зубных щеток, зубного порошка, мыла. Мытье детей проходило раз в 10 дней»), дровами, в 8–9-х классах не было ни одного учебника, из-за отсутствия приборов и реактивов

химию объясняли на словах. Не было учителя по физике. Катастрофически не хватало брайлевской бумаги («Если в отчетном учебном году с бумагой вышли из тупика тем, что исписанную бумагу мочили и гладили, то на новый учебный год от такого использования бумаги ничего не осталось»). В школе не было воспитателей (при требующихся восьми по штату) [3, л. 2–4, 9]. И снова старая проблема — невозможность комплектовать новые классы, потому что «учет слепых не ведется» [3, л. 11]. Отсутствовали программы обучения для слепых — поэтому педагоги ориентируются на программы массовой школы. Из-за этого в младшей школе были только 2 и 4 классы — «материал растягивают на два года, иначе нечему будет учить в 5 классе» [3, л. 4]. Обучение профессиональному труду (изготовление щеток) происходило только благодаря сторонней коммерческой артели — Наркомпрос сырьем школу не обеспечивал [3, л. 6].

Схожий круг проблем был и у Костромской школы для слепых, одной из старейших в России. Что характерно, отчет датирован весной 1945 г. «До сих пор все мероприятия по всеобучу еще не оправдывают себя... По начальному образованию [школа] обслуживает две области: Костромскую и Ярославскую, а... учащиеся собираются со всего Советского Союза. Ни один год школа не имеет точных цифр учета слепых детей, подлежащих обучению. Это приводит к тому, что нередко в начальную школу привозят переростков даже в первый класс» [6, л. 1].

В школе училось 110 человек. Питание было организовано по нормам детских домов, 400 г хлеба в день. Иногда продукты заменяли на менее калорийные, и взрослым ученикам этого было явно недостаточно. Дополнительные продукты давало подсобное хозяйство. Это 5 га земли и 136 рам парников. В холодное время года школа испытывала постоянные проблемы с отоплением — не хватало дров (не было возможности привезти): «Нужно 400 кубов, а отпустили 190, причем с вывозкой за 16 км или путем вылавливания собственными силами по р. Волге и распиловкой на берегу», говорится в отчете [6, л. 2]. Заниматься в холоде нельзя: «Условия обучения в школе слепых при низкой t невозможны, т.к. теряется осязание при чтении и застывают руки от холодных металлических приборов при письме» [6, л. 2 об.].

В плане общих положений учебно-воспитательного процесса специальная школа жила вместе со всей страной. На осуществление всеобщего обучения среди аномальных детей и на укрепление учебно-воспитательного процесса в специальных школах в условиях военного времени оказали влияние общепедагогические законоположения, которые были изданы во время войны.

В 1943 г. СНК СССР установил, что всеобщее обязательное обучение должно начинаться с семилетнего возраста. Это постановление было распространено и на детей с нарушениями в развитии. С 1944/45 учебного

года в специальные школы стали принимать с семилетнего возраста глухонемых, слепых и других аномальных детей.

2 августа 1943 г. СНК РСФСР постановлением № 692 утвердил «Правила для учащихся». В этих правилах говорилось об обязанностях учащихся, повышались требования к их поведению. 16 сентября Наркомат Просвещения РСФСР издает приказ № 162 «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся». Этот документ обязывал учителей специальных школ повышать требования к знаниям учащихся. Введение в январе 1944 г. цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения в массовых школах потребовало решения этого вопроса и в школах специальных.

21 июня 1944 г. СНК СССР издал постановление № 750 «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», в котором определялась сдача экзаменов окончившими начальные, семилетние и средние школы. В специальных школах также были введены выпускные экзамены. Причем контрольные задания в специальных школах (кроме вспомогательных) использовались те же, что и в массовых.

Эти и многие другие официальные документы Правительства СССР и РСФСР, руководства ВКП(б) давали спецшколам возможность сохраняться и развиваться даже в тяжелейших условиях военного времени. Для педагогов-дефектологов проводились межобластные совещания в Свердловске, Куйбышеве, Ярославле, где обсуждались совершенствование программ обучения русскому языку глухих детей, методическая работа, идейно-патриотическое воспитание [32, с. 197].

Специальная школа на оккупированных территориях

История специальных школ на оккупированных фашистскими войсками территориях СССР является для исследования самым непростым вопросом с точки зрения наличия и состояния источниковой базы. В настоящее время можно говорить о том, что, безусловно, война не пощадила большую часть специальных школ и нанесла тяжелый удар по педагогическому составу. Одна лишь сеть учебных заведений для детей с нарушением слуха на территории РСФСР потеряла за первый год войны 111 школ [22, с. 267]. Всего же в оккупированных областях России было разрушено более 17 тыс. школ, не говоря уже об остальной инфраструктуре народного образования [28, с. 214].

Часть находившихся в зоне оккупации педагогов-дефектологов погибла из-за тяжелейших условий жизни (в Харькове от голода умерли шесть человек), кто-то был замучен в гестапо (30 человек только в Харькове) [39, с. 360]. Кто-то вынужденно сменил профессию.

Воспитанников заведений для детей с нарушениями в развитии часто ожидала трагическая судьба. Так, в сентябре 1942 г. фашисты расстреляли и закопали заживо 47 воспитанников Нижне-Чирского детдома для умственно отсталых детей (Сталинградская область). Подобная судьба ожидала и учеников Харьковской школы слепых и слепоглухих, которые подлежали уничтожению. Их спасли только педагоги и стремительное наступление советских войск.

Во время немецкой оккупации наблюдались также случаи демонстративного открытия новых школ для детей с нарушениями здоровья. Это делалось в рамках пропагандистских кампаний с показательной целью. Так, выходившие на украинском языке газеты «Львовские вести», «Уманьский голос» и «Новое украинское слово» сообщали осенью 1941 и в июле 1942 гг. о приеме в школы слепых и глухонемых в Львове и Киеве. Новая школа глухонемых в Киеве открывалась по инициативе немецкого комиссара города. В школы принимали «учеников арийского происхождения», а цель была — «ремесленническое обучение молодого поколения» [38].

В них работали в том числе и прежние педагоги с антисоветскими взглядами. Так было, например, в Черновицкой школе глухих.

Восстановление специальных школ на освобожденных территориях

Проблема восстановления школьной сети и системы образования в целом на территориях СССР, освобождаемых от немецко-фашистских войск и их союзников, стала одной из ключевых в деятельности партийно-политического руководства страны. По сути, она началась после разгрома немцев под Москвой в конце 1941 г. Принципиальные изменения стали возможны после того, как СНК СССР 21 августа 1943 г. издал постановление № 901 «О неотложных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Из общего числа специальных школ, существовавших до войны, на тот момент их, по официальным данным, осталось 213 [18, с. 27].

В освобожденные районы и области направляли руководителей специальных школ, которые были эвакуированы в другие районы Советского Союза, учебники, оборудование. Задачи формулировались просто: возродить школу, собрать детей и начать учебный процесс, чтобы завершить в перспективе решения задачи, поставленной третьим пятилетним планом (на 1942 г.) и сорванной войной, по осуществлению среднего образования в городах и всеобщего семилетнего обучения на селе.

РСФСР

Вопросы восстановления на освобожденных территориях сети детских учебных заведений требовали огромных человеческих и материальных затрат. Работа шла масштабная: только в 1944 г. было восстановлено 2437 школ по плану и 2539 школ сверх плана. Однако оставалась масса нерешенных проблем — например, 20 % учащихся не посещали школу потому, что у них не было одежды и обуви [17, с. 9].

Весной 1943 г. в число первоочередных вышел вопрос снабжения учебниками. Страна испытывала катастрофическую нехватку учебной литературы по целому ряду причин. Во-первых, на освобождаемых территориях они были почти полностью уничтожены. По далеко не полным данным Наркомпроса РСФСР, на 16 территориях республики (Сталинградской, Курской, Ростовской областях, Ставропольском, Краснодарском краях, Калмыцкой АССР и др.) было уничтожено свыше 50 млн экземпляров учебников. Во-вторых, тираж выпуска новых изданий сократился почти в шесть раз (с 80–90 млн ежегодно до 1941 г. до 15 млн по плану Учпедгиза на 1943/44 учебный год, причем даже этот тираж не был обеспечен бумагой). И, наконец, большое количество изданных ранее учебников (до 50 % от ежегодного тиража) оставалось на руках у населения и использовалось не по назначению [2, д. 9]. Наркомпрос совместно с Госпланом предложил ввести новый порядок комплектования — создавать в школах собственный фонд учебной литературы и выдавать ее ученикам во временное пользование.

Специальные школы также испытывали дефицит учебников, как и всего остального, причем даже в районах, не подвергавшихся фашистской оккупации. Тем более остро стоял вопрос на освобожденных территориях. Проблемы обеспечения функционирования школ усугублялись целым рядом других факторов — от равнодушия чиновников, финансовой политики Госбанка, географической удаленности самой школы до отсутствия дорог, топлива, электричества, котельных, обслуживающего персонала и т. д.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию вокруг Кисловодской (бывшей Ставропольской краевой) школы слепых [4]. В ней, как в зеркале, отразился весь комплекс проблем, характерных для учебных заведений, вынужденно начинавших работу «с нуля». В связи с полным разрушением здания во время войны, ее директор добился перевода заведения из Ставрополя в Кисловодск. Работу школа начала осенью 1943 г. В ней насчитывалось 40 учеников. Школьное здание не подходило по функционалу, было полуразрушено. В нем не было тепла, света, врача и медсестры, уборщиц. Учащиеся не имели постельного белья, а нательного был неполный комплект и то не у всех. Не было бумаги, наглядных пособий. «Отсутствие в школе электросвета также мешало работе, т. к. из-за недостатка незрячих учебников приходилось пользоваться зрячими

учебниками, а при отсутствии света трудно было уложиться во времени, чтобы нужный материал прочитать до темноты» [4, л. 3]. С 12 декабря по 10 марта занятий не проходило — нечем было топить печи.

На следующий учебный год ситуация несколько улучшилась. Школу перевели в другое здание, но многие бытовые проблемы остались. Учителям приходилось стирать белье учащихся, гладить, обрабатывать его, весь 1944 г. они также боролись с завшивленностью (котельная здесь тоже была недостроена). Среди других трудностей (света и тут не было) учителя выделяли отсутствие брайлевской бумаги, учебников и наглядных пособий по географии, истории, естествознанию, физики, химии, математике, художественной литературы (библиотека насчитывала всего 200 книг).

Учительский коллектив школы был таков: 11 учителей на 80 учеников. Из них пять тифлопедагогов (причем два — малоопытные). С высшим образованием шесть учителей, со средним — три, два окончили двухгодичный пединститут [4, л. 4 об.].

Однако наблюдались и положительные моменты. В 1944 г. была отработана процедура приема в школу детей — после собеседования с родителями. В 1943 г. контингент был во многом случайным — в незрячие записались бродяги, нищие, беспризорники, вносившие негативный элемент в школьную жизнь (мелкое воровство, курение, грубость в отношении старших и пр.).

Как бы то ни было, но коллектив школы по мере возможности выполнял вышеупомянутые задачи и указания партии и правительства. Так, учителя и дети взяли шефство над госпиталем, где лечились военноослепшие. Они не только проводили концерты (примерно раз в два месяца), но и оказывали им помощь в освоении Брайля [4, л. 4].

С выполнением установок по организации подсобных хозяйств и работе в них было сложнее. Горсовет Кисловодска не спешил выделять обещанные 75 га земли и часть ее отдал местным жителям под огороды. Школе не выделяли семян, а скотину (три коровы, три лошади и двух ослов) дали бракованную. Приобрести что-то самостоятельно школа могла только по рыночным ценам, но Госбанк подолгу задерживал платежи.

Проявилась здесь и общая для многих местностей проблема — отсутствие учета детей с нарушениями здоровья, что позволяло бы планировать ежегодный набор классов и своевременно принимать решения в области кадров. «КрайОНО и КрайВОС не занимается учетом слепых детей по краю», — сообщал директор [4, л. 11], выражая надежду на перспективную поддержку со стороны местной администрации и чиновников образования. То же, как мы видели, происходило в целом ряде регионов.

Значительно лучше, но также не без проблем строился учебно-образовательный процесс в специальных учебных заведениях Московской области. Так, школа-интернат для слепых в Болшево вернулась

в свое старое, немного пострадавшее во время войны здание из кратковременной эвакуации в Курганскую область еще в 1942 г. Круг проблем был уже знаком. Главная — переполненность школы и непригодность здания. В 1943 г. в ней училось 114 человек вместо положенных 75. Классных помещений было пять, а само здание имело множество лестниц, переходов и закоулков, что затрудняло жизнь незрячих школьников. Категорически не хватало одежды и обуви — 45 пальто, сильно выношенные и в основном малых размеров. «На всех детей имеется всего 15 пар валенок, кожаной и брезентовой обуви 80 пар» [5, л. 6]. С топливом положение было напряженное, хотя из-за его отсутствия занятия не срывались. Температура в классах в самые сильные холода не опускалась ниже 8 градусов, в спальнях — ниже 12–14 градусов.

Что касается обеспечения учебного процесса, то советская школа, как и остальные, испытывала дефицит учебников по Брайлю, особенно в старших классах — по некоторым предметам их было по 1–2 штуки на класс, наблюдался и недостаток учебных пособий и оборудования — глобусов, геометрических фигур, приборов и пр.

Кадрами школа была обеспечена (из них шесть человек с высшим образованием), но их качество оставляло желать лучшего — ни учителя, ни воспитатели не работали над повышением квалификации.

Схожая с другими школами ситуация складывалась в области профессионального образования и выполнения планов. Дети старше 12 лет обучались и работали в швейной мастерской, но со стороны НКВД не была организована поставка сырья, поэтому программа хронически не выполнялась.

В связи с тем, что, как и в Костромской школе, здесь наблюдалась дезорганизация в плане приема, руководство выступило с предложением производить прием детей, пропуская их через специальные врачебные комиссии.

Согласно официальным отчетам, в целом по стране, в том числе в областях, освобожденных от немецкой оккупации, процесс воссоздания школьной системы двигался, хоть и не без недостатков, но почти по плану. К 1 января 1944 г. в освобожденных районах РСФСР возобновили работу 23 805 школ [28, с. 222].

Основным затруднением в выполнении народнохозяйственного плана называлось отсутствие достаточного количества приспособленных помещений, главным образом в областях, освобожденных от немецкой оккупации.

Успешно было выполнено задание по восстановлению сети специальных школ и обеспечению всеобщего обучения глухонемых, слепых и умственно отсталых в Курской, Архангельской, Ивановской, Кировской, Тамбовской, Челябинской, Вологодской областях и г. Ленинграде. Неудовлетворительно выполнили план Чкаловская, Тульская, Калининская области, Коми АССР, Алтайский край и др.

Так, например, в 1943/44 учебном году было восстановлено 60 специальных школ, из которых 20 в районах, освобожденных от немецкой оккупации [17, с. 27]. К концу 1943 г. были восстановлены и начали работу 24 школы глухих [22, с. 245]. Всего же количество детей, охваченных специальным обучением, по мнению некоторых исследователей, достигло в этот период десяти тысяч человек¹.

Распоряжением СНК СССР № 16480-р от 11 августа 1944 г. Наркомпросу РСФСР было предложено в 1944/45 учебном году восстановить сеть специальных школ, существовавшую до июня 1941 г. В соответствии с этим распоряжением, Наркомпрос приказом от 16 сентября 1944 г. № 628 обязал местные отделы народного образования приступить к восстановлению закрывшихся специальных школ и принять в них 17 310 человек.

В результате произведенной на местах работы к 15 декабря 1944 г. количество специальных школ увеличилось с 213 в 1943 г. до 278, а контингенты в них соответственно — с 18 500 человек до 23 989. Однако план приема в специальные школы оказался невыполненным — принято было 15 993 человек, или 81,3 % к плану.

Украинская ССР

Фашистская оккупация причинила всей системе образовательных учреждений УССР огромный урон. Было полностью разрушено 8104 и частично — 10 052 школьных здания. Эта же участь постигла большинство специальных школ, их библиотечный фонд. Сократилось количество педагогов-дефектологов.

27 февраля 1943 г. СНК УССР и ЦК ВКП(б)У издали постановление «О возобновлении работы школ в районах Украинской ССР, освобожденных от фашистских оккупантов», направленное на восстановление системы всеобуча. 28 августа 1944 г. СНК УССР издал постановление № 1087 «Об улучшении работ по обслуживанию слепых и глухонемых», в котором были намечены конкретные шаги в этом направлении. В частности, оно предполагало не только восстановить сеть школ для слепых и глухонемых, но и возродить специализированные библиотеки, ввести в строй специальный полиграфический цех для печати по Брайлю в Харькове, повысить стипендии слепым студентам вузов и многое другое.

Дальнейшая политика восстановления коррелировалась с решениями, принимаемыми в Москве. В итоге к лету 1945 г. в УССР была восстановлена большая часть учебных заведений для глухонемых, которая покрывала около 50 % детей школьного возраста. Отмечался резкий рост доли детей-переростков (наследие войны) и увеличение

¹ Н.М. Назарова, приводя эти данные [31, с. 196], ссылки на источник не дает.

количества глухих 7–8-летнего возраста (35 % от общего количества) [39, с. 361–367].

В 1944/45 учебном году произошел пересмотр программ для школ глухонемых (с опорой на образцы, разработанные в РСФСР). Появились разделы «Техника речи» и «Чтение с губ», «Подготовка к летней сельскохозяйственной практике». Трудовая деятельность была ориентирована на нужды фронта.

Белорусская ССР

Восстановление системы школ для детей с нарушениями в развитии на территории Белорусской ССР, по мере освобождения ее земель от фашистских захватчиков, имело свои особенности.

Весь школьный фонд БССР за годы войны претерпел колоссальный урон: гитлеровцы разрушили около 7 тыс. школ со всем их оборудованием, сожгли и разграбили богатые фонды учебной, научной и методической литературы [21, с. 448]. Так, например, в семи освобожденных к ноябрю 1943 г. районах Могилевской области из 577 школ уничтожили 237. В результате огромных людских потерь резко сократилось и число детей школьного возраста — местами на 30 %. Почти в два раза снизилось количество учителей: к началу 1944/45 учебного года их было около 30 тыс. против 54,6 тыс. человек перед началом войны [34, с. 71]. Погибли директора и учителя специальных школ Гомеля, Витебска, Гродно, Мстиславля [23, с. 79].

Восстановление сети образовательных учреждений, в том числе и спецшкол, проводилось согласно указаниям партийно-политического руководства страны. И ориентировано оно было, безусловно, на массовую школу. Так, п. 8 секретного Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П42/246 от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» гласил: «Обязать СНК БССР и ЦК КП(б)Б восстановить в 1944 году в освобожденных районах сеть начальных и средних школ, охватив обучением всех детей школьного возраста».

Несмотря на то, что в документе специальные школы отдельно не оговаривались, действие его положений распространялось и на них. Впрочем, работы начались еще до принятия официального документа о восстановлении сети образовательных учреждений в республике. Уже 1 октября 1943 г. в Мстиславле возобновила работу Мстиславская школа слуха и речи. В феврале 1944 г. ее преобразовали в Республиканскую школу беспризорных глухонемых подростков, увеличив количество воспитанников с первоначальных 50 до 150 человек, пытаясь за счет потенциала учреждения решить острейшую проблему с беспризорными «аномальными» детьми [23, с. 119].

18 апреля 1944 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление № 211/5 «О восстановлении сети школ в освобожденных от немецких оккупантов районах БССР». Под его действие подпадали и спецшколы республики.

Основное внимание на первых порах было уделено организации учреждений для детей с нарушениями зрения, слуха и речи. Постановлением СНК БССР от 9 октября 1944 г. № 659 сеть школ для глухонемых и слепых детей была определена пока в количестве 11 заведений на 1,4 тыс. детей. К марту 1945 г. в республике действовало уже пять школ для глухонемых (Мстиславская, Бобруйская, Голошевская, Ошмянская, Новогрудская) и одна для слепых детей (Гродненская в Поречье) с плановым контингентом из 650 учащихся. В числе утвержденных специальных школ значилась и Центральная республиканская школа для детей с расстройствами слуха и речи на 300 учащихся в Минске. По замыслу НКП БССР, она должна была обеспечивать дифференцированное обучение тугоухих детей и детей-логопатов республики. Осенью 1945 г. эта школа начала работать в Кобрине. Открытие запланированных школ глухонемых в Гомельской (Речица), Полесской (Копцевичи) и Пинской (Дрогичин) областях тормозилось отсутствием помещений или материалов для их ремонта и оборудования. В 1946 г., по неполным данным, обучением в спецшколах БССР не было охвачено 190 слепых, 700 глухонемых, 309 умственно отсталых детей и 175 детей-калек школьного возраста [23, с. 121].

Решение проблем обучения умственно отсталых детей тормозилось также и настороженным отношением руководства республиканского Наркомпроса к теме вспомогательных школ: еще свежо было в памяти осуждение педологии Центральным Комитетом ВКП(б). При этом потребность была большая: по состоянию на 1946/47 учебный год порядка 900 умственно отсталых детей школьного возраста не были охвачены системой образования (проживали у родителей или в детдомах). Первая вспомогательная школа (Витебск) была укомплектована только в январе 1949 г. [24, с. 94]

Учебно-методическое обеспечение

На протяжении всего военного периода работа по совершенствованию учебно-воспитательной работы в специальных и вспомогательных школах не прекращалась. Помимо мероприятий, инициированных и организованных Наркомпросом РСФСР (четыре межобластных совещания директоров и инспекторов специальных школ, семинары для учителей-дефектологов, обследование 11 специальных школ), в рамках дефектологической секции Учебно-методического совета ведомства велась активная работа по созданию специализированных программ обучения, разработке новых учебников, новых методик, учитывающих

в том числе и изменения в составе контингента учащихся: их ряды пополнили «дети войны», потерявшие зрение, слух, конечности в результате взрывных травм. Часто они приходили в школу уже переростками. Так, среди учеников Кисловодской школы слепых (5 класс) 50 % учащихся потеряли зрение во время войны. И помимо программного материала им приходилось осваивать письмо Брайля (письмо, чтение, арифметика), что создавало большие трудности в преподавании, потому что «специального [первого] класса для них не было возможности организовать из-за недостатка преподавателей» [4, л. 3 об.].

В целом число таких учащихся по стране составляло 30 % от общего количества слепых школьников, причем многие успели ранее закончить несколько классов массовой зрячей школы [37, с. 54]. Высок был и процент детей с психологическими травмами.

Над учебниками, методиками, рекомендациями трудился целый ряд научных институтов и центров — Центральный и Ленинградский научно-исследовательские институты экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов, кафедры ЛГПИ им. А. И. Герцена, Центр реабилитации военноослепших (г. Молотов). Но одним из главных центров оставался Научно-практический институт спецшкол и детских домов (с 1943 г. — НИИ дефектологии). Именно его сотрудниками совместно с коллегами в военные годы были: разработаны и изданы программы по русскому языку и трудовому обучению для школ глухонемых, по всем общеобразовательным предметам и профессионально-трудовому обучению для вспомогательных школ; разработаны и направлены на места методические указания о преподавании истории в школах глухонемых; составлены три сборника методических материалов по учебно-воспитательной работе в специальных школах, составлены и изданы методики по русскому языку — для школ глухонемых и вспомогательных школ и методика арифметики — для школ глухонемых; изданы восемь названий учебников для школ глухонемых, шесть — для школ слепых, четыре — для вспомогательных школ; разработаны и направлены на места указания об инспектировании специальных школ.

Создание в 1943 г. Академии педагогических наук, изменение не просто в статусе и названии, но и в задачах бывшего НПИ спецшкол и детдомов было продиктовано во многом задачами военного времени. От нового НИИ дефектологии требовалась многопрофильная научная деятельность: «В условиях военного времени, когда значительное количество детей получило различные травмы, осложняющие их воспитание и обучение, работа института приобретает особо важное государственное значение. Возникает целый ряд вопросов, нуждающихся в квалифицированной научно-экспериментальной разработке» [1, л. 17], — говорилось в обосновании переименования. Причиной была также «недостаточная разработанность весьма сложных вопросов методики и техники обучения слепых,

глухонемых и умственно-отсталых детей, обучающихся в 435 школах, в которых работает 6 тыс. учителей и воспитателей» [1, л. 19].

К работе приступили вернувшиеся из эвакуации ученые — педагоги, дефектологи, психологи, а также сотрудники, остававшиеся работать в Москве. Так, в 1943–1944 г. Научно-исследовательский институт дефектологии и Ленинградский научно-практический институт слуха и речи планировали решить следующие научные проблемы: развитие и формирование речи глухонемых детей, развитие мышления умственно-отсталых детей, трудовое обучение слепых детей, дошкольное воспитание глухонемых детей, работа с детьми, имеющими слухоречевые расстройства [17, с. 28]. Особые темы — восстановление речи у раненых, чтение с губ, наглядность в преподавании, обучение географии и естествознанию умственно отсталых детей, исследование мыслительных процессов глухонемых и слепых школьников и многое другое [7; 8]. В 1945 г. НИИ дефектологии работал сразу по 35 темам, от «выработки двигательных навыков у слепых, глухонемых и умственно отсталых учащихся» и «развития описательно-повествовательной речи у глухих школьников» до «психологического анализа детской немоты» и «особенностей трудовой подготовки ослепших в результате ранений» [9].

Дальнейшее развитие специальной школы и дефектологической науки происходило уже с учетом задач пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., который советское правительство приняло после окончания Великой Отечественной войны. В нем предусматривалось создание условий для осуществления семилетнего обучения всего подрастающего поколения, что, в свою очередь, оказало положительное влияние и на осуществление всеобщего обучения среди детей, имеющих физические и умственные недостатки.

Источниковая база

1. Дело № 520/40 о преобразовании Научно-практического института в Научно-исследовательский дефектологический институт // ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 2174.
2. Отдел школ ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126.
3. Отчет школы для слепых детей Горьковской области о работе за 1943–44 уч. г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2627.
4. Отчет Ставропольской краевой школы слепых детей о работе за 1943–44 уч. г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2629.
5. Отчет неполной средней школы слепых детей г. Болшево о работе за 1944–45 уч. г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2652.
6. Отчет средней школы для слепых детей г. Костромы о работе за 1944–45 уч. г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2653.
7. Отчет о научно-исследовательской работе института за 1943 г. // Научный архив (НА) РАО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 8.

8. Отчет о научно-исследовательской работе института за 1944 г. // НА РАО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 10.
9. Отчет о научно-исследовательской работе института за 1945 г. // НА РАО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 23.
10. Отчеты НКП Татарской АССР о работе вспомогательных школ и школ слепых детей за 1940–41 уч. г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2352.
11. План научно-методической работы на 1943 г. института, план работы отдела истории и теории дефектологии на 1943 г. и планы работы сотрудников на 1943 г. // НА РАО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 7.
12. План научно-исследовательской работы института на 1944–1946 гг. // НА РАО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 9.
13. План научно-исследовательской работы института на 1945 г. // НА РАО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 22.
14. Протоколы конференций и совещаний научных сотрудников института за 1943 г. // НА РАО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 6.
15. Справка о Научно-исследовательской работе института за 1945 г. // НА РАО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 25.
16. *Анисов М. И.* Источники изучения истории советской школы и педагогики: учеб.-методич. пособие. М.: Просвещение, 1986. 223 с.
17. Народное образование в РСФСР в 1944 году: отчет Народного комиссариата просвещения РСФСР / сост. М. П. Сазонов [и др.]. М.: Учпедгиз, 1945. 223 с.
18. Народное образование в РСФСР в 1943 году: (отчет Народного комиссариата просвещения РСФСР). М.: [б. и.], 1944. 147 с.
19. Сборник приказов и инструкций по Наркомпросу РСФСР. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1941. № 1–18.

Список литературы

1. Учительская газета. 1941. 2 июля. № 79; 3 августа. № 93; 17 августа. № 99.
2. 80 лет с начала Великой Отечественной войны: историческая правда, уроки, взгляды современников. Материалы Международной научно-исторической конференции. Гомель, 27–28 октября 2021 г. Гомель: Учреждение образования БГУТ, 2022. 478 с.
3. *Басова А. Г., Егоров С. Ф.* История сурдопедагогики: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1984. 295 с.
4. *Бобла И. М.* Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей в Белоруссии: дисс ... канд. пед. наук. Минск, 1987. 217 с.
5. *Бобла И. М., Макавичик, И. Ю.* История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие. Минск: БГПУ, 2010. 180 с.
6. *Дьячков А. И.* Основные этапы развития советской дефектологии // Специальная школа. 1968. № 1. С. 8–14.
7. *Дьячков А. И.* Основные этапы развития советской системы воспитания и обучения аномальных детей // Специальная школа. 1967. № 1. С. 3–12; № 2. С. 3–12; № 3. С. 3–8; № 4. С. 3–9; № 5. С. 3–13; № 6. С. 3–12.

8. Замский Х. С. Умственно отсталые дети: история их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. 2-е изд. М.: Академия, 2008. 362 с.
9. Кондакова Н. И. Восстановление системы народного образования в освобожденных районах РСФСР // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1976. С. 213–223.
10. Кононов В. А. История одной школы: К 110-летию Смолен. обл. сред. шк.-интерната для слабовидящих детей. М.: Грааль, 2001. 71 с.
11. Кузнецова Г. В. Из истории специальных школ для глухих и слабослышащих детей (1930–1941) // Советская педагогика. 1965. № 8. С. 117–123.
12. Малофеев Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия: учеб. пособие. М.: Просвещение, 2013. Ч. 2. 320 с.
13. Назарова Н. М., Пенин Г. Н. Специальная педагогика. М.: Академия, 2007. Т. 1. История специальной педагогики. 352 с.
14. Одинченко Л. К. Розвиток спеціальної освіти розумово відсталих учнів в Україні (1918–1941 рр.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Київ, 1996. 25 с.
15. Опшок Т. В. Восстановление социальной сферы в освобожденных осенью 1943 — весной 1944 г. районах БССР // Труды БГТУ. 2020. Серия 6. № 2. С. 68–74.
16. Потемкин В. П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 303 с.
17. Сизова А. И. Из истории обучения слепых детей. М.: [б. и.], 2008. 301 с.
18. Феоктистова В. А. История советской тифлопедагогики, школы слепых и слабовидящих: учеб. пособие. Л., 1980. 70 с.
19. Школы слепых и глухонемых в оккупации // Telegra.ph. URL: <https://telegra.ph/SHkoly-slepyh-i-gluhonemyh-v-okkupacii-01-20> (дата обращения: 15.05.2025).
20. Ярмаченко М. Д. Виховання і навчання глухих дітей в Українській РСР: дис. ... д-ра пед. наук. Київ, 1968. 607 с.

С. В. Мурафа

Профессиональное служение дефектологов в годы Великой Отечественной войны

Специальные и вспомогательные школы в годы Великой Отечественной войны

Чем дальше отходят в историю годы Великой Отечественной войны, тем величественнее предстает перед нами повседневный подвиг педагогических коллективов школ, в том числе и специальных. Большинство работников просвещения своевременно и правильно поняли свое место в общей деятельности народа в военных условиях. В те дни, публикуя материалы о всеобщем обучении, газета «Правда» указывала, что никаких скидок на трудности в этом деле в связи с военной обстановкой быть не должно [5].

4 сентября 1941 г. Совнарком принял постановление, проникнутое огромной заботой об эвакуированных детях и детях, потерявших родителей. Все они были размещены по школам и продолжали заниматься. Для детей, родители которых погибли, были открыты детские дома. Народный комиссариат просвещения РСФСР усилил контроль за деятельностью местных органов народного образования, укрепил педагогический состав в детских домах и школах-интернатах. После освобождения оккупированных областей встал вопрос о деятельности школ в этих районах, так как материальная база была подорвана. Поистине героические усилия по восстановлению школ проявили учителя, школьники, местное население и огромную помощь им оказала Красная армия.

Принятые в кратчайшие сроки правительством меры по сбережению жизни, здоровья, по обеспечению и обучению всех категорий детей на протяжении всего периода войны позволили сберечь детей в труднейших условиях. Одни педагогические коллективы школ уезжали вместе со своими воспитанниками в эвакуацию, другие оставались на своих родных местах, где не было военных действий, и продолжали учиться, помогая фронту. Педагогические коллективы школ для детей с дефектами умственного и физического развития продолжали работать весь тяжелый военный период.

В таблице ниже (составлена автором по источнику [4]) приводятся официальные статистические данные по количеству школ, количеству

учащихся, учителей на начало войны и по окончании. Отдельно вынесены школы для детей с дефектами умственного и физического развития. По приведенным данным видно, что численность школ для детей с дефектами умственного и физического развития незначительно уменьшилась после войны, но при этом в сельской местности численность обучающихся детей с дефектами умственного и физического развития уменьшилась.

**Дневные общеобразовательные школы по союзным республикам
(на начало учебного года в период войны)**

Годы	Школы		Численность учащихся (тыс.)		Численность учителей (тыс.)
	Всего	Для детей с дефектами умственного и физического развития	Всего	Детей с дефектами умственного и физического развития	
СССР					
Городские поселения и сельские местности					
1940/41	191 545	1095	34 784	274	1216
1945/46	186 853	705	26 094	85	1043
Городские поселения					
1940/41	21 501	830	8 680	69	277
1945/46	18 393	880	10 778	108	374
Сельские местности					
1940/41	170 044	215	24 006	166	842
1945/46	168 460	243	18 186	23	762
РСФСР					
Городские поселения и сельские местности					
1940/41	113 880	336	15 018	42	615
1945/46	113 453	423	18 611	89	796
Городские поселения					
1940/41	12 511	263	5026	37	176
1945/46	11 218	328	7319	72	274
Сельские местности					
1940/41	101 369	134	13 610	19	479
1945/46	102 235	73	9992	5	439

История войны сохранила множество свидетельств беззаветного служения и нравственной силы духа дефектологов, оставшихся на своем профессиональном посту, глубоко осознававших серьезность поставленных перед ними задач — отдавать все свои силы делу воспитания и обучения детей с дефектами умственного и физического развития в период военных действий.

Так, школы для глухих, находящиеся в тылу, приняли детей, эвакуированных из временно оккупированных областей и прифронтовых территорий. Педагогические коллективы постарались обеспечить нормальные условия жизни и учебы своим учащимся. Школы для глухих на оккупированных территориях были большей частью разрушены, пострадали прекрасные школы-новостройки в Воронеже и Смоленске. По мере освобождения временно оккупированных областей в Наркомпрос ставил перед школьными директорами задачу восстановления школ, пострадавших от войны. И задача постепенно выполнялась. Помещения ремонтировались, необходимую мебель учащиеся вместе со своими учителями делали в мастерских. Школы для глухих, не пострадавшие в войне, пришли им на помощь: отдавали часть учебных пособий и мебели. Школы для глухих Москвы и Московской области взяли шефство над школами в восстанавливаемых областях.

Несмотря на все тяжести военного времени, специальные школы возрождались к жизни и начинали работать в привычных условиях, постепенно улучшая их. К концу 1943 г. были восстановлены 24 школы для глухих. Почти каждая организовала подсобное хозяйство, которое помогало улучшить питание детей.

Ярким примером ежедневного героизма педагогического коллектива и учащихся может служить Армавирская школа для глухих (директор Р. Н. Хачатуров). Ее ученики стойко переживали все трудности, связанные с временной оккупацией их родного города, понимали сложившееся положение в городе и стране. Ученик Д. писал в дневнике: «У нас был участок в поле. Мы знали, что идет война с фашистами. Нужно было приготовить овощи на зиму, чтобы не покупать их и сохранить деньги для фронта. Мы посеяли и все пропололи. Вдруг прилетели вражески самолеты и стали бомбить город...» [1]. Бомбежки на Северном Кавказе усилились, и жертв стало больше. Из записей другого школьника: «Наступил вечер. Мы поужинали. Через несколько минут увидели — снова летят фашистские самолеты...» [1].

Для глухих детей жизнь в городе в этот период была особенно трудной. Педагоги и руководители школы проявили исключительную выдержку, стойкость и самообладание, они не замалчивали опасностей, которые ожидали город и детей. Для того чтобы не попасть в руки врага, учителя вместе с детьми двинулись из города в горы. Учащиеся верили, что они вернутся в родную школу, сказали директору, что не будут

плакать и капризничать в пути. Как писала А. Г. Басова, нельзя без волнения читать материалы по истории Армавирской школы этого периода, представляя себе картину, насыщенную драматизмом детских переживаний, чувством решимости и глубокой веры в победу и одновременно безграничного доверия к своим педагогам [1]. Организованно, стойко преодолевая сложности опасного марша, дети прошли сотни километров, в некоторые дни — по 70 километров. После длительного перехода колонна школьников вышла на железнодорожную станцию, где солдаты Красной армии посадили детей к себе в поезд и довезли до Баку. Детей Армавирской школы с теплотой приняла Бакинская школа (директор С. Г. Григорян).

После освобождения своего города дети вернулись домой и увидели там руины. Под руководством учителей глухие ученики энергично помогали возрождению любимой школы: оборудовали мастерские, отремонтировали классные комнаты, восстановили богатые коллекции наглядных пособий. И в 1948 г. на Всероссийской выставке Армавирская школа для глухих детей получила первую премию за наглядные пособия.

Новосибирская школа для глухих детей (директор К. М. Маландина), ее дружный коллектив, находясь в тылу, также включилась в борьбу за победу над врагом. Она организовала пошив вещей для бойцов и командиров Красной армии. Ученики, работавшие в школьных мастерских, выполняли различные заказы и за годы войны заработали более 30 тыс. рублей. В школе было подсобное хозяйство для обеспечения учеников питанием, но школьники также помогали совхозам и колхозам, которые нуждались в рабочей помощи. Кроме работы и учебы дети находили время и для культурно-массовой деятельности: радовали бойцов, находившихся на лечении в госпиталях, художественной самодеятельностью.

Трудовыми подвигами во время войны славится Ярославская школа для глухих (директор А. И. Смирнова). Школа приняла детей из Ленинграда, которые в большинстве своем были больные: их лечили, кормили, восстанавливали. Ярославская школа для глухих смогла в полном составе сохранить всех своих учащихся. Дети активно помогали фронту, собрали 75 тонн металлолома, сами загрузили их на баржи, и за эту помощь Облисполком вынес глухим школьникам благодарность. Школьники посылали письма, подарки, теплые вещи летчикам одной из авиационных частей.

Учащиеся старших классов Свердловской школы для глухих выполняли военные заказы предприятий и Уралмашзавода, много и самоотверженно трудились. При этом продолжалась и учебно-воспитательная деятельность.

Детский дом для глухих дошкольников в г. Иваново (заведующая З. А. Трямина) принял на себя заботу о детях, эвакуированных из прифронтовой полосы. Педагогический коллектив взял также на свое попечение

нормально слышащих детей дошкольного возраста, которых привезли из Ленинграда.

Значительную работу в дни войны провели коллективы московских школ для глухих № 384 (завуч А. А. Плетцова) и № 338 (директора Т. И. Юдковская и Ф. Н. Капустин). Часть детей была в эвакуации, а для тех, кто остался в школе № 384, был создан форпост, который объединил всех глухих учащихся. Для них открыли мастерские, где они могли работать и выполнять заказы для отдельных заводов и организаций. Вскоре школа вновь вернулась к нормальной деятельности.

Дефектолог: больше, чем профессия

Суровые годы войны изобилуют фактами самоотверженного служения Родине советских дефектологов, которые воспитывали и обучали детей с дефектами умственного и физического развития, работали в госпиталях, санаториях, помогали восстановлению раненых после тяжелых травм, преподавали, проводили научные исследования, выпускали научные пособия и статьи, приносили вклад в фундаментальную науку.

Несмотря на трудности, порожденные войной, научно-исследовательская работа в области дефектологии не прерывалась. В годы войны осуществляли плодотворную научную и практическую деятельность специалисты-дефектологи разных направлений. Ниже приведены имена ученых-дефектологов, в разные периоды работавших в Академии педагогических наук СССР/РСФСР и послуживших живыми примерами личного мужества, стойкости, любви к детям, стремлением к победе и высочайшего профессионализма в годы Великой Отечественной войны.

Мария Игнатьевна Кузьмицкая (1902–1978)¹

Отечественный олигофренопедагог, кандидат педагогических наук. Организатор детских учреждений, методист, изучала вопросы воспитания советского патриотизма на уроках истории во вспомогательных школах.

С 1937–1938 гг. — учитель и воспитатель вспомогательной школы Научно-практического института специальных школ и детских домов, а в 1938–1943 гг. — заместитель директора по учебно-воспитательной работе в той же школе.

При непосредственном участии Марии Игнатьевны в 1941 г. была проведена эвакуация детских

¹ Здесь и далее приводятся иллюстрации из Архива Российской академии образования (фонд № 25, фонд № 72 «Президиум АПН СССР»).

учреждений из г. Москвы в Пензенскую область, позднее она была откомандирована для налаживания работы в детском интернате Научно-практического института. В период эвакуации обеспечивала бесперебойную работу детских учреждений Института — школ для глухонемых и вспомогательной школы. По возвращении в феврале 1942 г. в Москву продолжила работу как заместитель директора Института.

С 1943 г. работала в Москве младшим научным сотрудником Института дефектологии АПН РСФСР, далее с 1 июня 1944 г. — научным сотрудником кабинета олигофренопедагогики, а в 1949–1954 гг. — начальником Отдела спецшкол Министерства просвещения РСФСР.

В 1954 г. защитила диссертацию с присвоением ученой степени кандидата педагогических наук по теме «Основные трудности в решении арифметических задач учащимися вспомогательных школ».

Каждую семью коснулось трагическое время войны, но преодолевая личные трудности, горе утрат, учителя, врачи, дефектологи продолжали служить своему народу, своей профессии, Родине. Фрагмент из личного дела Марии Игнатьевны от 29 августа 1949 г. показывает личное мужество женщины, жены, матери, дочери, ученого в военные и послевоенные годы: «Во время Великой Отечественной войны в 1944 г. мой муж погиб на фронте. В настоящее время моя семья состоит из трех детей и старухи матери; старший сын служит в Советской Армии — учится в авиационной военной школе, младший учится в средней школе, средний сын 18 лет — инвалид II гр[уппы], не работает» [3].

Награждена медалями: «За оборону Москвы» (1944), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «За трудовую доблесть» (1949), «За трудовые отличия» (1951).

Рахиль Марковна Боскис (1902–1976)

Доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН РСФСР (1955), член-корреспондент АПН СССР (1968). Сфера научных интересов — дефектология, детская патопсихология, сурдопедагогика [9, с. 201].

С 1931 г. работала в Научно-исследовательском институте дефектологии.

В 1938–1941 гг. работала врачом и научным сотрудником в Нервно-психиатрической лечебнице им. З. П. Соловьева. В июле 1941 г. была эвакуирована в г. Магнитогорск, где проработала до 1943 г. в психиатрической больнице в качестве заведующей отделением.

24 апреля 1943 г. была призвана в Красную армию и направлена в Москву. 4 июля 1943 г. была переведена в запас и направлена на работу по восстановлению речи у раненых бойцов и командиров Красной

армии, была научным руководителем речевого отделения восстановительной клиники Всесоюзного института экспериментальной медицины.

Одновременно в 1943 г., по возвращении из эвакуации, продолжила работу в качестве консультанта, затем старшего научного сотрудника Отдела сурдопедагогики НИИ дефектологии АПН РСФСР.

Под руководством Рахиль Марковны в 1949 г. в НИИ дефектологии АПН РСФСР был создан сектор обучения и воспитания тугоухих детей [8].

Награждена медалью «В память 800-летия Москвы» (1948).

Ольга Владимировна Правдина (1894–1977)

Выдающийся советский ученый, логопед, кандидат педагогических наук. В годы войны проводила научно-практическую деятельность в области логопедии, помогая больным детям и взрослым с тяжелыми речевыми нарушениями в результате ранений.

Свою исследовательскую работу по изучению детского псевдобульбарного паралича Ольга Владимировна начала в 1938 г. в соответствии с планом работы Московского Научно-практического института специальных школ и детских домов. Война прервала эту работу.

В 1941–1943 гг. была эвакуирована с семьей сначала в Рязанскую область, далее в г. Свердловск [8]. После возвращения продолжила работу логопедом в медико-педагогической консультации НИИ дефектологии АПН РСФСР (1944–1948), в логопедическом кабинете поликлиники № 61 Сокольнического района под руководством Ю. А. Флоренской (1944–1945) и в Московском Невропсихиатрическом госпитале (1945–1948) под руководством Ю. А. Флоренской. В 1944–1945 гг. совместно с Ю. А. Флоренской провела обследование речи у детей яслей завода «Красный богатырь» Сокольнического района, яслей № 101 Фрунзенского района и детских садов Сокольнического района (№ 19, 26, 28) Москвы.

Весь тяжелый период Великой Отечественной войны работала над диссертацией «Тяжелая детская дизартрия в логопедической практике», которую защитила в 1949 г. В ней Ольга Владимировна приводит различные примеры из практики тех времен, которые показывают профессионализм ученого и одновременно боль того времени. Из истории девочки Т., 7 лет, первичные сведения у которой были собраны в 1940 г.: «...Наступившая война прервала связь с девочкой до сентября 1944 г. За это время никаких занятий не велось. Обследование 1944 г. обнаружило, что за это время никакого продвижения девочка в речевом отношении не дала. Полученные движения сохранились, но стали менее четкими...» [6, с. 60].

Награждена медалью «В память 800-летия Москвы» (1948).

Мария Семеновна Певзнер (1901–1989)

Врач-психиатр, доктор педагогических наук, кандидат медицинских наук, профессор. Автор нового направления — «клиническая дефектология», изучала аномальных детей, страдающих различными отклонениями в развитии и нервно-психическими заболеваниями.

В 1938 г. Мария Семеновна защитила кандидатскую диссертацию по теме «Психиатрические состояния в детском возрасте». С 1931–1941 гг. работала научным сотрудником экспериментально-дефектологического Института Министерства просвещения.

В 1941 г. в связи с эвакуацией МГУ, где работал профессором ее муж, была эвакуирована в Ашхабад, где работала начальником отделения психоневрологического госпиталя, и в 1942 г., в связи со следующим переездом МГУ, продолжила работу начальником отделения психоневрологического госпиталя в Свердловске.

По возвращении в Москву в 1943 г. Мария Семеновна приступила к научной и практической работе в Центральном институте психиатрии РСФСР в качестве старшего научного сотрудника [8]. В 1944 г. написана работа «Клиника различных форм олигофрении в детском возрасте», в 1945 г. вышла статья в журнале «В помощь работнику детского дома» на тему «Психические изменения у детей в связи с прибываемых в немецкой оккупации».

С 1946 г. работала врачом-консультантом в санатории Горздравоохранения г. Москвы для нервных детей [3].

Награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948).

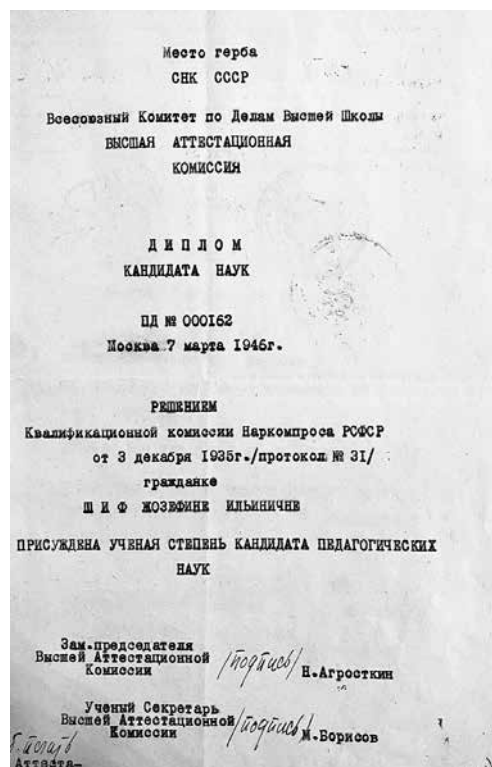

Жозефина Ильинична Шиф (1904–1978)

Отечественный психолог, доктор педагогических наук. Работала в области исследования развития процессов мышления и речи у нормальных, глухих и умственно отсталых детей. Принимала участие в создании первых программ по психологии детей с недостатками слуха для педагогических институтов.

В 1926 г. Жозефина Ильинична окончила государственный Институт им. А. И. Герцена. В 1933 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие научных понятий у школьника» (в 1936 г., в связи с «разгромом» педологии в СССР, была лишена ученой степени кандидата педагогических наук, с восстановлением в 1946 г.).

С 1934 г. — старший научный сотрудник психологической лаборатории Научно-практического института специальных школ и детских

домов, а также зачислена ассистентом кафедры детской психологии и педологии 2-го Московского государственного педагогического института (МГПИ), где проработала до 1936 г.

С 1935 по 1941 гг. преподавала историю в школе-коммуне, вспомогательной школе и школе для глухих, руководила отделом наглядных пособий для специальных школ при Научно-практическом институте специальных школ и детских домов.

В 1941 г. была эвакуирована с ребенком в Куйбышев, где работала заведующей Методическим кабинетом детских домов Областного отдела народного образования, которые были эвакуированы из блокадного Ленинграда. В октябре 1942 г. приказом Наркомпроса РСФСР была переведена на свою прежнюю работу — старшего науч-

ного сотрудника Научно-исследовательского дефектологического института (прежде Научно-практического института специальных школ и детских домов). Работала заведующей отделом специальной психологии, заведующей секцией психологии глухонемого. В 1943 г. Высшей аттестационной комиссией ей было присвоено звание старшего научного сотрудника по психологии.

С 1943 г. по 1945 г. руководила работой по восстановлению речи и психологическому обследованию раненых бойцов и офицеров Красной армии в эвакогоспитале черепно-мозговых ранений № 5016 [3].

С 1943 г. продолжила преподавательскую деятельность по подготовке дефектологических кадров — читала курс психологии глухонемого на дефектологическом факультете Московского педагогического государственного института (МПГИ) им. В. И. Ленина, а с 1945 г. параллельно работала доцентом в МГПИ им. Н. К. Крупской на кафедре психологии.

Награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948).

Татьяна Александровна Власова (1905–1986)

Ученый-дефектолог, член-корреспондент АПН СССР (1971), действительный член АПН СССР (1982), доктор психологических наук, профессор. Изучала проблемы комплектования и состава учащихся специальных школ, исследовала особенности развития детей с нарушениями слуха [10, с. 141].

С 1929 г. Татьяна Александровна работала в Экспериментально-дефектологическом институте Наркомпроса РСФСР заведующей клинико-диагностическим отделением, где при ее активном участии впервые в истории дефектологии исследовались психологические особенности аномальных детей и их развитие в условиях обучения. С 1932 г. заместитель директора этого Института по учебной и научной работе, в 1939–1942 гг. — директор Московского государственного педагогического дефектологического института (созданного на базе дефектологического факультета МПГИ им. А. С. Бубнова). Осенью 1941 г. вместе со студентами и сотрудниками института тушила зажигательные бомбы во время бомбардировки столицы [8].

В годы эвакуации работала завучем педагогического училища в г. Осе Молотовской области, после возвращения в Москву с 1943 по 1945 гг. — секретарь исполкома Фрунзенского районного советов депутатов трудящихся Москвы, с 1945 по 1963 гг. — инструктор, заведующая сектором школ и отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС, с 1968 г. — директор Института дефектологии АПН СССР [3].

Решение вопросов подготовки дефектологических кадров в годы войны

В чрезвычайно сложные для страны годы Гражданской войны и интервенции вопросы воспитания и обучения не сходили с повестки дня правительства. Именно тогда было положено начало организации всей системы учреждений по воспитанию, обучению и лечению аномальных детей (Постановление СНК СССР от 10 декабря 1919 г. «О согласовании функций народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей») [7].

Проявляя заботу по отношению к детям с отклонениями в развитии, Наркомпрос уже в 1929 г. создал научно-методический центр по разработке проблем воспитания и обучения аномальных детей — Экспериментально-дефектологический институт, в оргкомитет которого входили Д. И. Азбукин, Л. С. Выготский, И. И. Данюшевский, Ф. А. Рау.

В 1943 г. на базе этого института был создан НИИ дефектологии Академии педагогических наук РСФСР, включенный в состав учреждений

АПН РСФСР. Открытие дефектологических факультетов при педагогических институтах и организация в годы Великой Отечественной войны научного центра по разработке теоретических проблем изучения, воспитания, обучения и трудовой подготовки аномальных детей содействовали формированию дефектологии как науки, что, в свою очередь, оказывало огромное влияние на повышение качества учебно-воспитательного процесса в специальных школах и дошкольных учреждениях [2].

Так, в Московском государственном педагогическом дефектологическом институте в 1942 г. проводился набор студентов на два факультета: факультет по работе в школах глухонемых и факультет по работе в вспомогательных школах. Прием проводился без вступительных испытаний, со сроком обучения четыре года с присвоением звания преподавателя средней школы. Все студенты по окончании института направлялись на работу в специальные школы с правом совмещать работу с преподаванием в средней школе [11].

Основным центром научно-исследовательской работы в области сурдопедагогики стал Московский научно-практический институт (директор И. И. Данюшевский), эвакуированный в г. Нолинск Кировской области. В годы войны Институт плодотворно организовывал учебную работу школ для глухих и по повышению педагогической квалификации учителей. Много внимания уделялось организации и проведению межобластных совещаний сурдопедагогов, в которых научные работники московского института принимали самое активное участие (Л. В. Занков, А. И. Дьячков, И. А. Соколянский, М. А. Томилова, Ф. Ф. Рау, А. Ф. Понгильская и др.).

В 1942 г. на межобластных совещаниях в Свердловске, Куйбышеве и Ярославле были поставлены вопросы, связанные с рассмотрением научной основы программ по русскому языку и организации методической работы в специальных школах в условиях военного времени. Программа была введена в школах для глухих с 1943 г.

Сурдопсихологи и сурдопедагоги-методисты М. А. Томилова, А. Ф. Понгильская, А. И. Дьячков, И. А. Соколянский, Ж. И. Шиф, Д. М. Маянц, Л. В. Занков и многие другие направляли свои усилия на оказание сурдологopedической помощи бойцам, получившим черепно-мозговые ранения и контузии, и потерявшим слух и речь. Совместно с врачами-невропатологами и психиатрами велась научно-педагогическая работа в госпиталях.

Героический период в истории нашей страны нашел отражение в профессиональной деятельности дефектологов. Предпринятый нами проблемно-хронологический обзор самоотверженного, профессионального служения дефектологов в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что, несмотря на тяжелейшие испытания, дефектологи посвящали свою жизнь детям с дефектами умственного и физического

развития, не оставляли своих учеников, помогали им жить и учиться с верой в лучшее завтра. Представленные фактологические данные представляют интерес для современного поколения дефектологов.

Список литературы

1. Басова А. Г. Школы для глухих и разработка вопросов сурдопедагогики в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Дефектология. 1970. № 3. С. 85.
2. Власова Т. А. Государственная забота о воспитании и обучении аномальных детей и пути развития советской дефектологии // Дефектология. 1970. № 2. С. 3.
3. Личные дела сотрудников, кандидатов в члены-корреспонденты и действительные члены академии (1944–1985 гг.) // НА РАО. Ф. 25. Оп. 1 (т. 1–4); Ф. 72. Оп. 1.
4. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сб. М.: Статистика, 1977. 448 с.
5. Правда. 1942. 24 марта. № 83. С. 1.
6. Правдина О. В. Тяжелая детская дизартрия в логопедической практике: дис. ... канд. пед. наук. М., 1949. 60 с.
7. Постановление Совета Народных Комиссаров «О согласовании функций Народных Комиссариатов Просвещения и Здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей» от 10 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1919 г. М.: [б. и.], 1919. № 61. Ст. 564. С. 564.
8. Сто знаменитых дефектологов: к 100-летию Института коррекционной педагогики: библиограф. словарь / отв. ред. М. А. Тимофеев. М.: ИНФРА-М, 2023. 292 с.
9. Российская академия образования. Персональный состав. 1943–2023: справ. к 80-летию Академии / сост. В. С. Басюк, Н. Н. Ивков, М. С. Левочкина. М.: Рос. акад. образования, 2023. 464 с.
10. Российская академия образования: 80 лет: юбилейное издание / отв. авт.-сост. В. С. Басюк, С. В. Иванова; науч. ред. О. Ю. Васильева. М.: Рос. акад. образования, 2023. 560 с.
11. Учебно-воспитательная работа в школах для глухонемых и вспомогательных школах // Бюллетень. М.: Наркомпрос РСФСР, 1941. № 1.

С. Н. Лютов

Книгоиздание в помощь обучению и воспитанию в условиях войны

*О, книга, друг заветный,
ты в вещмешке бойца
Прошла весь путь победный
до самого конца.
Твоя большая правда
вела нас за собой.
Читатель твой и автор
шагали вместе в бой.*
С. П. Гудзенко

Истории книги и книжного дела в годы Великой Отечественной войны посвящены учебники, диссертации, монографии, библиографические указатели, статьи, каталоги книжных выставок. Названия многих работ, такие как, например, «Книга на фронте» [7], «Книга сражается» [21], «К штыку приравняли перо...» [15], «Войне вопреки...» [3], «Книжный фронт Великой Отечественной войны» [17] подчеркивают активную роль печатного слова в борьбе с захватчиками. Раскрывая различные аспекты книгоиздательской политики, выпуска, распространения и использования книг в условиях войны, авторы представляют читателям книгу военных лет «и в роли бойца-фронтовика, и в роли партизана-подпольщика, и в роли труженика-новатора» [14, с. 117].

Известный писатель и публицист И. Г. Эренбург, участвовавший в качестве корреспондента в двух мировых войнах, писал: «Война сложна... Она не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи» [35]. В этих словах — справедливое указание на то, что для осмысления войны послевоенными поколениями необходимы свидетельства ее участников. В этом плане бесценны печатные издания военного времени, остающиеся беспристрастными свидетелями, носителями памяти и документальными источниками, запечатлевшими в разных формах каждый день войны.

Сложность войны накладывает отпечаток и на изучение книги военных лет. В мирное время на основе многолетнего опыта все процессы

книжного дела были спланированы, отработаны и дифференцированы по многим критериям, включающим типологическое разнообразие печатной продукции, специфику ведомственной принадлежности издательств, тематические и издательские планы, каналы книгораспространения и особенности различных категорий читателей. С началом войны произошли большие изменения, корректировавшие все сферы деятельности в интересах одной цели — отражение агрессии и достижение победы над врагом.

Книга была важным инструментом в организации массового и эффективного обучения военному делу не только военнослужащих, но и всего населения страны, перестройки общественного сознания и воспитательной работы. Она позволяла реализовать ключевые функции образования — обучение, воспитание, овладение новыми профессиями и навыками, сохранение культурных и нравственных ценностей — с учетом специфики военно-образовательных задач и экстремальных условий.

Обратимся к некоторым аспектам выпуска и использования книги в предвоенное десятилетие, что позволит оценить сложность и масштабы преобразований в сфере книжного дела в начальный период Великой Отечественной войны. В СССР накануне войны успешно функционировала система выпуска и распространения книжной продукции, включавшая 220 издательских организаций и около 5 тыс. полиграфических предприятий [10, с. 194]. Наряду с политической и технической литературой одним из приоритетных направлений книгоиздания была литература учебная, для всех уровней образования.

С начала 1930-х гг. осложнение международной обстановки и нарастающая угроза войны диктовали необходимость наращивания выпуска книг военной тематики. В первую очередь совершенствовалась деятельность подведомственных Наркомату обороны военно-издательских учреждений по выпуску печатной продукции, предназначенной для боевой и политической учебы различных категорий военнослужащих и военнообязанных.

Деятельность созданного в 1930 г. Литературного объединения Красной армии и флота положила начало масштабной работе, нацеленной на мобилизацию советских писателей на дело укрепления обороноспособности страны, создание художественных произведений о войне и Красной армии, организацию литературных кружков в частях Красной армии и на флоте, оказание помощи авторам из числа военнослужащих. О неослабевающем внимании к литературе этой тематики свидетельствует также проведение в июне 1934 г. и в январе 1936 г. Всесоюзных совещаний писателей по вопросам так называемой оборонной литературы, на которых обсуждались доклады «Красная Армия в советской художественной литературе», «Задачи оборонной литературы в связи

с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной Армии». Газеты и журналы регулярно публиковали статьи с мобилизующими названиями: «Писатель должен быть бойцом» (Знамя. 1937. № 4), «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» (Литературная газета. 1938. 10 апреля) «Писатель на фронте» (Литературная газета. 1939. 26 ноября) и др. В июне 1940 г. Союз советских писателей утвердил оборонную комиссию в составе 19 человек [25].

В конце 1930-х гг. выпуск военной книги и особенно ее тематические приоритеты претерпели существенные изменения. Следствием репрессий в Красной армии стало изъятие из книжных магазинов и библиотек книг и учебников, авторами которых были репрессированные военачальники. Сменилось руководство «Воениздата». Усилился контроль за продажей литературы в книжных киосках воинских гарнизонов, за использованием литературы в учебном процессе военно-учебных заведений, а также были приняты меры к обновлению репертуара военных изданий.

В день начала Второй мировой войны — 1 сентября 1939 г. — Верховным Советом СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», которым вводилась обязательная допризывная подготовка учащихся 8, 9 и 10-го классов в школах, а также студентов вузов, которые не прошли военную службу. Во всех школах с 5-го до 7-го класса включительно вводилась начальная военная подготовка. Для проведения занятий по допризывной и начальной военной подготовке в учебных планах средних школ, техникумов, рабфаков, школ ФЗО и высших учебных заведений отводилось по два часа в неделю.

В разработке учебных программ для различных категорий обучаемых участвовали военные отделы Наркомпроса СССР и Всесоюзного Комитета по высшей школе при Совнаркоме СССР, а также Управление боевой подготовкой Красной армии [24]. Обучение было приближено к программе подготовки одиночного бойца. В помощь руководителям занятий и допризывникам «Воениздат» выпускал книги, брошюры, журналы, периодическая печать регулярно публиковала материалы по оборонной тематике и патриотическому воспитанию. В условиях нарастания военной угрозы активизировалась деятельность Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству (Осоавиахим). Первичные организации этого общества действовали во всех городах и селах, учреждениях и предприятиях, учебных заведениях. При Центральном совете Осоавиахима был организован редакционно-издательский отдел. Тематическая направленность выпускавшейся литературы отражала основные задачи и направления деятельности общества: военно-патриотическое воспитание, подготовка резерва для Красной армии, обеспечение готовности населения к противовоздушной и химической обороне.

Оборонная литература предвоенных лет

Своеобразным смотром оборонной литературы предвоенных лет стала организованная в Москве в декабре 1940 г. выставка военных книг. После того как ее посетил нарком обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, в газете «Красная звезда» была опубликована передовая статья «Военная книга» [5], которая отмечала успехи и недостатки военно-издательской деятельности и ориентировала на масштабную работу по обновлению массива военных изданий от фундаментальных военно-научных трудов и учебников до произведений военно-исторической тематики и пособий по изучению иностранных языков.

На 1941 г. «Воениздатом» был составлен очень напряженный план по созданию стабильных учебников для военно-учебных заведений и выпуску серий «Библиотека командира» и «Библиотека младшего командира», состоявших большей частью из учебных пособий для среднего и младшего комсостава различных родов войск. Издание этих серий было рассчитано на три года и включало 1423 названия [9]. Также планировалось подготовить и издать большой сборник «Военное прошлое русского народа» и востребованные в войсках книги «Что должен знать и помнить красноармеец», «Как должны красноармеец и младший командир вести себя в бою», которые предполагалось использовать не только в обучении красноармейцев, но и на занятиях по начальной и допризывной подготовке.

Таким образом, в книгоиздательской политике предвоенных лет был своевременно сделан акцент на расширение тематики военной книги, что способствовало формированию оборонной составляющей общественного сознания, воспитанию патриотизма, обучению широких слоев населения начальным навыкам военного дела. Многие эти

начинания в книгоиздательской стратегии развивались и в военных условиях. Не все задачи удалось решить в полном объеме, но первые же дни войны продемонстрировали массовый патриотический настрой советских людей и готовность выступить с оружием в руках на защиту Родины. В формирование этих качеств существенный вклад внесла оборонная литература.

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. и последующая перестройка всех сфер жизни общества на военный лад обусловили изменения в организации и повседневной практике издательской деятельности. С первых дней войны издательства ускорили выход необходимых изданий и откликались на вторжение врага обличающим и мобилизующим лозунгом, плакатом, листовкой, стремясь «сделать каждое слово боевым, предельно активным и массовым» [8, с. 12]. 23 июня 1941 г. в издательстве «Искусство» были подписаны в печать стотысячными тиражами плакаты «Бей фашистского гада!», «За Родину! За честь! За свободу!», 24 июня одновременно в «Красной звезде» и «Известиях» было напечатано стихотворение В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Из ранее готовившихся к изданию книг и брошюр 23 июня были срочно подписаны в печать «Русско-немецкий словарь» в «Издательстве иностранных и национальных словарей», «Знаки различия германской армии» в «Воениздате» [21, с. 61–62]. Подобные примеры указывают на то, что действия издательств в начальный период войны носили в большинстве случаев экстренный характер, а содержание печатных материалов напоминало агитационно-пропагандистские издания времен Гражданской войны.

Анализ мер по перестройке работы издательств подводит к пониманию того, что насколько бы тщательной ни была подготовка к войне, ее начало требовало определенного времени и усилий для перестройки на выпуск печатной продукции, отвечавшей задачам и особенностям новых условий. Например, «Воениздату», несмотря на некоторые элементы дезорганизованности в первые дни войны, удалось менее чем за два месяца обеспечить выпуск более 200 наименований уставов, наставлений, памяток, инструкций, листовок общим тиражом 33 млн экземпляров, а также 25 брошюр антифашистской тематики в серии «В помощь пропагандисту и агитатору», тираж которых превысил 5 млн экземпляров [30].

Вместе с тем среди архивных документов не выявлено конкретных планов перестройки работы издательств в начальный период войны. Мобилизационные планы тех лет предполагали только призыв писателей и сотрудников издательств на военную службу. Многие писатели накануне войны прошли стажировки и были на случай войны приписаны к редакциям военных газет. Только в «Красной звезде» в годы войны сотрудничало более 60 писателей. В штаты многих газет была введена специальная должность — писатель [26, с. 10].

Первые дни и недели войны продемонстрировали значительно возросший спрос на издания военной тематики. «Литературная газета» от 13 июля 1941 г. писала: «Недавно открывшийся на ул. Горького магазин книги за две недели продал сотни тысяч книг и брошюр о войне. В огромном количестве разошлись выпущенные отдельными брошюрами выступление по радио Председателя ГКО тов. Сталина и речь тов. Молотова. Быстро раскупаются выпущенные недавно в девяти сериях по двести тысяч каждая отдельные брошюры, в которых описываются боевые эпизоды войны с белофиннами, рассказы участников боев. Полностью распродан сборник “Бои в Финляндии”» [2]. Приведенный фрагмент статьи показывает, что продавались в основном книги довоенного времени и агитационно-мобилизационные брошюры первых дней войны. Но обстановка диктовала необходимость нового содержания и новых форматов печатной продукции.

Целенаправленная деятельность по перестройке издательской отрасли началась в августе — сентябре 1941 г. в русле общей масштабной работы по переводу народного хозяйства на военные рельсы. Сложность заключалась в том, что реорганизация издательской деятельности осуществлялась одновременно с эвакуацией многих издательств в восточные регионы страны. Местами размещения эвакуируемых издательств были избраны Казань, Свердловск, Куйбышев, Уфа, Киров, Красноярск и ряд других городов, в которых имелись местные издательства и типографии. Пока отгружалось и перевозилось оборудование столичных типографий, эвакуированные издательства начинали работу на местной полиграфической базе.

Чтобы представить трудности размещения в местах эвакуации, приведем фрагменты из архивных документов, характеризующие ситуацию в Свердловске: «...город перенаселен до крайности Московскими учреждениями и заводами и каждый метр приходится брать буквально с боем. <...> Помещение типографии “Уральский рабочий” очень большое, но оно занято наполовину другими организациями. <...> Там размещается Сталинский райком ВКП(б), Полиграфснаб, Управление трудовых резервов, все издательства газет, Союз писателей и многие другие организации. <...> Чувствуется, что москвичи всем здесь наделали много хлопот и потому от них стараются побыстрее отделаться. Но постепенно к нам начинают привыкать, и постепенно мы завоевываем право на свое существование здесь» [34]. В Казани аналогичным образом на базе «Татгосиздата» и книжной фабрики им. Камиля Якуба разворачивали работу издательство Академии наук СССР, «Медгиз», «Советский писатель». В Куйбышев эвакуировались в основном издательские организации правительственных учреждений и ведомств. Издательства «Учпедгиз» и «Детгиз» были эвакуированы в Киров. В условиях эвакуации сотрудниками «Учпедгиза» при крайне скудных поставках бумаги

было выпущено 233 различных учебника и учебных пособия, в том числе учебник русского языка для бойцов Красной армии.

«Воениздат» был реорганизован особым образом. Управление издательства с частью сотрудников и полиграфистов продолжало работать в Москве. Осенью 1941 г. было организовано четыре тыловых отделения — в Казани, Куйбышеве, Свердловске и Красноярске. Между ними были распределены военные округа, где шло формирование и обучение новых воинских частей и соединений. В апреле — июле 1942 г. начали работать пять фронтовых отделений «Воениздата». Они работали в тесном контакте с политорганами фронтов на основных стратегических направлениях. Тем самым «Воениздату» удалось существенно сократить затраты времени на транспортировку печатной продукции военного назначения, максимально приблизив отделения издательства к потребителям и на фронте, и в тылу [16].

Другие издательства также пересматривали свои планы с учетом особенностей военного времени. Были сняты с производства или заморожены издания, которые на данном этапе не имели первостепенного значения или требовали сложных полиграфических работ. Например, из издательского портфеля «Гослитиздата», самого крупного в стране издательства художественной литературы, было исключено 67 рукописей и 1132 — законсервированы. И в дальнейшем планы издательств неоднократно подвергались значительным изменениям [8]. В приоритетном порядке как в Москве, так и в эвакуации выполнялись заказы «Госполитиздата» и «Воениздата». Большинство других издательств по причине трудностей, связанных в первую очередь с сокращением поставок бумаги и недостатком полиграфических мощностей, вынуждено было сократить количественные показатели выпускаемой продукции. Сравнение среднегодовых показателей выпуска книг в 1943 г. с предвоенной статистикой показывает, что издание книг по естественным наукам и математике уменьшилось в 3,2 раза, по политической и социально-экономической литературе — в 2,8 раза, по языкознанию и литературоведению — в 2,5 раза [4].

Первые месяцы войны также были временем переосмысления места и роли писателей и издателей в условиях войны, временем поиска эффективных способов перестройки общественного сознания средствами книжного дела. Эти вопросы регулярно поднимались в «Литературной газете». В августе 1941 г. в статье «Место литератора в Отечественной войне» отмечалось: «...Время для крупных книг еще не пришло, сейчас перед литераторами стоит задача непосредственной помощи армии и тылу в их борьбе. И здесь от литераторов требуется большая мобильность, умение много и быстро работать, умение проявить себя в любом жанре» [18]. 1 октября 1941 г. была опубликована статья «Боевые задачи издательств», отражавшая наиболее острые вопросы перестройки

издательской деятельности. «Что требуется от наших издательств сегодня? — писалось в передовице. — До конца перестроиться на военный лад, в минимальные сроки выпускать хорошие нужные книги. В издательских планах не может быть места произведениям малоактуальным, равнодушным, не зовущим к сражению, к подвигу, трактующим нейтральную тему. Такие книги не имеют права на жизнь. <...> Справляются ли издательства с требованиями военного времени? Пока еще не полностью. Они начали работать с известным опозданием. По справедливости, следует отметить, [что] наибольшую оперативность в первые дни войны показал “Госполитиздат”. Издательство “Советский писатель” хоть и с опозданием, но целиком перешло на выпуск оборонной литературы» [1].

Осмысливая роль писателя на войне, И. Г. Эренбург отмечал: «Писатель должен заболеть, переболеть своей темой, тогда в его книге общее становится личным и личное общим. Сейчас вопрос стоит проще и острее. Скажем сразу: неуместны разговоры о том, что дала война писателю. Сердце жжет другое: что дали писатели войне? Я хочу напомнить о труде писателей, которые в дни войны заняты не грядущим “полным собранием” своих сочинений, но повседневной, тяжелой работой — поставкой душевных боеприпасов фронту» [36].

Настрой сотрудников издательств хорошо отражают строки из приказа начальника красноярского отделения «Воениздата» от 2 октября 1941 г.: «Надо понять, что наша книжка — тоже оружие. И такое оружие, против которого нет укрытия. Вовремя дать нужную книжку, облегчить задачу героических бойцов Красной Армии — значит способствовать приближению конечного результата нашей борьбы — полному разгрому фашизма» [32].

Осенью 1941 г. первоочередные темы авторам и издателям диктовались решениями партии и правительства, директивными указаниями Государственного комитета обороны и стремительно меняющейся обстановкой на фронтах. СНК СССР принял Постановление от 11 августа 1941 г. «Об усилении военной и физической подготовки учащихся в 8–10 классах средних школ», в соответствии с которым в учебных планах было увеличено количество учебных часов на военно-физкультурную и военно-санитарную подготовку за счет сокращения учебных часов по другим предметам. 17 сентября 1941 г. было подписано Постановление Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», согласно которому каждый гражданин Советского Союза, способный носить оружие, должен был пройти обучение военному делу. Программа подготовки включала в себя огневую, тактическую и строевую подготовку, рукопашный бой, саперное дело, ознакомление с воинскими уставами. Те, кто ее осваивали, должны были научиться пользоваться стрелковым оружием и гранатами,

Пособия для занятий в системе всеобщего военного обучения

перебегать, переползать и окапываться на поле боя, использовать особенности местности и бороться с бронетехникой противника [13].

Реализация мер по подготовке обученного резерва для пополнения частей на фронте требовала обеспечения соответствующей литературой и учебными пособиями. Наряду с имевшейся литературой довоенных лет по начальной военной подготовке, противовоздушной и противохимической обороне, «Воениздат» и «Редиздат» Осоавиахима оперативно готовили к печати пособия и памятки с учетом опыта первых боев и сражений Великой Отечественной войны. Наиболее полное представление о книгах и брошюрах, использовавшихся при подготовке резервов по программе всеобщего военного обучения, дает аннотированный указатель литературы «В помощь командиру и бойцу Всевобуча», выпущенный Государственным библиотечно-библиографическим издательством Наркомпроса РСФСР в 1942 г. Указатель включал литературу по всем разделам программы, включая тактическую, огневую, строевую, физическую, саперную, химическую и санитарную подготовку, уставы Красной армии, литературу общего характера, содержащую опыт борьбы на полях сражений с немецко-фашистскими войсками, а также подготовку бойцов-специалистов, мастеров меткого огня, снайперов, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков и истребителей вражеских танков [6]. Большинство рекомендуемых книг было выпущено «Воениздатом», но по ряду разделов рекомендовались пособия, выпущенные «Госполитиздатом», издательствами «Молодая гвардия», «Машгиз»,

«Редиздатом» Осоавиахима, а также статьи из журналов «За оборону», «Военный вестник», «Пропагандист» и газет «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда».

В целом, анализируя выпуск книг, брошюр, памяток учебного назначения в начальный период Великой Отечественной войны, следует отметить, что несмотря на многие непредвиденные трудности, издательствам удалось к началу 1942 г. стабилизировать работу и оперативно решать задачи по выпуску необходимой литературы в помощь боевой учебе на фронте и военной подготовке резервов в тылу.

Наряду со специфической образовательной задачей, заключавшейся в том, чтобы вооружить бойцов и командиров Красной армии и население страны необходимыми военными знаниями и навыками, книга была действенным средством формирования образа врага и воспитания ненависти. Сложность проблемы заключалась в том, что система идеологической работы довоенных лет заложила в сознание советских людей собирательный образ врага в виде империалистического агрессора. Несмотря на то, что в годы Первой мировой войны Россия и Германия были противниками, период советско-германского сотрудничества в 1930-е гг. сгладил былую враждебность и в какой-то степени исключил немцев из формируемого образа вероятных агрессоров.

После нападения Германии необходимо было возродить образ германца-врага. С этой целью в короткие сроки «Госполитиздат» подготовил и выпустил массовыми тиражами брошюры «Когда и как русский народ бил германских захватчиков», «Красная армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 году», «Фашизм несет насилие, рабство и смерть». Брошюры «Воениздата» в серии «Библиотека красноармейца» выходили с названиями «Фашистская грабьярмия», «Людоеды» и др. Эта тема не сходила со страниц газет, листовок, плакатов. Если в пропагандистской работе первых месяцев войны еще использовались лозунги и тезисы о пролетарской солидарности, то во исполнение директивы начальника Главного политического управления РККА от 10 декабря 1941 г. «ни одно печатное издание (книги, брошюры, журналы, листовки и т. п.), выпускаемое политорганами и штабами для наших войск, не должно впредь иметь лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. На всех изданиях печатать лозунг “Смерть немецким оккупантам”» [29]. Вслед за «Воениздатом» этот лозунг стал печататься и на изданиях других издательств.

Целенаправленная пропагандистская работа по формированию образа врага, подкрепленная ежедневными известиями о зверствах немецких захватчиков, способствовала воспитанию ненависти, желания мстить врагу и уверенности в победе. Призыв «Убей врага!» стал часто употребляемым в газетах, листовках, агитационных брошюрах. «Госполитиздат» осенью 1941 г. подготовил сборник статей А. Н. Толстого под общим названием «Я призываю к ненависти». На страницах

Издания, нацеленные на формирование образа врага и воспитание ненависти к захватчикам

«Красной звезды» печатались стихи «Ненависть» Н. С. Тихонова, «Я пою ненависть» А. А. Суркова, «Убей его!» К. М. Симонова, статьи и рассказы И. Г. Эренбурга, М. А. Шолохова, П. А. Лидова и других корреспондентов о человеконенавистнической сущности германского фашизма и зверствах, чинимых захватчиками на оккупированных территориях. Наиболее значимые газетные публикации переиздавалась в виде отдельных брошюр и сборников.

В условиях войны наряду с оперативным выпуском книжной продукции немаловажными были вопросы ее доставки до конкретного читателя и удобства использования в фронтовых условиях. Первые опыты выпуска малоформатных брошюр известны с осени 1941 г. К примеру, в статье А. Путина «Дорогами военных газет» рассказывается о том, как сотрудники газеты «Во славу Родины», оперативно напечатав «Письмо к товарищу» Б. Л. Горбатова, решили также издать это публицистическое произведение крошечной брошюрой, поскольку газета не всегда доходила до читателя, а если и доходила, то сохранить ее было трудно. «Формат брошюры рассчитали таким образом, чтобы она умещалась в нагрудном кармане гимнастерки, где бойцы хранили обычно свои документы, письма и фотографии родных» [22, с. 12].

Такой формат изданий полюбился бойцам и стал активно использоваться «Воениздатом». Вот как писала об этом газета «Литература и искусство» в феврале 1942 г.: «Небольшого формата книжка. На обложке в центре — имя автора и название книги. В верхнем правом углу лаконичная и гневная надпись “Смерть немецким оккупантам!”. Таков внешний вид брошюр, выпускаемых “Воениздатом” в серии “Библиотечка

красноармейца". Такую книгу удобно носить в кармане гимнастерки, а в походной сумке легко можно унести целую библиотечку» [11]. Этот опыт был рекомендован другим издательствам в статье «Книги — фронту»: «Издательства, выпускающие книги для фронта, должны предусмотреть условия, в которых книгу будут читать и носить с собой от привала до привала. Нужно давать побольше таких книг, которые можно положить в карман гимнастерки <...> Почему-то издательства не придают значения этому вопросу и не замечают, что большинство наших даже "тонких" книг имеют формат, предсказанный чем угодно, только не учетом условий, в которых живет многомиллионный фронтовой читатель. Издательства обязаны дать фронту карманную книгу» [12].

Издательства быстро взяли на вооружение опыт выпуска книг и малоформатных брошюр по тематическим сериям. Исследователями выявлено более 40 серий, издававшихся в годы войны. Наиболее массовыми из них по количеству вышедших книг и брошюр были «Библиотека красноармейца», «Фронтовая библиотечка командира ВМФ», «Фронтовая библиотечка краснофлотца», «Библиотека летчика», «Библиотека разведчика», «Герои Отечественной войны», «В помощь политруку», «Библиотечка бойца Всевобуча» [20].

Для оперативной популяризации успешного боевого опыта фронтовиков с 1942 г. «Воениздатом» выпускалась серия «Из фронтовой жизни». В ней печатались небольшие рассказы, очерки, вызвавшие особый интерес у фронтовиков после опубликования их в газетах. В 1942 г. в этой серии вышли очерки В. С. Гроссмана «Направление главного удара» и «Сталинградская быль», рассказ Б. Л. Горбатова «Алексей Куликов, боец...», поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Несмотря на жесткий режим экономии и небольшой объем брошюр — 0,5–3 печатных листа, — они выходили тиражом от 400 тыс. до 1 млн экземпляров, что требовало от 10 до 20 и более тонн бумаги.

Большой популярностью как на фронте, так и в тылу пользовались серии «Наши великие предки» «Великие люди русского народа», посвященные великим русским полководцам Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Дмитрию Пожарскому, Кузьме Минину, Александру Суворову, Михаилу Кутузову и др. «Молодая гвардия» выпускала популярные молодежные серии «Военная библиотека комсомольца», «Советы будущему воину», «Искусство воевать», «Беседы о воинском воспитании». Для школьников произведения военной тематики издавались в серии «Военная библиотека школьника».

Немногочисленными по количеству брошюр, но важными в деле обучения рабочим профессиям женщин и подростков, вставших к заводским станкам, были серии «В помощь новому рабочему-машиностроителю», «В помощь рабочим массовых профессий», выпускавшиеся издательством «Машгиз» «Гостехтеоретиздат» издавал популярную

Варианты оформления малоформатных изданий в тематических сериях военных лет

«Военно-физическую библиотеку», книгами которой пользовались и командно-технический состав воинских частей, и инженеры оборонных заводов.

Наряду с серийными брошюрами в практике обучения красноармейцев активно использовались разного рода памятки и инструкции, которые в доступной форме излагали способы и порядок действий в конкретных видах боя. В начальный период войны они обучали навыкам борьбы с немецкими танками, использованию трофейного оружия, способам оказания первой медицинской помощи. Для населения городов массово печатались памятки, обучавшие поведению при воздушных налетах и способам тушения зажигательных бомб, устройству убежищ, оказанию помощи при ожогах и травмах. С появлением новых видов оружия и техники и изменением характера боевых действий появлялись и новые обучающие материалы.

Схожие по тематике памятки объединялись в учебные пособия и альбомы. Формат таких изданий активно использовался фронтовыми отделениями «Воениздата». Начальник фронтового отделения «Воениздата» на юго-западном направлении С. Разумовский вспоминал: «Когда начались бои на улицах Сталинграда, понадобились пособия для штурмовых групп в уличном бою. Оно было у бойцов через два дня <...> На Орловско-Курской дуге, когда появились танки “Тигр”, нужно было издать альбомы с указанием наиболее уязвимых мест фашистского танка. Эти альбомы вышли через трое суток» [23].

Обобщение сведений о перестройке издательской деятельности в первый год Великой Отечественной войны показывает, что к середине 1942 г. сложилась система книгоиздания, отвечавшая характеру, задачам и особенностям войны. Исследователи рассматривают ситуацию, сложившуюся в 1942 г., «как наиболее типичную модель издательской деятельности военных лет» [21, с. 13], для которой был характерен значительный рост тиражей при сокращении числа изданий и объема книг. Централизация руководства позволяла оперативно координировать работу издательств, которые, в свою очередь, определили свое место и задачи в масштабной работе по обеспечению фронта и тыла книжной продукцией, в условиях постоянного недостатка бумаги освоили выпуск малоформатных изданий и научились быстро реагировать на первоочередные задачи, диктуемые военной обстановкой, и запросы различных категорий читателей. Эта система подтвердила свою жизнеспособность и эффективность в последующие годы войны.

Начиная с 1943 г. в тематике военных изданий наметился переход к выпуску книг и брошюр, обобщавших опыт боев по освобождению городов, обучающих ведению наступательных действий. Более массовым в этот период стал призыв в армию из среднеазиатских республик, что обозначило проблему обучения призывников русскому языку. Были подготовлены и изданы учебники для изучения русского языка в системе всеобщего военного обучения. В издательствах, в том числе фронтовых отделениях «Воениздата», начали работать сотрудники со знанием языков народов СССР, которые занимались переводом памяток и пособий на соответствующие языки.

По мере освобождения оккупированных территорий в 1943–1944 гг. в издательской практике необходимо было учитывать особенности населения и языка. Примечателен пример, как в марте 1944 г. за подписью начальника Управления «Воениздата» известным украинским писателям А. Е. Корнейчуку и Н. П. Бажану были отправлены письма следующего содержания: «Фронтная серия “Библиотечка красноармейца” испытывает сейчас большой недостаток в художественных произведениях, отражающих героические дни освобождения Украины. Читатель-фронтник ждет художественных очерков и рассказов и о великой битве на Днепре, и о разгроме немцев под Корсунь-Шевченковским. В эти дни голос украинских писателей должен звучать на фронте особенно громко» [33].

Затяжной характер войны породил проблему морально-психологической усталости. Сохранилось немало свидетельств, что после того, как боевые действия были перенесены на территорию сопредельных государств, у фронтовиков возрос интерес к русской литературе. Издательства старались удовлетворить изменения читательского спроса. Увеличился выпуск произведений русских, украинских, белорусских

писателей и литературы для досугового чтения в блиндажах и землянках, во время отдыха и лечения. На фронте была введена практика создания ротных библиотек [19].

На завершающем этапе войны издательства постепенно переходили к условиям мирной жизни, возвращались из эвакуации. Постепенно сокращалось число фронтовых и тыловых отделений «Воениздата». С 1943 г. обозначился рост выпуска учебников. Они печатались и отправлялись целевым назначением в возрождающиеся школы освобожденных территорий. Издательства получали плановые задания на выпуск литературы для восполнения фондов библиотек, пострадавших в годы войны. Директивное указание от 9 апреля 1944 г. предписывало полиграфическим предприятиям военного ведомства, работавшим в интересах фронта, рассылать обязательные экземпляры во Всесоюзную книжную палату, Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, Главное архивное управление НКВД и библиотеки академий наук Грузинской, Армянской и Узбекской ССР. Кроме того, им вменялось в обязанность выделять Государственному центральному фонду литературы Наркомпроса РСФСР по 45 экземпляров выпускаемой книжно-журнальной продукции для восстановления разрушенных в годы войны библиотек [27].

Малоизвестной страницей такого рода деятельности является работа отдела «Воениздата», организованного в июне 1945 г. в Лейпциге. Штат этого отдела составлял 89 человек. Полиграфическая база была создана очень быстро из оборудования местных полиграфических предприятий. Обеспечение бумагой частично осуществлялось централизованным снабжением Управления «Воениздата», а в большей степени — за счет репарационных поставок, что позволяло не только обеспечивать печатной продукцией советские войска за границей, но и отправлять книги в Москву. До конца 1945 г. отделом было выпущено 269 названий книг и плакатов тиражом более 19 млн экземпляров; в 1946 г. — 658 названий, общий тираж которых превысил 66 млн экземпляров. Для сравнения уместно отметить, что все отделения «Воениздата» на фронте и в тылу выпустили в 1943 г. 519 названий книг и брошюр, в 1944 г. — 183 названия [31]. Значительный массив продукции Лейпцигского отдела составляли переиздания лучших произведений русских и советских писателей, отправлявшиеся для восполнения фондов библиотек, уничтоженных в годы войны. В частности, документы по экспедированию военной литературы свидетельствуют о том, что до 1 декабря 1946 г. на подмосковные склады Военкнижторга поступило из Лейпцига 40 вагонов литературы и ожидалось еще 30 вагонов [28].

Исследование опыта организации книжного дела в годы Великой Отечественной войны дает дополнительные аргументы для осмысления сложнейших проблем перестройки общественного сознания, трансформации образовательных и просветительских функций и задач, в решении

которых на фронте и в тылу участвовала книга. Победа в войне подтвердила незыблемость сущностных основ отечественной книжной культуры, ориентированных на сохранение культурных и нравственных ценностей нашего народа.

Список литературы

1. Боевые задачи издательств // Литературная газета. 1914. 1 октября.
2. Большой спрос на книги о войне // Литературная газета. 1941. 13 июля.
3. Васильев В. И. Войне вопреки... Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Наука, 2005. 144 с.
4. Васильев В. И. Книгоиздание в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–38.
5. Военная книга // Красная звезда. 1940. 11 декабря.
6. В помощь командиру и бойцу Всеобуча. Аннотированный указатель литературы / сост. А. С. Тимофеев; под ред. М. А. Мясникова. М.: НКП РСФСР, 1942. 60 с.
7. Дементьев А. Г. Книга на фронте: Художественная литература в воинском воспитании. Л.: Воен. изд-во, 1946. 80 с.
8. Иванова Л. В. Издание художественной литературы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Полиграфич. ин-т, 1992. 19 с.
9. Инструкция по распространению «Библиотеки командира» и «Библиотеки младшего командира». М.: Воениздат, 1941 г. 16 с.
10. История книги: учебник / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. М.: Мир книги, 1998. 346 с.
11. Книжка бойца // Литература и искусство. 1942. 21 февраля.
12. Книги — фронту // Литература и искусство. 1942. 14 февраля.
13. Князев С., Лобанов М. «Важное слагаемое Победы»: как военный всеобуч повлиял на ход Великой Отечественной войны // Russia Today. 17.09.2021. URL: <https://ru.rt.com/jfdh> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Комков Г. Д. Книга в годы Великой Отечественной войны // Книга. Исследования и материалы. 1967. Сб. 15. С. 105–117.
15. Комков Г. Д., Куманев В. А. К штыку приравняли перо... (Советская культура в годы Великой Отечественной войны. Цифры и факты). М.: Знание, 1965. 46 с.
16. Лютов С. Н. Воениздат на фронте и в тылу // Книга. Исследования и материалы. 2011. Сб. 94. Ч. 2. С. 91–103.
17. Лютов С. Н. Книжный фронт Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2021. 172 с.
18. Место литератора в Отечественной войне // Литературная газета. 1941. 20 августа.
19. Осипов М. Книга на фронте // Красная звезда. 1944. 28 ноября.
20. Панкова Е. В. Военная книга в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... к. и. н. М.: Мос. гос. ин-т культуры, 1989. 16 с.
21. Поздеева И. В. Книга сражается: каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда. М.: Книга, 1987. 384 с.
22. Путин А. Дорогами военных лет // Полиграфия. 1965. № 5. С. 11–16.

23. *Разумовский С.* На переднем крае // 50 лет ордена Трудового Красного знамени Военному издательству Министерства обороны СССР. М.: Воениздат, 1969.
24. *Ростов Н. Д.* Начальная и допризывная военная подготовка учащихся учебных заведений Наркомпроса РСФСР Сибири (1939–1941 гг.). Опыт и проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11. Ч. 1. С. 149–152.
25. *Шарова М.* Контуры «грядущей войны» в советской литературе 1930-х годов // Бумажные войны: Военная фантастика 1871–1941: [электрон. издание] / сост. М. Фоменко. 2015. 314 с.
26. *Шевченко В. И.* Военно-патриотическая публицистика первого периода Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... к. и. н. М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1967. 19 с.
27. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 362. Л. 157.
28. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11473. Д. 5. Л. 414–415.
29. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 103.
30. ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 14. Л. 94.
31. ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 29. Л. 64, 134–135.
32. ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 367. Л. 12.
33. ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 380. Л. 87–88.
34. ЦАМО. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 387. Л. 3–4.
35. *Эренбург И.* Душа России // Красная звезда. 1943. 11 ноября.
36. *Эренбург И.* Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. 3 апреля.

С. В. Иванова

Детская периодическая печать: 1938–1947

Введение

Хорошо известен лозунг военных лет «Все для фронта, все для победы». Действительно, вооружение и снабжение солдат было главной задачей, победа над врагом — главной целью, к которой стремились все. Однако это не означает, что ничего, кроме фронта и производства самых насущных, самых необходимых вещей для победы, не было. Обращение к историческим страницам показывает, что жизнь в стране кипела, она была достаточно многообразной. Работали не только фронтовые концертные площадки: шли спектакли в эвакуированных театрах и театрах тыловых городов. Создавались прекрасные художественные произведения в самых разных областях искусства. При возможности, в трудных условиях работали школы, училища и вузы, библиотеки и музеи. Наряду с политической, общественно-политической печатью, сотнями военных газет, издавались научно-популярные, литературно-художественные, искусствоведческие, исторические журналы. Этот список поразительно обширен: «Наука и жизнь», «Природа», «Техника молодежи», «Шахматы в СССР», «Огонек», «Октябрь», «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Литературное образование», «Молодая гвардия», «Искусство», «Искусство кино», «Советская музыка», «Театр», «Вестник древней истории», «Вопросы истории», «Исторический журнал» и многие другие. По разным источникам, в годы Великой Отечественной войны не прекращался выпуск педагогических журналов, таких как, например, «Советская педагогика», «Вожатый», «Дошкольное воспитание», «Начальная школа», «География в школе», «Иностранный язык в школе», «Литература в школе», «Русский язык в школе», «Физика в школе», «Химия в школе».

Важно сообщить, что в Советском Союзе все СМИ, все журналы проходили цензуру, и назывался этот процесс «литование», потому что проводился Главлитом.

В довоенное время выходило примерно 15 детских, детско-юношеских (пионерских) журналов. В период Великой Отечественной войны издание многих из них было приостановлено, и не все смогли открыться вновь позднее.

В 1941–1945 гг. выходили журналы «Пионер», «Дружные ребята», «Мурзилка», «Костер», и их тональность и тематика значительно изменилась. Причем, что существенно, тональность стала меняться уже в два предвоенных года: в детской печати наблюдается всплеск внимания к патриотизму, к военным профессиям, к защите Родины, к формированию таких нравственных качеств, как взаимопомощь, коллективизм, чаще обсуждаются понятия долга, чести, ответственности, честности, подвергаются осуждению малодушие, предательство, лень, равнодушие.

Все номера детских журналов (за исключением журнала «Мурзилка») общим числом 117 единиц за 1938–1947 гг. предоставлены Библиотекой имени К. Д. Ушинского Российской академии образования. Выражаю благодарность сотрудникам и руководителю библиотеки В. Ю. Сурвилло за великолепную сохранность журналов и предоставление имеющихся номеров для проведения исследования, а также З. А. Хапчаевой, осуществившей фотографирование номеров журналов для статьи.

Выбор для изучения номеров журналов за 1938–1947 гг., то есть представления содержания журналов в предвоенные, военные и послевоенные годы, позволяет показать, каким было содержание детских журналов до Великой Отечественной войны, как изменилась тематика и тональность номеров в грозные военные годы и как быстро происходило возвращение детской периодики к мирной жизни, восстановлению страны и мечтам о светлом будущем.

Журнал «Мурзилка»

Старейший отечественный журнал «Мурзилка», предназначенный для детей 6–12 лет, издавался ЦК ВЛКСМ и Центральным советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, с 16 мая 1924 г. Его выпуск не прерывался ни разу за все годы существования.

Журнал за 1938–1940 гг. почти не включает материалов о войне или военных профессиях, главные темы — дружба, честность, поездки в столицу нашей Родины Москву, красота столицы. Иногда времяпровождение героев связано с близкими к военным занятиями. Только лишь к концу 1940 г., в № 11, напечатаны подробные рисунки артиллерийских пушек художника П. Я. Кирпичева.

Только через полгода в № 6 (июньском, последнем до начала войны) за 1941 г. опубликовано стихотворение с военной тематикой Н. П. Кончаловской с иллюстрациями художника И. П. Кеша «Мечта Мурзилки» [22].

Судя по иллюстрациям, малыш целится и попадает в трос, зацепившийся за аэроплан и мешающий раскрыться парашюту. Нереальная задачка, но ведь и маленький рыжий герой Мурзилка, исходя из смысла простенького стихотворения, — хорошо обученный стрелок.

«Мурзилка», 1940, № 11

Идет грозное время. Нарастает военная тема на журнальных страницах, но сохраняется спокойствие, присутствуют деловитость и твердое убеждение, что надо уверенно и спокойно готовиться к испытаниям, защищаться, помогать друг другу в это трудное время. В вдвоенном номере 8–9 (таких ранее не было!) за 1941 г. (это первая военная осень) под броской ярко-красной рубрикой «ВРЕМЯ ВОЕННОЕ! ЗА РАБОТУ, РЕБЯТА!»

Рисунки «Артиллерия» художника П. Я. Кирпичева. Мурзилка, 1940, № 11

Обложка этого номера (художник — В. Константинов) весьма схожа с этими иллюстрациями: бочка, лопаты, мешки с песком, огнетушитель у крыльца школы, указатель «Убежище», на боку у пионера противогаз в специальной сумке, за раскрытым окном на фоне сидящих за партами школьников на стене виднеется плакат об устройстве противогаза. В этом же номере помещены вполне мирные произведения: «Горячий камень» А. П. Гайдара с иллюстрациями К. В. Кузнецова, «Котельная» А. Л. Барто с иллюстрациями Е. А. Афанасьевой.

Все военные годы журнал освещал участие детей в грозных военных событиях, их неприметный героизм, их патриотизм в поступках, а не на словах. Например, были опубликованы «Алексей Андреевич» Л. А. Кассиля — рассказ о мальчишке, возглавившем организацию переправы на плотях раненых красноармейцев под носом у занявших деревню фашистов (№ 1–2 за 1942 г.); рассказ И. Д. Василенко «Приказ командира» о бесстрашном разведчике Гришутке (№ 7 за 1943 г.) и мн. др. Публиковались и рассказы о жизни детей-сирот в занятых фашистами населенных пунктах, жизнеутверждающих поступках людей в самых трудных жизненных обстоятельствах: «Сестренка из Клина» А. Л. Горобовой об усыновлении оставшегося сиротой малыша Светика с обмороженными ножками (№ 3–4 за 1942 г.), «Отметки Риммы Лебедевой» Л. А. Кассиля о помощи раненого лейтенанта с учебой пережившей оккупацию девочке Римме (№ 8–9 за 1942 г.), «Рассказ о долге» К. А. Федина о голодающих детях блокадного Ленинграда, с трудом донесших кашу домой (№ 11–12 за 1942 г.), «Старый сад» К. Г. Паустовского о радостном освобождении бойцами Красной армии оккупированной земли (№ 7 за 1944 г.). Вызывают острое чувство боли публикации погибших на войне писателей и поэтов, к примеру «Записки из Заполярья» Е. П. Петрова, о котором сообщается, что он погиб 2 июля 1942 г. (№ 10 за 1942 г.).

Номера 1945 г. становятся иллюстрацией Победы, памятью о грозных годах и возвратом к мирной жизни, безоблачному детству, возвращению детства через красивые, такие родные рассказы и сказки, которые и надо слушать, и читать детям.

Памяти о пережитом, нечеловечески страшном посвящено стихотворение К. И. Чуковского «Ленинградским детям» (№ 5–6 за 1945 г.; впервые было опубликовано в «Литературной газете» от 25 ноября 1944 г.) [41]:

Промчатся над вами
Года за годами,
И станете вы старичками.

<...>

Или тогда же, — в две тысячи двадцать четвертом году —
— На лавочку сядете в Летнем саду.

Стихотворение К. Н. Чуковского «Ленинградским детям», художник М. Н. Бутрова. Мурзилка, 1945, № 5–6

Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь маленьком скверике
В Новой Зеландии или в Америке,
— Всюду, куда б ни заехали вы, всюду, везде, одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго и Кракова —
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
«Он был в Ленинграде... во время осады...
В те годы... вы знаете... в годы... блокады»

И снимут пред вами шляпы...

Для детского журнала очень важны иллюстрации. «Мурзилку» читали не только младшие школьники: взрослые читали его и дошкольникам. Стоит чрезвычайно высоко оценить работу издателей журнала по подбору иллюстративного материала, огромный талант художников-иллюстраторов. Обложки номеров военных лет в основном несли на себе печать войны. На них изображались военные будни в тылу и на фронте: дети-пионеры, работающие в поле (приметная деталь — чучело в фашистском мундире и каске); летчик, поднявший руку в приветственном жесте, в самолете, на борту которого множество звезд (каждый ребенок военного времени знал, что эти звезды означают число сбитых

вражеских самолетов); детский театр в госпитале; офицер Красной армии с детьми на улицах озаренного яркими солнечными лучами города. Журнал нес оптимистичную веру в Победу, уверенность в жизнеспособности Великой страны. Чего стоит картинка вечернего салюта над Кремлем в октябре 1943 г.!

Редколлегия журнала помнила, что его читали дети. По праздничным обложкам нельзя было определить, что номер вышел в годы войны. Среди них — новогодняя елка на обложке № 12 за 1944 г. (и там же стихотворение «Елка» К. Н. Чуковского) и чудесный каток художника П. А. Алякринского на обложке № 1 за 1945 г.

С 5-го номера «Мурзилки» в 1945 г. освещалась тема Победы, а далее, в последующие годы, журнал удивительно быстро вернулся к обычной детской тематике, будто и не было войны. Страна хотела поскорее залечить раны, нанесенные войной, и в первую очередь это было необходимо детям. Вся окружавшая их жизнь, с болью от потерь близких, увечьями, ранами, бедностью, недостатком во всех насущном, не давала забыть о только что отгремевшей войне, а любимый журнал нес радость, отдых от забот. Он стал снова человечным Мурзилкой, лучшим другом детворы. В годы войны журнал был не по годам взрослым и серьезным защитником, а потом стал вновь веселым и жизнерадостным.

Журнал «Пионер»

«Пионер» был ежемесячным детским журналом ЦК ВЛКСМ для дошкольников. Его публиковало издательство ЦК ВКП(б) «Правда», то есть он был, как бы мы теперь сказали, федерального уровня: распространялся по всей стране. Он был похож на другие журналы того времени: цветная мягкая обложка, мелкий шрифт, черно-белые рисунки и фотографии.

«Пионер» издавался тиражом 90 тыс. экземпляров, объем каждого номера — до 16 печатных листов. Основной формой распространения была подписка: журнал выписывали в школах страны и практически в каждой семье, где были школьники. Также он продавался в каждом киоске «Союзпечать» во всех городах и селах Советского Союза.

Журнал имел постоянные рубрики, каждый номер открывала информация об исторически важных или актуальных событиях.

Рассмотрим подробнее содержание номеров «Пионера» с 1939 по 1947 г.

1939 год

О чем повествует журнал в 1939 г.? О проведении и итогах XVIII съезда КПСС, впечатлениях делегатов; грандиозном строительстве в Советском Союзе, удивляющем иностранных гостей; проблемах рабочих в капиталистических странах (№ 3); о государственных деятелях советской страны (В. И. Ленине, И. В. Сталине, В. Р. Менжинском и др.); действиях Красной

армии в годы Гражданской войны (как исторические описания событий, так и художественные произведения в стихах и прозе, например повесть о 1918 г. — «Луганцы» П. П. Гаврилова в № 10–11); военных действиях против Японии на озере Хасан; исторических победах России в рубрике «Рассказы о боевых походах» (например, историческая повесть Г. П. Шторма «Полтава» в № 6); о жизни современных детей и подростков. Также даются полезные сведения о быте, турпоходах и нужных житейских умениях (например, полезные советы, как разжечь костер, как укладывать рюкзаки и т. п.). Постоянно приводится интересная информация о научных открытиях из уст ученых по физике, химии, другим отраслям науки, о полезных ископаемых, развитии промышленности.

Об общем состоянии ожидания войны и необходимости защиты Родины напоминают в том или ином виде и объеме материалы каждого номера. Так, корреспонденты пишут о проведении и результатах Всесоюзных оборонных соревнований, множество материалов рассказывает о родах войск и видах вооружений в Красной армии, каждый номер содержит рассказы о военной технике.

Но, конечно, преобладают развлекательные материалы для чтения и организации досуга. Надо отметить, что даже произведения о военных действиях и событиях революционных лет зачастую печатались художественные, нередко в приключенческом жанре, поэтому вызывали большой интерес читателей. В целом художественные произведения публиковались как отечественные, так и переводные зарубежные — например, «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» Жюль Верна на протяжении ряда номеров.

Во всех номерах имеются сказки разных народов мира, кроссворды, загадки, развивающие задачи, обучение созданию самоделок и, что интересно и удивительно, — реклама товаров. Например, реклама товаров для пионеров в магазинах Москульта или рекламный призыв к продаже так называемых «стабильных» учебников (то есть

«Пионер», 1939, № 3

«Пионер», 1939, № 5

с посадкой на болоте. Такого рода статьи об авиации, о флоте, о Красной армии публиковались в «Пионере» известными конструкторами, маршалами, генералами, орденоносцами, героями Советского Союза. Это, конечно, вызывало уважение и доверие ребят, все дети страны знали эти имена.

Большое внимание уделяется идеологическому воспитанию детей. Журнал, рассказывая на двух страницах (с. 11–12) о главном событии страны — XVIII съезде партии, — озаглавливает статью «Верный помощник партии» и повествует о важных решениях, касающихся развития страны, роли ВЛКСМ и пионерской организации. Рядом публикуются фотографии ребят на Первомайской демонстрации в городе Орехово-Зуево Московской области и первомайского военного парада на Красной площади. Журнал не забывает сказать о важных, пусть даже трагических событиях. Так, от имени ЦК ВЛКСМ размещена информация о том, что погибли два Героя Советского Союза при проведении испытаний самолета: А. К. Серов и П. Д. Осипенко.

Далее следует рассказ Я. Петерсена «Монтеры» (перевод с немецкого И. С. Татариновой) о том, как в капиталистической Германии ведется подпольная борьба пролетариата за свои права. Следом идет статья, как бы в противовес предыдущей, «О коммунизме» С. Пичугина, в которой в доступной публицистической форме излагается путь развития

по школьной программе) для возможности повторного их использования.

Для примера стоит обратиться более подробно к праздничному № 5 за 1939 г.

На обложке картина художника Я. В. Титова «Возвращение с первомайского парада». Номер начинается со стихотворения сербского поэта Р. Стийенского «Ленин» в переводе А. А. Тарковского. Первая статья, «Новый воздушный путь», показывает победоносное развитие советской авиации. Она написана М. Т. Слепневым, Героем Советского Союза, и рассказывает обо всех перипетиях 23-часового перелета из Москвы в США на самолете «Москва» летчика В. К. Коккинаки и штурмана М. Х. Гордиенко в дни Всемирной выставки в Нью-Йорке

коммунистического движения, начиная с того, что «в октябре 1917 года рабочие и крестьяне нашей страны свергли власть помещиков и капиталистов и стали сами распоряжаться землей, лесами, фабриками, заводами, шахтами; стали строить жизнь по-своему, т. е. без хозяев, без эксплуатации» [28]. После этого рассказывается об основных достижениях страны за прошедшие с тех пор годы, с подзаголовками «Труд — основа жизни», «Когда труд стал делом», «Каждому по его потребностям», «Государство при коммунизме», «Человек человеку — друг». Все это сопровождается фотографиями. Показаны улица красивого нового города Караганды, ухоженный главный проспект Краматорского завода тяжелого машиностроения им. Сталина. Труд жнецов представлен в сравнении: жатва крестьянок серпом вручную и труд на тракторах и комбайнах или труд землекопа и труд экскаваторщика, работа шахтера киркой под низкими опасными сводами и высокие своды с вагонетками; сравнивается ручной и механизированный труд на фабриках и — как вершина технического развития — пульт управления Днепрогэс. Такие сравнения вызывали гордость за успехи страны.

Далее в противопоставление идет рассказ А. Мальца «Бутылка молока» в переводе с английского языка Т. А. Озерской, в котором написано о быте английского безработного, семье которого нечего есть, и папа с сыном вынуждены украсть бутылку молока. Следом размещена фотография счастливых киевских школьниц на набережной Днепра.

Под заголовком «Первого мая...» дана история праздника с 1 мая 1886 г., когда рабочие вышли на стачку в Чикаго и были разогнаны взрывами. Далее рассказано о Первомайском митинге в 1890 г. в лондонском Гайд-парке с участием Ф. Энгельса и дочери К. Маркса Элеоноры; о праздновании 1 мая русскими рабочими и — в воспоминаниях Н. К. Крупской — о маевке в поле в селе Шушенском, где они с В. И. Лениным отбывали ссылку в царское время. Отдельно внимание уделено Первомайскому

Фото «На Днепре»,
опубликованное
в журнале «Пионер»
(1939, № 5)

субботнику в 1920 г. в Кремле с участием В. И. Ленина. Завершается повествование о Первомое событием недавнего времени, когда девочка, взбежав на трибуну Мавзолея, поздравила с праздником И. В. Сталина. Описание этого эпизода выдержано в высокопарном, эпическом стиле, свойственном эпохе диктатуры: «Сталин — знамя наших побед», «Сталин учит нас...», «его имя звучит как призыв к борьбе...», «уверенно ведет народы нашей страны к коммунизму». Все подругрики этого повествования о Первомое сопровождаются рисунками.

«Пионер» своевременно и точно отражает события времени. 30 апреля 1939 г. в Нью-Йорке открылась Всемирная выставка «Строительство мира завтрашнего дня». В журнале эту выставку освещает известный советский архитектор Б. М. Иофан в статье с названием «Мир завтрашнего дня. Нью-Йоркская выставка». Дан интереснейший материал о том, как Советский Союз представлял свои достижения. В журнале на рисунке показана модель советского павильона на Нью-Йоркской выставке, которая в настоящее время хранится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева (Москва).

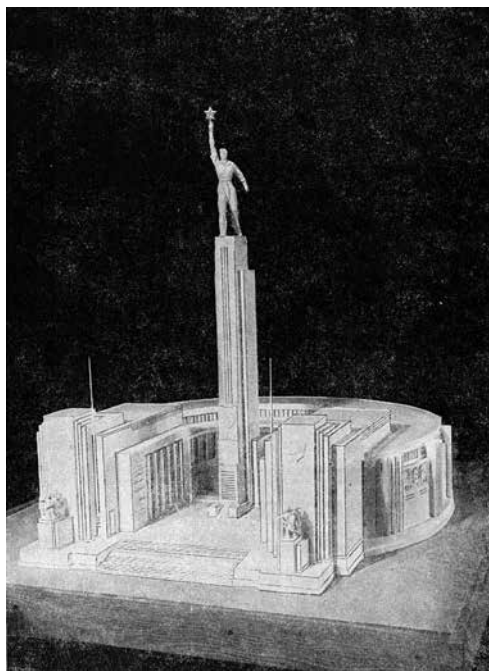

Иллюстрация «Мир завтрашнего дня. Нью-Йоркская выставка» с павильоном архитектора Б. М. Иофана для Международной выставки, опубликованная в журнале «Пионер» (1939, № 5)

Рассказ Иофана начинается с общей нелестной характеристики города Нью-Йорка в сравнении с Москвой. В ней не заметно лжи, но есть, вероятно, определенный подбор фактов. Даже описание будущего американского города-мечты на выставке показано, как недостижимая мечта «жителей улиц-ущелий» реального Нью-Йорка. Иофан точен во всем и как человек, и как архитектор. Он видит цель этой грандиозной выставки: «Под пышным названием...на самом деле скрывается колоссальная реклама американской техники и промышленности» [17]. В статье о выставке в Нью-Йорке рассказано о том, что там было представлено, какие здания будущего планируются, а также и о том, что планируется строить в Советском Союзе, постоянно подчеркивается великая роль СССР в мире.

Журнал проявлял большое внимание к классической художест-

венной литературе. Постоянно освещалось творчество известных писателей страны в юбилейные и памятные даты. Например, в этом номере мы встречаемся с рубрикой «К пятидесятилетию со дня смерти Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина» — М. А. Гершензон и Л. Р. Коган в статье «Сила гнева» ярко описывают его судьбу, анализируют «Историю одного города». Материал хорошо иллюстрирован и содержит много интересных и не общеизвестных фактов, например, что найдены в Берлине книги Салтыкова-Щедрина на русском языке из библиотеки К. Маркса с его пометами. Показаны значение Щедрина для современности, влияние его творчества на В. И. Ленина, а заканчивается статья сообщением о том, как Сталин на съезде партии привел слова самодура из сказки Салтыкова-Щедрина, наложившего резолюцию «Закрывать снова Америку», сравнивая этого щедринского героя с корреспондентами из германской газеты. Стоит привести слова Сталина полностью, еще и потому, что они актуальны сегодня, как и в те годы: «...щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же себе: “Но, кажется, сие от меня не зависит”. Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что “закрывать” на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то “сие от них не зависит”» [14].

Следующая важная публикация — «Во льдах Арктики». Это радиogramма капитана ледокола «Седов» К. С. Бадигина, сопровождаемая обращением от Героя Советского Союза Д. Т. Левченко и фотографиями.

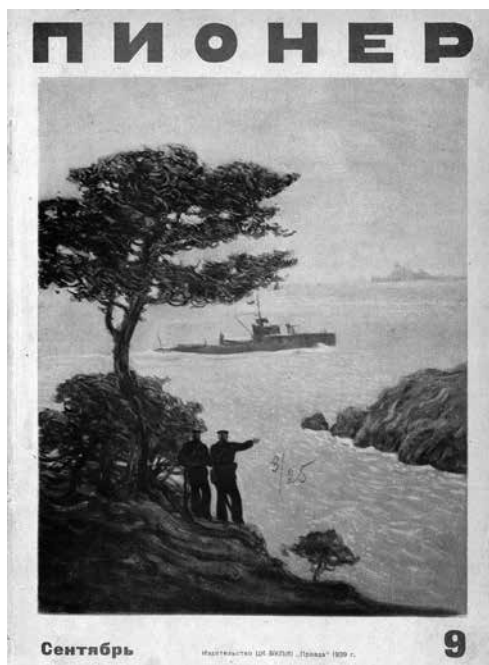
Статья «Славный чекист Менжинский» отражает традицию журнала публиковать воспоминания об известных людях, руководителях, военачальниках страны. Эта статья об известном руководителе НКВД СССР В. Р. Менжинском написана на основе воспоминаний его супруги.

В журнале «Пионер» было принято публиковать повести с продолжением, формирующие нравственные качества, привлекающие детей приключенческим сюжетом или сюжетом борьбы за свободу. Здесь это окончание повести «Капитан “Дианы”» А. И. Зонина, которая посвящена событиям 1811–1812 гг. на корабле «Диана», команда которого исследовала острова на Дальнем Востоке и пережила вероломство японцев.

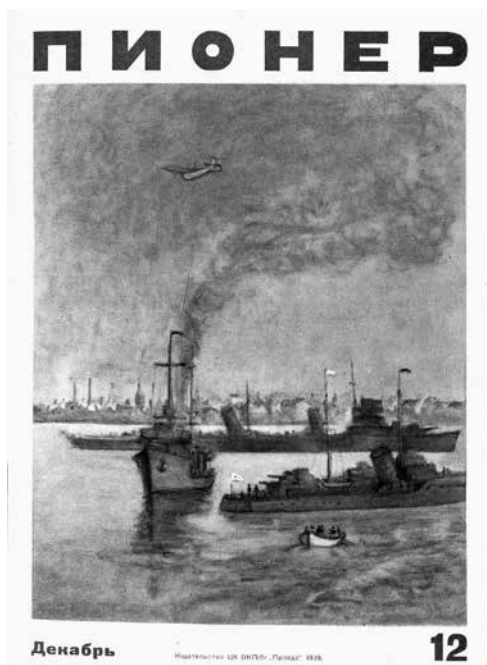
Дальше напечатано веселое стихотворение Т. Гуда «Рассказ кривонного моряка» в переводе с английского языка Н. П. Кончаловской.

О научных событиях, связанных с новыми исследованиями, пишет постоянный автор журнала О. Н. Писаржевский: его статья «Турбинка академика Капицы» сопровождается фотографиями установки академика П. Л. Капицы для получения жидкого воздуха.

На протяжении почти всего года в номерах журнала продолжается рубрика «Строим город на Дальнем Востоке», в которой рассказывается о предложениях детей по строительству города Хабаровска.

«Пионер», 1939, № 9

«Пионер», 1939, № 12

Журнал 1939 г. не покидают воспоминания о событиях года 1938-го. В № 5 это представлено в рубрике «Почта» под заголовком «Я была у озера Хасан»: в своем письме из Москвы Нина Онегина вспоминает о поездке на Дальний Восток, о выступлениях с мамой перед бойцами-героями, о хасанском уроке для японцев.

Далее следует актуальная для тех дней рубрика «Наши подарки XVIII съезду большевиков». Юные техники Московского дома пионеров создали модель соленоидной дороги, а Шура Дубинчик — иллюстрацию к роману Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Эта рубрика будет повторяться несколько раз в преддверии XVIII съезда.

Очень большое внимание в журнале «Пионер» отводится организационной работе пионерских отрядов в школах, пионерских звеньях в отрядах. Здесь в рубрике «Переписка вожатых звеньев» помещен рассказ о звене имени Расковой в московской школе. Через такую переписку даются примеры положительного опыта работы вожатых и звеньевых.

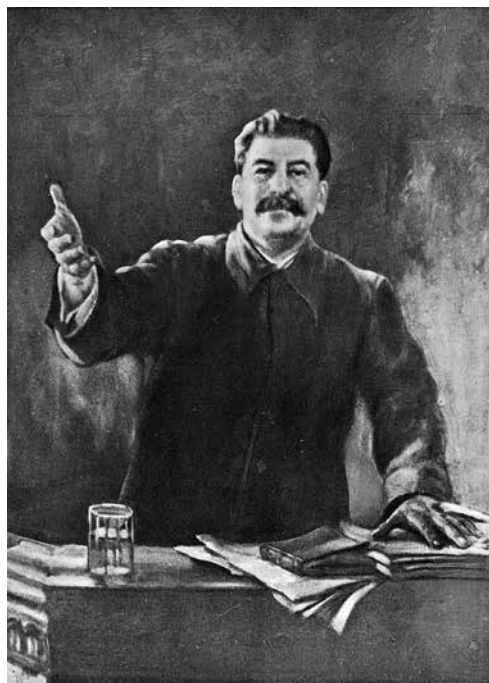
Есть обязательная рубрика на протяжении многих лет «Самodelки», в которой предлагается создавать разные поделки самостоятельно или вместе с друзьями. Для полезного досуга пионеров в конце номера обязательны задания, развивающие задачи, загадки, ребусы, кроссворды, а ответы размещаются в следующем номере.

Журнал очень плотен по материалу, эти 16 печатных листов

содержат множество текстов, набранных очень мелким шрифтом. В черно-белом варианте создать интересное оформление весьма трудно, но в журнале много иллюстраций, рисунков, фотографий, схем.

Последний, двенадцатый номер года открывается Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении И. В. Сталину звания Героя Социалистического Труда в честь 60-летия, затем следует его портрет на глянцевой бумаге (с картины А. М. Герасимова) и поздравление «Дорогой, родной Иосиф Виссарионович!» от 14 отличников учебы.

С третьей по семьдесят первую страницу рассказывается о детстве и отрочестве Сталина, о его революционной борьбе, о дружбе с рабочими, о встрече с авиаторами, о его роли в присоединении Западной Украины (повесть в стихах), о строительстве Курганского канала имени Сталина и многое другое, включая события из жизни пионеров, которые включали встречи со Сталиным, его помощь детям. Затем есть и увлекательные рассказы, информация о Грузии в рубрике «Географическое общество „Компас“», большое повествование о Москве. Даются полезные советы по физическим упражнениям с рисунками. В преддверии новогодне-го карнавала помещены рекомендации, как шить национальные костюмы и готовиться к елке, нашлось место и загадкам, и шахматным задачам.

Картина А. М. Герасимова
«Иосиф Виссарионович Сталин»,
опубликованная в журнале «Пионер»
(1939, № 12)

1940 год

Тираж журнала 90 тыс. экземпляров сохраняется, объем материалов сокращается с 16 печатных листов до 12, остается прежняя форма распространения — подписка. Значительных изменений по оформлению и составу рубрик не происходит. В связи с начавшейся Второй мировой войной увеличивается число патриотических публикаций, материалов о войне, об армии, о защите Родины, военной подготовке и готовности к обороне.

На обложке первого номера размещена картина И. М. Гурвича «Каток» — вид радостной и мирной жизни. В этом номере предлагается новое: открывается клуб журнала «Пионер».

На второй обложке размещен членский билет на 1940 г., который надо отрезать, заполнить и прислать в редакцию. Правила клуба несложны и требуют только принимать активное участие в его работе: сообщать обо всем интересном и присылать в журнал свои стихи, рассказы, рисунки, фотографии, модели, находки, марки. С этого номера до конца года многие страницы журнала заполнены разными клубными материалами. Очевидно, что таким образом редакция хотела активизировать работу с юными читателями, организовать обратную связь. Материалов от детей стало действительно больше. Вместо рубрики «Переписка вожатых звеньев» появилась рубрика «Советы звеньевому», а также юмористическая школьная газета «Цап-Царап», с оригинальным дизайном, высмеивающая недостатки школьников.

Продолжается идеологическое воспитание, не уменьшается внимание к вождям революции, публикуются заметки И. В. Сталина о В. И. Ленине, ранее напечатанные в 1922 г. в газете «Правда» с идеологически выверенными комментариями. Формированию нравственных качеств через подражание лучшим людям страны служат воспоминания о государственном деятеле В. В. Куйбышеве, о конструкторе, профессоре В. И. Коваленкове.

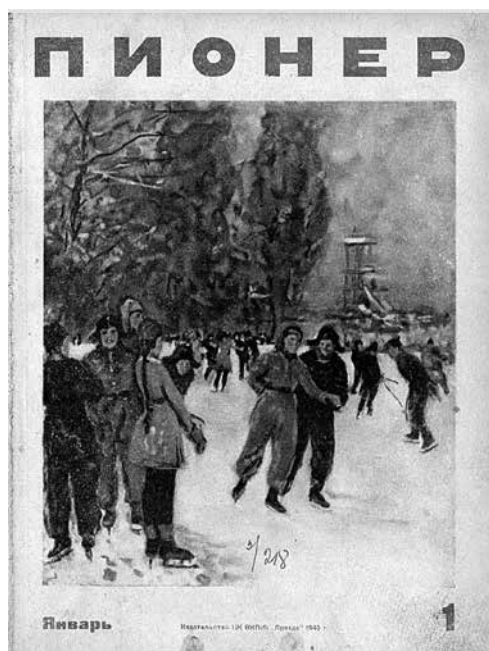
В рубрике «Клуб пионера» печатается рассказ Б. С. Житкова «Храбрость», ставший известным и далее широко обсуждавшийся на страницах журнала. Цель рассказа обозначена в предисловии В. Б. Шкловского: «Большевистская храбрость, храбрость красноармейца — простая и самая большая храбрость. О ней должны знать наши ребята» [44].

В журнале есть призыв к участию ребят всей страны во Всесоюзной олимпиаде детского творчества, проведение которой было запланировано на лето 1940 г.

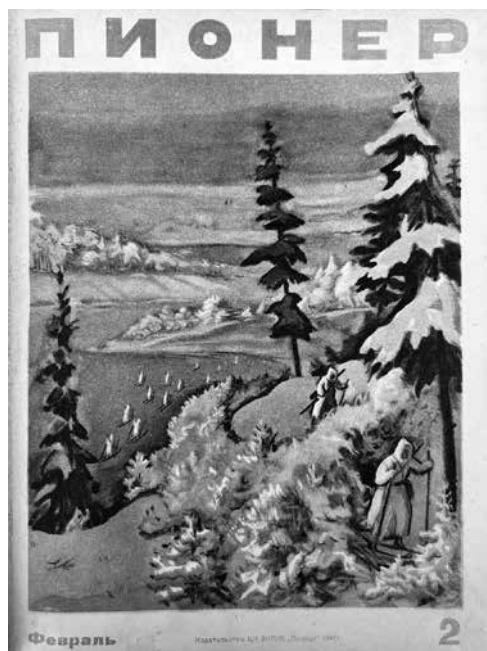
Помещена политическая статья «Финляндия» Г. Павлова о природе, промышленности Финляндии и ее истории с 1917 г., затем очень кратко о борьбе с Маннергеймом — «палачом финского трудового народа», о создании Народного правительства Финляндии во главе с Куусиненом, создании военных баз на выкупленных и арендованных территориях для защиты Ленинграда и самой Финляндии.

В номере размещена и реклама магазинов КОГИЗа, предлагавших коллекционные почтовые марки с изображением государственных символов, Чапаева, военной техники, природы всех уголков Советского Союза.

На первой обложке второго номера помещена картина В. С. Чернецова «Поход на лыжах», которая изображает красноармейцев с винтовками и в белых масках.

«Пионер», 1940, № 1

«Пионер», 1940, № 2

На второй обложке под рубрикой «Почетно иметь эти значки» представлены письма ребят из разных школ Москвы и Курской области с изображением значков, которые они получили: «Будь готов к труду и обороне», «Юный авиастроитель» Осоавиахима СССР, «Юный моряк»

Клуб „Пионера“

Наш клуб открывается в № 1 журнала „Пионер“, на стр. 49.

Членский билет на 1940 год

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____

ПРАВИЛА КЛУБА

1. Членом клуба может быть каждый читатель журнала «Пионер».
2. Член клуба должен принимать активное участие во всей работе клуба, спорных, конкурсах, играх, привлекать к этому свое знание, опыт, класс, товарищей и аккуратно выполнять задания клуба.
3. Член клуба обязан сообщать журналу обо всем интересном, что он узнал, увидел в отряде, школе, доме, на улице, в лесу.
4. Член клуба имеет право присылать в журнал для ознакомления всех членов клуба свои стихи, рассказы, рисунки, фотографии, модели, колажные, выкладки, марки — все, что интересно для читателей «Пионера».

Уполн. Гаврилова 171-Ю г. Заплата 201 Тираж 90 000 экз.

Типография газет «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____ Класс _____ Адрес _____

Заплата, отрыв и присылка в редакцию по адресу: Москва, ул. «Правды», 24, редакция «Пионера».

Членский билет клуба «Пионер»

Осоавиахима СССР, «Готов к ПВХО», «Будь готов к санитарной обороне СССР». Далее та же тональность поддерживается зимней фотографией мальчишек с автоматами, стреляющих из позиции лежа под руководством инструктора-красноармейца и девизом «Учись стрелять метко».

Номер открывается призывом Маршала Советского Союза С. М. Буденного «Готовьтесь стать бойцами». Это призыв прославленного военачальника: «...Я знаю, что ваши сердца и мысли всегда с Красной Армией. Когда рвались гранаты у озера Хасан, вы переносились мысленно на Дальний Восток. Когда гудели моторы самолетов над рекой Халхын-Гол, вы были мысленно там, в опаленных солнцем степях Монголии. Вы следили за каждым шагом красных армий, освобождавших от панского гнета наших братьев украинцев и белорусов. И теперь вы мысленно в холодной Финляндии, там, где наши героические воины с именем Сталина в сердце громят белофинских бандитов. Я знаю, что каждый из вас мечтает быть бойцом, мечтает с винтовкой в руках... идти громить врага. Хорошая мечта! А вот каждый ли из вас готов стать бойцом?» [11]. Маршал Буденный размышляет о том, что должен уметь красноармеец, какую еще работу над собой должен провести каждый пионер, чтобы быть готовым стать летчиком, артиллеристом, стрелком, танкистом, кавалеристом.

Далее в рубрике «Рассказы о героях» капитан М. В. Эдель повествует о своих боевых товарищах. В следующей рубрике «Вместе с отцами и братьями» помещено четыре очерка о героизме подростков: при подавлении белогвардейского мятежа в Ялте в 1918 г., в боях с японцами на Дальнем Востоке, на озере Хасан, при освобождении Гродно от польских батальонов. И следом два военных стихотворения М. П. Спирова.

Художественные произведения в номере всегда имеют воспитательную цель. Рассказ М. М. Пришвина «Неодетая весна» будит любовь к родной природе, рассказ М. А. Гершензона «В некотором царстве, в некотором государстве...» — про доброту подростка, помогающего заболевшему другу. Повесть И. Д. Василенко «Артемка в цирке» рассказывает о несправедливости в отношении богатых к бедным, к наемным работникам.

В номере имеется удивительный историко-публицистический материал о событиях в Херсонесе двухтысячелетней давности, и посвящен он восстанию рабов под руководством Савмака. О неслучайном выборе темы говорит концовка: «Савмак не построил “солнечного царства”, где, как мечтали его соратники, не будет угнетения и всем будет светить солнце. О таком государстве мечтали потом все лучшие умы человечества: Шота Руставели, Томас Мор, Фома Кампанелла, великие социалисты-утописты. Но его построил рабочий класс, руководясь бессмертным учением Карла Маркса, под руководством партии большевиков, партии Ленина — Сталина. Это могучее, непобедимое государство — наша родина, великий Советский Союз» [42].

Увлекательно представлен клуб «Пионер». Рубрика открывается рисунками художника А. М. Каневского, смешно изобразившего события в жизни ребят. На клубных страницах рассказывается о дружбе и полезных делах пионеров, об их играх, о стенной газете, о нерадивых школьниках. В материалах живо описываются разные ситуации, нередко имеется и мораль, вывод в конце, который делают авторы-дети.

Обсуждается рассказ Б. С. Житкова «Храбрость»: своими мыслями делятся люди, совершившие героические поступки в мирной и военной жизни.

Как обычно, в номере находится место и советам («Чем заняться в выходной?»), и походам в лес на лыжах, и детским стихам, и рассказу об обычаях северных народов, и совету, как быть при встрече с миной. Помещена юмористическая газета «Цап-Царап» № 2 о неурядицах и проказах двоечников и нарушителей правил поведения. А далее еще множество исторических сведений («Как человек стал великаном»), информации («Наука на войне»), «Советы звеньевому», «Наша библиотека». Заключает номер материал на третьей обложке летчика-орденоносца майора Л. Рыбникова «Воздушный бой», выполненный в жанре, напоминающем комиксы, — рисунки с описаниями.

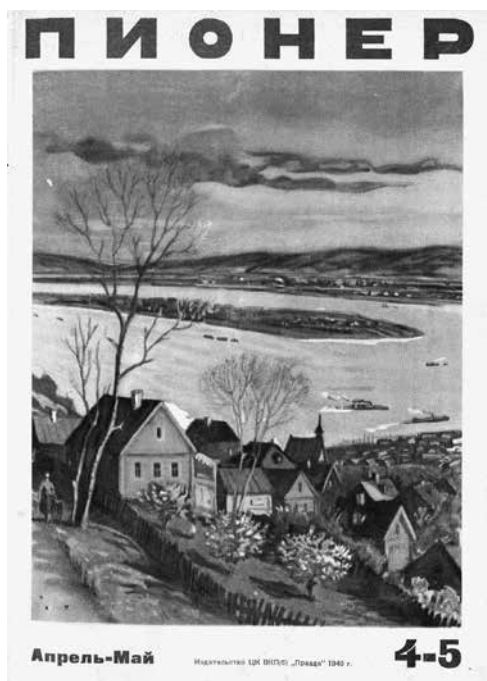
Высочайшая плотность публикаций и постоянное решение воспитательных задач присущи каждому номеру «Пионера».

Третий номер продолжает те же содержательные и воспитательные линии. На обложке — картина И. М. Гурвича «В изошколе», на ее обороте стихи о советском линкоре и фотография читающей пионерки. Блок открывает поздравление с 50-летием «верного соратника Ленина и Сталина, главы советского правительства В. М. Молотова». С 3 по 13 страницы — повествование С. И. Абакумова о Молотове, с фотографиями и реальными событиями из его жизни.

Как и в другие номера, включены художественная проза и быль о непростых событиях в жизни подростков. Очень интересны «Мои советы» об искусстве актера И. В. Ильинского. Далее номер обращается

«Пионер», 1940, № 3

«Пионер», 1940, № 4–5

к теме географии: приводятся сведения о путешествиях Г. Н. Потанина, об альпинистах в горах Кавказа.

Клуб «Пионер» объявляет об участии во Всесоюзной олимпиаде детского творчества (чем объясняется выбор картины для обложки). Продолжается обсуждение рассказа Б. С. Житкова «Храбрость»: свою позицию высказывает Герой Советского Союза М. М. Громов.

В Клубе новая анкета: «Если бы ты уезжал на необитаемый остров, какие бы пять книг ты взял с собой?». Печатаются ответы из разных городов и сел страны.

Появляется новая рубрика от Л. В. Успенского «Приключения слов», где в увлекательной форме рассказывается о лексике и грамматике.

В «Советах звеньевому» вновь появляется тематика, близкая к во-

енной: публикуется азбука Морзе, даются рекомендации по изготовлению сигнальных флажков, советы по развитию мышц, проведению тренировок по подготовке к сдаче норм БГТО. Как всегда, не забыты материалы для досуга и развлечения, в частности, для изучения национальных танцев (здесь — татарского).

Четвертый и пятый номера объединены, при этом немного увеличен объем: не 12, а 14 печатных листов.

Апрельский-майский (сдвоенный) номер напоминает о Ленине (день его рождения — 22 апреля): на обложке картина Б. С. Берендгофа «На родине Ленина», а на страницах с 11 по 19 публикуются письма Ленина матери, жене, М. Горькому, И. В. Сталину с кратким пояснением, в какой период и по поводу каких событий письмо было написано, что разъясняет суть письма и показывает ярче облик и адресата, и адресанта.

На страницах 2–5 — хроники празднования 1 Мая, с политическим подтекстом: сообщается, что «впервые будут свободно праздновать» Первомай освобожденные трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии; трудовыми победами встречают праздник участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки; колхозники Узбекистана радуются завершению строительства Большого Ферганского канала имени Сталина; Первомай будут встречать новые советские города и села, перешедшие

Советскому Союзу «по мирному договору с Финляндией» (Выборг, другие города и села Карельского перешейка и северного побережья Ладожского озера); в США (Кливленд) рабочие выходят на демонстрации «против капиталистического рабства». Также рассказывается о том, как советские школьники готовятся участвовать во Всесоюзной олимпиаде детского творчества, тогда как в английской колонии Бирме дети заняты сбором риса. Опубликованы «Песни борьбы и побед» — революционные песни разных лет и разных стран.

В продолжение темы освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии идет рубрика «За что мы любим нашу новую родину» с рассказами и стихами юных авторов из этих регионов. Вновь звучит тема присоединения новых территорий к Карельской Республике после окончания войны с Финляндией. Представлена подробная историческая информация об этих землях и сообщается, что по договору 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией земли переданы «почти в тех же границах», что и по мирному договору «со шведами, заключенному в 1721 году» Петром Первым.

Развивает патриотическую тему статья о Герое Советского Союза летчике Г. П. Кравченко и его семье.

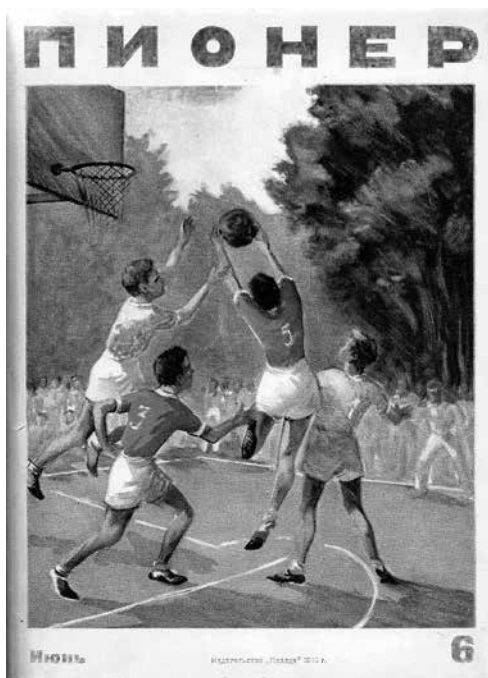
В этом номере в напоминание о Первом мае помещена фотография В. В. Маяковского 1 мая 1928 г. на Красной площади, представлены его стихотворения и рассказ о нем авторства Л. А. Кассиля.

Журнал настойчиво возвращается к грядущей Всесоюзной олимпиаде детского творчества: опубликован рассказ Ю. В. Сотника «История одного спектакля» о работе драмкружка 310-й московской школы; помещена цветная иллюстрация картины ученика 8 класса Лени Габышева «Лето»; клуб «Пионера» призывает готовиться к олимпиаде, представляет присланные рисунки ребят; художницы Московского театра для детей С. К. Вишневецкая и Е. М. Фрадкина рассказывают, «Как одеть актера», а И. П. Работнова представляет заметку «Делайте сами театральные костюмы» с фотографиями, трафаретами и практическими советами. В рубрике «Советы звеньевому» представлен короткий спектакль для постановки звеном.

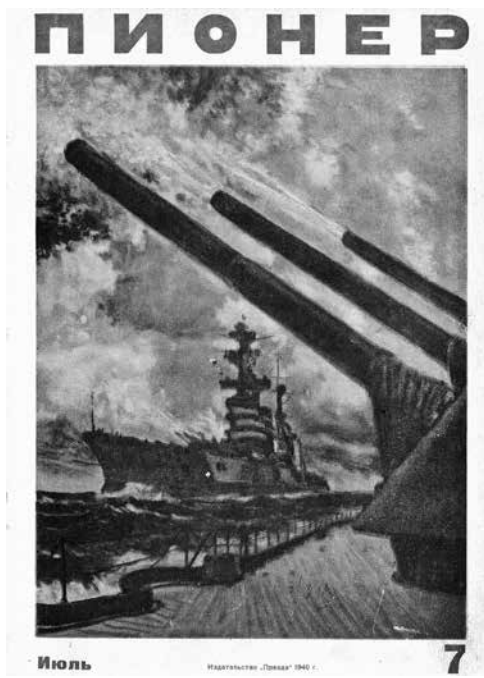
Рубрика «Наша библиотека» вновь возвращает к образу Ленина, в рецензии В. Б. Шкловского представляются «Рассказы о Ленине» М. М. Зощенко.

В шестом номере много материалов посвящено Артеку в честь его 15-летия. Один из них — статья архитектора И. И. Леонидова, которая сопровождается разными фотографиями, в их числе и фотографией военной игры с сигнальными флажками.

Много в номере и произведений военной тематики: рассказы о партизанской войне в Армении и в Крыму, о подвигах В. И. Чапаева, писательские воспоминания С. Т. Григорьева «Как я писал “Суворова”», военные

«Пионер», 1940, № 6

«Пионер», 1940, № 7

стихи. Дается познавательный материал о маскировке «Наука военного обмана» авторства военного инженера Е. Ф. Бурче.

Инструктивный материал Н. А. Бутовича с рисунками «Учитесь стильно плавать» (о стиле «кроль»). В традиционной рубрике «Советы звеньевому» советы даются практического свойства: «Как самим сделать парусную шлюпку» (Л. Сухов), «Кто быстрее разожжет костер», «Дворстрой».

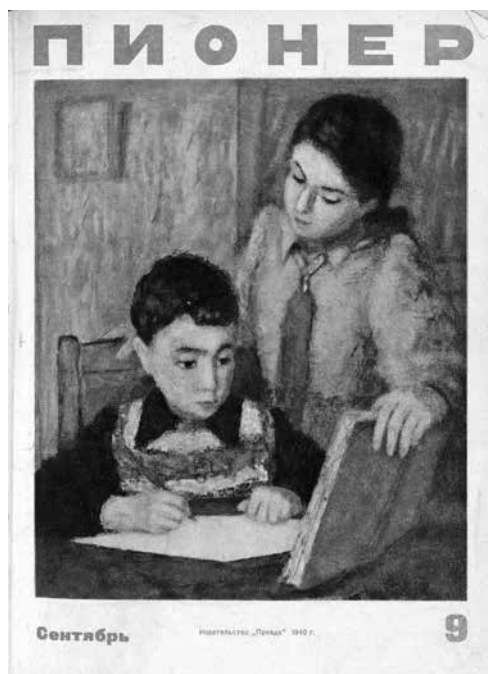
В седьмом номере на обложке картина Г. Г. Нисского «Бортовой залп», а на ее обороте — фотография соревнований по бегу.

Тема военно-морского флота, заданная обложкой, в номере развивается стихотворением А. И. Копштейна «Моряки!» с рисунками Г. Г. Нисского; рассказом орденоносца, капитана 1-го ранга Н. А. Питерского «Торпедники» с фотографией торпедной атаки; историческим повествованием В. П. Булдаковского о кораблях-героях в честь празднования 24 июля дня Военного-морского флота СССР; фоторепортажем о буднях военных моряков «К бою готовы»; письмом полковника А. И. Клопова «Какой род войск самый важный» в рубрике «Стол справок».

Материал военной тематики обширен, но он не исключает всех других материалов: о природе, событиях в школе, марках и т. п. На последней обложке уникальный материал — «Из записных книжек А. П. Чехова».

«Пионер», 1940, № 8

«Пионер», 1940, № 9

Рубрика «Из записной книжки» будет встречаться и в дальнейших номерах.

Восьмой номер открывается талантливой картиной ученика художественной студии Центрального дома пионеров Арона Ницберга «Уборка урожая» — очень августовская тема, но далее о селе почти ничего нет, ведь для деревенских детей есть журнал «Дружные ребята» даже с более высоким тиражом — 100 тыс. экземпляров.

На первой странице материал, который мы вполне можем называть комиксом: это картинки с надписями о боях с белофиннами «Все — за одного, один — за всех». Далее тема этой войны продолжается в рассказах разных авторов под общим названием «Балтийские летчики». В номере привлекает подробный репортаж с фотографиями о жизни и делах отряда юных моряков при Автозаводе им. И. В. Сталина. В разделе под общим названием «Объединение народа» помещен ряд очерков, в которых говорится о победе в войне над румынскими войсками, вхождении Бессарабии в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, а части районов Бессарабии (с украинским населением) и северной части Буковины — к Украине. Далее рассказывается о грузинском поэте Важе Пшавеле и его стихотворении «Старинная песня воинов». Тему любви к стране, к ее бескрайним просторам поддерживает рубрика «Географическое

общество «Компас», повествуя о разных уголках Советского Союза. О пионерских поступках говорится в рассказе-были «Пожар», который сопровождается фотографиями.

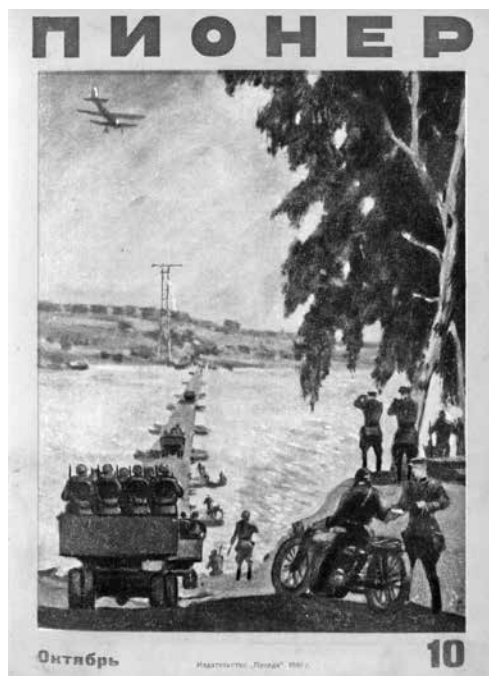
В этом году появилась рубрика «Беседа редактора», в которой обсуждаются дела и поступки рабочих и пионеров, их права и цели, в этом номере беседа «Дело чести» обозначает две главные обязанности школьников: «отлично учиться» и «готовить себя к защите родины». При всем разнообразии тематик материалов, это главный рефрен в 1940 г.

Девятый номер открывается исторической информацией «На берегах Балтики» об установлении советской власти в Литве, Латвии, Эстонии 21 июля 1939 г.

Эту информацию хочется в силу ее высочайшей актуальности процитировать подробнее: «Когда-то Литва Латвия и Эстония входили в состав Российской империи. Народы этих стран терпели двойной гнет: “своих” помещиков и фабрикантов да царских чиновников и генералов. Октябрьская революция освободила литовцев, латышей и эстонцев, как освободила она украинцев, белоруссов, казахов, узбеков. Но недолго удалось народам Прибалтики пользоваться этой свободой. Иностранные капиталисты хотели сделать из прибалтийских стран опорную точку для нападения на Советскую республику. <...> С каждым годом страны Прибалтики хирели и чахли. Их буржуазные правители думали только о собственных выгодах и прибылях... Рядом же — вот, рукой подать! — рос и расцветал Советский Союз. И когда судостроители Таллина, крестьяне Латгалии, ткачи Нарвы, рыбаки Рижского взморья задумывались над своей судьбой, их взоры неизменно обращались в сторону Москвы.

<...> Правящие буржуазные клики Литвы, Латвии и Эстонии не отражали воли своих народов. Они не хотели честно проводить в жизнь заключенные договоры. Напротив, они усилили враждебную Советскому Союзу деятельность. Тогда советское правительство потребовало, чтобы состав правительств Литвы, Латвии и Эстонии был изменен. <...> Свободно избранные сеймы Литвы и Латвии и Государственная Дума Эстонии единодушно решили: установить в Литве, Латвии и Эстонии советскую власть. <...> Просить Верховный Совет Союза ССР принять Литовскую ССР, Латвийскую ССР, Эстонскую ССР в Союз Советских Социалистических Республик» [25]. Далее дается информация геополитического характера о республиках, фотографии о последних событиях, литовские, латвийские, эстонские сказки и стихи.

После этого приводится статья политико-воспитательного характера «Ленинское завещание молодежи», которая открывается словами: «Как жить? Как подготовить себя к борьбе и труду? Как научиться преодолевать трудности и побеждать? Как совершенствовать свой ум и характер?», а завершается призывом: «Ленинскими делами встретим

«Пионер», 1940, № 10

«Пионер», 1940, № 11

двадцатую годовщину со дня произнесения Ильичом его речи-завещания молодежи» [24].

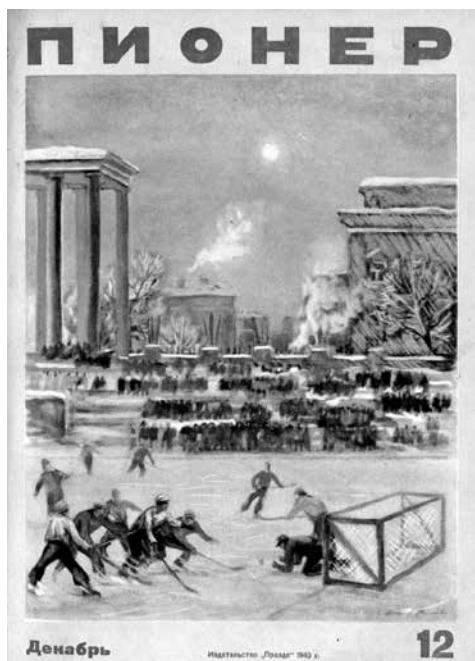
В этом номере особенно много рассказов о пионерской жизни, рисунков и стихов детей, советов, как организовать досуг, включая «Военные игры» в разведчиков и связистов.

Десятый номер держит первенство в году по количеству военно-патриотических материалов: «Рассказы о боевых днях» (о войне с белофиннами); «Школа разведчиков»; «Герои земли русской»; «Съемка прыжков с парашютом»; в «Советах звеньевому» — «Боевое снаряжение звена», а также «Самолеты над школой» — об учениях по противовоздушной обороне. В завершение, на третьей обложке «Знаки различия состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Петличные знаки — эмблемы различных родов войск».

Помимо войны также важные темы — комсомол, созидательный труд пионеров, помогающих взрослым, спортивная подготовка.

Одиннадцатый номер начинается с материала о Красном знамени, стихотворения Л. М. Квитко «Песня о командире».

Опубликована статья к 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса. Как и все подобные материалы, статья исторически выверенная, достаточно подробная и написанная увлекательно, с рисунками и фотографиями.

«Пионер», 1940, № 12

Но при этом не менее интересен рядом рассказ «Я — сталевар» Ф. И. Свешникова, сталевара-орденоносца московского завода «Серп и молот», с подчеркиванием, что сталь нужна для военных кораблей, самолетов, подводных лодок. Продолжает тему самоотверженного труда рубрика «Будем мастерами социалистического труда», подготовленная к 1 декабря — дню начала занятий в ремесленных и железнодорожных училищах. Затем следует поучительный рассказ о двух хирургах Вишневских: отце — заслуженном деятеле науки и сыне, награжденном орденами за Халхин-Гол и финский фронт.

Тема боевой и спортивной подготовки и в этом номере не забыта: есть информация с рисунками и фотографиями «Новое в лыжном спорте» и в «Советах звеньевому» наряду с «Как пришить пуговицу» и «Как за-

штопать чулок или носок» — советы по стирке в боевых условиях и на корабле, по поддержанию надлежащего внешнего вида красноармейца.

Двенадцатый номер, предпраздничный, — почти мирный. На обложке — картина Я. В. Титова «Хоккей», на второй обложке — призыв «Трудиться во имя родины» авиаконструктора, Героя Социалистического Труда А. А. Яковлева.

Номер все же затрагивает военную тему: дается первый рассказ Г. С. Фиша и В. Я. Ходакова «Штурм острова Зуб» о событиях Советско-финляндской войны, а в конце номера — «Школа юных разведчиков». Из идеологических материалов — воспоминания сестер Костриковых о родном брате — С. М. Кирове (1 декабря 1940 г. исполнилось 6 лет со дня его убийства) и статья прославленного летчика-испытателя, орденосца майора П. М. Стефановского с выводом: «...мы еще выше поднимем славу могучих советских крыльев» [38].

О занятиях пионеров говорят рассказы о физкультурниках в школе, об игре в хоккей и мастерстве лыжников, о клубе юных техников, Малой Ленинской (детской) железной дороге. На четвертой обложке — «Ордена и медали Союза ССР». О празднике Нового года напоминает лишь реклама на третьей обложке — в Центральном универмаге (Москва, Петровка, 2) «Большой выбор елочных украшений».

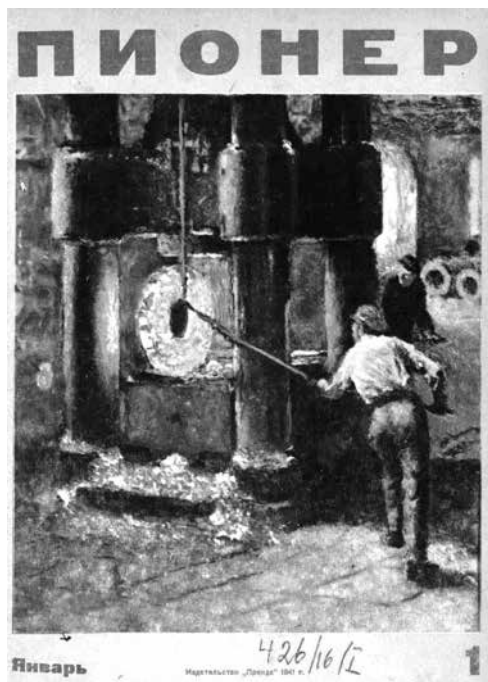
1941 год

Нередко первый номер журнала очередного года становится как бы программным, задающим тон на весь год.

Первый номер «Пионера» за 1941 г. не просто задает тон будущим номерам журнала, но определяет, каким должен быть его адресат, его основной читатель — пионер. Постулаты для пионеров даются уверенно, твердо, если не сказать жестко, под сильным влиянием уважаемых в стране людей. На второй обложке воспроизводятся слова М. Горького, обращенные к пионерам в 1929 г. На с. 2–7 идут обращения к пионерам под рубрикой «Будь готов!» Маршала Советского Союза С. М. Буденного, дважды Героя Советского Союза И. Д. Папанина, основательницы Коммунистической партии Испании Д. Ибаррури, Героя Советского Союза, генерала-полковника О. И. Городовникова, Героя Советского Союза, генерала-майора авиации А. В. Белякова, Героя Социалистического труда, депутата Верховного Совета СССР, шахтера А. Г. Стаханова, Героя Социалистического труда, депутата Верховного Совета СССР, кузнеца А. Х. Бусыгина, дважды Героя Советского Союза генерала-лейтенанта авиации С. П. Денисова.

В номере несколько публикаций, связанных с трудом и трудовым обучением. Так, рассказывается о встрече в редакции с читателями Героя Социалистического Труда, конструктора авиационных моторов А. А. Микулина. В рубрике «Труд на общую пользу» — материал о разнообразной помощи пионеров колхозникам. Труд ученых-физиков представил академик А. Ф. Иоффе в статье «Ядро атома». В рассказе профессора, орденоносца В. Г. Богорова «Богатства наших морей» не только дана информация о советских морях и поэтически описан путь по Баренцеву морю, но и показана работа команды на тральщике, добывающем рыбу.

Многие материалы номера так или иначе связаны с военной тематикой: военизированный киносценарий А. П. Гайдара «Комендант снежной крепости», фронтовые стихи А. Т. Твардовского, рассказ П. А. Павленко «Долг» (о событиях финской войны), С. Россинского «Человек с топором» (о плотником

«Пионер», 1941, № 1

«Пионер», 1941, № 2

труде на войне и в мирной жизни), «Письма из Красной Армии», высказывания военачальников А. В. Суворова, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко; материалы о проведении сборов-соревнований по строевой подготовке, переноске раненых, ползанию и переползанию, о массовой военной зимней игре «На штурм». В рубрике «Школа разведчиков» даются сведения для ориентирования по карте, компасу, по часам и солнцу, по звездам. Представлены топографические знаки с рисунками. Информация с фотографиями от военного корреспондента Л. А. Коробова «О чем расскажут следы на снегу» вовсе не о следах животных, а о следах вражеского подразделения. На четвертой обложке — рассказ об успешной обороне Пскова в 1581 г., осажденного С. Батыем.

Во втором номере военная и трудовая тематика развиваются по нарастающей: во вступительной статье номера говорится о «плане развития народного хозяйства на 1941 год — четвертый год третьей сталинской пятилетки», о дополнительном наборе «в ремесленные и железнодорожные училища 350 тысяч человек и в школы ФЗО — 537 тысяч человек», «70,9 миллиардов ассигновано на нужды обороны» [8].

Далее следуют материалы военного характера: о «славных полководцах Красной Армии» К. Е. Ворошилове, М. В. Фрунзе, С. К. Тимошенко (с. 4–28); рассказы П. А. Павленко «Вдали от своих» и студента-лыжника Б. В. Майбороды «В тылу у врага» о событиях финской войны; текст выступления наркома Военно-морского флота СССР, адмирала Н. Г. Кузнецова с призывом «Готовьтесь стать моряками!» и подробным описанием современного военного корабля, строительства новых крейсеров, миноносцев и подводных лодок; «Школа разведчиков»; материал Г. П. Тушкана «Охота — школа войны»; в рубрике «Три письма» — письма красноармейцев в родную школу о подготовке к армии, дисциплине и закаливании. А рядом материал о школе, в которой организованы физзарядка, игра «На штурм», военное дело, с названием «В армию приходим подготовленными».

В гостях у членов клуба «Пионер» побывал командир легендарного бронепоезда «Свобода или смерть» А. В. Полупанов с рассказом о Гражданской войне. На последней странице — петлицы и знаки различия младших чинов состава Красной армии.

Третий номер также активно развивает военно-патриотическую тематику.

Материалов военного и иного характера в этом номере примерно поровну. На с. 19–44, 52–61, 76–94 — географические, исторические и развлекательные материалы, среди них и немало обучающих: о подготовке к демонстрации, спорте, охоте, пошиву физкультурной одежды и обуви, и все они — о лучших человеческих качествах. Остальные страницы посвящены военной тематике, на них публикуются: нача-

ло повести С. Т. Григорьева «Малахов курган»; в очерках рубрики «Простые рассказы» Герои Советского Союза майор И. Д. Зиновьев, майор С. Ф. Нилковский и капитан Д. Я. Шевенк повествуют об умении воевать; даны отрывки из книги «Буденный» И. А. Всеволожского; в рубрике «Школа разведчиков» — информация по передвижению ночью, в лесу, о военной топографии; обучение игре «Морская блокада». В завершении журнала — реклама фильма «Петр I».

Четвертый номер отражает подготовку к Первому — «празднику борьбы и труда». Этому посвящены фотографии детей со Сталиным, стихи о мае, весне, природе.

Также в номере помещены рассказы о природе и ее исследовании детьми, о спорте, об изучении родного края. Обращают на себя внимание яркие публикации от известных людей: рассказ конструктора авиа-моторов, Героя Социалистического Труда А. А. Микулина, обращение к «Юным геологам» академика А. Е. Ферсмана.

Но с 35-й страницы журнал возвращается к военной тематике: публикует продолжение повести С. Т. Григорьева «Малахов курган», два рассказа о героических поступках в рубрике «Фронтовые новеллы», повествование генерала-лейтенанта Г. Ф. Морозова об истории винтовки к 50-летию винтовки образца 1891 г. С. И. Мосина, обучающий материал

«Пионер», 1941, № 3

«Пионер», 1941, № 4

«Пионер», 1941, № 5

по военной топографии и тому, как избежать засады противника, в рубрике «Школа разведчиков», рассказ о встрече в редакции, в рамках клуба «Пионер», с Героем Советского Союза, летчиком Б. А. Смирновым. Размещена его статья о воздушных боях на Халхин-Голе во время советско-японской войны.

Приводятся обращения к пионерам от наркома путей сообщения Л. М. Кагановича и Н. К. Крупской. В рубрике «Из походной книжки» даются советы, как построить шалаш, разжечь костер, собрать рюкзак. Публикуется пьеса В. Г. Губарева «Дальняя разведка» для постановки пионерским звеном. Периодически появляется рубрика «Окно в мир», тексты которой все чаще посвящены не только жизни детей в капиталистических странах, но и судьбам детей в разных странах в ходе Второй мировой войны.

На последней странице — зарядка, способствующая подготовке к сдаче норм БГТО.

Пятый и шестой номера — последние «мирные» на несколько последующих лет. Далее тональность и содержание журнала существенно изменятся.

Пятый номер открывается чудесной картиной А. М. Каневского «Всегда готов!», изображающей мальчика-пионера, на второй обложке — «Торжественное обещание пионера» и далее — обращение «всесоюзного

Торжественное обещание пионера

старосты» М. И. Калинина «Школа должна стать вторым родным домом».

На с. 5–31 пионеры Урала сообщают о своем крае. Далее идет рассказ П. А. Павленко «Берегите свои кандалы», в котором повествуется о жизни И. В. Сталина и Я. М. Свердлова в царских тюрьмах, их проделках и побегах. В материале под названием «Сталинские лауреаты» О. Н. Писаржевский рассказывает об академиках П. Л. Капице, А. Н. Бахе, Н. Н. Семенове, Е. Н. Павловском. Клуб «Пионера» ведет фоторепортаж с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и публикует переписку с читателями. Ярko представлена рубрика о спорте «Будем здоровыми, сильными и смелыми» под девизом из В. В. Маяковского:

«Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела» с обширными материалами на с. 72–81. О военной теме напоминают только продолжение повести С. Т. Григорьева «Малахов курган» и рубрика «Школа разведчиков» (условные знаки и сигналы, при встрече с противником, лагерные военные игры). На четвертой обложке — призыв «Сдай нормы БГТО» и нормы сдачи.

В связи с пятилетием смерти М. Горького шестой номер открывается интересным и разнообразным материалом о нем на с. 2–20, включая воспоминания внучек Горького Марфы и Дарьи.

Далее следует продолжение повести С. Т. Григорьева «Малахов курган». Также публикуются статьи о профессоре А. Г. Гуревиче и о физкультурных традициях школ страны, фоторепортаж «Пионеры умеют трудиться».

Но в основном номер посвящен летним каникулам и соответствующим темам. В нем публикуются статьи о путешествиях («Страна чудесней всех на свете» и «Путешествие на Валдай») со множеством фотографий, о сборе гербария, опытах с растениями, рыбалке и оборудовании спортивной площадки. Клуб «Пионера» в этом номере посвящен путешествиям по родной стране. Приводятся и несколько рассказов о жизни детей. В этом номере расширена постоянная рубрика «Наша Библиотека» — для летнего чтения.

«Пионер», 1941, № 6

«Пионер», 1941, № 7–8

О военном деле напоминает только неизменная «Школа разведчиков».

В заключении номера — призыв «Побейте эти рекорды» и «Таблица всесоюзных рекордов по легкой атлетике на 1941 год».

Седьмой и восьмой номера совмещены, и весь объем объединенного номера 12 печатных листов. Обычно июльский и августовский номера совмещались в связи с каникулами и отпусками редакции, и этот раз не стал исключением, но далее в военные годы объединение номеров будет связано с сокращением числа авторов — писателей и корреспондентов, с отсутствием бумаги.

На внутренней обложке — фотография «Танкисты перед боем читают речь товарища Сталина во фронтовой газете». На следующих страницах — портрет И. В. Сталина и текст его выступления 3 июля 1941 г.

Со с. 7 и далее — материалы на военную тему: стихи о войне и победе, рассказы Л. А. Кассиля «Крылья героев» (о военных летчиках), В. М. Саянова «В разведке под Выборгом» (о финской войне), Л. М. Жарикова «Защитник Яблоновского рудника» (о войне с немецкими оккупантами на Донбассе в 1918 г.), «Морские рассказы» И. Е. Всевожского о морских сражениях России.

Появляются рекомендации военного времени: «Что ты должен сделать в своем доме» (подробная инструкция о светомаскировке, защите от бомб, от огня, поведении

во время воздушного нападения или химической атаки и др.), «Умей оказать первую помощь» (как остановить кровотечение, перевязать рану, первая помощь при различных травмах и поражении отравляющими веществами, как переносить пострадавших).

Поддерживают дух пионеров фотографии и описание разбитой фашистской техники, тексты-призывы «Мы все бойцы!» и «Новости военной техники».

Много сообщений в этом номере посвящены помощи пионеров взрослым: «Ни колоса не оставим в поле», «Ребята заменили взрослых», «Я буду дома первой помощницей», «Звено связи».

Продолжается интернациональное воспитание: печатается отрывок из повести Б. Балаша «Карл, где ты?» о борьбе испанского народа с фашизмом, стихотворная сказка о борьбе за свободу черногорского поэта Р. Стийенского.

Появляется рубрика «В фашистском тылу», с фотографиями и информацией о партизанской борьбе.

В номере есть «урок истории» — о победе русского оружия в 1759 г. над прусским королем Фридрихом II (рассказ М. А. Гершензона и Л. Р. Когана).

Еще одна новая рубрика — «Пионерское окно сатиры», отражающее антифашистские плакаты учеников изошколы при Мосгорисполкоме.

Публикуются агитплакаты «Крепите Фонд обороны!» с призывом переводить средства «в Госбанк на счет всесоюзного бюджета по 40 разделу (фонд обороны)»; «Пионеры! Собирайте лом металла, он пойдет на снаряды, на пушки, на танки!»

Деловой и четкой, не игровой стала «Школа разведчиков»: в ней уже учат применять полученные навыки, призывают внимательно изучать военный опыт, рассказывают о героических поступках ребят в тылу и на фронте.

На третьей и четвертой обложке — инструкция в картинках «Научись пользоваться противогоазом!».

Вот таким, уже далеко не всегда детским стал с первых месяцев войны журнал «Пионер». Он серьезно готовил к войне, и оказался сам готов к помощи, к советам и поддержке своих юных читателей, воспитанию патриотов, настоящих бойцов, созданию уверенности в скорой победе. Надо сказать, что в этом номере возникает впечатление, что отпор врагу будет дан быстро и скоро фашисты будут разгромлены. Девизом журнала и его читателей прозвучали строки Н. Н. Асеева, поэта-фронтовика: «Каждое утро, вставая с постели, — пола еще не коснулась нога, — помни об общей единственной цели: как расшибить врага» [7].

Девятый номер стал намного меньше — 3,5 печатных листа вместо 12. Он открывается фотоэтюдом А. Чепрунова «Снова в школе», на котором дети стоят у школы, рассматривая книги, с противогоазами наперевес.

«Пионер», 1941, № 9

На второй обложке — стихотворение А. Т. Твардовского, посвященное младшим братьям Ивану и Павлу: «На разных фронтах, вдалеке друг от друга, застало нас грозное время войны <...> Вперед до победы, меньшие мои!» [39]. Как старший товарищ и командир, напутствует пионеров в передовице номера «За боевую пионерскую организацию» секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Н. Романов. Четко ставятся задачи, подчеркивается роль пионеров в победе над врагом, в помощи взрослым: «Время военное, и действовать нужно по-военному», «Всюду, где пионеры будут подтянуты, дисциплинированы, трудолюбивы, будет славиться боевыми делами и пионерская дружина» [33]. В рубрике «Наши дела» подводят итоги летней работы детей: что

они сделали, чему научились, чем полезным планируют заняться. И дел у детей множество.

Самое важное — появились публикации с фронта о событиях нынешней войны. Первая из них: «Иду на таран» (Е. В. Кононенко) — о подвиге В. В. Талалихина. Новую рубрику «Вести с фронта» ведет полковник С. Н. Гуров, многолетний начальник «Школы разведчиков». В рубрике «Наши славные помощники» красноармейцы рассказывают о детях и подростках, помогающих им в боевых условиях: связистах, разведчиках, партизанах.

Об интернациональной борьбе с фашизмом говорится и в этом номере: рассказ Л. Рубинштейна «Тайна семи мостов» повествует о подпольной борьбе с фашистами в Праге; фотографии рассказывают о зверствах фашистов в Польше, Югославии, Румынии, Германии под рубрикой «Что такое “новый порядок” Гитлера?»; рассказ И. Мишель «Дети Англии», которые тоже научились бороться с фашистскими бомбами.

В программной статье В. Чеснокова говорится: «Пионеры! Советские школьники! Вы должны хорошо знать и разъяснять другим, что это за война, почему она возникла и к чему она приведет». И она содержит соответствующие разъяснения, с заверением в победе Советского Союза в конце [40].

Также в номере помещены стихотворения военного времени, рассказ о герое-партизане Отечественной войны 1812 г. Д. В. Давыдове (без

авторства), подробно рассказывается о боях под Москвой в очерке Л. А. Кассиля.

Даются в номере и подробные рекомендации, как создать посты порядка в бомбоубежищах, как заниматься самозащитой (с фотографиями и подробным описанием приемов). Приводятся новости военной техники и инструкция «Учись распознавать самолеты врага» с рисунками и пояснениями.

В качестве сатирического приложения на четвертой обложке помещено «Окно ТАСС» с рисунками Кукрыниксов и стихами С. Я. Маршака «Аттестат зверости».

Десятый номер еще немного меньше — три печатных листа. Вероятно, это связано и с тем, что намного меньше сотрудников создают журнал: враг под Москвой.

Обороне Москвы посвящены фотоэтиюд С. Н. Струнникова «На стройке оборонительных укреплений под Москвой» на обложке, стихотворение Н. Н. Асеева «Тревога и гнев» на второй обложке, передовица «Победа будет за нами!» с призывом в конце: «И тогда, когда последний фашистский танк будет сожжен, последний фашистский самолет свалится на землю, когда последний фашистский солдат, вступивший на советскую землю для ее порабощения, будет уничтожен, мы сможем с удовлетворением сказать себе: Я выполнил свой долг перед родиной» [29]. Эти слова, по сути дела, обращены уже не к детям, а к гражданам, которые должны защитить Родину.

Далее рассказывается о событиях идущей войны, о людях, героических полках. Но в то же время рассказывается о детской жизни, о том, как устраивается быт детей во время войны, как они работают, как сами готовят обед, чинят одежду и обувь, ухаживают за лошадьми для армии и удлиняют рабочий день, для того чтобы побольше успеть в своих мастерских: столярной, швейной, сапожной, трикотажной и других. А также дети ставят спектакли для раненых в госпиталях. Своим маленьким городком дети называют школу-интернат, в которую они попали, оставшись без родителей.

В этом номере снова появляется рубрика «Советы звеньевому», и статья в ней посвящена боевой подготовке.

«Пионер», 1941, № 10

«Пионер», 1941, № 11

Публикуются стихи о войне, рассказы о солдатах и вестях с фронта, фоторепортаж «Москва — неприступная крепость», призыв с фотографией «Пошлем бойцам теплые вещи».

Вводится новая рубрика «Фронт смеется». В военных номерах уже нет юмора, не касающегося насмешек над фашистами и Гитлером.

Подробно описывается танк — в каждом номере теперь описывается какое-то вооружение. Обучение идет азбуке Морзе, тому, как обустроить подвал, погреб или ледник, чтобы прятаться при воздушной тревоге. Больше нет загадок, ребусов, кроссвордов, нет игр и путешествий. Все очень деловито и серьезно, сквозная тема — как жить и выжить, чтобы помочь фронту.

Одиннадцатый номер тоже военный, и иным он быть не может.

Журнал на своих трех печатных листах решает несколько задач:

- поддержать веру в Победу (вид пикирующего вражеского самолета на картине Г. Г. Нисского «Воздушный бой» и стихотворение К. М. Симонова «Суровая годовщина», выступление И. В. Сталина на трибуне на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г. и рассказ о том, как слушали Сталина бойцы в землянке и шли в бой);

- вызвать уверенность в мощи и силе страны и армии (фоторепортажи «Страна вооружает свою Армию мощным оружием», «Грозное оружие» о советских минометах);

- рассказать читателям о победах и героизме наших бойцов (рассказ «Капитан Победа» В. И. Сафонова и другие рассказы и фоторепортажи о буднях красноармейцев, первой гвардейской танковой бригаде генерала-майора М. Е. Катукова «Гвардейцы», подвигах простых людей, ушедших в партизаны);

- написать о трудовых и учебных буднях пионеров и показать всем на опыте полезные дела (рубрика «Вместе с отцами», рассказ Э. Юшкина «Тимуровцы»);

- показать, чему еще надо научиться («Пионеры! Все на лыжи»);

- вызвать презрение и ненависть к врагу («Дневник фашистского пса», «Лицо их техники... и ее изнанка» (о сворованных у колхозников

вещах в самоходной гаубице), «Фронт смеется»);

- вызвать гордость за страну и ее героев, вспомнить героическую историю Родины («Верный путь» З. Вишневецкой о Советско-финляндской войне, «Александр Невский» П. А. Павленко);

- продемонстрировать поддержку всего мира в борьбе против фашистов (М. Юрьев «Конвой идет через океан»).

Все материалы ободряют, вызывают гордость и уверенность в победе, учат необходимому и порождают стремление быть в одном строю со страной в борьбе с фашизмом. Здесь нет нравочений и морализаторства, но все воспитывает гражданина и патриота.

В двенадцатом номере первая обложка показывает лыжный поход ребят в лесу, а четвертая — военизированный поход на лыжах.

Это нам говорит о зимних занятиях детей, а о празднике Нового года говорит только стихотворение «Накануне» П. Н. Шубина на второй обложке. Оно говорит о состоянии народа, ситуации на войне и показывает решимость победить:

Полночь новогодняя, седая
Зацвела курантами Кремля,
Пушки, на лафетах приседая,
От Верховья до лесов Валдая
Грянули — и дрогнула земля;
<...>
С Новым годом, с новым наступленьем,
С новыми победами, друзья! [46]

В передовице «Пусть у каждого будет свой счет с врагом» рассказывается, какими полезными делами пионеры приближают победу. Той же теме посвящены материалы «Ребята в дни отечественной войны», «Вместе с отцами», «Получены вести».

О подвигах и победах красноармейцев повествуют шесть рассказов. Фоторепортажи показывают ребятам состояние разбитой немецкой

«Пионер», 1941, № 12

техники («Гитлеровская грабительская армия бежит под могучими ударами и Красной Армией»), разрушение нашего культурного наследия, усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, П. И. Чайковского в Клину («Ребята! Никогда не забывайте об этом!»).

В исторических хрониках дается информация как о современной истории (о капитане А. В. Чапаеве — сыне прославленного героя Гражданской войны, на войне — командире противотанкового дивизиона), так и о Куликовской битве.

Для поднятия настроения ребятам-читателям — рубрика «Фронт смеется».

1942 год

В 1942 г. «Пионер» остается вовсе не детским: дети несут тяготы войны наряду со взрослыми, и это отражается на страницах журнала.

Первый и второй номера объединены, их общий объем — три печатных листа. Такой подход в течение года повторится трижды, из-за тяжелых материальных условий военного времени. На обложке — картина Я. В. Титова «В городе Ленина».

На второй обложке — письмо-ответ своим ученикам в г. Абакане от учителя-фронтовика, старшего сержанта гвардии А. Кудрявцева. В письме две главные мысли — благодарность детям за помощь взрос-

лым и семьям фронтовиков и пожелание прилежно учиться. «Недавно проезжал я через село, неделю назад освобожденное от немцев. В этот день в школе начались занятия. Если бы вы видели, с какой радостью, с какой гордостью пришли ребята в свою школу, сели за свои парты, раскрыли свои учебники, которые им удалось спасти от гитлеровских громил! С какой любовью ребята сами приводили в порядок школу, чинили учебные пособия, подклеивали разорванные тупыми невежественными фашистами карты!» [23].

На первой странице — стихотворение Ц. С. Солодаря «Клятва» с Западного фронта. Далее — рассказ о героических поступках и спасшихся чудом героях В. М. Кожевникова «Любовь к жизни», репортаж

«Пионер», 1942, № 1–2

П. А. Лидова «Партизанка Таня» о подвиге и гибели Зои Космодемьянской. На следующих страницах — стихи П. Н. Шубина о блокадном Ленинграде «Гордый город», то есть накал не спадает, а нарастает от страницы к странице. И потому далее идет фоторепортаж «Не забудем, не простим!» с видами разбомбленных городов — Калуги, Венева, Клина, Солнечногорска.

Рассказ А. А. Кременского «Ночная гроза» тоже о войне, об оккупантах, но заканчивается на радостной ноте — освобождении села танкистами. Много рассказов, маленьких заметок, фоторепортажей, кратких вестей с фронта, стихов о военных ситуациях, о героических поступках детей и взрослых. Журнал стал сводкой с мест боев, из недавно освобожденных сел и городов.

Важнейшая тема номера — помощь взрослым, помощь тылу, полезные дела для реальной поддержки фронта, промышленности, сельского хозяйства: посещение госпиталей, пошив изделий для красноармейцев, уход за малышами, пока родители на работе, изучение трактора, хранение семян, выращивание кур, починка мотоциклов для фронта и др. Продолжается и военная подготовка пионеров: сообщение о военном факультете Московского института физкультуры, объявление о новой военной игре «Рейд в тыл врага».

На обложке третьего номера немного увеличенного объема (четыре печатных листа) рисунок без названия Л. и Н. Кравченко изображена мирная картина: девочки кормят кур (но можно предположить, что это тема помощи фронту, если вспомнить информацию из предыдущего номера, как девочки для питания бойцов выращивают кур).

На второй обложке радостная, победная фотография: урок географии в школе освобожденной Ясной Поляны. Дальше повествование о подвиге и гибели Лизы Чайкиной. В этом номере больше материалов о продвижении советских войск — о победе в битве за Москву, спасении детей из оккупированных сел, подмосковных городках, которые защитили Москву сейчас и у которых великое героическое прошлое.

Значительное место в номере занимают материалы о тракторах, об устройстве птицефермы, огородных работах и т. п. Причем в них

«Пионер», 1942, № 3

Фото М. С. Озерского
«Снова в родной школе»,
опубликованное
в журнале «Пионер»
(1942, № 3)

содержатся обстоятельные профессиональные рекомендации, направленные на организацию работ, ведущих к высоким показателям, — это уже не только помощь взрослым, но и работа вровень со взрослыми. На тему мирной жизни — статья «Поговорим о чтении» о том, как правильно читать.

Четвертый и пятый номера объединены, их общий объем — четыре печатных листа. На обложке — картина Е. А. Афанасьевой «Весной» с изо-

бражением пионеров на фоне природы с портфелями, на обороте — обращение директора казанской средней школы № 19 им. Белинского К. В. Францева ко всем ребятам страны помочь окрестным колхозам и совхозам.

В этом номере впервые публикуется баллада С. В. Михалкова «В том краю, где ты живешь». Сразу за ним — статья «Час расплаты близок» о страшных зверствах фашистов над детьми, героизме детей и врачах, спасающих выжившим жизни в госпиталях. Публикации становятся все более оптимистичными, все чаще говорится о близкой победе, вкладе детей в победу, судьбах подростков, на плечи которых легли заботы о семье и труд вместо ушедших на фронт взрослых. Появляется все больше рассказов о жизни на освобожденных

«Пионер», 1942, № 4–5

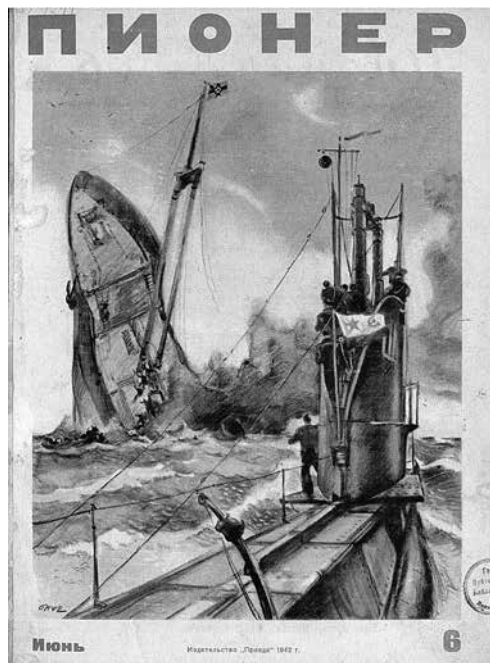
территориях: о приемных детях-сиротах, которых берут в семьи, об экскурсиях в освобожденные села и города и помощи местным жителям. В каждом номере, и в этом тоже, есть материалы о партизанах, а также о разных военных специалистах и их действиях на фронте и в тылу врага. И вновь в этом номере — рассказ о несдающемся Ленинграде. Продолжается рубрика «Готовьтесь стать бойцами», которую ведет теперь подполковник Н. А. Баканов.

Этот номер, несмотря на повествования о врагах, о страданиях и борьбе людей с фашистами, все же содержит больше материала о мирных событиях и делах и детских занятиях, чего в № 1–2 не было. В прошлом (третьем) номере рассказывалось о правильном чтении, а в этом содержится напоминание «Не забудьте о книгах» на третьей обложке, чтобы ребята, уезжая на каникулы, взяли с собой книги для чтения, причем рекомендуются конкретные издания. Руководитель изостудии Московского дома пионеров А. М. Михайлов пишет о технике рисования и приводит несколько картин детей о жизни военной поры. Возобновилась и публикация маленьких пьес для драмкружка. Рассказывается о математике в статье «Чудесная наука» А. Н. Погорелова, старшего преподавателя факультета математики МГПИ им. Ленина. Приведены древние задачи греков, индусов в рубрике «Попробуй — реши!». Дан исторический материал о боксе, а также уроки бокса с множеством фотографий. Автор материала — мастер спорта Я. Б. Браун.

Публикуются и весенние советы о работах в поле и на огороде, о сборе лекарственных трав с описанием и рисунками (на четвертой обложке — цветными) трав, которые надо собирать.

Шестой номер (три печатных листа) с картиной Г. Г. Нисского «Морской бой» на обложке открывается известным стихотворением К. М. Симонова «Родина».

Первая статья номера называется «Это — гвардейцы», и она рассказывает о гвардейских (то есть лучших, отличившихся в боях) частях, борющихся с врагом: подразделениях казаков, гвардейском минометном расчете, экипаже танкистов, пулеметном расчете, летчиках.

«Пионер», 1942, № 6

В этом номере снова рассказывается о лыжниках-разведчиках, саперах, которые разминируют освобожденные территории, о детях, которые помогают воевать и совершают подвиги наравне со взрослыми, о партизанах. Публикуется исторический материал «Славная русская гвардия» Н. А. Шихеева, где рассказывается о военных победах гвардейских войск в XVIII–XIX вв.

В этом летнем номере снова призыв к пионерам, школьникам, юннатам, туристам и просто любителям путешествий собирать дикорастущие полезные растения, это будет вклад в дело победы. Даже призывается организовать соревнования между звеньями, даются советы, в каком месяце и в какое время суток собирать и как сушить лекарственные растения, грибы и ягоды.

В плане помощи взрослым и самостоятельной детской работы предлагается статья агронома Наркомзема СССР К. П. Клокова о «войне с сорняками», приводятся рисунки сорняков с названиями, описывается, как с ними бороться в полях и на огородах. В записную книжку пионеры предлагается записать, что делать в июне и в июле в плодовом саду, на ягодном участке, в огороде.

Для занятий летом ребятам предлагается рыбалка, спорт (бег), лазание по деревьям, описывается, как это делать правильно. На четвертой обложке помещены рисунки ребят из разных городов, конечно же, на военную тему.

На обложке седьмого номера — июльского, вышедшего в каникулы, — фотография детей (без авторства), которые на лошадях возят копны сена, а на обороте изображено красное знамя Центрального комитета ВЛКСМ с надписью «Школе-победительнице во всесоюзном социалистическом соревновании учащихся на полевых работах» и призыв соревноваться за «обильный военный урожай», быстро и без потерь убрать его, помочь фронту, работать так, чтобы «славное красное знамя ЦК ВЛКСМ было в ваших руках».

Впервые за несколько номеров в самом начале помещена повесть — «Таня Слесарева» М. П. Прилежаевой, посвященная жизни детей, эвакуированных из Москвы. Далее в рубрике «Ребята в дни отечественной войны» рассказывается о разных делах пионеров: о молодом кавалеристе Л. Костюковиче, участвовавшем в освобождении села от оккупантов, об учителе и ребятах Сухаревской школы Московской области, самостоятельно восстановивших свою школу и за полгода выполнивших программу учебного года, а далее продолживших работу в колхозе, с малышами. Затем — подробная информация о сборе лекарственных трав, клюквы, брусники, грибов по всей стране. Этот сбор осуществлялся тоннами.

Только два рассказа посвящены современным военным событиям: подвигам танкистов и артиллеристов. Помимо них автор Н. А. Шихеев пишет об очередной доблестной истории — на этот раз русской

эскадры: о победе русского брига «Александр» над пятью наполеоновскими канонерскими лодками в Средиземном море в 1806 г.

Подполковник Н. А. Баканов традиционно учит военным премудростям: понимать следы, бесшумно идти в лесу и правильно совершить переправу через реку в военных условиях. Об этом же рассказывается и в специальной рубрике «Водные переправы»: как с помощью подручных средств, без лодки переправиться на другой берег реки. Журнал обучает ребят многому, в том числе плести корзины из ивовых прутьев.

Академик И. В. Якушкин рассказывает, как «Сберечь каждый колос, каждое зерно». В рубрике «Сельскохозяйственная школа «Пионера»» появилась новая

тема — «Пчелы», там же говорится о работах в поле, на сенокосе, на огороде в июле — августе, как заготовить впрок ягоды, фрукты и грибы.

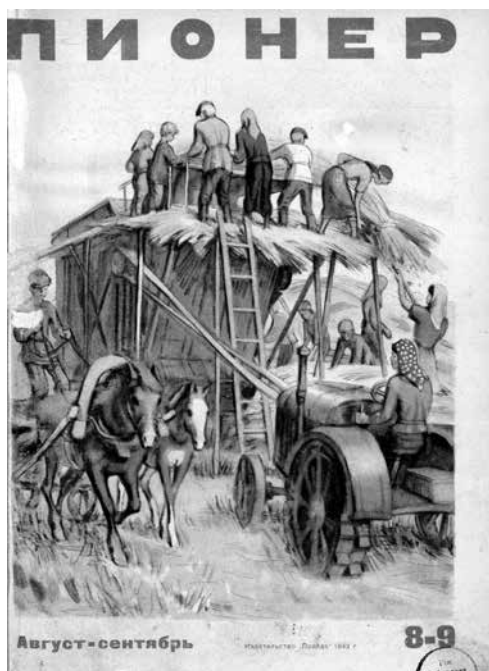
В рубрике «В свободный час» помещен полезный совет: как измерить крутизну склона, высоту дерева. Описаны и три подвижных игры: с плаванием, бегом на пересеченной местности, меткой стрельбой.

Восьмой и девятый номера объединены, общий объем — три печатных листа. Осень связана с сельскохозяйственным трудом, и главная тема на обложке — картина «Молотьба» А. А. Брея.

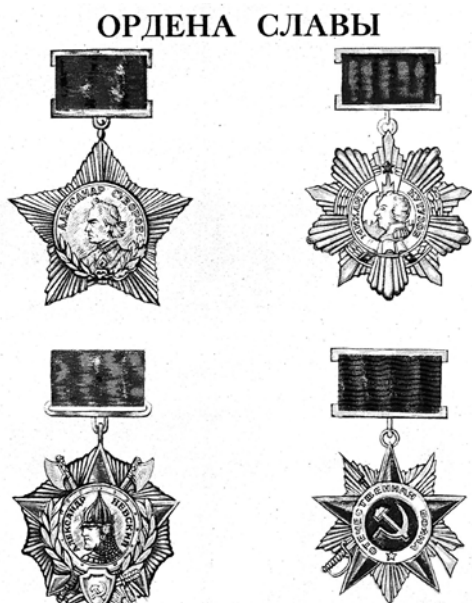
На второй обложке представлены новые военные ордена Советского Союза — ордена Славы: Суворова, Кутузова, Александра Невского и Отечественной войны. Передовица Е. В. Кононенко «О слепом танкисте и о тебе, пионер...» возвращает юных читателей от летней небольшой передышки к острому моменту настоящего. Статья начинается рассказом о танкисте, прошедшем бой с ранением в глаза и выведшим танк из боя, а далее следуют два рефрена — два жестких призыва: «если ты не хочешь...» («если ты не хочешь быть рабом немецких баронов...», «если ты не хочешь, чтобы немцы убили твою мать...» и т. п.), то «помогай родине», «помогай своему народу». «Сейчас нелегко... Война суровая... Всем тяжело. Но ты, пионер, должен с честью переносить все трудности, все лишения.... Будь энергичен. Будь бодр. Не падай духом в самые-самые трудные минуты своей жизни» [21].

«Пионер», 1942, № 7

«Пионер», 1942, № 8–9

Военные ордена Советского Союза —
ордена Славы

Есть в номере и очерк военного корреспондента И. Г. Эренбурга «Рабы под номерами» с фотографиями бирок, которые фашисты заставляют носить людей в захваченных населенных пунктах: «Даже имени немец не оставил человеку, занес в список, поставил номер и приказал: “Носить на груди”. Никогда, никогда не станем мы немецкими рабами! На груди у нас воинский билет и письмо с родины. В груди у нас ненависть. Она жжет, как уголь. Она разъедает, как соль. Перед тобой немец, тот, что дает бирки. Грудь немца ждет — не деревяшки — свинца» [47].

Темы войны и долга перед Родиной, героической памяти о подвигах русского оружия поддерживаются в номере и дальше: «Стихами о Родине» В. А. Жуковского, Ф. Н. Глинки, А. С. Пушкина, рассказом «Кутузов в день Бородина», новыми сводками с мест боев Л. С. Соболева. В этом номере напечатаны два последних репортажа с фронта Б. А. Ивантера — он погиб в бою 5 июля 1942 г. на Калининском фронте. Ивантер работал в журнале «Пионер» с 1925 г., с 1935 по 1938 гг. был руководителем редколлегии, потом с 1941 по 1971 г. журналом руководила Н. В. Ильина — его ученица.

Очень важная тема — сбор урожая, сенокос, работа в Абхазии на чайных плантациях, уроки от академика И. В. Якушкина «Работа на току», «Календарь уборки». «Записная книжка» на август — сентябрь советует,

что делать на огороде, на скотном дворе, на току и как заготовить овощи впрок.

Идет постепенное возвращение к занятиям спортом: рассказ о дискоболе и более нужная рекомендация — «Гимнастика на лугу и в поле» с рисунками. Необходимый совет перед школой — «Сделай себе сумку для книг». На четвертой обложке — «Вернем здоровье защитникам Родины», материал, рассказывающий о целебном настое из шиповника, о сборе ягод, лекарственных трав тоннами в разных уголках страны.

Десятый номер начинается с картины Л. Ф. Голованова «Саша Чекалин».

О подвиге Чекалина в номере не рассказывается, вероятно потому, что он был широко известен, ведь уже в 1942 г. городу Лихвину в Тульской области, где жил и был казнен Саша, было присвоено наименование Чекалин.

Передовица номера — статья Л. А. Кассиля «Четверть века» — посвящена 25-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Далее напечатан рассказ Ю. П. Германа о героизме моряков во время Советско-финляндской войны — о «сыне корабля».

Появилась новая рубрика «О русском языке» и на ту же тему размещается стихотворение С. Я. Маршака «“Не” и “ни”» по мотивам реальных событий в Смоленской области, когда на оккупированной территории учителя в школе продолжали преподавать по советским программам вопреки требованиям оккупантов.

Много материалов, посвященных помощи пионеров в разных делах: «Выставка умелых рук», «Мой лицевой счет», о танке «Горьковский пионер», о 2-й пионерской дружине Таганрогского района г. Москвы с фотографиями огорода, изготовления игрушек, швейного производства, ремонта книг, сбора металлолома. Также публикуются в соответствующих рубриках материалы, посвященные сельскому хозяйству, помощи в октябре.

Описывается новая игра «Минное поле», продолжают публиковаться материалы о книгах.

«Пионер», 1942, № 10

Таким образом, этот номер почти не содержит страшных эпизодов войны.

7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, обычно принимали в пионеры, поэтому на обложке тонкого (в два печатных листа) одиннадцатого номера — картина А. А. Брея «Принят в пионеры», на обороте — стихи К. Шохина «Улица Ленина, пять» об оккупации и освобождении Украины:

На Украине моей расплачусь
С немцем за каждую пядь.
Скоро к тебе я на танке примчусь,
Улица Ленина, пять! [45]

На передовице «Слово вождя» — отрывки из доклада И. В. Сталина к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Далее следуют «Рассказы о твоих товарищах» А. И. Шарова: о помощи пионеров Ростова раненым бойцам, о расстрелянных героях Днепропетровска. В рубрике «Наша жизнь» помещены очерки о дружбе пионеров с танкистами, посещении госпиталя, праздничных подарках красноармейцам.

В этом номере заканчивается обучающее повествование подполковника Н. А. Баканова «О чем рассказали следы». Рубрика «На пороге

зимы» готовит к лыжным походам, журнал учит изготавливать «самодельные лыжи» и играть в «строевые игры». А четвертая обложка заполнена советами, как сделать теплые сапожки и варежки.

Двенадцатый номер (два печатных листа) подводит итоги соревнования за урожай.

Весь номер — о разных событиях войны: фоторепортаж «Так сражаются в Сталинграде», репортажи о передаче дров из детского дома на фабрику, об изготовлении множества нужных вещей для фронта, помощи по дому. Освещается переписка пионеров с бойцами. В этом номере заканчивается повесть М. П. Прилежаевой «Таня Слесарева».

«Пионер», 1942, № 12

Появляется новогодняя тема — «Устроим малышам елку». А на четвертой обложке учат делать шапочки своими руками.

Журнал 1942 г. отражает все трудности войны: недостаток работников в редколлегии и авторов, смерть писателей на поле боя, сокращение номеров по объему и формату (трижды за год выпускались сдвоенные номера). Но журнал не сдается, помогает ребятам в их каждодневной жизни советами, подбадриванием и твердым словом о долге и родине. В детях воспитывают любовь к родине, формируют стремление помогать старшим во всем. При этом от юного читателя не скрываются потери, которые несет с собой война. Наряду с верой в победу возвращается ненависть к врагу.

Самым тяжелым по содержанию был первый номер. Постепенно в течение года на страницах все больше материалов для детей, у которых должны быть не только боль, труд и испытания, но и игры, отвлечение от тягот войны при чтении интересных книг.

1943 год

В 1943 г. журнал по-прежнему испытывает затруднения. Четыре раза выходят сдвоенные номера, объемом в два-три печатных листа, однако это листы при практически вдвое увеличенном количестве печатных знаков в листе: 76 999 против 38 400 в 1939 г. Мелкий шрифт усложняет чтение, но позволяет повысить плотность публикаций.

Четыре обложки из восьми посвящены военным сюжетам, а три — детскому труду в помощь фронту. Самая радостная — обложка к № 11–12: картина Б. В. Преображенского «Салют», изображающая салют над Москвой. Следует пояснить, что первый артиллерийский салют состоялся в Москве 5 августа 1943 г. в честь освобождения советскими войсками от немецких оккупантов городов Орел и Белгород, 23 августа 1943 г. — в ознаменование освобождения Харькова, 30 августа 1943 г. — освобождения Таганрога, 6 ноября 1943 г. — в день освобождения Киева [18]. Поэтому неслучайно в конце этого года размещена именно картина «Салют».

Страницы номеров 1943 г. наполнены войной, в них много информации о событиях на фронте и на оккупированных территориях, вооружении и Красной армии (о видах наград, о знаках различия и т. п.). Есть в них и очерки о вкладе детей в помощь фронтовикам, письма и сообщения из детских городков (школ-интернатов для детей-сирот), статьи о занятиях охотой и рыбалкой, военных и спортивных играх.

В первом номере (тиражом уже не 90, а 50 тыс. экземпляров) — стихи и рассказы о подвигах подростков и солдат, очерки о событиях войны: побеге из плена, расстрелах и повешении детей и взрослых фашистами. Художественные произведения также о событиях войны, но с хорошим концом.

«Пионер», 1943, № 1

«Пионер», 1943, № 2–3

В конце каждого повествования — призыв к борьбе против захватчиков, приближающей победу, уверенность, что найдутся пропавшие без вести, угнанные в Германию, что Красная армия наступает и освободит оккупированные территории. В новогоднем стихотворении Е. А. Благининой звучит эта общая мысль:

Словом, мыслью, горячим делом
Помогая в тяжелой борьбе,
Будь спокойным, гордым и смелым —
Это все по силам тебе.
Чтобы мог сказать ты по праву:
— Я боролся: не шел стороной.
И тогда ты разделишь славу
И победу со всей страной [9].

Сдвоенный второй-третий номер (тираж с этого номера и до конца года — 24 тыс. экземпляров) открывается благодарственным письмом молодежи, комсомольцам, пионерам и школьникам за сбор средств для родной армии от И. В. Сталина. Сумма, о которой идет речь, — 181 657 428 рублей для вооружений, продовольствия и подарков бойцам Красной армии и партизанам [37].

В номере публикуются истории о героической гибели красноармейцев и пионеров, пытках в фашистских застенках. Так, например, продолжается серия рассказов А. И. Шарова, на этот раз под названием «Батальон Бориса Ивановича».

Традиционно публикуются репортажи о детях, и они посвящены войне и борьбе за победу. Так, фоторепортаж «Мы любим военное дело» рассказывает об обучении детей умению разбираться с военной техникой, пользоваться противоголозом, стрелять, быть радистом и лыжником, читать карту. Даже сказка Б. А. Ивантера «Чудесные вареники» — о событиях, связанных с солдатскими буднями на войне.

Журнал продолжает обращаться к истории и победам русского оружия в прошлом. В этом номере опубликованы стихи В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», краткий очерк об Отечественной войне 1812 г. и портреты М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, А. П. Ермолова, М. И. Платова.

Важно, что журнал продолжает обращать внимание ребят на книги, дает советы по чтению.

Четвертый номер — апрельский — начинается с выразительной передовицы о подготовке к Первому мая.

«Горячим, самоотверженным трудом встречаем мы наши суровые военные праздники». Что ожидают от ребят? В числе прочего пожелание «больших успехов в учебе» и совет «подготавливать к севу пришкольный участок, чтобы на будущую зиму в школе были горячие завтраки» [12].

Этот номер в основном повествует о победе под Сталинградом, где погибло 330 тыс. фашистов. Все публикации отражают военную жизнь ребят и взрослых. Так, в детских стихах З. Н. Александровой рассказывается о раненых в Сталинградской битве бойцах, а также об убитой девочке в Крыму, о сироте из Ленинграда Сереже, у которого на глазах погибла мама, об ужине печеной картошкой, о дровах для школы-интерната, которые запасают дети.

Пятый-шестой номер снова сдвоенный, с очень плотным текстом: три печатных листа, мелкий шрифт и 76,8 тыс. знаков. На обложке — картина

«Пионер», 1943, № 4

С. Верейского «На реке», которая показывает, как мальчишки купают коней. Традиционно летний выпуск дает возможность немного, на некоторых страницах уйти от подробностей войны.

В номер вошли историческая повесть В. Г. Яна «Никита и Микитка», рассказ В. А. Сафонова о великом натуралисте К. А. Тимирязеве, адыгейская сказка, стихи Д. Китса в переводе С. Я. Маршака.

Публикуются советы по чтению книг, шарады и головоломки. Обращает на себя внимание название рубрики «Игры с палками и чурками». Детям необходимо играть, и при отсутствии производства игрушек в дело идут подручные материалы. И игр с ними автором В. Г. Яковлевым, специалистом по подвижным играм, предлагается немало: «Ласточка», «Прогнать врага», «Крепости», «Бей, не зевай».

Даются советы пионерам, что надо уметь в походе: строить землянки и шалаши, мосты и плоты, разжигать костер, рубить дрова, создавать из сучьев и палок и других подручных материалов необходимые вещи (вешалки, крючки, ручки, столик, носилки), и даже компас и фонарь.

Однако война продолжает оставаться на страницах журнала: в рассказах А. И. Шарова «Батальон Бориса Ивановича», в военной карте, в дневнике Марины Капицы из блокадного Ленинграда, в сообщениях и фоторепортажах пионеров об их труде для фронта, для победы.

Журнал призывает ребят с пользой провести летние каникулы:

окрепнуть, отдохнуть и много сделать для бойцов Красной армии, для фронта, поэтому и в этот номер включены советы по сенокосу и пр.

Следующий летний сдвоенный седьмой-восьмой номер, начиная с передовицы, рассказывает о конкретных делах, об опыте школьников, о том, что еще можно успеть сделать до окончания каникул, например сделать учебные пособия для школы (гербарий, коллекцию минералов, рисунки с памятниками прошлого и с мест недавних боев). Эти рекомендации имеют две цели: не только занять детей общественно полезным трудом, но и заполнить опустевшие школьные кабинеты во многих регионах страны хоть какими-то учебными материалами.

«Пионер», 1943, № 5–6

Первый рассказ номера — писателя М. Г. Тевелёва о комсомольце-разведчике, Герое Советского Союза И. И. Богатыре. Далее идет фоторепортаж о других героях-комсомольцах и их боевых победах: снайпере Евграфове, автоматчике И. Федорке, летчике Голубеве, о райкоме комсомола Неклиновского района Ростовской области, который в полном составе ушел в партизаны.

Очень разнообразна рубрика «Наша жизнь»: фоторепортажи о делах пионеров на поле, на огороде, на пастбище, в производственной мастерской. Здесь же страницы писем о пережитом в оккупации, о непосильной работе, гибели, пытках взрослых и детей, о партизанских отрядах в тылу врага.

Несколько публикаций не напоминают о войне: рассказы И. С. Тургенева («Деревня», «Голуби»), продолжение исторической повести В. Г. Яна «Никита и Микитка», очерк Н. Н. Асеева о В. В. Маяковском и стихотворение Маяковского «Ну что ж!», короткие рассказы нравоучительного характера Е. В. Кононенко «Знакомые девочки».

В рубрике «Наша жизнь» материалы под общим названием «Один день военного лета» действительно описывают «один из увлекательных, хлопотливых и трудовых дней ребят нашей страны» и поражают своим разнообразием: о выставке военных трофеев в Москве, о походе в пионерском лагере, о победе детей с оккупированной фашистами территории, о рыболовецкой молодежной бригаде на Байкале, об изготовлении кукол для детей Сталинграда, о сборе лекарственных трав для госпиталя, о сборе урожая моркови, о выпасе овец в горах, об обучении в школе юнг. Это дает полное представление о жизни пионеров в разных уголках огромного Советского Союза, хотя сами эти места не названы.

Девятый номер открывается словами благодарности комсомольцам и комсомолкам за непосильный труд, неоценимую помощь и бескорыстную поддержку всем нуждающимся в помощи, особенно в блокаде Ленинграда.

«Пионер», 1943, № 7–8

«Пионер», 1943, № 9

Комсомольцы рубили лес, разносили почву, отогревали электростанции и водопровод, развозили хлеб, помогали в госпиталях и обходили квартиры фронтовиков, выполняли множество дел в тылу ради победы на фронте. В передовице Л. А. Кассиля «Провожая тебя в школу» много обращений к ученикам, призыв хорошо учиться, стать настоящими людьми и отдать долг Родине. А начинается он с бумаги: «...бумагу, на которой напечатан журнал, как и бумагу для твоих школьных учебников и тетрадей, создали из особого вещества — целлюлозы. Это вещество сейчас очень нужно стране. Необходимо оно для Красной Армии. Целлюлоза идет на изготовление очень важной продукции, которая употребляется на фронте. Во время войны дорог каждый килограмм целлюло-

зы» [19]. Это объясняет, почему так экономно в сдвоенном формате выпускается журнал «Пионер» и почему такая высокая плотность печати, которая создается за счет мелкого шрифта и значительного увеличения числа печатных знаков на лист, понятно, почему тираж с 90 тыс. уменьшился сначала до 50, а потом и до 24 тыс. экземпляров.

Вторая очень важная мысль в передовице Л. А. Кассиля — об учителях: «Фашисты ненавидят наших учителей. Для фашиста советский учитель — один из самых страшных, опасных врагов. Фашист знает, что твой учитель целью своей жизни поставил терпеливо вырастить честных, свободолюбивых, знающих и умелых людей. Любовь к своей Великой родине, уважение к труду, понятие об истинной чести человека, смелый, без зазнайства, но и безбоязненный взгляд на мир, твердую волю и благородное сердце хочет воспитать в тебе твой учитель. И как раз все это хотел бы убить в тебе, выжечь, с корнем вырвать, вытоптать фашист. Он хотел сделать из тебя раба, без воли, без знаний, без мыслей. Красная Армия встала на защиту всего, что так дорого нам, всего, что воспитала в нас великая история нашей родины, всего, что вошло в наши сердца, в наше сознание от наших дедов, родителей и учителей» [19].

Публикуются «Рассказы из жизни» авиаконструктора, Героя Социалистического Труда А. С. Яковлева, которые планировалось позднее выпустить в издательстве «Детгиз». «Стихи о заре труда» Н. Н. Асеева сопровождаются фотографией Сережи Елизаветина — четырнадцатилетнего заводского слесаря.

В этом номере практически поровну помещены материалы о войне («Дроздиное гнездо» Л. В. Успенского — о снайпере, «Искусство» В. Г. Лидина — о пленении фашиста школьниками) и другие произведения (историческая повесть В. Г. Яна, очерк о создании морской энциклопедии школьниками, рассказы о природе, грузинская сказка). Причем материалов о тяготах войны почти нет, меньше призывов к труду, ребят ориентируют на учебу как основной долг перед Родиной. Это вызвано, тем что война вошла в другую фазу: идет наступление, враг разбит под Сталинградом, в Москве все чаще звучат салюты в честь освобождения городов.

Десятый номер начинается с посвящений комсомолу, которому исполняется двадцать пять лет.

В честь этой даты публикуются стихи З. Н. Александровой «Комсомол», передовица «Комсомолу двадцать пять лет», фоторепортаж о славных делах комсомольцев на фронте и в тылу, стихотворение Л. В. Успенского «Стережущий» о подвиге моряка-комсомольца М. Корницкого. Много страниц посвящено подпольной молодежной организации «Молодая гвардия»: «Песня о Краснодаре» С. Я. Маршака; фотографии с информацией о пяти героях Советского Союза — краснодонцах, членах «Молодой гвардии»; фотографии документов, мест заключения, тюремных стен с надписями героев-комсомольцев. В те дни и далее на протяжении многих лет в стране помнили и чтили подвиг краснодонцев, их именами называли пионерские дружины и комсомольские отряды, создавали музеи в разных городах и селах страны. Каждый пионер знал подвиг краснодонцев и других героев-пионеров. Так же широко известен подвиг комсомольцев-краснофлотцев, дерзко высадившихся десантом на Малой Земле — на Мысхако: в номере дана подробная информация

«Пионер», 1943, № 10

об этом с серией фотографий. В конце номера — рекомендация «Что читать о комсомоле».

Письма пионеров из Сталинграда «Мы-сталинградцы» рассказывают о восстановлении города. В начале этих писем звучит вопрос: «Чем помог ты и твой отряд своим сталинградским товарищам?».

Также опубликованы «Рассказы снайпера» Л. В. Успенского.

В этом номере лишь одно «мирное» произведение — стихотворение А. К. Толстого «Прозрачных облаков спокойное движенье...»

Одиннадцатый и двенадцатый номера вышли под одной обложкой с изображением салюта.

На второй обложке опубликован текст нового государственного гимна (текст С. В. Михалкова и Эль-Регистана). Приводится здесь и официальное обоснование замены старого гимна («Интернационала»): он был заменен ввиду того, что не отражал «коренные изменения» и «социалистическую сущность Советского государства» [15].

В номере подробно освещается важное событие — освобождение Киева 13 ноября 1943 г. Этому посвящен специальный фоторепортаж, представляющий советские войска на улицах разрушенного фашистами города. Рядом помещены стихи известного украинского писателя М. А. Стельмаха «Украинские песни» в переводе Н. П. Кончаловской, которые посвящены грядущей победе над «врагом». «Подземная война» В. Линского посвящена войне под землей в разные времена, и последняя часть рассказывает о боях за Сталинград. Есть и другие материалы исторического характера.

Статьи о современности рассказывают о событиях в тылу, например о работе на заводах ребят из фабрично-заводских училищ. «Звеньевая энциклопедия» дает важные для пионеров определения и перечисляет необходимые ему базовые умения. На третьей обложке описан «стадион во дворе», рассказывается, как организовать занятия зимними видами спорта и играми во дворе. На четвертой обложке — советы, как сделать шапочки для маскарада. И это единственное, что напоминает о новогоднем празднике и зимних каникулах.

«Пионер», 1943, № 11–12

Каково время — таковы и журналы. «Пионер» стремится быть предельно честным со своими читателями, правдивым, требовательным, но иногда стремящимся немного отвлечь сказкой, увлекательным рассказом, игрушкой-самоделкой. В журнале всегда демонстрируется понимание происходящего и на фронте, и в тылу, все детские тяготы разделяются. Иного и быть не могло, ведь авторами в журнале были военные корреспонденты, бойцы и командиры Красной армии и флота, партизаны, сами дети, чьи письма и сообщения печатались в каждом номере.

Победа все ближе. Чем живут пионеры страны? К чему зовет журнал в 1944 г.?

1944 год

По объему, формату и тиражу журнал не изменился. Тираж 24 тыс. экземпляров. Номера 2–3, 5–6, 8–9, 11–12 сдвоенные, без увеличения количества страниц и печатных знаков. Видимо, это самый трудный год для «Пионера», потому что в этом году самое большое число сдвоенных выпусков.

Однако очевиден перелом в войне, ни одна из обложек журнала не отражает боевые действия или помощь фронту, взрослым. На обложках картины: Г. Г. Нисского «На лыжах» (№ 1); Н. Н. Жукова «Суворовцы» (№ 2–3); А. А. Брея «Мальчик с птицей» (№ 4); Н. Н. Жукова «Военная игра» (№ 5–6); Г. Г. Нисского «На Московском море» (№ 7); А. А. Ромодановской «Москва» (№ 8–9); М. В. Нестерова «Салют» (№ 10); Ю. А. Васнецова «Новогодний карнавал» (№ 11–12).

Номера этого года продолжают линию года предыдущего по основным рубрикам, но немало и изменений.

Реакция на политические события, на крупные победы советских войск, идеологические материалы, нередко в сопровождении стихотворений, представлены в каждом номере:

№ 1 — к дню смерти В. И. Ленина большой рассказ о нем Е. Д. Стасовой, а также подборка его писем к матери;

№ 2–3 — к освобождению от блокады г. Ленинграда 27 января 1944 г. стихи В. М. Инбер «Рожден Петром и Лениным воспитан»; репортаж И. А. Рахтанова «Город русской славы» с фотографиями довоенного и послеблокадного непокоренного города;

№ 4 — стихотворение «Будь готов» З. Н. Александровой, соседствующее с передовицей «XII пленум ЦК ВЛКСМ»;

№ 7 — подробный фоторепортаж без авторства о союзниках «На берегах Ла-Манша»;

№ 8–9 — стихотворение С. В. Михалкова «Про Победу»;

№ 10 — стихотворение С. Я. Маршака «Годовщина Октября», передовица в начале номера «В дни великих побед», устанавливающая связь между победой в Революции 1917 г. и грядущей Победой, воспоминания

«Пионер», 1944, №№ 1, 2–3

К. М. Симонова «Встреча с маршалом Тито» с фотографиями. На третьей обложке информация о том, что «Пионеру» 20 лет;

№ 11–12 — фотография на второй обложке «Молодежь восстанавливает родной Ленинград», репортаж «Прошел год» Л. А. Кассиля, сообщающий о движении в стране по восстановлению разрушенных войной городов.

По-прежнему не уменьшается число описаний боев Красной армии, партизанских действий, героизма и бесстрашия советских людей на фронте, в тылу, в партизанских отрядах, в оккупации. В художественных произведениях о войне трудно разделить правду и вымысел, но они стремятся правдиво отразить ужасы войны. Материалы на военную тематику присутствуют в каждом номере:

№ 1 — стихотворение С. Я. Маршака «Почта военная», рассказ-быль «План жизни» И. Д. Василенко (о героизме балкарского народа в период оккупации);

№ 2–3 — стихотворения З. Н. Александровой «Мать», А. Т. Твардовского «Товарищу»; повествование Л. И. Славина «Александр Молодчий» (о летчике, дважды Герое Советского Союза); репортаж М. А. Кинцис о боевой смене бойцов Красной армии «Суворовцы» (с фотографиями);

№ 4 — небольшая заметка без авторства об освобождении Артека; рассказ «Капитан Немо» Н. К. Чуковского (о героях-подводниках);

«Пионер», 1944, №№ 4, 5–6

№ 5–6 — краткая информация «Подвиг юного ленинца» (о пионере К. Кравчуке, спасшем боевые знамена в период оккупации Киева); рассказ «Большой друг» М. А. Кинцис (об учителе, погибшем от рук гестаповцев, о партизанской борьбе); рассказ А. Л. Гарф о варварском разрушении древней Пантикапеи фашистами «Моя Керчь»; рассказ старшего лейтенанта Л. Рогачевского «Юные ленинцы» (о детях-моряхах на войне); викторина с рисунками «Знаменитые корабли»;

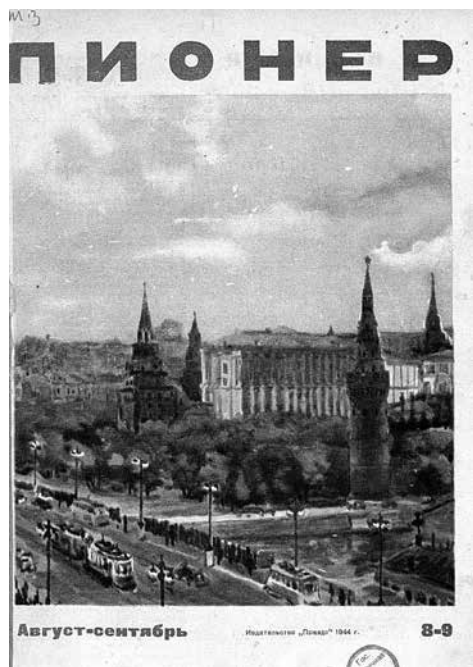
№ 7 — стихи о войне Е. А. Долматовского;

№ 8–9 — подробный рассказ Л. В. Успенского с картами об освободительных боях летом 1944 г.;

№ 10 — стихотворение С. Я. Маршака «Годовщина Октября», рассказ-быль Н. В. Богданова «Неизвестные герои» (о тяжелом труде и сопротивлении угнанных в Германию подростков), вклейка — картина Л. Ф. Голованова «Танки дважды Героя Советского союза полковника Бойко с боем ворвались на железнодорожную станцию», репортаж М. А. Кинцис «Здравствуй, Артек» (о восстановлении Артека, с фотографиями разрушений);

№ 11–12 — цикл стихотворений А. Л. Барто «На родных местах» (о возвращении на освобожденные территории и возрождении мирной жизни в колхозах).

Сократилось число материалов о помощи детей взрослым во всех отраслях народного хозяйства, фронту, их характер изменился

«Пионер», 1944, №№ 7, 8–9

с настойчивого требования выполнения долга на повествование о делах пионеров и комсомольцев и рекомендации следовать примеру лучших. Часто эти материалы связаны с отдыхом детей, носят воспитательный характер, но уже в более мягкой форме:

№ 1 — в рубриках «Ленинские дела пионеров», «Разговор с фронтовиками» несколько материалов о пионерских буднях;

№ 2–3 — рассказ «Спектакль» Ю. В. Сотника (о постановке для бойцов в госпитале), совет о посадке саженцев «Пионерский почин»;

№ 4 — стихи М. А. Стельмаха о родной земле, фоторепортаж о кружках в московских школах «После уроков», советы по уходу за цветниками, садами и огородами Н. А. Надеждиной «Пусть цветут сады», «Чудеса на грядках», рассказ о роли медицинских сестер на войне капитана медицинской службы Е. М. Уманской «Разговор с фронтовиками»;

№ 5–6 — информация зоолога Т. Петровой «Мы помогли колхозу», рубрика «Расскажем друг другу о делах пионерских» с информацией о различной помощи пионеров взрослым, «Памятка огородника» — советы о работах на огороде в мае;

№ 7 — рассказ «Степанка и Резвый» Р. И. Фраермана и П. Д. Зайкина (о судьбе коня, отправленного на войну), «Страницы из лагерного дневника» (информация из писем пионеров о летней жизни в лагере «Гознака»);

«Пионер», 1944, №№ 10, 11–12

№ 8–9 — рассказы «Новички» В. А. Осеевой (о помощи девочке, чьи родители на фронте), «Петя Ликурышкин» Р. И. Фраермана и П. Д. Зайкина (о мальчике, самостоятельно справляющемся со школьным огородом, потому что овощи необходимы госпиталю), письма пионеров об их будущих профессиях «О чем мы мечтаем»;

№ 10 — стихотворение К. Г. Мурзиди «Мушкетеры» (о военных играх детей и дружбе);

№ 11–12 — С. Я. Маршака «Марш ремесленных училищ», письмо Н. Фроловой «Мои тимуровки».

В двух номерах журнала (№ 10 и 11–12) опубликована повесть М. П. Прилежаевой «Семиклассницы», в которой обыденная жизнь школьников с их мелкими событиями и ссорами рассматривается сквозь призму военных событий, например одна из героинь противопоставляет эгоистичные поступки другой с подвигом Зои Космодемьянской.

Начиная с четвертого номера, в четырех номерах подряд публикуется художественная историческая повесть С. Т. Григорьева «Победа моря» (о морских сражениях и победах адмирала С. О. Макарова), которая вызывает веру в победу русского оружия и гордость, поднимает боевой настрой.

Это чувство гордости за Родину, уверенности в победе поддерживается рубрикой «Страницы из истории». Она есть в шести номерах

и включает материалы о русских летописях, съездах князей, Великом Новгороде, знаменитых кораблях, Керчи и скифских мифах, школе в Московской Руси.

В связи с юбилейными датами помещаются материалы о знаменитых людях России: Н. А. Римском-Корсакове, А. П. Чехове (и его рассказ), И. Е. Репине, И. А. Крылове.

Значительно больше стало научно-популярной информации, познавательных материалов разнообразной направленности, помогающих пионерам понять их увлечения, задумываться о любимом деле и просто знать на школьных занятиях по разным предметам:

№ 1 — «Рассказы из жизни» авиаконструктора, Героя Социалистического Труда А. С. Яковлева;

№ 2–3 — статья «Родословная “капитана”» Л. В. Успенского (об истории этого слова);

№ 7 — рубрика «Вести из леса» — о повадках лесных птиц;

№ 10 — очерк заслуженного артиста РСФСР С. В. Образцова «Удивительное искусство» (об иносказании в искусстве и постановках басен);

№ 11–12 — статья кандидата астрономических наук П. Г. Куликовского «Жизнь звезд».

Журнал продолжает следовать своим традициям и приглашать к научному разговору с детьми специалистов высочайшего класса, лучших в своем деле.

Особо надо сказать о публикациях в четырех номерах интересных и полезных научно-популярных рассказов В. И. Орлова: о тенях, о пыли, об эхо и о дыме.

Начиная с майского номера, публикуются полезные советы, связанные с летним отдыхом, зимними каникулами:

№ 5–6 — советы о сборах в поход Н. В. Студенецкого под названием «В путь-дорогу», подробное описание военной игры на берегу Байкала полковника Н. А. Баканова «На берегу большого озера»;

№ 7 — мотивирующая информация Игн. А. Желобовского «Читай-те Чехова»;

№ 8–9 — советы, как развести сад около школы «Школьный сад» (без авторства);

№ 11–12 — информация издательства «Детгиз» «Почитайте на каникулах», рубрика «Пусть будет весело» (подготовка к новогодней елке), «Сделай сам эти елочные игрушки».

Буквально в каждом номере — рекомендации заниматься физкультурой и разными видами спорта, как всегда с иллюстрациями, за авторством знающих, опытных спортсменов:

№ 1 — «Прыжки на лыжах» — советы от заслуженного мастера спорта Н. Г. Озолина;

№ 2–3 — «Ритмическая гимнастика» — фотоинструкция от М. Короля;

№ 4 — «Легкая атлетика» — советы от заслуженного мастера спорта Н. Г. Озолина;

№ 7 — инструкция «Учитесь плавать. Гимнастика пловца» (без авторства);

№ 8–9 — «Заметки о футболе» спортивного журналиста А. Я. Вита;

№ 10 — советы от заслуженного мастера спорта К. В. Градополова «Прыжки со скакалкой»;

№ 11–12 — советы от заслуженного мастера спорта Н. А. Панина «Нарисуйте на льду восьмерку».

В этом году в четырех номерах появляются рубрики о досуге, об играх и развлечениях: игры на переменах, головоломки, игры-минутки, отгадайки.

В некоторых номерах появились песни с нотами, чаще — для хорошего исполнения, у костра, в звене.

Можно с уверенностью сказать, что журнал 1944 г. по содержанию более оптимистичный, светлый. Образно говоря, с наступлением наших войск, несмотря на послевоенные трудности и разруху, к детям понемногу возвращается детство.

1945 год

Страна в январе 1945 г. уже ждала победу, уже все знали, что победа близка, это придавало сил уставшему от невзгод войны народу. Обратимся к страницам номеров «Пионера» за победный год.

Первый-второй номер пока еще совмещен, тираж тот же (24 тыс. экземпляров), та же высокая плотность печати, те же два печатных листа. Остальные номера года хотя и не изменятся по техническим данным, но будут выходить по отдельности, не сдвоенными.

Что изменилось, так это сюжеты обложек: рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «За шахматами» (январь — февраль), А. А. Брей «Юный охотник» (март), рисунок лауреата Сталинской премии Д. А. Шмаринова «Весна» (апрель), рисунок Л. Ф. Голованова «На реке» (июнь), А. А. Брей «По грибы» (июль), рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «В школу» (сентябрь), рисунок Л. Ф. Голованова «У микроскопа» (октябрь), рисунок В. С. Климашина «Праздничный салют» (в честь празднования 7 ноября Великой Октябрьской социалистической революции), рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «На лыжах» (декабрь). Все они показывают постепенное возвращение к мирной жизни. Лишь на обложке номера победного мая рисунок военного художника В. С. Климашина «Воспитанник N-ской части в Берлине» говорит нам о наступлении и на августовской обложке картина художника Г. С. Бершадского «Герой Советского Союза летчик Алексей Катрич», потому что номер открывается рассказом о подвигах героев-пионеров и героев-комсомольцев.

В рубрике «Почтовый ящик» в нескольких номерах журнала ребята пишут, как они встретили день Победы: помогают семьям фронтовиков, высаживают фруктовые сады, деревья, разбивают клумбы.

Первый-второй номер открывается обращением звена пионеров из московской школы к бойцам «великой, непобедимой Красной Армии».

Содержание номера разнообразно. В нем опубликованы известное стихотворение С. Я. Маршака «Круглый год», воспоминания о В. И. Ленине его сестры Марии Ильиничны под говорящим названием «За книгой», отрывок из второго тома романа В. А. Каверина «Два капитана», только что вышедшего из печати, начало повести И. А. Всеволожского «Собака полковника», познавательный военный рассказ Н. Н. Григорьева «Танки» с оптимистичным и убедительным концом: «Советские танки победоносно идут во главе наступления Красной Армии» [16]. В статье В. Воробьевой «Великий сын русского народа» рассказывается о А. С. Грибоедове в ознаменование 150-летия со дня рождения. Несколько страниц номера посвящено письму от авиаконструктора Героя Социалистического Труда С. А. Лавочкина и его научным разработкам.

Однако главный материал номера — рассказ, придуманный несколькими школьниками «Шестиклассники в 1995 году. Путешествие на машине времени». В нем четыре школьника Володя Уколов, Володя Акимов, Володя Хижняков, Слава Стругач попали в Москву 1995 г. Интере-

ресно узнать, чего же ожидали ребята из 1945 г.: Москва похорошела до неузнаваемости, но Володя Уколов первый все же узнает Москву по памятнику Ленину на здании Дворца Советов (нереализованный проект), мальчик на скамейке в саду читает журнал «Пионер» (это возможно, так как журнал «Пионер» прекратил свое существование в 2016 г.). В фантазии Володи Акимова есть «говорящий справочник», межпланетная ракета, летающая по маршрутам Земля — Луна, Земля — Марс. В третьем рассказе — Володи Хижнякова — в Москве можно выбрать климат, а также все жители могут стать военными, чтобы защитить Родину, если понадобится, все дополнительно имеют военными специальности. А в четвертом рассказе на елке во Дворце Советов

«Пионер», 1945, № 1–2

Слава Стругач, уже будучи взрослым, повествует притихшим детям о горе войны, о героизме советского народа, о подвигах бойцов Красной армии, партизан, пионеров и комсомольцев. Мотивируя свой отъезд из великолепных условий 1995 г., герой рассказа говорит: «Нет, я все-таки поеду домой, в свой 1945 год. Я хочу увидеть салют, который будет в Москве в день взятия Берлина. <...> Я не имею права бежать из своего времени, я хочу быть со всеми» [43, с. 20]. Заметим, что о взятии Берлина говорится в январе 1945 г.

Третий номер начинается с оптимистичной фотографии «Еще один немецкий город взят!» и такого же позитивного стихотворения Т. А. Спендиаровой «Уголек».

В номере много художественных произведений, историй об охоте, рассказов о животных. О войне помещено два произведения: «В Югославии» (о партизанах) — очерк и фотографии подполковника В. С. Ешурина и рассказ «Саперы» Н. Ф. Григорьева; также включена цветная вклейка, где дан рисунок подводной лодки в разрезе. В письме-очерке «О чем мы говорили на сборе», Вера Ершова рассказала, как на пионерском сборе в их поселке говорили о любимых книгах. Снова размещаются книжные рекомендации. На самой последней странице — совет на каникулярную неделю в конце марта: провести спортивные соревнования.

В этом номере, как и в предыдущем, нет призывов работать для победы, нет призывов помогать фронту, взрослым в тылу.

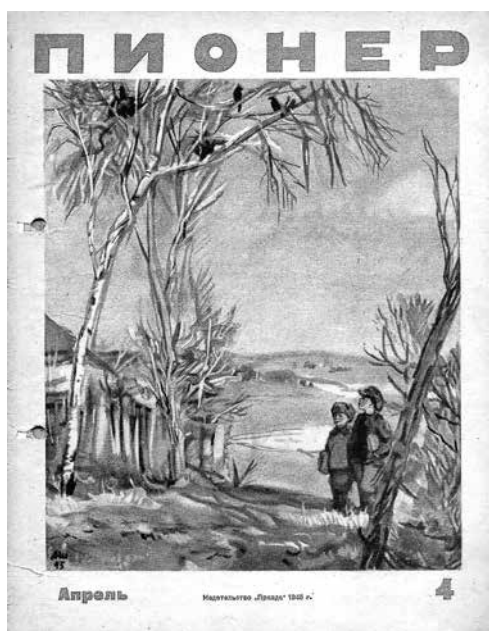
На обложке четвертого номера — картина Д. А. Шмаринова «Весна». А открывается он передовицей «Эти дни запомнятся навсегда», включающей слова «Наши войска в Берлине. <...> Советский Союз победоносно завершает войну, навязанную ему гитлеровскими преступниками» [48].

К Дню рождения В. И. Ленина приурочены «Рассказы о Ленине» А. Т. Кононова.

О войне повествуется в документальном рассказе Р. И. Голубевой «Бесстрашные», об опасной деятельности рижских подпольщиков на протяжении трех лет фашистской оккупации. Эта история сопровождается фотографиями, и она завершается благополучно только для девяти юношей и девушек,

«Пионер», 1945, № 3

«Пионер», 1945, № 4

о делах современных тимуровцев. Автор отзыва И. Рахманов предрек, что у книги «будет много изданий», и он оказался прав: этой книгой зачитывались пионеры четыре последующих десятилетия. В завершение на третьей обложке — занятие по географии «Хороший ли ты географ?», а на четвертой — рисунки детей о войне.

И несмотря на то, что журнал заканчивается военной темой, все-таки он уже содержит немного материалов о войне, и в этом номере также создаются условия для возвращения к детской жизни, к пионерским делам, учебе, чтению и спорту.

Пятый номер — победный.

Он начинается с «Обращения товарища Сталина к народу» на второй обложке, а рядом на вклейке — парадный портрет Иосифа Виссарионовича в мундире генералиссимуса и с наградами на груди (и пока с одной звездой Героя Советского Союза). Это рисунок художника Б. Н. Карпова 1944 г., а в 1947 г. он повторит этот портрет, но оставит из всех наград только две звезды Героя Советского Союза. Однако вернемся к обращению Сталина и процитируем актуальные для современности слова: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». <...> Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял

остальные подпольщики — пионеры и комсомольцы — погибли в борьбе с врагом за свободу Родины. Рядом цветная вклейка с иллюстрацией картины «Богатыри» В. М. Васнецова.

В номере опубликованы продолжения повестей «Собака полковника» И. А. Всеволожского и «Повесть о зеленом сундучке» И. Д. Василенко о еще не закончившейся войне и ее последствиях; статья о Джордано Бруно «Из повести о том, как человек стал великаном» М. Ильина и Е. А. Сегал; много стихов о весне; юмористическое стихотворение А. Л. Барто «В театре». Ребятам советуют, «Как готовить уроки», а также рекомендуют только что изданную книгу Л. А. Касиля «Дорогие мои мальчишки» —

их в прах. <...> Слава нашей героической Красной Армии. Слава великому народу-победителю. Вечная слава героям, павшим в боях с врагом...» [26].

Репортаж Л. В. Успенского о последних днях боев с фашистами сопровождается фотографиями взятия Берлина и боевых будней бойцов разных родов войск. Публикуется отрывок из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». В рубрике «Почтовый ящик» ребята из Москвы и Риги пишут в редакцию, как они встретили День победы.

В журнале продолжается публикация ранее начатых художественных повестей о войне, пионеры делятся вестями о помощи раненым в госпиталях и старикам, оставшимся без помощи сыновей и дочерей. А в остальном номер

включает материалы на самые разные темы: детские постановки и интересные игры в пионерских лагерях; совет профессора К. Л. Баева, как наблюдать солнечное затмение 9 июля 1945 г.; увлекательные рассказы о природе доктора биологических наук А. Н. Формозова под названием «Ваш летний дневник». Общее впечатление от номера — чувство Победы, память о погибших, ожидание возвращения близких с фронта, помощь и поддержка друг другу и стране, нуждающейся в восстановлении, и возвращение счастливого детства.

Шестой номер даже визуально, по рисункам и фотографиям — мирный по тематике.

Он про рыбалку, ловлю бабочек, походы, семейные сцены, сцены труда учеников ремесленного училища в Ленинграде. На вклейке — «Стрекоза» И. Е. Репина. Опубликован рассказ Ю. В. Сотника о военной игре «Разведчики». Достаточно много научно-популярных материалов в рубриках «Изобретения и мечты» и «Отовсюду и обо всем», советов и рекомендаций, как провести мероприятие «Костер» в пионерском лагере, сделать лагерную мебель (в «Лагерной мастерской»), собирать гербарии и коллекцию насекомых (в «Школьном музее»). Предлагается «Путешествие по книгам», то есть составление плана чтения на лето и следование ему. «Пионер» с помощью учителя литературы московской школы составляет следующий план. Зарубежная литература — Ж.-А. Фабр «Жизнь насекомых»; А. Брэм

«Пионер», 1945, № 5

«Пионер», 1945, № 6

«О насекомых»; П. де Крюи «Охотники за микробами»; Р. Джованьоли «Спартак»; «Песнь о Роланде»; В. Скотт «Айвенго», «Квентин Дорвард»; Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»; А. Дюма «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя»; Ш. де Костер «Тиль Уленшпигель». Отечественная литература — однотомник «Работы Мичурина»; М. В. Езерский «Братья Гракхи», «Марий и Сулла», «Аристоник»; З. К. Шишова «Джек-Соломинка»; Ал. Алтаев «Под знаменем башмака»; С. Т. Григорьев «Александр Суворов»; В. К. Арсеньев «Дерсу Узала»; Л. А. Кассиль «Дорогие мои мальчишки»; произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова.

Возраст читателей не указан — вероятно, это 5–7-е классы, пионер-

ский возраст. Тем более впечатляет весьма обширный и разнообразный список чтения на лето, опубликованный в июне, то есть первый летний месяц, по сути, заканчивается. Принцип подборки зарубежных книг понятен. В случае художественных произведений отбираются сюжеты про борьбу за справедливость либо приключения и поступки, требующие мужества и отваги, дружеской поддержки. Включение же произведений о природе обосновано таким образом: «Познакомившись с этими книгами, ты иными глазами помотришь на малые, на первый взгляд, ничтожные существа, которые попадают на нам на каждом шагу, и поймешь, какие значительные и даже трагические события случаются под каждым листом и травинкой» [32].

Важно отметить, что в номер возвращаются чайнворды и ноты с песнями. Этого не было с 1941 г.

Ключевым же материалом номера можно назвать очерк из трех частей Л. А. Кассиля «Три времени Победы»: «Накануне», «В тот день», «Завтра» [20]. По форме это разговор с ребятами у пионерского костра о выпавших на долю поколения испытаниях, о значении Победы на века.

Седьмой номер еще глубже погружается в детские темы, но тем не менее открывается рассказом-былью Героя Советского Союза, летчика, капитана С. А. Кузнецова «Зеленые ракеты» о трагических событиях недавних боев, о цене победы.

Дальше номер показывает ребятам яркий мир натуралиста Э. Сетона-Томпсона («Тропа художника-натуралиста»), мир стихов А. П. Оленича-Гнененко об экзотической природе (Бамбуковый лес», «Сбор цитрусов», «Эвкалипты», «Цветение чая», а также веселые стихи о солнечных лучиках «Зайчики» Е. А. Благиной. Вновь появляется сказка (Д. Д. Нагишкин «Джябжа»), на этот раз удэгейская, а также и научная фантастика. Много материалов о детских занятиях: о клубе юных автомобилистов (подробный фоторепортаж), сборе грибов, занимательной научной лаборатории, спортплощадке. О внимании к учебе говорят дополнительные учебные материалы: «Пионер на берегу ручья» Л. В. Успенского, многообразная

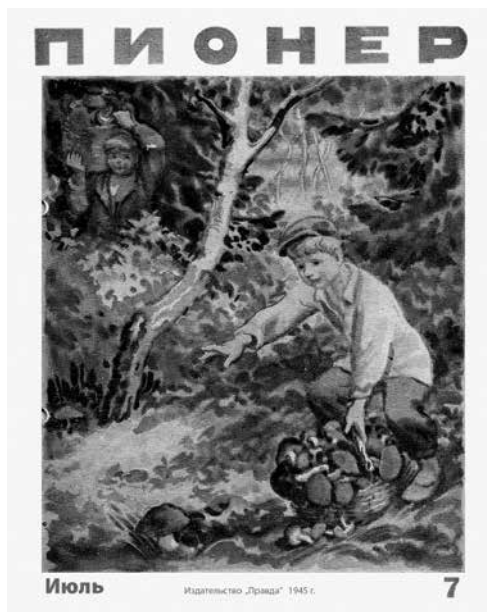
полезная информация в рубрике «Отовсюду и обо всем», которая включает и сведения военных лет: «Днепрогэс» будет восстановлен», «Водолазы на войне», «От Сталинграда до Берлина» (история одного орудия). Предлагается прочитать повесть В. П. Катаева «Сын полка», выучить новые песни.

Восьмой номер начинается с рассказов о комсомоле и разговора Героя Советского Союза, комсомолки Н. В. Троян с пионерами. Это не нравоучительный разговор старшего с младшими, это простой рассказ о ее подвиге во вражеском тылу, в Минске, на фашистском предприятии, куда она была направлена из партизанского отряда. Таким образом, показывая, какими должны быть будущие комсомолы, «Пионер» воспитывает своих читателей.

В продолжение темы — отрывок из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» о героях-краснодонцах и рассказ В. В. Полторацкого «Младший сын соловья» — о танкистах-комсомольцах, захвативших хутор на своем подбитом танке. В этом номере начинают печатать повесть, воспитывавшую несколько поколений советских детей, — «Четвертая высота» Е. Ильиной, о подвиге Гули Королевой.

Школьники знакомятся с жизнью страны и важными событиями, подробно разворачивается документальный рассказ о единстве народов Украины, о воссоединении Закарпатья с Советской Украиной.

Спокойствие и уверенность — в информации «Отовсюду и обо всем»: о возвращении аистов в Гостомель Киевской области, о строительстве

«Пионер», 1945, № 7

«Пионер», 1945, № 8

газовой магистрали между Москвой и Саратовом. А также в номере — наблюдения за животными в дикой природе, о занятиях спортом, совет, как подготовиться к интересному пионерскому сбору по следам летних каникул.

Девятый номер начинается с картин школьной жизни.

Затем следует отрывок из автобиографической книги «Далекie годы» К. Г. Паустовского, информационное сообщение идеологической направленности о выставке народных подарков товарищу Сталину со всего мира: от внучки декабриста до индейцев США и Канады. Опубликована также статья генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева «Думы старого манчжурца» о победе над Японией сорок лет назад с фотографией Е. А. Халдея

и иллюстрацией картины И. К. Айвазовского «Чесменский бой» на цветной вклейке.

Журнал рассказывает о близкой всем читателям жизни школьников из разных регионов страны, побуждает их проявлять интерес к разным наукам, учебе, достижению цели через научно-популярные рассказы «О жизни на Земле» В. А. Сафонова и «Исследователь Дальнего Востока» (о В. К. Арсеньеве) И. И. Халтурина, статью Нат. Типот о спортивных достижениях школы, обращение к школьникам академика П. Л. Капицы. Школьники расширяют кругозор, читая древнегреческий миф «Персефона», исторические сведения о счёте на Руси. «Пионер» делится секретами проведения увлекательного выходного дня всем отрядом, дети пишут в журнал о своих делах.

Десятый номер продолжает линию развития творчества, познавательного интереса школьников, вовлечения их в яркие дела и чтение.

Эта идея выражена в заключении передовой статьи «Завет Ленина», написанной заслуженной учительницей РСФСР Л. А. Померанцевой: «Для знающего человека весь мир захватывающе интересен, просторен и богат, и сам он, участник общего творчества, дорог и нужен миру. Такими должны быть и вы...» [31].

Номер содержит немало материалов, с одной стороны, увлекательных, с другой — воспитывающих. Это рассказы С. Т. Григорьева

«Пионер», 1945, №№ 9, 10

о Суворове и К. Г. Паустовского о семейной истории, очерк кандидата сельскохозяйственных наук И. Н. Шашкина о дальневосточной тайге, репортаж об обучении ребят авиамоделированию. «В занимательной лаборатории» учит конструированию простейших устройств. О самом разном повествуют рубрики раздела «Отовсюду и обо всем» и «Почтовый ящик», на третьей обложке — совет по выработке правильной осанки.

Одиннадцатый номер рисунком с Лениным и Сталиным на второй обложке напоминает о грядущем празднике — 28-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

После этого — вклейка с портретом М. И. Калинина и пионерским приветом ему в честь 70-летия. Далее идет рассказ Героя Советского Союза, гвардии генерал-лейтенанта, командующего Гвардейским Кантемировским танковым соединением П. П. Полубоярова о боевом пути кантемировцев. В этом номере редколлегия пишет о своем товарище и авторе А. П. Гайдаре (он погиб в бою и был похоронен у Канева, под Киевом), публикуется его рассказ «Горячий камень».

Находка номера — публикация о пионерском отряде, о котором журнал писал до войны: теперь ребята из этого отряда через пять лет снова собрались в редакции «Пионера». Они много работали и учились

«Пионер», 1945, №№ 11, 12

в годы войны, их мечты сбываются, но случилась и трагедия — один из них погиб в бою.

Многие материалы в этом номере — продолжение начатых в предыдущих номерах. Появляется «Страничка лингвиста» Л. В. Успенского, информация о вологодских кружевницах.

Двенадцатый номер в оформлении выдерживает зимнюю тематику, начиная с изображений лыжных прогулок на первой и второй обложках и заканчивая обучением создавать маскарадные костюмы — на последней.

Заметим, что на второй обложке указано, что это фото детей с лыжами из г. Уржума, «родины Сергея Мироновича Кирова»: ненавязчиво пионерам напоминают об одном из революционеров, государственных деятелей СССР. О войне рассказывают Герой Советского Союза И. Н. Самохин («Идеи, за которые я сражался») и окончание повести Е. А. Ильиной «Четвертая высота». Также в номере публикуются корейские сказки, научно-популярные очерки, советы по спортивным занятиям.

1946 год

В этом году в издании журнала есть изменения: с первого номера вырос тираж с 24 до 35–35,5 тыс. экземпляров. Немного улучшилось качество бумаги. Хотя половина номеров сдвоены (№ 2–3, 5–6, 8–9, 10–11), объем каждого увеличился с двух до пяти (а в № 1, 2–3, 6 — до шести) печатных

листов при том же количестве печатных знаков на листе, то есть материалов значительно больше. Это стало возможно благодаря тому, что практически в два раза расширился состав редакции.

Содержание больше напоминает журналы 1939–1940 гг.: так же идеологические и политические статьи и репортажи чередуются с познавательными статьями, художественной прозой, стихами. Реже обсуждается военная техника. Всегда находится место физической культуре и спорту, играм, детским спектаклям, занимательным задачам. Уделено место письмам ребят, их мнение и их дела постоянны на страницах родного журнала. Но о чем бы ни шла речь, все публикации имеют обучающее, воспитательное значение, четко выстраиваются политические векторы и задается понимание ситуации в мире и государстве.

В чем отличие от номеров довоенных лет? Вся информация окрашена прошедшей войной, ясно расставленными приоритетами, жестким определением врагов и друзей страны, стремлением к единству. В 1939 г. ощущалось влияние советско-японской войны, Халхин-Гола. В этом году, даже если повествование не о войне, Великая Отечественная отразилась на судьбах героев. Редкие произведения обходят этот вопрос стороной.

Обложки всех номеров журнала — мирные, изображающие жизнь советской пионерии (сборы, походы, спорт), однако в первых трех номерах показаны пионеры — будущие защитники Родины: в № 1 — рисунок С. С. Бойма «Снова в родном Ленинграде», № 2–3 — рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «Суворовец», а также в № 10–11 — рисунок лауреата Сталинской премии Л. Ф. Голованова «Молодогвардеец», далее картины мирной жизни: № 4 — С. Г. Прусов «На весенней тяге», в № 5–6 — рисунок Ф. В. Лемкуля «Праздник Победы», № 7 — рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «Решающий мяч», № 8–9 — рисунок лауреата Сталинской премии Л. Ф. Голованова «Прощай, лето», № 12 — картина Я. В. Титова «На катке».

В каждом номере есть публикации, напрямую посвященные событиям Великой Отечественной: рассказы школьника Шуры Серегина «Как воевал мой папа» (№ 2–3), Н. А. Емельяновой «Дружба» — о помощи собак на войне

«Пионер», 1946, № 1

«Пионер», 1946, №№ 2–3, 5–6

(№ 4), С. Е. Гарбузова «История одного дома» — о доме Я. Ф. Павлова в Сталинграде (№ 5–6), Е. Г. Кригера и Н. А. Баканова «По следам великих битв» (№ 5–6), генерал-майора С. В. Соколова «Маленькие патриоты» (№ 8–9), «Повесть о сыне» Е. Н. Кошевой (№ 10–11), «Рассказы об Аркадии Гайдаре» Б. А. Емельянова (№ 2–3) и его же очерк «Аркадий Гайдар» — к пятилетию смерти писателя (№ 10–11), фоторепортажи от пионеров «После уроков» — о труде ребят во время войны и в период восстановления страны (№ 4), рассказ В. А. Лифшица «Буксир “Киров”» — о юных моряках (№ 5–6). Кроме того, на протяжении ряда номеров публикуется повесть Н. К. Чуковского «Серебряный остров» (№ 1–11), а также стихи, например, Я. А. Хелемского «Весна победы» (№ 4). Также даются материалы об оружии, которое помогло победить сильного врага: «Вот винтовка Мосина» (репортаж А. Некрасова в № 2–3), «Самолеты на войне» (очерк Н. Андреева в № 8–9).

Важно отметить, что все годы в журнале, несмотря ни на что, всегда присутствуют иллюстрации классических картин и рисунков известных советских художников, а если даются советы и консультации, то выдающихся деятелей страны — военачальников, изобретателей, ученых, артистов, спортсменов, писателей.

Что, по мнению авторов журнала, детям важно знать о политических событиях страны, ее деятелях и решениях, процессе ее восстановления? Важно знать: о Сталине — «отце и создателе нашей Конституции» (автор И. К. Лысаков, № 1); о выборах в Верховный совет, в том

числе врачей и учителей (№ 2–3; попутно печатается рассказ «В тайге» Вл. Митова о том, как впервые голосовали тунгусы, с трудом добравшись до участков для голосования); очерк И. Романовского «Саратовский газ идет в Москву» — о строительстве газопровода (№ 2–3); о смерти М. И. Калинина (№ 5–6); восстановлении городов (здесь отметим очерк члена-корреспондента Академии архитектуры А. К. Бурова «Города возрождаются» в № 5–6). Публикуются воспоминания о В. И. Ленине и И. В. Сталине А. С. Аллилуевой «В дни Октября» (№ 10–11), стихотворение Джамбула «Великий Сталинский закон» и передовица «Основной закон» (№ 12).

Об исторических победах России повествуют «Рассказы о Петре» В. Б. Шкловского, размещенные в двух номерах (№ 4, 7).

Послевоенный «Пионер» рассказывает детям о просторах Родины, ее географии, но это не простое описание, а повествование об освоении новых мест, как полноценными взрослыми экспедициями, так и пионерами в турпоходах. Появившаяся географическая рубрика «Это наша страна» есть во многих номерах журнала. Она рассказывает об экспедициях на Каспий и Кара-Богаз-Гол, походах ребят, познании малой Родины, туристических маршрутах.

Две юбилейные даты отмечает журнал отдельными публикациями: «Подвиг Миклухо-Маклая» Л. К. Чуковской (№ 7), очерк Ю. Новиковой «Народный поэт» о Н. А. Некрасове и рассказ А. Б. Ложечко «Бурлаки» (о детстве Некрасова в № 12).

Очень мало материалов о детях в зарубежных странах. Здесь можно назвать только статьи о дружбе китайских школьников с красноармейцами-освободителями «Китайские школьники» Л. Рубинштейна в № 1, Л. А. Кассиля о мальчике Марко Джальтаре с о. Мальта в № 8–9.

Какую художественную литературу рекомендует читать детям? Конечно, много в списках произведений о войне или о важных политических событиях. Среди рекомендуемых авторов — М. Горький, А. Н. Толстой, М. Ильин и Е. А. Сегал, А. П. Гайдар, С. Я. Маршак.

Особо следует отметить рубрику «Легенды и сказки мой родины», которая появляется в двух номерах журнала: в ней размещаются произведения К. Д. Ушинского «Никита Кожемяка» (№ 1) и «Слепая Лошадь» (№ 4).

Расширяется рубрика «В мире книг», особенно в летние месяцы, когда у ребят появляется больше свободного времени.

Как «Пионер» вовлекает своих читателей в мир науки и техники? Продолжается рубрика «Отовсюду и обо всем». В рубрике «Изобретения из прошлого» публикуется несколько познавательных рассказов В. И. Орлова, в рубрике «Занимательная лаборатория» — о различных опытах (№ 4). Журнал рассказывает об истории и умении быстрого счета, дает сведения о насекомых и растениях, о профессии метеорологов

и гидрологов. Отдельно отметим увлекательный рассказ А. Некрасова для будущих инженеров «Победа стального шарика» о выпуске шарико-подшипников и их значении для производства (№ 10–11).

Поскольку пионерам важно заниматься физической культурой и спортом и больше знать о высоких достижениях советского спорта, рассказывается о поездке футболистов-динамовцев в Англию. Это идеологический воспитательный материал, что видно по выводу, который делает В. С. Синявский в конце своей статьи «С мячом в Англию»: «Техника английских футболистов выше нашей, зато наша тактика совершеннее. Ну а если взять их технику и сложить с нашей тактикой, а нашу тактику с их техникой — кто победит тогда? И тогда победим мы. Почему? Потому что у нас, как ни у кого, развита воля к победе. У нас сильны, крепки товарищеская спайка и сознательная дисциплина. Вот эти качества и на войне, и на стройке, и на футбольном поле приносят заслуженную победу советским людям» [36].

В журнале, как и до войны, рассматривается много видов спорта (лыжи, футбол на льду, гимнастика, хоккей, катание на коньках, военно-спортивные игры, конькобежный спорт и др.) и приводятся консультации мастеров, как ими заниматься.

Все обширнее и подробнее становятся рубрики, отражающие опыт ребят, дающие обратную связь: «План моей жизни» (В. Бондарев, № 1), «В дневник вожатого звена» (№ 1–9), «Почтовый ящик» (№ 1, 4–9, 12), «Моя мастерская» (№ 1, 4), «Отовсюду и обо всем» (№ 1–12). Рассказывается о Всесоюзной выставке детского творчества (очерк Е. С. Фрадкина в № 2–3) и постановке пьесы пионерским звеном (№ 2–3).

Постоянны советы пионерам: «Поговорим по душам» (разговор с известными военачальниками, героями, достигшими многого в жизни своим трудом и подвигом), «Золотая медаль» (о том, как заслужить медаль, рассказывает заслуженный учитель РСФСР Л. Г. Богдасарова в № 8–9), «О пионерской чести» (обращение трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина в № 10–11), «О пионерском долге» (статья генерал-майора А. Ю. Новака в № 12).

1947 год

В целом тенденция понятна: страна и, следовательно, пионерия вернулись к мирной жизни, к этапу восстановления разрушенного и усиления мощи государства, наращивания готовности к отпору любому врагу. Рассмотрим его обзорно.

«Пионер» соблюдает традиции: изменяя что-то технически, не меняет принципиально оформление и содержание. В целом журналов выпускалось немного, механизмы формирования интереса детей к «Пионеру» работали отлаженно, поэтому журнал был востребован, тираж рос.

В этом году с первого по четвертый номер журнал выходит тиражом 37,5 тыс. экземпляров, что уже на 2 тыс. больше, чем в предыдущем,

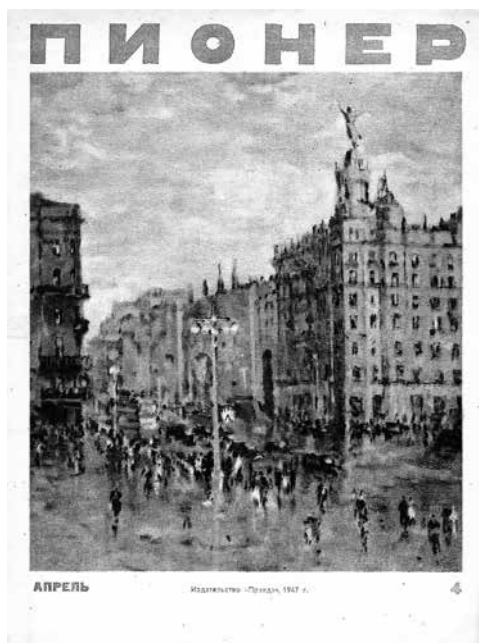
а с пятого номера тираж становится 58 тыс. экземпляров, при пяти печатных листах и около 77 тыс. печатных знаков на лист. Иными словами, увеличивается тираж и объем одного номера, причем за счет плотной печати, которая была введена в военные времена для экономии бумаги, обеспечивается больший объем публикаций.

Обложки соответствуют сезонам выхода — это рисунки о школе, о детских летних и зимних забавах, делах пионеров: № 1 — рисунок П. И. Кузмичева «Привал в лесу», № 2 — рисунок лауреата Сталинской премии Д. А. Шмаринова «Игра в снежки», № 3 — рисунок лауреата Сталинской премии Н. Н. Жукова «Трудная задача», № 4 — картина Б. Ф. Рыбченкова «Москва, улица Горького», № 5 — рисунок лауреата Сталинской премии Л. Ф. Голованова «Тимуровки», № 6 — рисунок П. И. Баранова «Подъем флага», № 7 — рисунок Я. В. Титова «Соревнование в лагере», № 8 — акварель А. А. Ромодановской «Моссовет», № 9 — рисунок лауреата Сталинской премии Л. Ф. Голованова «Всегда готов!», № 10 — рисунок П. С. Голубя «На демонстрации», № 11 — рисунок В. С. Климашина «Зима пришла», № 12 — рисунок Н. М. Кочергина «На лыжах».

Сохраняются традиции в плане формирования идеологических позиций. Этому служат публикации о В. И. Ленине и И. В. Сталине (№ 1, 2, 4), к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции (во многих номерах). На ту же тему материалы Н. Г. Кочнева «Иголки-проколки»

«Пионер», 1947, №№ 1, 2

«Пионер», 1947, №№ 3, 4

об ивановских ткачах-революционерах (№ 4), А. А. Северьяновой «25 лет назад» о слете пионеров с участием В. И. Ленина и Н. К. Крупской (№ 6), стихи о Ленине Ю. Я. Яковлева «У Разлива» (№ 7). Во многих номерах публикуются исторические очерки «Путешествие в 1917 год» под рубрикой «К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», а десятый номер весь посвящен 30-летию революции.

В номерах этого года нашлось место и другим историческим материалам: «Постройка Кремля при Иване Третьем» — краткий очерк Дм. Михайлова (№ 3), «Грамматическое ископаемое» Л. В. Успенского (№ 3), «Древнейшее книгохранилище» Нат. Типот (№ 3), исторический рассказ Е. Я. Хазина «В старой Москве» (№ 8).

Как всегда, присутствует военная тематика: повести — «Про наши дела» Ю. В. Сотника (№ 1, 2), «Морская соль» Н. Г. Жданова (№ 2, 3, 4, 5); стихотворения «Судьба барабанщика» Н. П. Саконской (памяти А. П. Гайдара, № 2), «Баллада о пионере» Б. М. Раевского (№ 11), рассказы — «Партизанская кастрюлька» Н. Н. Григорьева (№ 6), «Вера Иванова и ее друзья» А. Константинова (№ 6), «Маринка» Н. М. Артюховой (№ 7), «Буксир «Голубчик»» Л. В. Успенского (№ 9), «Клад» Ю. Новиковой (о подвиге Героя Советского Союза А. Чекалина, № 11), «Привет от Ежика» Е. А. Ильиной (Ежик — сын Героя Советского Союза М. В. Королевой) (№ 11), «Елка» Б. Н. Полевого (№ 12) и др.

Познанию родной страны служит ряд рубрик и публикаций: «В поход по родному краю», «Пионерский краеведческий музей» (№ 5) и др. Москве в честь ее 800-летия посвящены многие страницы № 8: очерк с фоторепортажем Л. А. Кассиля «Путешествие по Москве», стихи Е. Букова «Снова я в Москве», повествование о прошлом и будущем Москвы Т. Караваевой «Столица нашей Родины», стихотворение С. А. Васильева «На стадионе “Динамо”». Также Москве посвящена повесть Л. А. Кассиля «Свет Москвы», главы из которой опубликованы в № 9, 11, 12.

Важны публикации о достижениях страны: стихи А. Л. Барто «Мы слушаем радио» (№ 1), очерк А. Морозова «Советские автомобили» (№ 2), рассказ «Почему я сделался путешественником» академика В. А. Обручева (№ 3), рассказ Вл. И. Орлова об изобретателе электричества П. Н. Яблочкове «Русское солнце» (№ 7,8), очерк Г. Н. Остроумова «Наука служит народу» об открытиях для промышленности и сельского хозяйства (№ 10), «Новая карта недр» Н. Н. Михайлова (№ 11), «В мастерской С. Т. Коненкова» Эм. В. Брагинского (№ 11).

О природе, родной земле повествуют рассказы Ф. Баранова «Родная земля» (№ 2), Н. Н. Григорьева «Медная иголка» (№ 3), Ю. Ф. Баранова «Умей подождать» (№ 4), В. И. Пистоленко «Степин питомец» (№ 5), М. Аграновского «Быль о мертвой и живой воде» (об озере Севан, № 6).

Всего один раз появляется рубрика «Астрономические вечера» с очерком Н. А. Надеждиной «Звезда Севера» (№ 3).

Немало материалов в номерах журнала этого года о пионерии: «Будь готов!» (№ 2), «На сборе дружины» (№ 2), «Беседа вожатого» (№ 4, 5) и др. Подробно рассказывается, каким образом пионеры могут быть полезны стране своим посильным трудом: № 2 — «Наша пятилетка», «Готовьтесь к весне»; № 3 — «Сад победы», «Наш сад», «Украсим родину садами»; № 4 — «Враги сада»; № 5 — «Ваша помощь Ботаническому саду», «Московские пионеры — подшефному колхозу», «Война сорнякам»; № 7 — «На колхозных полях»; № 8 — «Пионерская помощь родине» и т. д.

Появились рассказы и стихотворения о школе: «Моя школа» З. Н. Александровой (№ 9), «Здравствуй, школа!» Е. А. Благиной (№ 9), рассказ о московской школе «В одной школе» Н. З. Розенкноп (№ 9), «Новый учитель» В. А. Осеевой (№ 11).

Стихи встречаются на разные темы, но все они о событиях детской жизни: «Весеннее» (№ 4), «У походного костра» (№ 6) С. А. Баруздина; «В нашем лагере лесном» С. В. Погореловского (№ 5); «Первое мая» школьницы И. Дмоховской (№ 5), «Они построят» О. К. Бедарева (№ 6); поэма «Ваня-стекольщик» П. Н. Воронько (№ 9) и др. О том же повествует несколько прозаических произведений: «Важное донесение» Ю. В. Сотника (№ 3), «Острое лезвие» И. И. Дика (№ 5), «Малышок» И. И. Ликстанова (№ 8) и др.

Немного произведений разных народов: молдавская поэма Е. Н. Букова «Андриеш» (№ 1), чешская сказка «Златовласка» в пересказе

«Пионер», 1947, №№ 9, 10, 11, 12

К. Г. Паустовского (№ 7), «Чудовище с Песчаного брода» украинского писателя Олеса Донченко (№ 7) и некот. др.

Сохраняется рубрика «Отовсюду и обо всем» — это своего рода новостная лента об интересных событиях в нашей стране и за рубежом (№ 1, 3, 6, 8, 11).

Новое название у рубрики «Почтовый ящик» — «Наша почта», и она включает рассказы детей о родных местах и походах (№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11).

В новой рубрике «Справочное бюро» даются ответы на вопросы пионеров (№ 1, 12).

Не ослабевает внимание к физической культуре и спорту, освещаются разные виды спорта и игры, а также организация спартакиады, изучение упражнений, проведение утренней зарядки (№ 1, 2, 4, 6, 7, 8, 12).

Журнал начинает больше внимания уделять отдыху с книгой, в каждом номере предлагаются художественные произведения. Так, в конце каждого номера даны рекомендации в рубриках «В мире книг», «В школьной библиотеке» и т. п. В ряде номеров года помещены занимательные задачи, загадки, головоломки (№ 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11).

Подводя итоги анализа номеров журнала «Пионер» за 1938–1947 гг., важно отметить, что все эти трудные годы он жил проблемами страны. Несмотря на разные трудности (уход на фронт авторов и членов редколлегии, нехватку бумаги и типографских мощностей, голод и холод), журнал выходил в срок, пускай и с сокращением тиража и объемов номеров, уменьшением шрифта и увеличением числа печатных знаков на страницу. Всегда в нем печатались лучшие в стране писатели и журналисты, выдающиеся военачальники, заслуженные спортсмены, известные художники публиковали свои произведения. «Пионер» был другом и помощником ребят, давал полезные советы и рекомендовал правильные поступки, учил всему самому необходимому в жизни. Он организовал обратную связь с детьми (как через письма, так и через встречи в редакции), корреспонденты бывали в детских лагерях, школах, в театральных кружках и спортивных секциях.

На протяжении этих лет «Пионер» прошел путь от мирной довоенной жизни, но уже с четкой нацеленностью на защиту Родины, к боевым будням с ориентирами на всемерную помощь взрослым и другим детям. Затем снова мирный период — восстановление страны от тяжелых военных ран. И всегда журнал вместе со своими читателями, всегда внимателен к заслугам детей, их ратному и трудовому подвигу.

Журнал «Дружные ребята»

Журнал «Дружные ребята» начал издаваться в 1927 г. как орган ЦК ВЛКСМ в качестве ежемесячного журнала деревенских пионеров и школьников. Издательство — «Детиздат» ЦК ВЛКСМ.

Объем — 4,0–4,5 печатных листа, что немало при формате бумаги 82×113 1/8. Тираж этого журнала даже больше, чем у журнала «Пионер», — 100 тыс. экземпляров.

Журнал при всех сложностях, в сокращенных вариантах все-таки выходил в годы Великой Отечественной войны.

Содержание, иллюстрации, рубрики схожи с журналом «Пионер», встречаются те же политические новости (если сравнивать параллельные номера), немало имен тех же авторов (особенно известных: Б. С. Житков, М. М. Пришвин, В. В. Бианки, Л. А. Кассиль, С. В. Михалков, С. Я. Маршак и др.), много общего в структуре и организационно-методических решениях. Например, обязательно включение материалов о В. И. Ленине как вожде и старшем товарище И. В. Сталина, об известных политических деятелях и руководителях страны. Также имеются на страницах журнала материалы клуба, который в данном журнале называется «Клубом дружных», информация о войне и вооружениях, обучение разным формам досуга и спорту и др.

1939 год

Только седьмой и восьмой номера выходят объединенными и с увеличенным объемом — шесть печатных листов (можно предположить, что это связано с летними отпусками редакции).

Обложки номеров этого года включают иллюстрации детской жизни: рисунок К. В. Кузнецова «Первая охота» (№ 1), рисунок Б. К. Винокурова «Снежный бой» (№ 2), весеннее половодье (рисунок без авторства, № 3), рисунок Г. В. Орлова «Посадка деревьев у школы» (№ 4); рисунок Ф. П. Решетникова и П. Т. Кошевого «1 мая на Чукотке» (№ 5); рисунок Б. К. Винокурова «Герои-летчики В. К. Коккинаки и М. Х. Гордиенко перед вылетом в Америку» (№ 6); рисунок Р. Барто «Мои экспонаты» с изображением девочки с корзиной яблок (№ 7–8); рисунок Н. Ф. Лапшина «В колхозе осенью» (№ 9); рисунок с изображением площади перед памятником В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница» без авторства (№ 10); рисунок Е. А. Афанасьевой «Братская встреча в Западной Белоруссии» (№ 11); рисунок Е. А. Афанасьевой «И. В. Сталин среди ребят» (№ 12).

Публицистические, идеологические материалы имеются в каждом номере: № 1 — о Ленине; № 2 — о XVIII съезде ВКП(б), В. П. Чкалове; № 3 — о XVIII съезде ВКП (б), с фотографией «любимого вождя народов» И. В. Сталина и Кремля, где заседал съезд, о Т. Г. Шевченко (к 125-летию юбилею), награждении пяти детских писателей орденами и их благодарности пионерам, приславшим поздравление; № 4 — о XVIII съезде ВКП(б), восемнадцати ступенях к коммунизму и «мудром вожде», Маяковском. Публикуется отклик на смерть Н. К. Крупской и перепечатка ее письма колхозным ребятам из номера 1937 г.; № 5 — о VIII пленуме комсомола, где сказано в числе других задач: «Мы окружены

капиталистическими, враждебными государствами. Озверелые фашисты готовятся напасть на нас. Чтобы встретить врага и дать ему сокрушительный отпор, каждый комсомолец должен серьезно заняться военной подготовкой. Каждый член ленинского комсомола должен овладеть одной из военных специальностей» [10]; № 6 — сравнительный анализ жизни простых граждан Советского Союза и США в очерке Н. О. Шамета «Средние цифры»; № 7–8 — приветствие читателям «Дружных» директора Всесоюзной сельскохозяйственной выставки академика Н. В. Цицина, очерк Е. Е. Гвоздиковой «Три выставки», где сравниваются выставки 1897 г. в Киеве, 1923 г. в Советской России и вторая сельскохозяйственная выставка 1939 г.; № 9 — «Письмо из Франции»

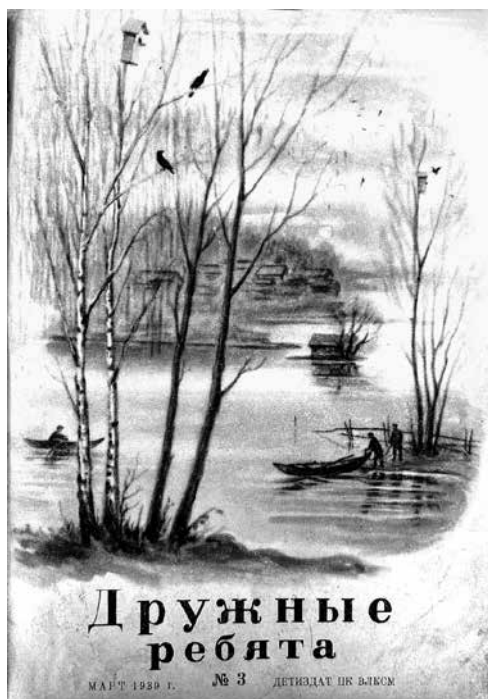
от французских школьников с просьбой «подробно описать нам вашу жизнь» и «Ответ французским пионерам» из разных уголков страны с различной информацией и фотографиями; № 10 — передовица без подписи о празднике в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции; приветствие западным украинцам и западным белорусам, «освобожденным от панского ига доблестной Красной Армией»; обращение к ребятам о помощи во время проведения выборов в Советы трудящихся (украшении избирательных участков, агитации жителей, организации агитбригад); № 11 — переписка с ребятами из освобожденных Западной Белоруссии и Западной Украины; информационное сообщение о 24 декабря — дне выборов в местные советы депутатов трудящихся; № 12 посвящен И. В. Сталину в честь его 60-летия.

Надо сказать, что стихи и рассказы о Ленине и Сталине имеются почти в каждом номере.

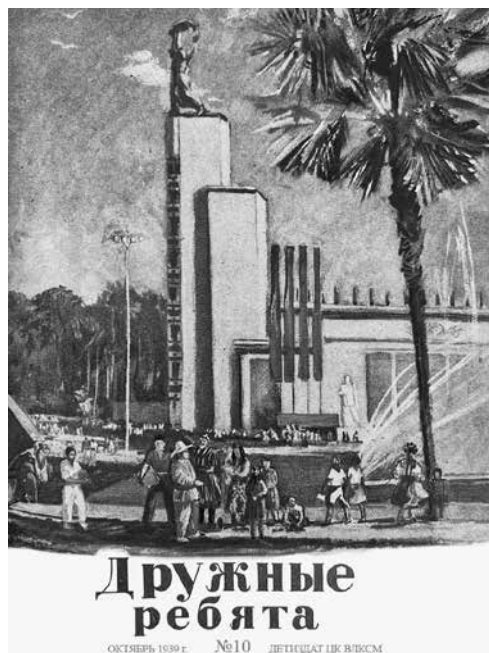
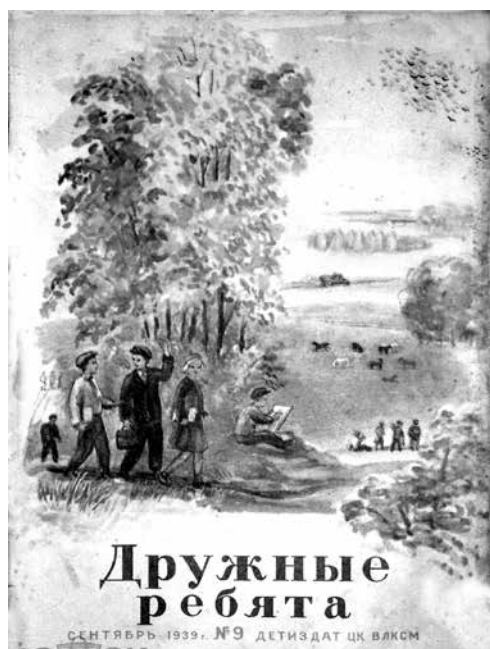
Обязательны материалы о Красной армии, о войне, о военных победах русской армии, примеры некоторых из них: № 1 — «Бой на холме» Б. А. Ивантера (о Гражданской войне); № 2 — «Герои Хасана» нескольких авторов-участников боев у озера Хасан М. Савенко, Н. Борисова, П. Майкова, А. Грозина (о советско-японской войне), «Дума про Опанаса» Э. Г. Багрицкого (о Гражданской войне), «Великий переход» С. Т. Григорьева

«Дружные ребята», 1939, № 1

«Дружные ребята», 1939, №№ 2, 3, 4, 5

«Дружные ребята», 1939, №№ 6, 7–8, 9, 10

(о переходе армии Суворова через Альпы); № 3 — «Домой хочу» А. С. Макаренко (о мальчике Сеньке, ставшем летчиком на бомбардировщике. Вывод в рассказе — «плохо придется» тому, кто на нас «полезет»); № 5 — «Встреча» С. Ю. Юрина (о Гражданской войне на Украине, в Севастополе); № 7–8 — «Подарок» Р. М. Акульшина (о Гражданской войне); № 10 — «Антихрист» В. Ф. Авдеева (о добром красноармейце); № 11 — рассказ «Остап» Н. С. Кауричева (о гражданской войне на Украине), «Первый помощник» Я. М. Тайца, рассказ военинженера 2-го ранга А. Бухалева «Авиация на войне».

Политическую направленность имеет рубрика «За рубежом»: в № 1 в статье «Позорное предательство» (без авторства), снабженной фотографиями, картами и карикатурой, описывается оккупация и раздел Чехословакии германскими войсками при попустительстве Франции и Великобритании. Завершается она так: «Приближается день, когда фашистские государства попытаются начать войну против Советского Союза. Но это день будет днем их разгрома. Наша славная, непобедимая Красная армия отобьет у них охоту соваться “в наш советский огород”» [30]. Рубрика в № 5 открывается «Весной в странах капитала» (без авторства), в которой сообщается о плавучих тюрьмах в Германии, захвате фашистами Чехословакии, лечении и найме на работу только арийцев, детском труде на полях Италии и табачных плантациях в США, трудной жизни

рабочих в Японии. В № 7–8 помещен очерк «Питающиеся водой» (без авторства) о голоде среди японских крестьян, а также рассказ «Герой» М. Маниной — о революционных событиях 1789 г. во Франции. В № 11 — очерк Н. А. Адольф «Как жили дети в панской Польше».

Журнал формирует интерес к литературе народов СССР: печатаются стихи для школьников разных возрастов на русском языке и в переводах с украинского, еврейского, армянского, белорусского языков. Опубликованы эвенкийская, русская, грузинская сказки.

В номерах журнала помещаются произведения известных писателей: рассказы «Гроза» А. П. Платонова, «Вата» Б. С. Житкова, «Рассказ матроса» А. Ф. Насимовича, «Муахус» А. М. Хазанович, «Фокусник»

«Дружные ребята», 1939, № 11

А. Т. Кононова, «Вовка» С. Т. Григорьева, «Нос» Я. М. Тайца, «Как я редактировал сельскохозяйственную газету» М. Твена, «Дорога» В. Ф. Боккова, «Бабка» В. А. Осеевой, «На бахче» В. Шатилова, «За краем света» А. В. Кожевникова, «Могила неизвестного солдата» Н. С. Кауричева, «Журавль-летчик» И. С. Соколова-Микитова, «Таежные рассказы» и иные произведения В. В. Бианки, рассказы М. М. Пришвина, повесть Р. Дюшато «Тайна крылатого змея».

Материалы «Клуба дружных» — это информация об интересных событиях в пионерских организациях школьников страны: № 1 — рассказ о школьниках Кабардино-Балкарии, призыв к соревнованию на лучшую оборонную работу в колхозном пионерском отряде; № 2 — информация из разных сел

страны об оборонном соревновании; № 3 — обращение к членам клуба с просьбой ответить на вопросы об их селах; № 4 — отклики о ходе оборонного соревнования, а также новая рубрика «Хорошее дело» с лучшими предложениями ребят, например предложением записывать народное творчество — воспоминания стариков; № 5 — советы учителя о правильной подготовке к весенним проверочным испытаниям во всех школах страны; № 6 — материалы о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, подготовке к походу, о краеведческой работе, предупреждение об опасных играх; № 7–8 — материалы о «дружных» во всесоюзном пионерском лагере «Артек», о конференции, на которой школьник из Белоруссии поведал о задержании группы диверсантов в колхозных лесах, за что он и был награжден путевкой в «Артек», о подведении итогов Конкурса на лучший рассказ. В материале «Весеннее письмо» деткоры (детские корреспонденты) «Клуба дружных» сообщают о полевых работах в разных уголках Советского Союза; № 9 — письмо из детского журнала «Товарищ» коммунистической партии Франции, на которое отвечают десятки деткоров из разных уголков страны; № 10 — обращение к ребятам всей страны с призывом помочь организации Дня выборов в Верховный совет РСФСР, создавать агитбригады, красные уголки, проводить коллективные читки газет, подвозить на участки стариков на бричках; № 11 — очень разные советы: об уроках, о шахматах, призыв организовать живые

«Дружные ребята», 1939, № 12

уголки, об отказе от молитв; № 12 — стихи Кости Прокофьева «Мы шли по родной столице» (о Сталине), очерк сельского школьника, орденоносца Миши Кулешова «Незабываемая встреча» (о Сталине), рассказ-быль школьника Георгия Кочеткова «Красный мешочек» (о спасении летчиков и их самолета).

Рубрика «Про нашу жизнь» (№ 1, 2, 4, 5, 10) включает рассказы о жизни школьников: драмкружке, экскурсиях, участии в охоте, походе в зоопарк, а также школьный юмор, с рисунками детей. В № 5 сообщается о пятидесятилети присвоения имени Ленина пионерской организации. В № 10 представлены письма с иллюстрациями из школ страны, а также беседа с академиком Н. В. Цициным.

Рубрика «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» представлена во многих номерах. В № 4 сообщается о скором открытии выставки, а также о выращивании многолетней пшеницы и сборе золы. В № 5 — информация о посещении Выставки. В № 7–8 — обращение директора Выставки академика Н. В. Цицина к членам «Клуба дружных», очерк Е. Е. Гвоздиковой о трех выставках (1896 г. в Нижнем Новгороде, 1923 г., 1939 г.), подробно представлены описания нескольких павильонов выставки в 1939 г.. В № 9 дан репортаж об открытии Выставки 1 августа, в № 10 дополнительно рассказано о выставке сельскохозяйственных машин с фотографиями и иллюстрациями на цветной вклейке.

Также в журнале «для деревенских школьников» представлены дополнительные материалы о сельском хозяйстве: № 5 — об ученом-животноводке М. Ф. Ивановой очерк О. В. Перовской, № 6 — очерк Ф. И. Шатилова «Виноград», № 7–8 — очерк «Лось в упряжке» С. В. Юрина. В № 9 читателям редакция напоминает о продолжении конкурса на лучший сад, а ранее в № 3 в преддверии конкурса давался совет по омоложению сада.

Так же, как и в «Пионере», место отводится и географии — здесь рубрика называется «От полюса до полюса» и представлена не в каждом номере. В № 4 — очерк (без авторства) с фотографиями о Северном морском пути из Мурманска во Владивосток, в № 7–8 — очерк Н. О. Шамета «Большая Волга», в № 9 — статья О. А. Баяна «В пустынях Азии» о русском путешественнике П. К. Козлове и его маршрутах.

С № 9 появляется рубрика «Страничка физкультурника».

В конце каждого номера — кроссворды, задачи, загадки, ребусы, шарады.

1940 год

Первый номер этого года открывается рассказом А. Ивановой «Первый жилец» (о В. И. Ленине).

Тираж «Дружных ребят» по-прежнему значительно выше, чем у журнала «Пионер»: в 1940 г. — 140 тыс. экземпляров. Печать черно-белая, но все рубрики и публикации прекрасно иллюстрированы.

Обложки номеров полноцветные, на первых размещаются рисунки талантливых художников (зимние и летние забавы, учебные занятия, игры, включая шахматы), на последних — сказки разных народов Советского Союза, красиво, с юмором иллюстрированные: русская, две эвенкийские, латышская, армянская, башкирская, кабардинская, якутская, абхазская, хакасская, украинская. В двух сказках из пяти высмеиваются священнослужители (башкирской и украинской).

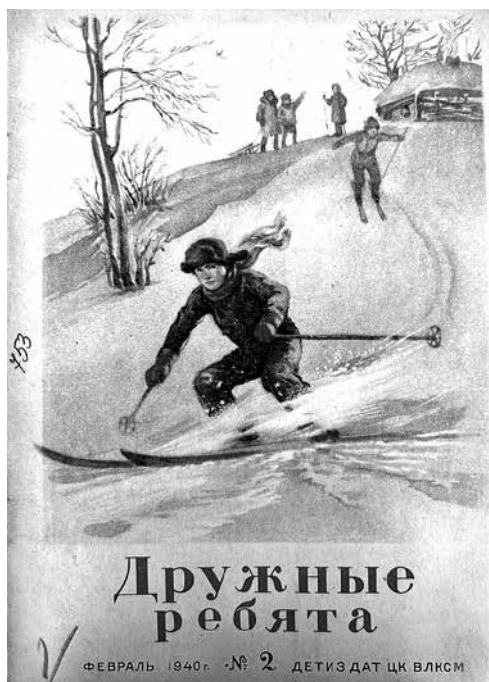
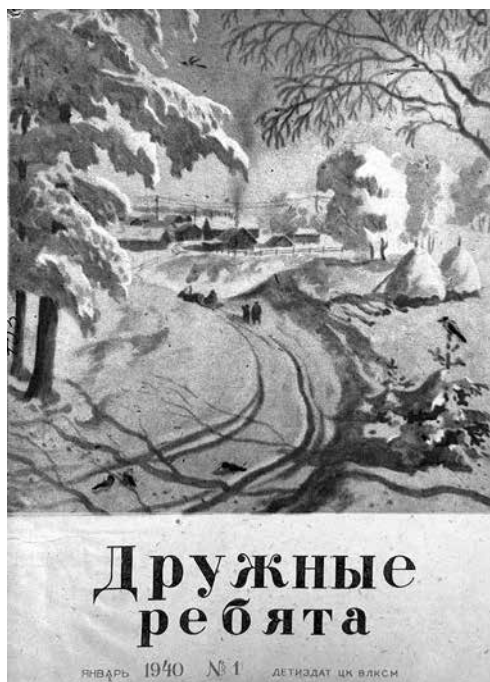
В этом году в пяти номерах из двенадцати имеются материалы о В. И. Ленине и И. В. Сталине. Значительное внимание уделяется статьям и очеркам о «замечательных людях» — это «разведчики Арктики» — Герои Советского Союза К. С. Бадигин, Д. Г. Трофимов, В. Х. Буйницкий; «освободители» — красноармейцы, освободившие Западную Белоруссию; В. М. Молотов, в гостях у которого в честь его 50-летия побывали пионеры; писатели: польская — В. Л. Василевская, армянский — Хнко-Апер, русские — писатель Л. Н. Толстой и поэт В. В. Маяковский; художник П. А. Федотов; летчик, Герой Советского Союза, участник боев с белофиннами И. Я. Летучий (очерк о нем написал также участник этой войны писатель Н. В. Богданов).

В отдельную рубрику выделены научно-популярные очерки на самые разнообразные темы: о строящемся Дворце Советов в Москве (построен, как известно, не был), штурмовой авиации, Беловежской пуще, происхождении огня, об истории крепостей. Особого внимания заслуживает очерк Н. О. Шамета в № 10 «Миллионеры», в котором даны в сравнении миллионер США Рокфеллер по прозвищу «сатана» и советские колхозы- «миллионеры», где достигаются высокие показатели в работе.

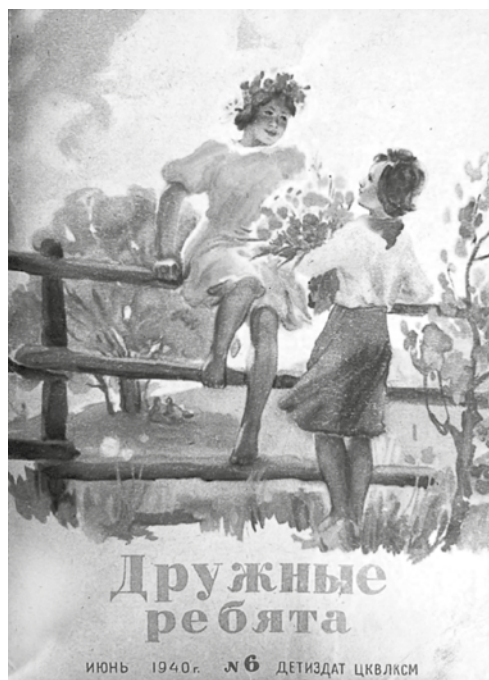
Шесть материалов вышли в рубрике «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» — это не считая отдельных репортажей и письмах о ней в рубрике «Клуб дружных». Последняя есть в каждом номере и содержит много различных материалов: о дружбе ребят из разных республик страны, походах краеведов, полезных делах и помощи взрослым и др. Много полезных советов: физкультурникам, шахматистам, лыжникам, юным охотникам, отличникам, готовящимся к олимпиаде, коллекционерам марок и т. д. Ребятам предлагаются творческие задания: написать рассказы на каникулах, пойти «в поход за народными загадками», своими руками создать поделки, игрушки, костюмы. Юным физкультурникам и шахматистам посвящены отдельные рубрики на полях журнала.

Во всех номерах много научно-технических задач, загадок, ребусов, различных кроссвордов (литературных, географических и др.), юморесок и шуток.

В каждом номере напечатаны художественные произведения талантливых писателей и поэтов. В «Дружных ребятах» за 1940 г. представлены: рассказы И. Я. Франко, А. П. Платонова, М. М. Пришвина, В. В. Бианки,

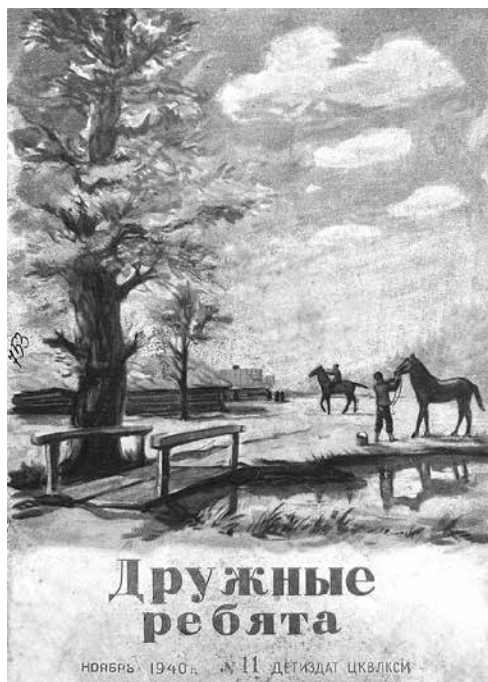
«Дружные ребята», 1940, №№ 1, 2, 3, 4

«Дружные ребята», 1940, №№ 5, 6, 7–8, 9

«Дружные ребята», 1940, №№ 10, 11

«Дружные ребята», 1940, № 12

А. В. Кожевникова, И. С. Соколова-Микитова, Л. Н. Толстого и др.; историческая повесть С. Т. Григорьева «Рыцарская академия» о М. И. Кутузове; стихи о дружбе, о красном галстуке, о природе, о детских занятиях поэтов З. Н. Александровой, А. Пришельца, Л. М. Квитко, Н. П. Саконской, П. Д. Дружинина и др.

Как ни странно, номера года не перегружены советами по сельскохозяйственным работам, ознакомлением с военной техникой и рассказами об армии — тем, чем наполнен в этот же год журнал «Пионер».

1944 год

Имеющийся в Библиотеке имени К. Д. Ушинского одиннадцатый-двенадцатый номер журнала

за этот год открывается на второй обложке произведением «Песнь о Сталине» (слова С. Я. Алымова, муз. А. В. Александрова), к нему даются стихи и ноты.

На первой странице наклеен (сверху тонкой полоской особого клея для бумаги) фотопортрет И. В. Сталина. В данном экземпляре с ним поступили по задуманному предназначению: портрет отклеен — видимо, для размещения где-то на стене. Новые задумки на этом не заканчиваются: в номер вложена настольная игра «Борьба за ДОТ» на сдвоенном плотном листе бумаге (игровое поле и фишки, которые надо вырезать). С внешних сторон листа описаны правила игры и условные обозначения.

Вслед за портретом разворачивается рассказ «Пионеры у И. В. Сталина» о том, как Сталин встречался на съезде с пионерами-орденоносцами, животноводами М. Кулешовым и Б. Хамгоковым. Рассказ «Слово вождя» с пространной цитатой из доклада «товарища Сталина» в ноябре 1944 г. повествует о том, как колхозники в избе-читальне слушали его речь (авторы — четыре пионерки из Ленинского района Московской области). Обратим внимание на то, как тонко продуманы все детали этого идеологического начала журнала, направленного на поддержку авторитета вождя и демонстрацию народной любви к нему.

Художественный раздел открывается рассказом Л. Пантелеева «Первый подвиг» о том, как Герой Советского Союза полковник Мережанов совершил свой первый «подвиг» — будучи подростком, под влиянием уважаемого человека бросил курить. Интересно, что в начале рассказа помещена недопустимая в настоящее время иллюстрация: на рисунке Б. К. Винокурова изображен курящий мальчик.

На одну страницу дан материал под рубрикой «Сегодня охотник — завтра боец» (на первой обложке журнала представлен рисунок художника Ю. И. Пименова с таким же девизом), в котором рассказывается об охоте на пушных зверей (они называются «мягким золотом») и объявлен второй конкурс на лучшего юного охотника. Здесь же помещено стихотворение об охоте Е. Я. Тараховской.

Рубрика «В нашей дружине» рассказывает о В. И. Ленине, потому что идет подготовка к 21 января — дню его памяти: во всех школах будет почетный караул у пионерских знамен, на сборах будут говорить о школьных годах Ильича и т. д., поэтому даются нужные материалы: отрывки из воспоминаний А. И. Ульяновой, отрывки из книги «Рассказы о Ленине» А. Т. Кононова и др. В завершение — стихи М. И. Алигер «Во всем и всюду», которые стоит немного процитировать:

Нам светло и радостно идти
По дороге ленинской вперед,
По тому великому пути
Неуклонно Сталин нас ведет [6].

«Дружные ребята», 1944, № 11–12

«Песнь о Сталине» (слова С. Я. Алымова, музыка А. В. Александрова), опубликованная в журнале «Дружные ребята» (1944, № 11–12)

Далее — исторический рассказ Л. Рубинштейна «Мальчик с барабаном», посвященный событиям 1806 г. — победе вице-адмирала Д. Н. Сенявина под Наварином в Средиземном море. Завершается повесть А. В. Коженикова «Сухой колодец» о партизанских действиях (публиковалась в № 8–10). В конце номера — очерк «Хавронья Ивановна» Н. Е. Раковской в рубрике «Из истории домашних животных».

На предпоследних страницах и на обложке советы, как сделать елочные игрушки из бумаги, стихотворение Е. А. Благининой «О елке, козе и волке» — о маскарade на новогоднем празднике.

На последней странице дана информация о том, что размещалось на страницах журнала в 1944 г. Мы можем посмотреть, какие рубрики выделили создатели журнала: «Рассказы. Повести», «Песни. Стихи», «Великие русские люди», «Герои Отечественной войны» (речь идет о Великой Отечественной), «Статьи. Научно-популярные очерки», «Клуб мастеров сельского хозяйства». Отметим, что здесь не все произведения и рубрики, например в едином оглавлении нет рубрики, включающей

идеологические, политические материалы. Рассказы в номерах очень разнообразны: о войне, о природе, о поступках, позволяющих проявиться лучшим качествам. Песни и стихи помещены тоже разные, прежде всего — гимн Советского Союза в № 2–3, стихи С. Я. Маршак, Л. И. Ошанина, М. В. Исаковского и мн. др. В рубрике о великих русских людях рассказывается о путешественниках, художниках, запорожцах, о Чехове, представлен бой русских с половцами.

Также это оглавление за год показывает, что часть номеров журнала, как в предыдущие годы, была сдвоенной (№ 2–3, 5–6, 8–9 и 11–12).

Научно-популярные очерки, как и в других детских журналах, расширяют кругозор школьников, помогают узнать больше, вызвать интерес к природе, к промышленности, к географии, к родным местам. К примеру, имеются такие публикации: «Артиллерия — бог войны», «Авиация», «Наш Урал», «Нахимовцы», «Золотое руно», «История земли».

«Клуб мастеров сельского хозяйства» — рубрика, представленная во всех номерах года. В ней материалы посвящены сельскохозяйственным работам: «Тебя ждут телята», «Мы будем трактористами», «Кто лучший истребитель грызунов», «Сохраним весь урожай», «Доходная птица», «Ягодный сад».

«Дружные ребята», 1944, № 4

1945 год

За 1945 г. в Библиотеке имени К. Д. Ушинского всего один номер — пятый-шестой, за май — июнь, повествующий о главном событии — Победе. На первой и четвертой обложках помещен рисунок В. С. Баюскина «Встреча победителей», а на второй обложке мы видим приветствие пионеров Ленинско-Сталинскому комсомолу в честь награждения третьим орденом. Здесь же дается история награждения комсомола орденами.

Первая страница журнала представлена в двухцветном оформлении: это текст «Обращение тов. И. В. Сталина к народу» в круге красных изображений звезды, горнов, дубовых и лавровых листьев, знамен, серпа и молота.

На с. 2–9 представлены материалы Ц. С. Солодаря из Берлина с рассказом о победе и взятии Берлина в сопровождении фотографий 16 маршалов и главных маршалов Советского Союза. Далее опубликована глава из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия».

Под рубрикой «Сегодня охотник — завтра боец» подводятся итоги Второго конкурса на Лучшего юного охотника, проведенного редакцией зимой 1944–1945 гг. Сообщается, что 40 тыс. пионеров и школьников страны приняли участие в конкурсе, за зиму сдали стране пушнины на 2,8 млн рублей (пушнина называется «золотым фондом нашей Родины»), 650 победителей конкурса премированы. Большинство победителей перевыполнило нормы сдачи пушнины взрослых охотников. 50 юных охотников получили первые премии — ружья с охотничьими боеприпасами. Кроме того, они награждены наркомом заготовок СССР значком «Отличник охотничьего промысла». Далее приводятся 50 фамилий этих ребят, среди них есть две девочки (из Якутии). Конечно, само понятие «дети-охотники» и добыча пушнины в дикой природе в таких объемах выглядят невозможными в современных условиях.

Следом размещены «Маленькие рассказы» М. М. Пришвина, продолжается публикация повести В. П. Катаева «Сын полка». Для досуга детей в рубрике «Наш театр» напечатана сценка «Петька и матрос» А. П. Шманкевича про Гражданскую войну. Стихотворение «Бронебойщик Маштак» Л. И. Ошанина посвящено Герою Советского Союза П. С. Ма-

штакову. Следующая страница посвящена обучению русскому танцу «Во саду ли, в огороде» — здесь описываются фигуры танца. Затем идет возвращение к военной теме — стихи С. Я. Маршака «День победы», Е. А. Благиной «Это ты!».

Традиционные рубрики — «Прочти эти книги» и «В нашей дружине» (о делах в дружине рассказывают фотографии занятий на технической детской станции, в столярном кружке, создания стенгазеты, игры в шахматы).

В номере имеются страницы «Для маленьких» со стихами Н. Б. Дейнеки «Почемушка» и занятиями кроссвордами, чайнвордами, загадками, шарадами.

«Дружные ребята», 1945, № 5–6

1947 год

Тираж журнала вырос до 65 тыс. экземпляров, хотя и не вернулся к уровню 1940 г. (140 тыс. экз.).

Следует отметить, что журнал «Дружные ребята» стал двухцветным, что сделало его намного привлекательнее. Приглашаются талантливые художники, чтобы обложки были интересными и яркими. На них запечатлены виды Кремля, детский труд наряду со взрослыми (например, на сенокосе), детский досуг (зимние и летние забавы на улице). В пятом, майском номере показано общение пионеров с красноармейцем, Героем Советского Союза.

Конечно, в январском и апрельском номерах на обложках размещаются рисунки с В. И. Лениным.

На обложке второго номера — И. В. Сталин.

В первом номере в честь 20-летия журнал поздравляют ЦК ВЛКСМ, Герои Советского Союза и Герои Социалистического труда, лауреаты Ленинской премии, Сталинской премии, академики, писатели и поэты.

В каждом номере имеется передовица, освещающая основные политические темы в стране. В этом году главные темы — это 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции и выборы в советы народных депутатов, в которых ребятам предлагается тоже принять участие, к примеру выступить с концертами на выборных участках, а в преддверии выборов проявить сознательное отношение к учебе и усиленному труду на благо Родины (передовица в одиннадцатом номере «Слово советского человека»).

Уже нет материалов о других войнах (Гражданской, Советско-финляндской, с Японией), кроме Великой Отечественной. В основном это повести и рассказы.

Но в целом помещенные в каждом номере года повести, рассказы, стихи уже не только о войне, в большинстве это произведения о ребятах села, о событиях их жизни, а также о В. И. Ленине (в апрельском номере). Авторы практически те же, что встречались нам раньше, в предыдущие годы, многие из них также печатаются и в журнале «Пионер»: М. М. Пришвин, С. Я. Маршак, С. В. Михалков, Л. И. Ошанин, С. Т. Григорьев и др.

В ряде номеров представлены интересные статьи и научно-популярные очерки к 800-летию Москвы. Так, рассказывается о Московском кремле, напечатаны стихи о Москве Л. И. Ошанина, Е. А. Долматовского, «Баллада о Москве» А. Т. Твардовского и др.

В рубрике «Сельское хозяйство» — множество практических материалов: о выращивании садов, пшенице, картофеле, смородине и землянике, растениеводстве и коневодстве. Даются конкретные советы по прополке сорняков, защите урожая, сборе колосков и пр. В третьем

«Дружные ребята», 1947, № 1, № 5

номере объявляется всесоюзный конкурс на лучшего юного садовода, даются «Советы Мичурина», рекомендации о работах в саду и зимой, и летом.

Подробно, в отдельных статьях рассказывается об академии им. К. А. Тимирязева и об академике Н. В. Цицине, выводящем новые сорта пшеницы и много лет возглавляющем Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Научно-популярные очерки повествуют о самых разных увлекательных вещах: о железной дороге, малой авиации, создании дизельных моторов, радиолюбителях и исследователях природы. В нескольких номерах говорится о походах по родной стране, о некоторых регионах Советского Союза. О зарубежье имеется всего два материала: о бедственном положении школьников в США и в Турции.

В честь юбилейных дат помещены очерки о В. П. Катаеве, С. Я. Маршаке, С. Стальском.

Весь год журнал знакомит своих юных читателей с отечественными художниками, размещая на цветных вклейках рассказы о судьбе и творчестве и давая иллюстрации известных картин: № 2 — о В. М. Васнецове, № 3 — об И. Е. Репине, № 4 — о В. А. Серове, № 5 — о В. И. Сурикове, № 6 — об А. И. Куинджи. Это материал располагается в середине журнала, называется приложением и, очевидно, может легко изыматься из блока

**Иллюстрация «Беседа
В. И. Ленина и И. В. Сталина
с крестьянами-ходоками»,
опубликованная в журнале
«Дружные ребята» (1947,
№ 1)**

**Портрет И. В. Сталина
(художник
Д. А. Налбандян),
опубликованный
в журнале «Дружные
ребята» (1947, № 2)**

«Дружные ребята», 1947, № 2, № 11

номера. При желании читатель мог собрать что-то вроде художественного альбома.

Значительное место в номерах журнала занимают материалы на тему «Пионерский отряд и школа»: репортажи о жизни пионерских отрядов и звеньев, их опыте проведения сборов и слетов, приема в пионеры, трудовой помощи колхозникам, родной школе. В память о войне публикуются очерки «По следам боевой славы», «Пионерская летопись», материалы о пионерах-героях. Имеются и повествования о коллективных играх, и советы «Готовьтесь к экзаменам».

Иллюстрация
А. А. Давыдовой
к «Новым рассказам
о Ленине»
А. Т. Кононова,
опубликованная
в журнале «Дружные
ребята» (1947, № 4)

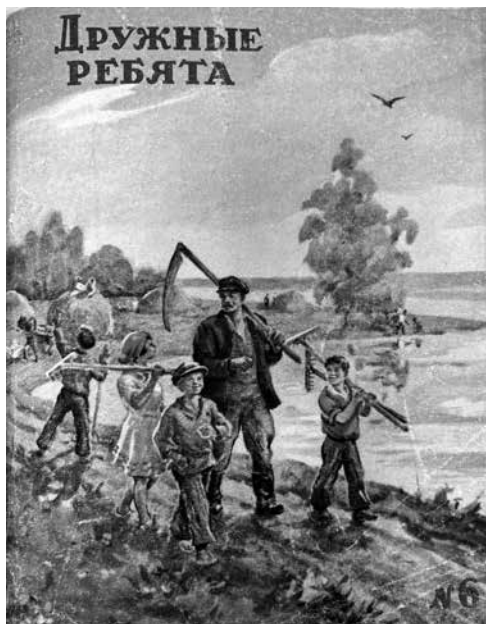
«Дружные ребята», 1947, № 4, № 8

В отличие от других детских журналов, в этом, предназначенном для сельских школьников, при обилии публикаций о сельскохозяйственном труде очень мало материалов о физической культуре и спорте — они даются всего лишь в трех номерах: № 4, 7, 11.

В конце каждого номера, как в довоенные годы, публикуются занимательные задачи, загадки, кроссворды, шарады, советы по подготовке к праздникам и созданию подарков своими руками.

Анализ журнала «Дружные ребята» показывает значительное внимание к детской периодической печати для сельских школьников. Следует отметить высокий уровень материалов в журнале, профессиональные педагогические подходы к отбору материалов, которые должны формировать гражданина, труженика, защитника Родины, патриота, человека высоких нравственных качеств: отважного, смелого, доброго, милосердного, готового прийти на помощь. Множество публикаций побуждают задуматься, осмыслить предоставленную информацию и сделать свои выводы. «Дружные ребята» не только дают новые знания об окружающей сельской жизни, но и мотивируют читателя рассказами об успехах других детей к собственному развитию и участию в разного рода конкурсах на страницах журнала.

Специфика журнала для детей села отражается в содержании познавательных материалов из истории, в предложениях о поделках, даже

«Дружные ребята», 1947, № 6, № 10

в прозе, внимании к тому, что происходит на сельскохозяйственной выставке, причем через призму достижений юных животноводов и растениеводов из разных уголков страны.

В «Дружных ребятах» публиковались политические материалы высшего качества: краткие, хорошо иллюстрированные, отражающие позитивные события страны в сравнении с тяжелой жизнью тружеников в капиталистических странах, с трудным детством юных граждан тех стран.

Каждая рубрика, практически каждый материал номеров журнала служит воспитанию, формированию коммунистического мировоззрения и закладывает основы гражданственности.

Чтение материалов журнала послевоенных лет создает ощущение светлой открытой честной жизни, позитивного труда на благо Родины, показывает заслуги детей в сельскохозяйственном труде.

Статьи дают простор для познания нового, расширения кругозора школьников, зарождения новых позитивных творческих увлечений. Журнал дружески рассказывает, как выйти из той или другой сложной ситуации, обучает простым умениям, а также дает практические советы профессионалов в определенной сфере, чаще всего — в сельском хозяйстве

Материалы заинтересовывают, увлекают, формируют активных граждан Советского Союза, воспитывают чувство коллективизма, умение помочь, своевременно прийти на помощь друг другу и действительно быть дружными, что соответствует названию журнала.

Журнал «Костер»

Обращение к этому журналу неслучайно, хотя он по многим позициям не находится в одном ряду с другими детскими журналами.

«Костер», в отличие от журналов «Мурзилка», «Пионер» и «Дружные ребята», основанных ЦК ВЛКСМ, основан издательством «Детская литература» в 1936 г., поэтому он изначально чуть менее политизирован, более настроен на свободное познание, развлечение, игру, творчество. Первым главным редактором журнала был С. Я. Маршак. Первая публикация во втором номере посвящена последней встрече С. Я. Маршака с М. Горьким, на которой обсуждался новый журнал и его название, и это выглядит как завет великого пролетарского писателя новому детскому периодическому изданию.

Изначально журнал заявлен как ежемесячный, литературно-художественный, для учащихся начальной и средней школы.

Позднее «Костер» стал печатным органом ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР. Он выпускался с июля 1936 до середины 1947 г., затем по политическим причинам был закрыт, восстановлен только в июле 1956 г. Журнал выходит до настоящего времени, только с 2001 г. — в электронном виде. На сайте журнала (<https://www.kostyor.ru/archives.html>) можно найти архив номеров с 2001 г.

Журнал издавался в Ленинграде, первоначально тиражом 50 тыс. экземпляров. Формат такой же, как у остальных детских журналов (лишь «Мурзилка» для дошкольников выделялся альбомным форматом). Вокруг журнала постепенно образовалась сплоченная творческая команда известных писателей и художников, поэтому его номера были неизменно яркими, высокохудожественными, интересовавшими юных читателей и постоянно призывающими к творчеству: писать, рисовать и присылать в редакцию свои творческие работы. Такой, по словам современного главного редактора Н. Б. Харлампиева, была задумка М. Горького: «он предложил издавать журнал, где наравне со взрослыми писателями, учеными и журналистами публиковались бы и сами школьники» [34].

О качестве журнала говорит состав авторов, печатающихся в журнале в разные годы: О. Ф. Берггольц, В. В. Бианки, И. А. Бродский, Ю. П. Герман, В. В. Голявкин, Н. Н. Григорьев, С. Д. Довлатов, М. М. Зощенко, Л. В. Лосев, С. Я. Маршак, С. А. Махотин, С. А. Носов, Л. И. Пантелеев, К. Г. Паустовский, В. Г. Попов, Е. Б. Рейн, Ю. С. Рытхэу, С. В. Сахарнов, Л. В. Успенский, Н. В. Федоров, Е. И. Чарушин, К. Н. Чуковский, Е. Л. Шварц и др.; из известных зарубежных детских писателей — Дж. Родари, А. Линдгрэн.

Столь же сильным был и состав художников, работающих в журнале. Из них: Э. А. Будогоский, Г. С. Верейский, О. Г. Верейский, В. А. Ветрогонский, Б. В. Власов, В. А. Гальба, В. М. Звонцов, О. А. Зуев, Т. П. Капустина,

Г. В. Ковенчук, Н. И. Костров, В. И. Курдов, В. Ф. Матюх, С. М. Мочалов, С. А. Остров, Н. Э. Радлов, К. И. Рудаков, А. С. Сколозубов, В. А. Тамби, М. А. Таранов, А. А. Ушин, И. И. Харкевич, А. А. Харшак, Е. И. Чарушин, О. Ю. Яхнин.

С начала основания и до 1969 г. журнал был черно-белым, в полноцветном варианте выпускались обложки и вкладыши.

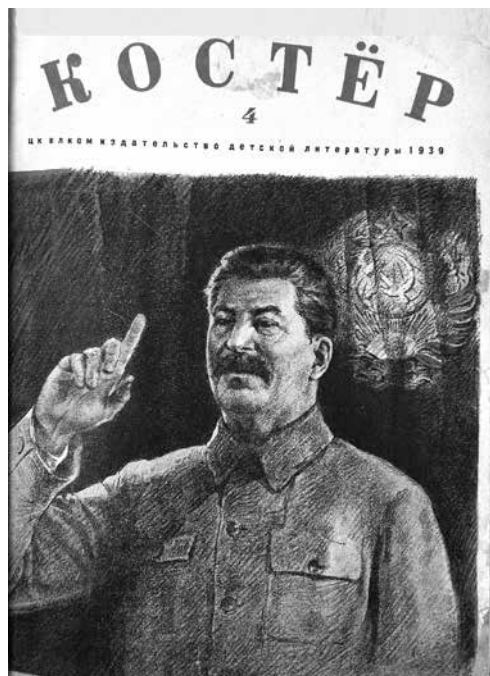
Обложки были привлекательными и отражали детскую, пионерскую, школьную жизнь, иногда с юмором. Обычно это были яркие житейские зарисовки, и даже этим журнал был ближе к юному читателю. В этом же стиле создаются и обложки современного журнала. Но, конечно, обложки 1941–1945 гг. отражали военную тематику: на них запечатлены фронтовые сюжеты, картины боевых действий, дети-партизаны, юные бойцы с оружием в руках, работа юных санитаров в больничных эшелонах и госпиталях и т. п.

История выпуска журнала довольно драматична и в военные, и в послевоенные годы.

С 1936 по 1940 г. журнал выходил стабильно, лишь изредка были сдвоенные номера: в 1939 г. — № 7–8 и 11–12; в 1940 — № 7–8. После начала Великой Отечественной войны, с октября 1941 г. больше не было возможности печатать журнал на бумаге. Согласно некоторым данным, в редакции оставалось до 1943 г. три человека (заместитель редактора, редактор, курьер).

Журнал «Костер» был не единственным детским журналом во время войны, но он был единственным, выпускавшимся в том или ином виде в условиях блокады Ленинграда. Он выходил наряду с несколькими изданиями для взрослых: газетами «Ленинградская правда», «На страже Родины», журналами «Смена», «Звезда» и «Ленинград». Обратимся снова к интервью с Н. Б. Харлампиевым: «В самые трудные месяцы блокады не было бумаги и электроэнергии, типографии не могли печатать. Стали думать, что же делать. Наталья Владимировна [Теребинская — заместитель редактора] сама на саночках везла рукописи на Итальянскую улицу в Дом Радио. Делали устные выпуски “Костра” на радио — тексты в эфире читали артисты, приглашали даже детей. “Внимание! Говорит Ленинград. В эфире выпуск журнала «Костер»”. Конечно, были проблемы с авторами — почти все ушли на фронт, многие погибли. Наталья Владимировна писала письма, просила коллег откликнуться. Многие присылали письма прямо с передовой» [34]. Выпуски по радио выходили в течение двух лет два раза в месяц (в четверг), начиная с октября 1941 г.

С осени 1942 г. параллельно с радиопередачами стали выходить сдвоенные печатные номера журнала. Однако трудности не исчезли, выпускать журнал было сложно по многим причинам. За 1943 г. вышло девять номеров журнала. «У нас сохранились военные выпуски, они, конечно, специфические — брали интервью у моряков, командиров

«Костер», 1939, № 4; 1940, № 9

подлодок, у зенитчиков, у тех, кто гасил “зажигалки”. В журнале давались советы, что может сделать подросток во время войны: как укрыться от снаряда, как распознать диверсанта, как сажать картошку и морковку весной. Были карикатуры: “О том, как солдат со свастикой занимался гимнастикой”, “Как немецкий генерал поросенка отбирал”. Катаев прислал антифашистскую сказку о Маше и Мите» [34].

Тираж журнала в военные и послевоенные годы (до его закрытия) был ниже, чем до войны, — 20 тыс., а иногда и 17 тыс. экземпляров.

С начала выхода журнала и по 1947 год «Костер» содержит интересные художественные произведения, познавательные научно-популярные материалы, статьи об искусстве и художниках. Ярko представлены письма читателей, репортажи о школьной жизни и советы школьникам на разные темы. Много появилось юморесок и смешных рисунков. Журнал развлекает, обучая, предлагаются высокого уровня научные кроссворды и викторины. Периодически объявляются конкурсы для ребят. Даже рубрики говорят сами за себя: «Школа будущих командиров», «Песни наших побед», «Морская газета» — военно-патриотическая тематика; «Барабан» («Боевая Армия Ребят Активистов Борется, Агитирует, Находит!») — школьная и пионерская жизнь; «Голоса исчезнувших миров», «Веселая Вселенная» — материалы о науке; «ИИИ» («История Исторических Изречений») — история; «И эхо таинства за шелестом кулис...» — театр;

«Всесоюзный спортивный клуб “Кузнечик”», «Премьера книги»; «Арчбек» («Армия Рыцарей ЧЕрно-БЕлых Клеток») — страница для любителей шахмат; «Посади, защити, накорми» — сад и огород и др.

Журнал «Костер» — такой же пионерский журнал, как и «Пионер», «Дружные ребята», однако, несмотря на все необходимые политические, идеологические, военно-патриотические материалы, он все-таки стоит особняком. Вероятно, дело в большей открытости, меньшей назидательности и лозунговости, более яркому призыву к собственному творчеству.

На мой взгляд, журналы «Пионер» и «Дружные ребята» говорят с ребятами с позиций взрослых, ясно виден обучающий и воспитательный посыл, журнал «Костер» говорит как товарищ с товарищами, создавая ситуацию равенства, творческого общения и увлеченности. Это характеристика особенностей журналов, но никак не критическое замечание. И та, и другая позиции имеют право на существование и в обоих случаях журналы были многотиражны и весьма успешны, пользовались заслуженной любовью маленьких читателей. Добавить следует, что их читали и взрослые (например, моя бабушка читала от корки до корки каждый номер журнала «Пионер», который выписывали для меня, ругала нерадивых соседей, не оформляющих подписку для своих детей. Но выход нашла очень простой: я должна была разновозрастных детей с улицы посадить вокруг себя — у нас дома или на улице — и читать им вслух новый номер журнала).

Заключение

Предмет исследования обширен в силу поставленной задачи: проанализировать выпуск и содержание всех печатных детских периодических изданий, не прекращавших свою деятельность в годы Великой Отечественной войны.

Важно обратить внимание на то, что трудности времени отражались на журналах: менялся тираж, уменьшался объем печатных листов в каждом номере, но тем не менее сохранялись основные рубрики, и всегда эти издания выполняли обучающую и воспитательную функции, функцию объединения всех ребят страны — это очень важная цель журналов, даже можно сказать, что это их миссия, которую они эффективно выполняли на протяжении всего своего существования.

Важно подчеркнуть, что не подвергался отдельному анализу состав редакционных коллегий журналов, который периодически менялся, но всегда включал известных писателей и поэтов. Журналы были только государственные, на бюджетном обеспечении, в них был штат сотрудников, которые имели возможность найти интересных авторов,

пригласить к участию известных ученых, военных, руководителей государства и директоров предприятий. Члены редколлегии, конечно, определяли содержание журнала, однако цели и задачи были заданы ВКП(б) (позднее — КПСС), направления журнала указывались ЦК ВЛКСМ. Независимо от того, кто был главным редактором и входил в редколлегию, все прекрасно понимали политику партии и комсомола, задачи пионерской организации. Кроме того, каждый журнал проходил через так называемое «литование» (цензуру), на что в технических данных на последней странице указывает «Уполномоченный Главлита А-24405». Все сказанное не отменяет интереса к составу редколлегий детских журналов, однако это уже другой исследовательский проект.

Анализ журналов показывает пути изменений технических параметров и содержания в довоенные, военные и послевоенные годы.

Содержание журналов, адресованных детям, отражает всю картину происходящего в стране, ясно показывает, что в годы тяжелых испытаний дети были лишены детства, они жили общей жизнью со страной. На фронте и на оккупированных территориях они боролись и погибали наравне со взрослыми. В тылу пионеры также наравне со взрослыми трудились и при этом старались и учиться, тем самым внося свой немалый вклад в дело Победы.

Ни разу на страницах всех журналов нет сомнений в грядущей победе, эта вера была постоянной. В первые месяцы войны была уверенность в скорой победе, потом пришло осознание, что война не закончится быстро, но уже с конца 1942 г. снова крепнет убеждение, что враг недолго будет находиться на территории страны.

Журналы обеспечивали знание о происходящем во всех уголках страны, на фронтах и в тылу, обеспечивали связь школьников страны друг с другом, с бойцами на фронте и в госпитале.

В самые тяжелые времена журналы переставали быть «детскими». И речь не о том, что не берегли детей — их просто нельзя было уберечь от бед и горестей войны, от страданий. И даже в тылу должно было быть понимание, что происходит на линии фронта, в оккупации, поэтому материалы порой публикуются жесткие, пугающие.

Идеологическая линия руководства страны имела несколько направлений: беспощадно, не жалея себя бороться с врагом на фронте; в тылу все силы и труд отдавать ради победы; ненавидеть всем сердцем врага и помогать своим при любой возможности. С позицией ненависти не все взрослые были согласны, но репортажи и рассказы о гибели пионеров-героев, разрушенных и сожженных городах и сел заставляли многих менять свою позицию, и очень ярко пылала эта ненависть к врагу в душах подростков. Однако все-таки очевидно, что больше на страницах детской печати милосердия, доброты, умения поделиться последним, стремления всем, чем можно, помочь стране.

Много информации в журналах о том, как именно дети помогали взрослым. Читая эти страницы, понимаешь, что до сих пор недооценен именно детский боевой и трудовой подвиг. Сведений о том, как спасали детей и какие принимались ради этой цели решения, достаточно много, а здесь рассказывается именно о детских подвигах и непосильном детском труде, показана широкая картина этой стороны войны.

Анализ журналов по годам и номерам со всей очевидностью представил изменения тематики и настроения. Послевоенные номера вдохновляют читателя на душевный подъем от того, как восстанавливается страна, как все больше дети удаляются от войны.

По мнению автора, эти журналы нужно читать, переиздавать, брать из них материалы для уроков истории. Педагогам и издателям современной детской печатной продукции и иных СМИ было бы весьма полезно узнать, понять и принять во внимание, включить в свой опыт деятельность этих изданий, практики воспитательной работы, так необходимой в настоящее, очень непростое время.

Источниковая база

1. Архив Мурзилки. М.: ТриМаг, 2014. Том 1: История страны глазами детского журнала. 1924–1954. 312 с.
2. Дружные ребята. 1939–1940. № 1–12; 1944. № 11–12; 1945. № 5–6; 1947. № 1–12.
3. Костер. 1939, 1940, 1946. № 1–12; 1947. № 1, 2, 3, 5.
4. Мурзилка. 1938–1945.
5. Пионер. 1939–1947.

Список литературы

1. Алигер М. «Во всем и повсюду // Дружные ребята. 1944. № 11–12. С. 17.
2. Асеев Н. Каждое утро... // Пионер. 1941. № 7–8. С. 93.
3. [Без названия] // Пионер. 1941. № 2. С. 2–3.
4. Благинина Е. С Новым годом! // Пионер. 1943. № 1. С. 25.
5. Боевой помощник партии // Дружные ребята. 1939. № 5. С. 3.
6. Буденный С. М. Готовьтесь стать бойцами // Пионер. 1940. № 2. С. 2–3.
7. Ваш отчет перед фронтом // Пионер. 1943. № 4. Обл. 2.
8. Время военное! За работу, ребята! // Мурзилка. 1941. № 7–8.
9. Гершензон М., Коган Л. Сила гнева // Пионер. 1939. № 5. С. 58.
10. Гимн Советского Союза // Пионер. 1943. № 11–12. Обл. 2.
11. Григорьев Н. Танки // Пионер. 1945. № 1–2. С. 14.
12. Иофан Б. М. Мир завтрашнего дня. Нью-Йоркская выставка // Пионер. 1939. № 5. С. 40.
13. История салютов Победы // ТАСС. 09.05.2021. URL: <https://tass.ru/info/11326627> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Кассиль Л. Провожая тебя в школу // Пионер. 1943. № 9. С. 1–2.
15. Кассиль Л. Три времени Победы // Пионер. 1945. № 6. С. 14–17.

16. Кононенко Е. О слепом танкисте и о тебе, пионер... // Пионер. 1942. № 7–8. С. 1–3.
17. Кончаловская Н. Я буду летчиком // Мурзилка. 1941. № 6.
18. Кудрявцев А. Здравствуйте, дорогие ребята // Пионер. 1942. № 1–2. Обл. 2.
19. Ленинское завещание молодежи // Пионер. 1940. № 9. С. 17–21.
20. На берегах Балтики // Пионер. 1940. № 9. С. 2–3.
21. Обращение товарища Сталина к народу // Пионер. 1945. № 5. Обл. 2.
22. Писатели — ваши друзья...: Десять лет в «Костре» // Костер. 1946. № 7. С. 10.
23. Пичугин С. «О коммунизме» // Пионер. 1939. № 5. С. 18.
24. Победа будет за нами // Пионер. 1941. № 10. С. 1–2.
25. Позорное предательство // Дружные ребята. 1939. № 1. С. 14.
26. Померанцева Л. Завет Ленина // Пионер. 1945. № 10. С. 2.
27. Путешествие по книгам // Пионер. 1945. № 6. С. 30.
28. Романов Н. За боевую пионерскую организацию // Пионер. 1941. № 9. С. 1–2.
29. Румянцева Л. Забытый собеседник // Русский мир.ru. 01.01.2015. URL: <https://rusmir.media/2015/01/01/koster> (дата обращения: 15.05.2025).
30. Симонов К. Родина // Пионер. 1942. № 6. Обл. 2.
31. Синявский. С мячом в Англию // Пионер. 1946. № 1, с. 27.
32. Сталин И. В. Все для нашей родной Красной Армии // Пионер. 1943. № 2–3. Обл. 2.
33. Стефановский П. М. Испытание // Пионер. 1940. № 12. С. 13–16.
34. Твардовский А. «Письмо к моим братьям» // Пионер. 1941. № 9.
35. Чесноков В. Смерть фашизму // Пионер. 1941. № 9. С. 33–38.
36. Чуковский К. Ленинградским детям // Мурзилка. 1945. № 5–6.
37. Шевченко В. Восстание Савмака // Пионер. 1940. № 2. С. 31–35.
38. Шестиклассники в 1995 году. Путешествие на машине времени // Пионер. 1945. № 1–2. С. 18–20.
39. Шкловский В. Предисловие к рассказу Б. Житкова «Храбрость» // Пионер. 1940. № 1. С. 50.
40. Шохин К. Улица Ленина, пять // Пионер. 1942. № 11. Оборот обл.
41. Шубин П. Накануне // Пионер. 1941. № 12.
42. Эренбург И. Рабы под номерами // Пионер. 1942. № 7–8. С. 33.
43. Эти дни запомнятся навсегда // Пионер. 1944. № 4. Обл. 2.

А. М. Мазурицкий

Библиотеки в годы Великой Отечественной войны. Страницы истории

Нацистские войска нанесли не поддающийся подсчету урон Советскому Союзу. До настоящего времени уточняются его людские утраты в Великой Отечественной войне; одна из последних цифр — 27 млн человек. Огромный ущерб был нанесен отечественному образованию, культуре и науке: было разгромлено 84 тыс. школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек общественного пользования и множество музеев, театров и других учреждений культуры [45, с. 83–84].

Как и вся страна, библиотеки страны испытали на себе все тяготы военных лет, но, несмотря на это, они сумели внести свой вклад в победу над гитлеровской Германией. В это время они как никогда стремились максимально приблизить книгу к населению. Библиотекари приходили с книгами в военкоматы, мобилизационные пункты, предприятия, полевые станы, колхозные фермы, вокзалы, госпитали. Во время налетов немецкой авиации на Москву на многих станциях метрополитена, которые использовались как бомбоубежища, работали библиотеки-передвижки.

В первые недели войны вопрос был поставлен совершенно однозначно — быть или не быть государству, продолжат ли существовать народы, населяющие его территорию. Предстояла большая работа по их мобилизации на отпор гитлеровской агрессии. Необходимо было морально подготовить людей к тому, что война потребует напряжения сил всех граждан.

Было бы наивным считать, что все население с первых военных дней поняло, какую смертельную опасность несет в себе нападение фашистской Германии. Не надо забывать о том, что военная доктрина СССР предвоенного времени заключалась в положениях «бить врага на его территории» и «победа в войне с агрессором будет достигнута малой кровью», и это прочно укоренялось в сознании советских людей. Первые сообщения о нападении воспринимали как эпизодические бои с пограничными частями: скоро подойдет регулярная Красная армия и враг будет выброшен с советской земли. Сообщения об отбытии на фронт героев Гражданской войны маршалов К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного воспринимались как предвестие скорого окончания военных действий, настолько

была велика вера народа в силу нашего оружия, в гений И. В. Сталина и полководцев Красной армии.

В первые дни войны в центральных газетах то тут, то там появлялись статьи о том, что рабочий Ганс или крестьянин Фридрих не пожелали воевать с государством победившего пролетариата и перебежали к бойцам Красной армии. Трагедия наших бойцов и командиров, попавших под удар отобилизованной и хорошо организованной немецкой армии, имевшей опыт боевых действий почти двухлетней войны, не сразу стала общей бедой. Но сводки Советского информационного бюро голосом Левитана ежедневно сообщали о том, что «наши войска после долгих и продолжительных боев оставили», и дальше следовало название населенного пункта. Значительная часть населения не могла понять, что же происходит, некоторые стали испытывать чувство подавленности и растерянности.

Необходимо было использовать все ресурсы массово-воспитательной работы для воздействия на мысли, чувства и стремления людей. Библиотеки приняли самое активное участие в разъяснении каждому гражданину страны, что надо делать, чтобы помочь защитить Отечество.

Уже через четыре дня после начала Великой Отечественной войны, 26 июня 1941 г., Народный комиссариат просвещения РСФСР и Центральный комитет профсоюза работников политико-просветительных учреждений приняли обращение «Ко всем работникам просвещения РСФСР». Оно призывало подчинить деятельность библиотек и других культурно-просветительных учреждений одной задаче — обороне Родины. В этом документе была высказана твердая уверенность в том, что работники политико-просветительного фронта покажут пример героизма и мужества в дни испытаний. Работников политико-просветительных учреждений призывали разъяснять цели и задачи войны, систематически знакомить население с постановлениями партии и правительства, сводками о положении на фронтах, развернуть сеть военных кружков, оказывать помощь в изучении правил противовоздушной обороны, содействовать мобилизации сил народа на перевыполнение производственных планов. Обращение явилось одним из первых документов, в которых были сформулированы задачи, стоявшие перед библиотеками и другими просветительными учреждениями. В нем были определены основные направления их деятельности в начальный период войны [43, с. 3–5].

Более детально задачи были сформулированы в приказе № 656 НКП РСФСР от 2 сентября 1941 г. «О работе политико-просветительных учреждений в военное время». Приказ обязывал каждую библиотеку повседневно проводить политические информации о ходе войны, пропагандировать героическое прошлое русского народа и Красной армии, популяризировать образцы трудового героизма, помогать местным

организациям в подготовке новых кадров массовых квалификаций [44, с. 1–4].

27 октября 1941 г. НКП РСФСР издал приказ № 210 «О работе массовых библиотек в военное время». Этот документ нацеливал библиотеки на активное использование многомиллионного книжного фонда для организации широкой агитационно-пропагандистской работы среди населения. Библиотекам предписывалось пропагандировать литературу о подвигах Красной армии на фронте, о героическом прошлом советского народа. Рекомендовалось шире использовать громкие читки, беседы, обзоры литературы, книжные выставки, популяризировать оборонную литературу с помощью рекомендательных списков. Особенность этого документа состоит в том, что он затронул все аспекты многоплановой деятельности библиотек: массово-политическую, методическую и справочно-библиографическую работу, вопросы комплектования, подбора и подготовки кадров и т. п. В нем были детализированы основные направления их деятельности в военное время [44, с. 5–8].

Таким образом, в начальный период Великой Отечественной войны перед библиотеками был выдвинут следующий круг задач:

- обеспечить всестороннюю повседневную информацию о ходе военных действий, ратных подвигах Красной армии на фронтах, трудовом героизме советского тыла;
- всеми средствами способствовать мобилизации советского народа на отпор агрессии Германии;
- активно содействовать распространению военно-оборонной литературы, осуществлять широкую помощь трудящимся в овладении военным делом;
- оказывать практическую помощь в успешном решении народно-хозяйственных задач, в вовлечении новых кадров в промышленность, в овладении производственными специальностями, повышении производительности труда;
- всемерно укреплять связь фронта с тылом, расширять всестороннюю помощь фронту.

Рассматривая информационную работу библиотек в военное время, следует упомянуть о том, что, находясь в гуще самой жизни и регулярно получая потоки свежей информации, библиотекари стремились доходчиво рассказывать населению о важнейших событиях военной жизни страны. Они выполняли колоссальный объем работы по пропаганде сообщений Совинформбюро, газетных материалов, радиосводок.

Сводки Совинформбюро являлись основным документом, в котором давались сообщения о положении на фронтах Отечественной войны, в гитлеровской Германии и оккупированных ею странах. Они содержали официальную правительственную оценку военной обстановки, освещали ход боевых действий подразделений и частей, рассказывали

о мужестве советских воинов, героических буднях тыла, самоотверженной борьбе нашего народа на временно оккупированной врагом территории.

Отдельные предприятия были переведены на казарменное положение, значительная часть населения не имела возможности своевременно ознакомиться с событиями, которые происходили на фронте и в тылу. Библиотекари записывали сводки Совинформбюро, приходили в красные уголки жилых домов, на фабрики и заводы, в места большого скопления людей и там знакомили людей с последними новостями.

В донесении информации до населения использовались различные формы работы. Например, республиканская библиотека Марийской АССР, по договоренности с редакцией городской газеты, получала сообщения Совинформбюро, затем материал размножался на пишущей машинке и вывешивался на стендах в агитпунктах города, в красных уголках жилых домов [59].

Особенно объемной была работа библиотек с газетными материалами — она служила главным средством разъяснения политической обстановки. Яркие очерки, статьи, рассказы, фельетоны, публиковавшиеся в газетах, оказывали колоссальное мобилизующее воздействие, указывали пути активного участия в обороне страны.

При этом распределение газет в военные годы было крайне затруднено из-за значительного сокращения их тиража. Так, в 1942 г. число газет, издававшихся в СССР, сократилось с 8806 до 4561, а тиражи — с 38 до 18 млн экземпляров [31, с. 569].

В военные годы круг читателей газет неизмеримо расширился. К газетной информации обращались люди разного возраста, специальностей, с разным уровнем образования. Многие библиотеки стали использовать в своей практике тематические стенды, подборки сообщений Совинформбюро. Библиотекари подбирали несколько сообщений из разных газет в единый блок и вывешивали их на стенды, расположенные внутри библиотеки или на ее здании. Например, были оформлены стенды по темам «Немецкая грабь-армия», «Документы и приказы немецкого командования и показания пленных», «Трофеи Красной Армии» и др.

Большую помощь агитаторам, пропагандистам и другим людям, занимавшимся просветительской деятельностью, которые часто обращались за помощью в библиотеки, оказывали тематические альбомы, составленные из газетных вырезок. Как правило, на одной странице альбома помещалась вырезка из газеты, на другой — комментарии или иллюстрации, посвященные тем или иным темам: землякам-героям, различным видам вооружения, партизанскому движению, противовоздушной обороне, индивидуальному огородничеству и т. д.

Благодаря простоте оформления и удобству пользования широкое распространение получили книжки-самоделки. Для них отбирались

статьи общественно-политической тематики, литературные произведения, напечатанные в нескольких номерах газеты. Пользоваться книжками-самоделками было гораздо удобнее, чем подшивками газет. Создавались они очень просто: библиотекари склеивали из бумаги небольшую тетрадь, газета разрезалась на столбцы, заголовок переносился на обложку, столбцы распределялись по страницам тетради, книжка оживлялась с помощью рисунков и заставок.

Многие библиотеки располагали специальными фондами книжек-самоделок и альбомов газетных вырезок, пользовавшихся большой популярностью среди читателей, особенно в начале войны, когда остро ощущалась нехватка книг, отражавших вопросы военного времени.

В довоенное время широкое использование газетного материала в массово-политической работе являлось наиболее типичным для сельских и районных библиотек. Они проводили громкие читки, беседы на полевых станах, колхозных фермах, машинно-тракторных станциях.

С начала войны эти формы работы стали широко использоваться библиотеками других типов. За республиканскими, областными, краевыми, городскими библиотеками закреплялись жилые кварталы, агитпункты, домоуправления, где библиотекари и читательский актив знакомили население с газетными материалами. Читки сопровождались агитационными беседами, разъяснением прочитанного. Значимые военно-политические события увязывались с вопросами личного участия граждан в защите государства. Военная действительность помогла выработать особый тип чтеца-беседчика — человека, умеющего быстро входить в контакт с людьми, просто и доходчиво объяснить происходящие события, ответить на волнующие вопросы, нацелить людей на вдохновенный труд во имя победы. Во многих аудиториях такие библиотекари-чтецы пользовались большой популярностью.

О возросшем интересе читателей к газетным материалам и расширении этого направления работы библиотеки говорит следующий факт. В Молотовской областной библиотеке в третьем квартале 1940 г. в зале периодики побывало 5838 человек, а в третьем квартале 1941 г. в этом же зале побывало уже 10 511 человек [9].

В информированности людей о различных проблемах военной жизни огромную роль играло радио. Радиоинформация отличалась большей, чем газета, оперативностью. Она приобрела еще большее значение для отдаленных районов, куда газеты доходили со значительным опозданием. Ежедневно 14 раз в день по Центральному радиовещанию передавались «последние известия» [40, с. 52].

В библиотеках устраивались дежурства у радиоточек, наиболее важные сообщения тут же переписывались и распространялись среди читателей. На периферии во многих районных центрах радиоточки были установлены в считанных местах. Так, например, в Кубено-Озерском

районном центре Вологодской области радиоточки имелись в райкоме партии, клубе и библиотеке. Поэтому работа районной библиотеки по приему радиопередач, их записи и распространению оказывала ощутимую помощь в информировании населения обо всех важнейших событиях [10].

Большое число слушателей собиралось в библиотеках Новосибирской области, где по четкому расписанию организовывались коллективные прослушивания радиопередач. Как правило, после прослушивания сообщений возникал обмен мнениями, который библиотекари умело направляли в нужное русло, тут же читателям давались консультации по интересующим их вопросам [60].

В борьбе с нашествием советские граждане показывали образцы невиданного героизма и мужества. Патриотизм, который проявлялся в военные годы, рождался из исторических традиций, сохранявшихся на протяжении столетий. Библиотеки активно участвовали в патриотическом воспитании, всеми силами пропагандируя исторический опыт борьбы за свою свободу и независимость. Известный педагог В. А. Сухомлинский писал: «Сила духа, как нравственная доблесть, начинается с веры в нравственные святыни нашего Отечества, народа» [49, с. 13].

В воспитании народа на героических традициях библиотеки использовали все средства психологического и эмоционального воздействия. Одним из главных направлений в этом плане стала пропаганда русской классической литературы, которая всегда была связана с народом, отражала лучшие черты национального характера, воспитывала патриотизм, популяризировала героизм его лучших представителей. В данной работе большое место занимали выставки, библиографические обзоры по темам: «М. Е. Салтыков-Щедрин и пруссачество», «Война и мир — эпопея народного патриотизма», «Мотивы войны в произведениях А. С. Пушкина». Отмечавшиеся юбилейные даты — 100-летие со дня гибели М. Ю. Лермонтова, 100-летие со дня смерти И. А. Крылова и др. — активизировали работу библиотек с этой литературой.

Сюжеты из произведений классической литературы увязывались с насущными задачами военного времени. Центральный методический кабинет политпросветработы в своих рекомендациях библиотекам по пропаганде произведений И. А. Крылова, в частности, писал: «Сейчас в дни Великой Отечественной войны вновь оживают бессмертные крыловские образы в политических событиях и лицах. Хвастливая синица, собиравшаяся зажечь море, и тщеславная лягушка, лопнувшая с натуги, не напоминают ли нам Гитлера в его стремлении сравниться с Наполеоном. Серый волк, загнанный в тупик опытным ловчим, не является ли прообразом немецкого фашизма, стоящего перед своей гибелью. Так в своих мудрых баснях живет и служит советскому народу в годину его тяжелых испытаний наш глубоко любимый И. А. Крылов» [33, с. 5].

Большое значение в мобилизации населения страны имела историческая литература. Война с фашизмом потребовала пересмотра многих идеологических установок довоенного времени. Необходимость обращения к историческому опыту отражения вражеских нашествий повысила интерес к исторической книге.

Историческая литература широко пропагандировалась с помощью библиотечных плакатов, альбомов, проведения читательских конференций, особое место занимали книжно-иллюстративные выставки. Они состояли из разделов «Борьба русского народа с иноземными захватчиками», «Наши великие предки», «Великие русские полководцы», «Война 1812 года». В 1942 г. библиотеки страны широко отметили важные исторические события, посвященные 700-летию Ледового побоища и 130-летию Бородинского сражения. Эти знаменательные даты оказали значительное влияние на активизацию пропаганды исторической литературы.

В пору кровопролитных боев лета 1942 г. библиотеки Москвы совместно с Гослитиздатом провели читательскую конференцию по историческому очерку С. П. Бородин о Дмитрие Донском и книге С. А. Заречной «На поле битвы». В конференции приняли участие авторы, редакторы Гослитиздата, библиотекари и читатели библиотек столицы. Выступления многих ее участников были посвящены тесной взаимосвязи исторического прошлого с показом ратных и трудовых подвигов советского народа в военные годы [6].

Интересной формой популяризации исторического прошлого и привлечения внимания к исторической литературе были выступления библиотечарей в кинозалах клубов и кинотеатров перед показом фильмов на исторические темы. Подобная практика получила широкое распространение в библиотеках Молотовской, Новосибирской, Челябинской областей.

В фойе клубов и кинотеатров в дни демонстраций исторических кинолент развешивались книжные выставки исторической литературы, проводились библиографические обзоры. В своей совокупности такая работа способствовала большому притоку в библиотеки новых читателей, интересующихся исторической книгой.

Мощным источником воспитательного воздействия служили произведения писателей, написанные непосредственно в условиях ожесточенных схваток с фашизмом. В них со всей полнотой раскрылся характер граждан СССР, проявившийся в военные годы. Десятки советских писателей находились в эти годы в рядах действующей армии. Они воспевали в своих произведениях героические подвиги людей, их несгибаемую волю, бесстрашие. Если в первые месяцы войны преобладали так называемые «малые формы» литературного творчества, то в дальнейшем советская литература обогатилась романами, поэмами, повестями В. Л. Василевской, А. А. Фадеева, И. Г. Эренбурга, М. А. Шолохова, К. М. Симонова,

А. Т. Твардовского, Н. С. Тихонова, Б. Н. Полевого, Вс. В. Вишневского и др. За годы войны советскими писателями было создано свыше 200 повестей и нескольких романов [37, с. 21].

С появлением новых произведений в периодической печати и отдельными изданиями библиотеки всеми средствами старались организовать их продвижение в читательские массы. Широкое знакомство с этой литературой давали регулярно проводившиеся в библиотеках устные библиографические обзоры. В живой форме они знакомили читателей с появившимися книгами. Библиотекари проводили обзоры у книжных выставок, использовали в этих целях местное радиовещание. Средством знакомства с новыми книгами являлись и тематические вечера, в которых часто выступали писатели и участники сражений, а также рабочие, колхозники, успевшие уже познакомиться с данными произведениями. К проведению таких мероприятий привлекались артисты — мастера художественного слова.

Сотрудники библиотек проводили громкие чтения на заводах, фабриках, в общежитиях с последующим обсуждением прочитанного. Они позволяли оперативно знакомить большой круг читателей с той или иной книгой.

Во многих библиотеках составлялись специальные планы пропаганды художественной литературы военного периода в целом и отдельных крупных произведений. Так, библиотеки Москвы разработали специальные мероприятия по пропаганде книги В. Л. Василевской «Радуга». На многих предприятиях и в красных уголках специально подготовленные из читательского актива группы чтецов проводили громкие читки и обсуждения книги. Итогом этой работы явились читательские конференции в библиотеках и на предприятиях столицы, привлечшие большое число читателей [57, с. 92].

Наряду с воспитанием глубоких патриотических чувств библиотеки воспитывали жгучую ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Они активно пропагандировали антифашистскую литературу от зарубежных авторов — в начальный период войны еще не было крупных произведений на эту тему от советских авторов. Поэтому на первое место выдвинулась пропаганда произведений писателей-антифашистов В. Бределя, Л. Фейхтвангера, Т. Манна, в которых наиболее ярко раскрывался звериный облик фашизма. Впоследствии на страницах газет и журналов стали появляться рассказы, повести, очерки советских авторов, в центре внимания которых было разоблачение вражеской идеологии, а также выдержки из писем и дневников немецких солдат.

30 октября 1941 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала статью «Безжалостно истреблять фашистское зверье», в которой была представлена записка из дневника гитлеровца. Он писал: «Я, Генрих Тивель, поставил себе целью истребить за эту войну 250 русских, евреев,

украинцев, всех без разбора. Если каждый солдат убьет столько же, мы истребим Россию в один месяц, все достанется нам, немцам. Я, следуя призыву фюрера, призываю к этой цели всех немцев» [39]. Все эти материалы также были взяты на вооружение библиотекарями. Проводимая ими пропаганда помогала разоблачению фашистской идеологии, зажигала в сердцах огонь ненависти к врагу. Результатом этого должно было стать участие каждого гражданина в защите Отечества.

В предвоенные годы библиотеки страны принимали активное участие в военно-оборонной работе. В военные годы ее значимость и масштабы неизмеримо возросли. Одной из важнейших задач военного времени являлись вопросы подготовки населения к обороне страны и формирования резервов для фронта. В свете этого важнейшее значение имели Постановление СНК СССР № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» от 2 июля 1941 г. и Постановление № 690сс. ГКО СССР «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 г. [46, с. 84–85]. Библиотекам предстояло провести большую работу с призывниками и допризывниками, с учебными пунктами Всеобуча и организациями Осоавиахима.

В связи с задачами подготовки резервов для Красной армии возросло значение издания и распространения оборонной литературы. Следует подчеркнуть, что только в 1942 г. в свет вышло 11 млн экземпляров учебно-методических пособий Осоавиахима. Особой популярностью пользовались брошюры Н. А. Озерова «Стрелок — научись основам стрельбы», К. И. Оглоблина «Боец и отделение в ночном бою», Н. А. Чеснокова «Как работают части ручного пулемета» [36, с. 193]. Интерес к чтению военно-оборонной литературы принял массовый характер. Если до войны ее основными читателями были мужчины, то в военные годы ее начали читать и женщины. Это объяснялось тем, что девушки стремились овладеть военно-оборонными специальностями, чтобы попасть на фронт. Библиотеки осознавали важность задачи военного обучения населения и сделали его органической частью своей повседневной работы. Никогда еще они не были так тесно связаны с массовыми оборонными организациями и военными учреждениями — Осоавиахимом, Союзом Красного Креста и Красного Полумесяца, военкоматами, пунктами Всеобуча, штабами МПВО. В начальный период войны выдача библиотечками военной литературы возрастала из месяца в месяц.

Библиотекари не просто удовлетворяли требования призывников на то или иное издание, они стремились научить их сознательно относиться к выбору литературы, показать, что книга может оказать неоценимую услугу в их подготовке к службе в рядах Красной армии. Многие библиотеки вели продуманную и систематическую работу в этом направлении.

Специально разработанные планы Краснодарской краевой, Кировской, Куйбышевской и других областных библиотек содержали различные формы обслуживания читателей, уходивших в Красную армию. Среди многочисленных мероприятий наиболее действенным, охватывающим большое число людей в военкоматах и на призывных пунктах, являлись библиотеки-передвижки и организация на их основе разносторонней массовой работы, включавшей в себя беседы, обзоры литературы, выставки. Кроме того, библиотеки организовывали в пунктах призыва и в красных уголках жилых домов, где сотрудники дежурили в дневное и вечернее время [57, с. 7].

Библиотекари были одними из первых, кто без отрыва от производства прошел специальную оборонную подготовку. Впоследствии они сами становились руководителями учебных групп по подготовке к противовоздушной и противохимической обороне. С их помощью при библиотеках организовывались оборонные кружки. В Куйбышевской области, например, работало 811 оборонных кружков, в которых было подготовлено 42 тыс. человек [11].

Оборонные кружки действовали практически во всех библиотеках страны. Изо дня в день в библиотеках Кировской, Омской, Челябинской областей, Коми АССР велась кропотливая работа по подготовке населения к противовоздушной обороне. Здесь были созданы выставки «Противовоздушная оборона страны», составлены рекомендательные списки «ПВО отдельных объектов», «Поведение населения во время воздушной тревоги», оформлены уголки Осоавиахима, в которых была сконцентрирована учебная литература по вопросам противовоздушной и противохимической обороны [57, с. 78].

Лучшие библиотекари неоднократно отмечались грамотами и значками Осоавиахима. Например, заведующая Уржумской районной библиотекой Кировской области за активную работу по пропаганде военно-оборонной литературы была награждена знаком Центрального Совета Осоавиахима «За отличную оборонную работу» [12].

Таким образом, организованная библиотеками пропаганда оборонной литературы и активная помощь сотрудников населению в овладении военными знаниями давали возможность десяткам тысяч людей освоить военные специальности.

В военные годы массовые библиотеки активно участвовали в решении важнейших народнохозяйственных задач. Среди читателей возросло число рабочих, техников, инженеров, руководителей производства. Они требовали постоянного внимания со стороны библиотекарей. Для расширения военного потенциала страны необходимо было привлечь в народное хозяйство новые производительные силы в условиях, когда массовый призыв в Красную армию значительно сократил численность рабочих и служащих. К тому же, оснащение армии и флота современной

боевой техникой потребовало призыва высококвалифицированных рабочих из различных отраслей народного хозяйства. Предстояло провести большую агитационно-пропагандистскую работу среди населения по вовлечению в производительный труд новых контингентов: женщин, пенсионеров, подростков. В решении данной проблемы активно участвовали и библиотеки.

Библиотеки вели целенаправленную работу по привлечению женщин в различные отрасли народного хозяйства, активно помогая им быстрее овладеть различными профессиями. Важно было, чтобы они глубоко осознали необходимость их непосредственного участия в промышленном и в сельскохозяйственном производстве.

Одной из действенных форм работы в этом направлении являлось проведение громких коллективных чток и индивидуальных бесед. Рассказывая о событиях на фронтах, о подвигах советских воинов, библиотекари умело связывали их с жизнью тыла. Они доходчиво и убедительно доводили до сознания женщин, что победа на фронте куется в тылу, что военному производству нужны тысячи рабочих рук. Библиотекари брали на учет неработающих читателей, выясняли состав их семей, узнавали, кто из родных и близких находится на фронте. Учет этих данных позволял дифференцированно вести работу среди женщин по привлечению их на производство.

В итоге широкая агитационно-пропагандистская работа, в которой активно участвовали библиотеки страны, способствовала приходу на фабрики и заводы значительного числа женщин. Во втором полугодии 1941 г. на производство пришло более 500 тыс. домохозяйек, заменивших мужчин, ушедших на фронт [51, с. 28].

Задача библиотек состояла не только в том, чтобы содействовать притоку в промышленность новых контингентов трудящихся — нужно было сделать так, чтобы книга стала для них действенным помощником в повышении квалификации, в изучении новых производственных процессов. Необходимо было организовать широкую пропаганду производственно-технических знаний.

Особенно большого внимания со стороны библиотек требовала рабочая молодежь — учащиеся школ фабрично-заводского обучения. Многие из них впервые оказались вне семьи, вне дома, начало их трудовой деятельности совпало с тяжелыми испытаниями для всего советского народа. Необходимо было не только помочь им овладеть специальностью, но и закалить идейно. Поэтому работа библиотек с данной категорией читателей шла не только по линии пропаганды производственно-технической книги — также усилилась идейно-воспитательная работа.

Московская библиотека им. А. С. Пушкина среди многочисленных групп читателей особо выделила учащихся ремесленных училищ.

Для них проводились выставки, обзоры литературы по освоению массовых профессий [13]. Эта работа имела особую ценность, так как большинство училищ не имели достаточного количества специальной литературы, что существенно тормозило овладение производственными процессами.

Для обеспечения победы над врагом громадное значение имело единство фронта и тыла. Единство народа и армии всегда являлось одним из важнейших источников победы над врагом. Библиотеки страны активно содействовали расширению материальной помощи и оказанию моральной поддержки советским воинам. В этих целях устанавливались контакты с воинскими частями, находившимися в составе действующей армии и в тылу. Эти контакты носили весьма разнообразный характер. Они включали в себя сбор книг и безвозмездную передачу их воинским частям, выделение передвижек, проведение совместных массовых мероприятий, организацию встреч с фронтовиками.

Книга на фронте имела неоценимое значение для просвещения и идейного и эмоционального воздействия на сознание воинов: она помогала получить необходимые военные знания, воодушевляла бойцов, вселяла уверенность в победе. В своих письмах фронтовики выражали горячую благодарность работникам библиотек за их заботу. Вот, например, одно из них, присланное из действующей армии в Ростовскую областную библиотеку: «От имени командования гвардейской части, искренне благодарим вас за чуткое отношение к нуждам фронта, выразившееся в посылке нам художественной литературы. Без книги нельзя жить на фронте. Хорошая художественная книга помогает нам в деле уничтожения кровавого фашизма» [14].

Одна из библиотек г. Горького установила связь с фронтовиками-горьковчанами и организовала регулярную отставку им газеты «Горьковская коммуна». Это вызвало самое горячее одобрение у фронтовиков: газета позволяла им быть в курсе всех важнейших местных событий, трудовых свершений земляков, связывала их с домом [15].

Новосибирская областная библиотека установила переписку с трижды Героем Советского Союза А. И. Покрышкиным, его письма передавали живое дыхание фронта, призывали людей к действию. Их зачитывали на различных массовых мероприятиях [57, с. 82].

Примечательно то, что многие библиотеки поддерживали связь со своими бывшими читателями, находившимися на фронте. Воины часто писали в библиотеки письма, рассказывали о фронтовой жизни. Бывший читатель одной из московских библиотек писал с фронта: «Я долго был читателем вашей библиотеки, она помогала мне обогатить свои знания, которые сейчас очень пригодились на фронте» [5].

Библиотеки посылали в действующую армию не только художественную литературу, но и книги по вопросам вооружения, обучения

военнослужащих, выполняли различные запросы фронтовиков. Войны часто просили своих земляков-библиотекарей Красноярска высылать им литературу по общественно-политической тематике, которая использовалась при проведении политзанятий.

Более 80 посылок с книгами отправили в передвижку, организованную в одной из частей 1-го Украинского фронта, библиотекари Молотовской области. Примечательно, что фронтовой передвижкой заведовала бывшая читательница Чусовской городской библиотеки [56].

Широко распространены были заочные консультации, ими охотно пользовались военнослужащие разных родов войск. Библиографический отдел Центральной городской библиотеки г. Москвы организовал заочную консультацию по военно-технической литературе для бойцов, находившихся в рядах действующей армии. Ее работники регулярно высылали на фронт передвижки специальной военной литературы по различным видам вооружения, по вопросам стратегии и тактики современной войны [7].

С большим эмоциональным накалом проходили организованные многими библиотеками встречи тружеников тыла с фронтовиками. Суровая правда войны, о которой рассказывали в своих выступлениях фронтовики, звала к укреплению связи фронта и тыла. Эти мероприятия проводили практически все библиотеки страны. Библиотеки оказывали разностороннюю помощь тыловым военным организациям, выполнявшим работы оборонного значения. Особенно сложные задачи стояли в этом плане перед библиографами. Запросы военных организаций охватывали самый широкий спектр вопросов. Так, ценный вклад в работу медиков внесла Архангельская областная библиотека. В госпиталях города остро не хватало перевязочных материалов, а количество раненых увеличивалось. Врачи знали, что в данной местности есть сфагновый мох, который может заменить вату, но не было известно, где именно он произрастает. Ответ на этот вопрос дали библиографы, отыскавшие нужную литературу [34, с. 9]. Одной из форм деятельности библиотек по укреплению связи фронта и тыла являлось оказание помощи семьям фронтовиков. Наркомпросом РСФСР в местные отделы народного образования было разослано письмо «Об улучшении обслуживания сетью политико-просветительных учреждений семей военнослужащих» [57, с. 78].

Значительное число библиотек организовало шефство над семьями защитников Родины. В некоторых из состава читательского актива были созданы группы, которые регулярно посещали дома, где проживали семьи военнослужащих. Эти активисты брали на учет членов семей и организовывали для них книгоношескую работу. Во многих библиотеках для них оформлялись выставки литературы и справочных материалов о формах помощи государства. Библиотекари помогали в поиске

документов, нужных для улучшения квартирных условий, устройства на работу, получения льгот и пособий, способствовали решению других жизненно важных для семей военнослужащих вопросов.

В тыловых районах страны возникли и различные патриотические движения по оказанию помощи фронту, в которых нашло свое яркое проявление единение людей перед лицом агрессии. Газета «Правда» писала в те дни: «Непрерывно возрастает народная помощь доблестным защитникам советской земли. Каждый рубль, внесенный на строительство танков и самолетов, увеличивает силу наших ударов по немецким оккупантам» [41]. Одним из первых возникло патриотическое движение за создание Фонда обороны. Инициаторами его были трудящиеся, которые в первые дни войны заявили о желании внести личные средства и имущество для усиления мощи Красной армии. В фонд сдавались деньги, облигации, ценные вещи, продукты, развертывался сбор личных средств на строительство самолетов, танков, различных видов вооружения. Всего на строительство вооружения для фронта граждане страны внесли 17,35 млн рублей наличными деньгами, 4,5 млрд рублей облигациями, различные драгоценности на 1776 млн рублей [50, с. 89]. Всеми имеющимися средствами библиотекари пропагандировали патриотические начинания населения по оказанию помощи фронту. Помогали людям понять государственную важность их личного участия в помощи фронту, тем самым воспитывая ответственность за судьбу страны у каждого человека.

Библиотекари Челябинска выступили с предложением собрать деньги для покупки подарков для бойцов Красной армии. Их призыв нашел живой отклик у читателей. За короткий срок удалось собрать сотни подарков [16]. Во многих библиотеках проводились вечера, на которых рассказывалось о боевых эпизодах. Затем библиотекари и читатели-активисты переводили разговор на необходимость усиления помощи фронту. Часто такие беседы завершались созданием группы из числа участников вечеров, которые становились организаторами сбора денежных средств, теплых вещей и подарков для фронтовиков.

В республиканской библиотеке Коми АССР была подготовлена группа чтецов из девяти человек, которые обслуживали производственные организации. Каждые чтения заканчивались призывами оказания помощи фронту. Тысячи рублей и облигаций были переданы в Фонд обороны после мероприятий, проводимых библиотекой [58].

В годы Великой Отечественной войны особая забота проявлялась к раненым бойцам и командирам Красной армии. Фронт и тыл были неразрывно связаны стремлением оказать своевременную помощь раненым, спасти их жизнь, помочь вернуться в строй. Газета «Правда» писала: «В Советском Союзе человек — самый драгоценный капитал. Нам дорога жизнь каждого бойца. Вся наша система ухода за раненым

строится на том, чтобы не только сохранить жизнь выбывшему из строя красноармейцу, но и вернуть ему силы, сделать вполне здоровым, работоспособным человеком» [42]. Передовая советская медицинская наука, все лучшие силы лечебных учреждений были направлены на решение одной задачи — в короткие сроки вылечить раненых воинов, вернуть их в строй. Благодаря героическим усилиям советских медиков в военные годы из общего количества раненых было возвращено в строй 72,3 %, а из числа больных — 90,6 % бойцов и командиров Красной армии [38, с. 311].

Одной из задач, выдвинутых перед библиотеками в военные годы, была организация библиотечного обслуживания раненых и больных воинов, находившихся в госпиталях. Для того чтобы обеспечить раненых воинов литературой, необходимо было в кратчайшие сроки организовать в госпиталях библиотеки, наладить систематическую доставку книг в санитарные учреждения Красной армии. Эта задача решалась путем создания стационарных библиотек при крупных госпиталях, организации при них филиалов библиотек системы Наркомпроса, бесперебойного снабжения их передвижками, развития книгоношества.

Население страны проявляло постоянную заботу о раненых. Наряду со сдачей для госпиталей продуктов питания, одежды, люди активно включились в сбор литературы для создания госпитальных библиотек. Одними из инициаторов движения за сбор литературы для госпиталей являлись работники библиотек. Они организовали прием книг от населения. Так, под девизом «Книгу бойцу» библиотекари г. Молотова проводили широкую агитационно-пропагандистскую кампанию среди населения, давшую значительные результаты [55].

Наряду с этим библиотеки организовали безвозмездную передачу книг из своих фондов санитарным учреждениям. Фронтовики писали в Красноярскую краевую библиотеку: «Выражаем вам и вашим работникам горячую благодарность за ваше чуткое отношение к раненым бойцам. Ваши книги, переданные нашему санитарному поезду, облегчают страдания раненых воинов, и они будут вам всегда благодарны» [17].

В результате передачи госпиталям собранной литературы во многих из них были организованы свои собственные библиотеки. Библиотекам госпиталей оказывалось разнообразное содействие. Оно выражалось в технической обработке книг, организации семинаров и консультаций, составлении указателей литературы типа «В помощь библиотекарю госпиталя». На инструктажах и семинарах проводились занятия по вопросам деятельности библиотек в условиях военного времени, работы с книгой и газетой в госпитале, организации комплектования, методики массовой работы и др.

18 июля 1941 г. Наркомпросом РСФСР по согласованию с Главным политическим управлением РККА и Культотделом ВЦСПС было дано

распоряжение библиотекам системы Наркомпроса по организации обслуживания госпиталей [18]. На первой стадии этой деятельности многими библиотеками применялось книгоношество. Наиболее распространенной стала организация передвижных библиотек в лечебных армейских учреждениях. Они позволяли быстро и оперативно обслуживать воинов необходимыми книгами, полнее удовлетворять их читательские интересы. Так, лишь одна Омская областная библиотека развернула более 20 передвижек с книжным фондом свыше 12 тыс. томов [35, с. 37].

В областных, краевых, республиканских центрах, в городах и районах — всюду, где находились госпитали, — действовали передвижки, созданные местными библиотеками.

Однако наиболее эффективным являлось создание в госпиталях филиалов библиотек. Они располагали постоянным фондом литературы, систематически пополнявшимся в зависимости от запросов раненых воинов. В них имелся определенный штат сотрудников, обладавших опытом работы с ранеными. Филиалы располагали возможностью проводить более вдумчивую и целенаправленную работу среди раненых воинов. Планы филиалов составлялись в соответствии с общим планом политико-массовой работы госпиталя и являлись его важной составной частью. В зависимости от своих возможностей библиотеки создавали филиалы в одном или нескольких госпиталях. Например, Свердловская областная библиотека создала четыре филиала в военно-санитарных учреждениях [19].

Таким образом, посредством организации книгоношеской работы, выделения передвижек, создания филиалов во всех госпиталях страны было организовано систематическое библиотечное обслуживание находившихся на излечении раненых и больных воинов.

Работа библиотек в годы Великой Отечественной войны представляет особую страницу истории библиотечного дела. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в те годы библиотеки сумели расширить диапазон своей деятельности.

Чтобы представить, насколько неблагоприятными были условия работы, о которой мы писали выше, необходимо рассмотреть ситуацию, сложившуюся на начальном этапе войны. Гитлеровские войска оккупировали территорию, на которой находилось 32 тыс. массовых библиотек, что составляло примерно 30 % их числа.

Непростое время настало и для библиотек тыловых районов. Значительно сократились ассигнования на социально-культурные нужды, что ухудшило состояние библиотечного дела. Сокращение издательской деятельности также отрицательно повлияло на процесс комплектования.

Военная обстановка вызвала серьезные проблемы с сохранением библиотечных фондов страны. С первых дней войны гитлеровское

командование проводило массированные воздушные бомбардировки мирных советских городов. Жертвами налетов стали крупнейшие книжные хранилища РСФСР, Украины, Белоруссии. Необходимо было принять энергичные меры, обеспечивающие сохранность библиотечных зданий, организовать перемещение книжных фондов в более безопасные помещения. Одним из наиболее сложных вопросов являлось проведение эвакуации изданий в восточные районы страны.

Государственный комитет обороны осуществил ряд конкретных мероприятий по обеспечению противовоздушной и противопожарной обороны объектов, имеющих народнохозяйственное значение. Повсеместно создавались дружины противовоздушной обороны, которые имелись во всех библиотеках прифронтовой полосы. Обращаясь к работникам политико-просветительных, учреждений, «Учительская газета» писала: «Великая, любимая Родина доверила нам, вручила в наши руки огромные культурные ценности, созданные героическим трудом народа за годы советской власти. Не допускать разрушения от огня ни одного культурного учреждения, ни одной ценности — дело нашей чести, наш священный долг перед Родиной». [52]. Все библиотеки в срочном порядке доукомплектовывались средствами тушения, окна закладывались мешками с песком, верхние перекрытия зданий обрабатывались специальными огнестойкими составами. Так как фашистская авиация широко применяла зажигательные бомбы, то во время налетов на крышах зданий постоянно несли дежурство группы по их обезвреживанию.

Оперативно принятые меры сыграли важную роль в сохранении библиотечных помещений. Во время первого налета на Москву 22 июля 1941 г. на здание библиотеки СССР им. В. И. Ленина упало 70 зажигательных бомб, из них 20 — на строительную площадку перед библиотекой, которая предусмотрительно была очищена от легковоспламеняющихся материалов. Умелыми действиями библиотекари предотвратили пожар [47, с. 120–129]. Не надо забывать о том, что в основном это были женщины.

Дежурия на крыше зданий, библиотекари рисковали своей жизнью. Сотрудница библиотеки им. В. И. Ленина Н. А. Сигал вспоминала о тех днях: «На библиотеку сыпались десятки зажигательных бомб. И наши девочки-пожарные с честью выполняли свой долг. Многие за тушение зажигалок были награждены медалями, и среди них О. И. Малкина. Это во многом благодаря нашей команде библиотека не пострадала. В июле 1941 г. во время налета вражеской авиации пострадали здания Книжной палаты, театра Вахтангова, Третьяковской галереи, МГУ, Большого театра. Во время бомбежки фугасная бомба попала в дом, что напротив библиотеки. Погибли люди, мы с Галей Голофеевской от взрывной волны слетели с наблюдательного поста, который находился на крыше старого здания библиотеки» [27, с. 79].

Отступление войск Красной армии в первые месяцы войны со всей неизбежностью потребовало эвакуации населения, предприятий, исторических и культурных ценностей из западных областей страны. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации. Задачей Совета явилась организация деятельности по эвакуации населения и материальных ценностей. Председателем Совета был назначен Н. М. Шверник, а заместителем — А. Н. Косыгин. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [20].

Для организации перемещения фондов библиотек из районов прифронтовой полосы в Совет был направлен заместитель народного комиссара просвещения РСФСР Н. Ф. Гаврилов. Он стал одним из руководителей отправки библиотечных фондов в восточные районы страны. Как впоследствии вспоминал Н. Ф. Гаврилов, это был сложный процесс, требовавший определения отбора литературы для первоочередной отправки, выбора маршрутов следования, изыскания транспортных средств, что являлось одной из самых сложных задач в условиях войны, установление мест нового базирования. Вот, например, один из проектов эвакуации библиотек [21].

Эвакуация библиотек

Наименование библиотеки	Место назначения
Библиотека им. В. И. Ленина	г. Горький
Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	г. Мелекес (Башкирская АССР)
Ростовская областная библиотека	г. Хвалынский (Саратовской обл.)
Краснодарская краевая библиотека	г. Чкалов
Сталинградская областная библиотека	г. Чкалов
Тульская областная библиотека	г. Казань
Тамбовская областная библиотека	г. Куйбышев
Ярославская областная библиотека	г. Омск
Научная библиотека МГУ	г. Саратов
Историческая библиотека	Кировская область
Политехническая библиотека	Удмуртия
Библиотека иностранной литературы	г. Саратов

Анализируя организацию эвакуации книжных фондов, нельзя не сказать о том, что в ряде населенных пунктов стремительное продвижение гитлеровских войск в начале войны не позволило провести своевременную эвакуацию библиотечных фондов. Так, например, намеченная эвакуация фондов Ростовской областной библиотеки не состоялась,

и весь фонд стал добычей оккупационных властей. Не удалось также эвакуировать Краснодарскую и Ставропольскую краевые библиотеки.

В самом начале войны в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., адресованной партийным и советским организациям прифронтовых областей, предписывалось: «не оставлять противнику ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего» [4, с. 602]. Данное указание нашло свой отклик. Люди при приближении захватчиков вывозили оборудование заводов, угоняли железнодорожные вагоны, рабочие зарывали в землю детали станков, колхозники угоняли скот в леса.

Библиотекари также старались сделать все возможное, чтобы спасти книги и укрыть их до прихода гитлеровских войск. Так, например, библиотекари Мещовской районной библиотеки Смоленской области Н. Н. Петухова и А. Н. Паншина выстлали досками дно погреба и сложили в него книги, перекладывая тщательно каждый новый ряд соломой. Сверху они засыпали его землей и заложили мусором. Но все книги в погребе не уместились. Тогда вырыли множество ям и в них закопали оставшиеся ящики. Отважным библиотекарям удалось спасти более 5 тыс. книг [3].

Заведующая Щигровской районной библиотекой Курской области К. Г. Иевлева спрятала в подвале основной книжный фонд в 10 тыс. томов. В здании библиотеки нацисты устроили казино, а при отступлении сожгли его, что привело к тому, что спрятанные в подвале книги истлели от высокой температуры. И все же библиотека не погибла, так как, проявив предусмотрительность, ее сотрудники рассредоточили в разных тайниках еще около 7 тыс. книг, которые были сохранены. Удалось спасти и 2 тыс. дореволюционных журналов [29]. Заведующая Зеленчукской районной библиотекой Ставропольского края сумела укрыть в различных тайниках наиболее ценные книги, которые пережили оккупацию. Сотрудники Пятигорского курортного управления спрятали в подвалах здания около 10 тыс. томов, которые также избежали вывоза и уничтожения [48]. С риском для жизни вынесла часть ценных книг из горящего здания Таманской городской библиотеки ее сотрудница О. И. Герасименко. Тайком от оккупационных властей она передавала книги узникам гражданского трудового лагеря. Впоследствии Герой Советского Союза журналист С. А. Борзенко писал о том, что среди трупов советских людей, умерщвленных нацистами, он нашел одну из этих книг со штампом таманской библиотеки с надписью: «За колючей изгородью мы вслух читали эту книгу, когда, на наше счастье, всходила луна. Лермонтов напоминал нам, что мы русские, и учил не покоряться в неволе» [2].

2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков

и их сообщников (ЧГК). Одним из направлений деятельности комиссии являлось уточнение ущерба, нанесенного нацистами нашей культуре. Комиссия продолжала свою работу до 9 июня 1951 г. [28, с. 6]. ЧГК установила, что нацисты уничтожили и разграбили 84 тыс. школ, техникумов, 334 вуза, 605 научных учреждений с библиотеками, 43 тыс. библиотек. В документах ЧГК потери массовых библиотек оцениваются более чем в 100 млн томов. В недавно появившихся публикациях указывается на то, что объем книжных потерь был гораздо больше, в частности, приводятся данные, что в библиотеках СССР погибло около 200 млн книг [54, с. 24]. Приведем только некоторые факты, характеризующие книжные потери отдельных регионов страны. Практически полностью был уничтожен библиотечный фонд Ставропольского края. Только по библиотекам системы Наркомпроса недосчитались около 2 млн книг. Погибла областная библиотека в Черкесске. В Кисловодске было уничтожено 14 библиотек с фондом 40 тыс. томов [22]. Значительный урон был нанесен одной из старейших библиотек страны — Воронежской областной библиотеке. Она была основана в 1864 г. и незадолго до войны отметила свой 75-летний юбилей. По состоянию на 1939 г. ее фонд насчитывал более 600 тыс. томов. Впоследствии удалось обнаружить лишь 5 тыс. книг из этой библиотеки, перемещенных в Курск нацистами [1, с. 46]. Жесточайшему разрушению подверглась библиотечная сеть Ростова-на-Дону. Нацисты разграбили ценные фонды областной библиотеки им. К. Маркса (300 тыс. томов). Она утратила фонд иностранной литературы в 60 тыс. томов, погибла вся дореволюционная периодика. Были уничтожены библиотеки городов Миллерово, Каменска, Батайска [23].

Курской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков был установлен факт уничтожения и разрушения 122 помещений библиотек, в которых было утрачено 3 123 584 экземпляров [8].

Процесс восстановления отечественной библиотечной системы начался еще в ходе самой войны и был весьма сложен. С первых дней освобождения западных областей в них начинала возрождаться культурная жизнь, люди особенно тянулись к книгам, газетам, журналам. В 1943 г. газета «Известия» писала: «С поразительной силой и рвением население освобожденных городов и деревень с первых же дней принимается восстанавливать не только жилье, хозяйство, но и культурные учреждения. Люди, изголодавшиеся по культуре, люди, познавшие ужасы непосредственного общения с гитлеровскими свиньями, сразу же говорят не только о хлебе, воде, картошке, но и о газете, книге, школе, песне» [30]. Работать приходилось в полуразрушенных зданиях, без отопления и света, испытывая нужду в самом необходимом; но особо остро не хватало книг. Библиотекари искали их в подвалах, на развалинах домов, находили в изорванном, истерзанном виде, приводили в порядок.

Первыми к восстановлению приступили библиотеки Московской и Тульской областей. 16 декабря 1941 г. был освобожден г. Калинин. Уже в феврале 1942 г. областная библиотека начала обслуживать читателей [24].

Процесс восстановления российских библиотек особенно активизировался в 1943 г. К этому времени были освобождены территории 15 областей и автономных республик, входивших в состав РСФСР.

Как свидетельствуют архивные данные, к июлю 1943 г. из 4198 библиотек системы Наркомпроса, находившихся в районах, подвергшихся гитлеровской оккупации, было восстановлено 1933 [25].

Библиотеки системы Наркомпроса

Регион	До оккупации, на 1 января 1941 г.	Восстановлено, на 1 июля 1943 г.
Краснодарский край	227	87
Ставропольский край	261	171
Воронежская область	315	25
Калининская область	425	258
Курская область	291	—
Ленинградская область	600	94
Московская область	559	572
Орловская область	322	81
Ростовская область	209	87
Смоленская область	257	191
Тульская область	285	214
Кабардино-Балкария	48	8
Калмыкия	29	10
Северная Осетия	34	27
Чечено-Ингушетия	44	51
Итого	4198	1933

После освобождения первых районов Московской, Калининской, Тульской и Калужской областей начался сбор книг для пострадавших в период оккупации библиотек. В начале 1942 г. был организован сбор литературы. Библиотеки Москвы, Челябинска и ряда других регионов осуществляли сбор книг для восстанавливаемых библиотек освобожденных районов. Библиотекари опубликовали в местных газетах призывы помочь в сборе книг для пострадавших библиотек, и эти призывы нашли большой отклик среди населения.

Активно включился в сбор литературы профсоюз работников политико-просветительных учреждений. Региональные отделения профсоюза организовали сбор литературы на местах. К концу 1942 г. удалось собрать более 11 тыс. томов. Сбор книг проходил в самых различных регионах, о чем свидетельствуют следующие архивные данные [26].

**Сбор литературы
региональными отделениями профсоюза
работников политико-просветительных учреждений**

Омская область	1400
Узбекистан	1787
Челябинская область	2111
Свердловская область	3000
Приморский край	3640
Новосибирская область	5615
Мордовская АССР	5700
Куйбышевская область	6317
Ивановская область	5800
Грузия	7000
Северная Осетия	9734
Горьковская область	11 000
Московская область	14 197
Киргизия	24 000
Итого	100 301

Несмотря на несомненную пользу такой помощи для открытия библиотек на освобожденной территории, она все же содержала в себе ряд существенных недостатков. Партии книг подбирались без определенного плана или системы, часто они носили характер случайного собрания, не было планомерного учета высылаемой литературы, не во все районы поступало необходимое число изданий, литература высылалась без учета особенностей данного района или области. Указанные причины, а также необходимость резкого увеличения объема работы по восстановлению библиотек на территории, освобождаемой Красной армией, поставили вопрос о создании организации, которая в общегосударственном масштабе возглавила бы процесс возрождения библиотечной сети.

В связи с этим в феврале 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании четырехмиллионного книжного фонда для восстановления разрушенных библиотек при Наркомпросе РСФСР [32, с. 432].

Этот книжный фонд получил название Государственного фонда литературы, или Госфонда. Для работы в Госфонд направлялись опытейшие специалисты библиотечного и книгоиздательского дела. Он состоял из Центрального управления, находившегося в Москве, и 35 филиалов, организованных на базе областных, краевых и республиканских библиотек. Центральное управление координировало деятельность всех филиалов. Оно располагало данными о состоянии библиотечной сети на освобожденной территории и давало соответствующие задания по сбору литературы. Для областных библиотек собирались комплекты объемом в 25 тыс. томов, для районных — 2,5 тыс., для городских — 5 тыс. [53].

В целом план создания Государственного фонда литературы в 4 млн томов оказался перевыполнен уже в ноябре 1943 г., и к лету 1944 г. фонд насчитывал более 6 млн, а к концу войны составил почти 10 млн книг. Госфонд внес существенный вклад в восстановление библиотечной системы России, Украины и Белоруссии. Надо отметить то, что Украина получила 888 библиотек, в том числе 25 областных, 96 городских, 521 районную, 246 сельских с общим числом 2,4 млн экземпляров. Белорусские библиотеки получили около 900 тыс. книг.

Все это позволило в определенной степени восстановить библиотечную жизнь в освобожденных районах. Важную роль сыграли как личная инициатива библиотекарей, сумевших организовать сбор книг среди населения, так и деятельность Госфонда.

Отмечая все эти достижения, нельзя забывать о том, что даже несмотря на все принятые меры по планированию и тщательному отбору, в качественном отношении фонды собранных для освобожденных районов книг уступали довоенным. Коллекции, утраченные библиотеками западных областей России, Украины и Белоруссии, собирались целыми поколениями, они составляли органическую часть культурных ценностей своих регионов, представляя собой исторический и духовный пласт отечественной культуры. Поступившие из Госфонда книги не могли заменить уникальные и редкие издания.

Поэтому несмотря на то, что библиотеки были восстановлены, это были уже другие библиотеки, с другими фондами, с другими историческими традициями. Последствия этого опустошения до сих пор сказываются на развитии культуры, науки и образования в нашей стране.

Подытоживая сказанное, во время Великой Отечественной войны библиотеки информировали население о событиях на фронте и в тылу, способствовали мобилизации народа на отпор агрессии фашистской Германии, помогали овладению военно-оборонными знаниями, принимали самое деятельное участие в решении различных народно-хозяйственных задач. Библиотеки внесли свой вклад в единение фронта и тыла, участвовали в создании Фонда обороны, регулярно отправляли

посылки с книгами в действующую армию, приходили с книгами и газетами в палаты госпиталей. Таким образом, они делали все возможное для того, чтобы внести свой вклад в победу. Они были со своей страной, со своим народом.

Список литературы

Публикации

1. Бадьин А. И. 75 лет Воронежской публичной библиотеке. Воронеж: Воронеж. обл. книгоизд-во, 1939. 51 с.
2. Борзенко С. А. Огни Новороссийска // Элита. 1975. С. 53.
3. Васильева З. Библиотекари-патриоты // Политпросветработа. 1942. № 21–22. С. 31–32.
4. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945: Краткая история. М.: Воениздат, 1967. 617 с.
5. Вечерняя Москва. 1942. 25 января.
6. Вечерняя Москва. 1942. 11 июня.
7. Вечерняя Москва. 1942. 11 сентября.
8. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 28. Л. 258–258 об.
9. Государственный архив Пермской области. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 150. Л. 17.
10. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 172. Л. 98.
11. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.
12. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 239. Л. 13.
13. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.
14. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 91. Л. 51.
15. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 284. Л. 114.
16. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 83. Л. 21.
17. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 332. Л. 36.
18. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2749. Л. 74.
19. ГА РФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.
20. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 6. Л. 51–52.
21. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 81. Л. 5, 6, 10, 20, 35.
22. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 16.
23. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 49.
24. ГА РФ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 721. Л. 24.
25. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 33.
26. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 283. Л. 10, 11, 72, 98.
27. Голос прошлого: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны. М.: ГБЛ, 1991. 135 с.
28. Епифанов А. Е. Организация и деятельность Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию: дис. ... к. ю. н. М., 1996. 448 с.
29. Известия. 1944. 16 января.
30. Известия. 1943. 11 декабря.
31. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 682 с.

32. История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1970. Т. 5. Кн. 1. 724 с.
33. К 100-летию со дня смерти великого русского баснописца И. А. Крылова. Красноярск: Краснояр. краевое изд-во, 1944. 27 с.
34. Клюев С. В. Библиотека и ее читатель. Архангельск: Арханг. кн. изд. 1953. 68 с.
35. Книжная сокровищница Омска. Омск: Омское кн. изд-во, 1958. 88 с.
36. Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М.: Наука, 1965. 440 с.
37. Комков Г. Д. Куманев В. А. К штыку приравняли перо. М.: Знание, 1965. 45 с.
38. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. 1917–1968. М.: Воениздат, 1969. 472 с.
39. Ленинградская правда, 1941. 30 октября.
40. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 343 с.
41. Правда. 1943. 5 января.
42. Правда. 1941. 29 августа.
43. Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени. М.: Гос. библиотеч.-библиограф. изд-во НКП РСФСР, 1941. Вып. 1. 22 с.
44. Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени. М.: Гос. библиотеч.-библиограф. изд-во НКП РСФСР, 1942. Вып. 2. 31 с.
45. Руденко Р. А. Судебные речи и выступления. М.: Юрид. лит., 1967. 366 с.
46. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1942. Т. 1. 271 с.
47. Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1976. 271 с.
48. Ставропольская правда. 1943. 12 февраля.
49. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. Киев: Рад. школа, 1975. 236 с.
50. Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1967. 144 с.
51. Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 24–44.
52. Учительская газета. 1941. 6 августа.
53. Учительская газета. 1943. 8 сентября.
54. Шерель А. А. Кочующие музы. М.: [б. и.], 1991. 211 с.

**Неопубликованные документы Российской государственной библиотеки
(отдела литературы по библиотековедению, библиографоведению
и книговедению)**

55. Афанасьева О. Т. Молотовская библиотека им. А. М. Горького. 1950. С. 130.
56. Библиотечное дело в Молотовской области. 1949. С. 98.
57. Методические материалы за 1943 г. 116 с.
58. Отчет о работе республиканской библиотеки Коми АССР за 1941 г. С. 98.
59. Отчет о работе республиканской библиотеки Марийской АССР за 1941 г. С. 17.
60. Отчет Новосибирской областной библиотеки за 1941 г. С. 22.

Ю. П. Мелентьева

Чтение в СССР во время Великой Отечественной войны

*Без чтения нет настоящего
образования*

А. И. Герцен

В отличие от книгоиздания и библиотечного дела, состояние которых в период Великой Отечественной войны изучено глубоко и подробно (что подтверждают две предыдущие главы), чтение в этот исторический период представляется изученным недостаточно.

Автору данной главы не удалось найти фундаментальный труд, полноценно раскрывающий эту проблему. Даже недавнее уникальное трехтомное издание международного характера «История чтения в современной России» («Читая Россию») [46–48] не содержит подобную информацию.

Как нам кажется, это объясняется, прежде всего, тем, что чтение вообще трудно поддается изучению в силу своей эфемерности, сложноуловимости (по сравнению, например, с книгой, библиотекой), трудностью для фиксации, интимным характером и индивидуальными особенностями [11]. В условиях войны эти преграды для изучения чтения только возрастали.

Стоит отметить, что все же существует ряд исследований, прежде всего регионального характера, посвященных (в большей или меньшей степени) данной проблеме [12–16, 22, 23, 35, 39, 42].

Наиболее же достоверный, яркий материал для исследования проблемы чтения в период Великой Отечественной войны представлен в так называемых эго-документах — письмах, дневниках, воспоминаниях, записках и т. п., разбросанных по личным, государственным, так называемым «народным» архивам, коллекциям и т. п. [18, 29].

Опираясь на этот обильный, но не вполне еще изученный материал, можно выделить следующие аспекты изучения чтения и сферы, где чтение в годы Великой Отечественной войны проявилось ярче всего.

На основании этих данных можно сделать выводы:

- о степени активности чтения в военное время;
- о формировании читательских интересов под влиянием военной обстановки: жанрах и темах, особенно востребованных читателями;
- что читали на фронте (на передовой, в партизанских отрядах и т. д.);
- что читали в тылу (на производстве, на досуге, в госпитале и т. д.);

- что читали дети;
- что читали жители оккупированных городов СССР, и прежде всего блокадного Ленинграда.

Имеющиеся данные говорят о том, что интерес к чтению не ослабевал на протяжении всего военного времени. Конечно, менялся читательский контингент библиотек — молодые мужчины ушли на фронт, но и там они не переставали читать. А в библиотеки пришли новые читатели: не читавшие прежде женщины, подростки, пожилые люди. Они жадно тянулись к чтению. Здесь можно вспомнить А. Н. Толстого, провозгласившего в 1942 г.: «И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа» [1].

Интересно, что в годы войны не прекращали свою работу библиофильские и писательские организации, пропагандирующие любовь к книге и чтению: так, 19–20 июня 1943 г. в Москве Клубом писателей был открыт «Книжный базар», предлагавший книги всем желающим.

Хотя война, особенно в первое время, нарушила ритм жизни, чтение оставалось важной ее частью. Отмечалось, что круг читательских интересов оставался широким, интерес к чтению не ослабевал.

Несмотря на то, что война массово изменила читательские запросы на практико-ориентированные (как сохранить урожай, как убереечь продукты от порчи, как отопить дом, как вылечиться без лекарств и т. п.), вместе с тем отмечался огромный интерес к мировоззренческой литературе, посвященной проблеме войны и человека на войне. Писательница М. С. Шагинян писала о читателях Библиотеки им. В. И. Ленина начала войны: «Читающих меньше, но они были, так же выдавались книги. Но эти книги и это чтение уже ничего общего со вчерашним днем не имели, потому что появился особый, специальный читатель — агитатор, пропагандист, журналист, работник информбюро, массовик. Книги военно-исторические, о фашизме, о Гитлере, о Германии, о стратегическом сырье, о колониях, о морских и железнодорожных путях, книги, о которых никто не подозревал, что они будут спрашиваться и зачитываться как роман» [44, с. 27].

Особый интерес вызывали книги по истории России, которые позволяли людям узнать героическое прошлое своей страны, увидеть ее развитие в исторической перспективе. В этот период библиотеки распространяли список книг «Что читать о героическом прошлом народов нашей Родины с иностранными захватчиками» (11 названий) [33, с. 137].

В чтение военной поры вошел и особый жанр — книги о земляках-героях, иногда лично знакомых читателю. Эти книги способствовали росту национального самосознания, патриотического чувства. Большим спросом пользовались также произведения Д. А. Фурманова «Чапаев», С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» и т. п.

«Новыми» глазами читалась художественная литература, особенно классика. «Война и мир», «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого читались как актуальные произведения. Роман «Война и мир» нужно выделить особо: его чтение в период Великой Отечественной войны приобрело поистине массовый характер, войну с Гитлером осознали как повторение войны с Наполеоном, черпали в нем надежду.

Большой эмоциональный заряд давали стихи и поэтов-классиков (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова), и современных (Д. Б. Кедрина, К. М. Симонова), и совсем молодых поэтов-фронтовиков (С. П. Гудзенко, П. Д. Коган, Н. К. Отрада) и др. Чтение художественной литературы, русской классики и поэзии в целом приобрело особое значение. Оно успокаивало и дарило веру в победу.

Как показывают исследования, в период Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности жизни страны, государством было издано 170 млн книг художественной литературы. В том числе издавались произведения М. А. Шолохова, И. Г. Эренбурга, Вс. В. Вишневского, К. М. Симонова, как художественные, так и публицистические [10], а также книги, посвященные русским героям прошлых лет — Кузьме Минину, Дмитрию Пожарскому, М. И. Кутузову, А. В. Суворову.

В период 1941–1943 гг. в круг чтения вошли книги «Битва за Москву», «Орловская битва», серии «Искусство воевать», «Великие люди русского народа» и т. п. Все они буквально «зачитывались до дыр».

Особое место в круге чтения заняла «Речь И. В. Сталина от 3 июля 1941 г.», изданная шестимиллионным тиражом.

Таким образом, можно констатировать, что, хотя Великая Отечественная война внесла неизбежные существенные изменения в читательскую активность и запросы, но круг интересов читателей того времени не только не сузился, но даже и расширился, чему способствовала, в числе прочего, организация передвижных библиотек в действующей армии и на призывных пунктах.

Чтение на фронте и в партизанских отрядах

Трудно представить, но потребность в чтении была так велика, что превосходила соображения безопасности [2, 3, 8, 20, 22, 33, 36, 37]. В дневниках, записках, письмах, воспоминаниях фронтовиков ярко отразились любовь к книге, чтению, понимание его значения в повседневной военной жизни [4, 30, 31, 34, 40, 45].

На основании глубокого анализа дневников, писем и других эго-документов исследователи делают вывод о том, что чтение играло огромную роль в жизни фронтовика, так как способствовало рефлексии и самоидентификации, снижало уровень стресса и помогало выжить.

Список названий книг, которые упоминаются фронтовиками, очень обширен. Как уже говорилось, в нем превалирует историческая, русская классическая литература, но также обильно представлена и зарубежная, например книги Э.-М. Ремарка, Т. Манна Э. Хемингуэя и других писателей-антифашистов.

Многие библиотеки передавали книги на фронт. Так, ленинградская Российская государственная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека), находясь в блокаде, отправила в войсковые части 18 тыс. книг. Из полученных книг организовывали передвижные библиотеки, которые «кочевали» из части в часть.

Часто фронтовики брали на фронт любимые книги из дома, обменивались ими с товарищами, читали их вместе вслух в окопах в моменты затишья. Зачастую они рассказывали истории о спасении благодаря тому, что пуля попадала в книгу, лежавшую в нагрудном кармане.

Можно утверждать, что наряду с индивидуальным чтением, так называемым чтением про себя, на фронте было широко распространено чтение групповое, вслух, когда одну книгу читали и слушали несколько человек. Это объяснялось не только нехваткой книг, но и желанием сочувствия, сопереживания, чувством товарищества. Возник и специфический вид фронтовой книги — «самоделка» — это любимая книга, переписанная и переплетенная самим солдатом и бережно им хранимая.

В научной литературе рассматривается чтение в особых условиях войны, например в партизанском отряде [28, 29, 36]. Партизанское движение в период Великой Отечественной войны было широко распространено — только в Белоруссии насчитывалось более 400 тыс. партизан и подпольщиков.

Партизанские отряды формировались в различных условиях, состав партизан по общеобразовательному, возрастному и другим показателям был разнородным. Общей была любовь к родной стране и ненависть к фашистам. И еще — острая потребность в печатном слове.

Как правило, книги передавались с «Большой Земли» вместе с оружием, боеприпасами, медикаментами. На основании различных источников можно сделать вывод о том, что количество полученной партизанами военной, политической, исторической, художественной литературы было весьма значительным: так, в 1943 г. партизаны Белоруссии получили более 664 тыс. книг и брошюр [3, с. 302]. Среди этих книг заметное место занимали произведения В. И. Ленина — «О задачах социалистического Отечества», «Военная переписка В. И. Ленина» и др., которые были изданы в этот период большим тиражом. Работы Ленина широко использовались в пропагандистской работе, изучались, их активно читали.

Попадали в партизанские отряды и книги, спасенные от фашистов библиотекарями, учителями, школьниками в оккупированных и освобожденных населенных пунктах.

Из имеющихся книг составляли небольшие библиотеки-передвижки, которые располагались в отдельных землянках, на крытых повозках, избах (если партизаны дислоцировались в освобожденном населенном пункте). Сам факт существования таких библиотек, чтение книг, спасенных от врага, появление читателей, пристрастившихся к чтению впервые в партизанском отряде, в условиях войны — говорит о том, что и на фронте, в партизанских отрядах понимали, что хорошая книга помогает в деле уничтожения врага.

Чтение в тылу (в быту, на производстве, в госпиталях)

Во время Великой Отечественной войны чтение не ушло из жизни, из быта и гражданского человека, наоборот многие стали читать еще интенсивнее. В большинстве неоккупированных городов страны продолжали работать библиотеки, которые вели большую пропагандистскую и просветительскую работу с населением. Зачастую эта работа велась не только непосредственно в читальных залах библиотеки, но и в школьных классах, непосредственно в трудовых коллективах, а в Москве, например, в метро, бомбоубежищах и т. п.

Широко использовались такие методы, как чтение вслух, беседы о прочитанном, викторины, читательские тематические вечера, работали книгоноши.

Особое место занимает организация привлечения к чтению в госпиталях страны.

В июле 1941 г., в самые первые, тяжелые дни войны Народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин (будущий первый Президент Академии педагогических наук) дал указание об обслуживании госпиталей библиотеками [9, 21]. В краткие сроки по всей стране были созданы филиалы библиотек в госпиталях. Таким образом, с первых месяцев войны удалось наладить чтение находящихся на излечении раненых и больных воинов. Важнейшим вопросом был подбор литературы. Изначально предполагалась сделать упор на литературу развлекательного характера. Но опыт показал, что в госпиталях велик спрос на книгу о сильной личности, способной преодолевать любые испытания. Так, большим спросом пользовались романы Н. Островского «Как закалялась сталь», Э. Войнич «Овод», рассказы Д. Лондона и др. В больничной обстановке эти книги, может быть, уже когда-то раньше, в мирной жизни, прочитанные, воспринимались совершенно по-новому, давали силы жить, преодолевать боль.

Для того чтобы правильно вести рекомендацию книги, чтения, надо было учитывать не только формальные данные бойца, но и знать характер его ранения, болезни. Разный подход и разное чтение требовали

те бойцы, которые после излечения в госпитале, возвращались в строй, и те, кто уже не мог вернуться на фронт. От библиотекаря требовались не только профессиональные знания, но доброта, чуткость, понимание. Часто путь к чтению лежал через беседу на личные, близкие темы.

В круг чтения раненых не включали книги, которые могли бы оказать тяжелое психологическое воздействие на читающего, как бы талантливы они ни были (например, Ф. Достоевский), подбирались, как правило, жизнеутверждающие книги.

Анкетные опросы, которые проводились время от времени, выявили, что многие раненые охотно читают детскую литературу. Видимо, детские книги напоминали им о семье, детях, доме.

Очень часто в госпиталях проводились громкие читки. Это определялось несколькими моментами: во-первых, тяжелораненые часто не могли читать сами; во-вторых, громкая читка позволяла познакомиться с книгой большему числу госпитализированных, она отличалась большей эмоциональностью и коллективным психологическим воздействием. Очень часто после читки шло обсуждение прочитанного. Часто библиотекарь, осуществляющий читку, применял прием прерывания чтения на самом интересном месте, чем «подогревал» интерес к чтению и вносил некую интригу в однообразное течение жизни в госпитале.

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны был накоплен большой опыт использования в госпиталях чтения как важнейшей интеллектуальной и эмоциональной потребности, как терапевтического средства, как средства реабилитации, адаптации, психологической разгрузки и поддержки¹ [24].

Детское чтение

Какую роль играли книги и чтение в жизни детей, показывает существующая обширная эго-литература — дневники и воспоминания тех, кто 10–13-летним пережил военное детство. Они утверждают, и с этим нельзя не согласиться, что во время войны детские книги спасти целое поколение.

Действительно, несмотря на все трудности войны, государство не забывало о детских книгах, видя в них великую традиционную ценность. Список детских книг, изданных в самые тяжелые годы войны — 1942–1944, — можно увидеть на сайте Российской государственной детской библиотеки [32]. В этом списке К. Н. Чуковский, С. Я. Маршак, С. В. Михалков, В. П. Катаев, А. Л. Барто и др.

¹ Стоит заметить, что и сегодня, в условиях СВО потребность в книгах также велика. Так, на портале мэра Москвы сообщается о том, что книжные магазины города передали книги госпиталю г. Севастополя.

В марте 1943 г. в Москве состоялся праздник — «Книжкины именины», который организовали детские писатели: Л. А. Кассиль, К. Н. Чуковский, С. В. Михалков, А. Л. Барто и др. — некоторые из них принимали участие в военных действиях. Приглашенные на праздник дети получили книги, а сама книгоиздательская отрасль — возросшее внимание, что стало заметным стимулом для восстановления и развития: только с 1943 по 1945 г. было издано более 1,5 тыс. наименований детской литературы. С тех пор этот праздник (под названием «Неделя детской книги») отмечают ежегодно.

С особым вниманием власти относились к детям-сиротам, к детям, находящимся в детских домах [5, 6, 17, 26]. Эти дети перенесли много горя, их психика была нарушена, они страдали от бессонницы, эмоционального истощения, болезней. Преподаватели и воспитатели детских домов делали все от них зависящее, чтобы наладить их жизнь: организовывались внешкольная работа, кружки по интересам — хоровой, рукодельный, драматический, а также чтецов-декламаторов. В детские дома выписывались газеты («Пионерская правда») и журналы («Пионер», «Мурзилка»).

Большую роль в каждодневной жизни детских домов играли книги и чтение. Читали художественную, научно-популярную, учебную литературу, которая имела в библиотеке детдома. Воспитатели уделяли большое внимание как учебному, так и внеклассному чтению. Часто проводили литературные игры, викторины по прочитанным книгам, что помогало детям тренировать память, расширять словарный запас, повышать культуру речи. Таким образом, прививая любовь к чтению, воспитатель помогал расширить кругозор ребенка, развить его творческие способности, инициативу, самостоятельность, что способствовало лучшей адаптации ребенка к реальной жизни.

Чтение в блокадном Ленинграде

Беспрецедентная история сопротивления фашизму и выживания в нечеловеческих условиях во время блокады Ленинграда подробно изучена. Стойкость жителей города вызывает глубочайшее уважение у всех, кто знает историю блокады. Природа этой стойкости определялась, помимо прочего, высокими интеллектуальными запросами, чтением, которое, несмотря ни на что, не ушло из жизни ленинградцев. По воспоминаниям тех, кто пережил блокаду, книги для людей в то время стали чем-то особенным, необходимым. По словам Н. К. Чуковского: «В осажденном Ленинграде удивительно много читали, читали классиков и поэтов, читали в землянках и домах, читали на батареях и вмерзших в лед кораблях, в бесчисленных промерзших квартирах при свете коптилки, читали, читали» [38, с. 190].

Это же подтверждает Н. С. Тихонов: «В городе в огромном спросе книга. Книжные магазины полны покупателей, все приезжие с передовых позиций устремляются за книгой» [41, с. 58].

За месяц до начала войны вышел однотомник В. В. Маяковского тиражом 300 тыс. экземпляров. Сборник не смогли вывезти, большая часть тиража осталась в городе, но к 1942 г. весь тираж разошелся.

В целом на протяжении блокады издательская деятельность не прекращалась: было издано около 2 тыс. книг и брошюр.

По воспоминаниям президента ассоциации историков блокады Ю. И. Колосова, «в Ленинграде жадно поглощали классику, отечественную и зарубежную. Издавались и читались произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Тургенева, Куприна, Лажечникова, Шекспира, Данте, Чуковского, Маршака, Ахматовой, Берггольц и др.» [7]. Целыми сериями выходила историческая литература, книги о Гражданской и Отечественной войне 1812 г. Из рук в руки передавались романы «1812 год» Д. В. Давыдова, «Ледовое побоище» В. В. Мавродина, «Петр Первый» А. Н. Толстого.

Не переставая работали библиотеки. Так, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1942 г. обслуживала 70 человек в день; по отчетным данным, за этот период было выдано 26 856 книг (в том числе детских — 564), и это несмотря на непрекращающиеся налеты и воздушные тревоги [13–15, 27]. Подвигу библиотекарей в годы блокады Ленинграда посвящена мемориальная доска на фасаде Музея книги в Санкт-Петербурге.

Активно работали также библиотеки военных организаций Ленинграда [19].

Таким образом, чтение в период войны было прочно вплетено в жизнь как взрослых (на фронте, в госпитале, в тылу, в условиях блокады), так и детей, юных советских патриотов. Та огромная работа, которую поддерживало советское государство многие годы, начиная с 1920-х, по искоренению безграмотности, по повышению культурного уровня населения, формированию нового читателя не прошла даром.

«Русское чтение» Петровской эпохи

Богатая духовная жизнь общества, проявленная во время войны, обусловила то, что чтение стало важным средством поддержания веры в победу над фашизмом.

Не только библиотечная статистика 1940-г гг. и информация в эго-документах советских граждан, но и суждения немцев, воевавших на Восточном фронте, отраженные в их мемуарах, подтверждают успехи, достигнутые советской властью при воспитании «нового читателя», и глубину русской культурной традиции в целом. Вот одно из таких

суждений: «Разница между немецким и русским народом заключается в том, что мы держим наших классиков в роскошных переплетах в книжных шкафах и их не читаем, в то время как русские печатают своих классиков на газетной бумаге и издают бесформенными изданиями, но зато несут их в народ и читают» [39].

Таким образом, в чтении в период Великой Отечественной войны в полной мере проявились черты и особенности так называемого «русского чтения» [25], заметно отличающие его от чтения в других странах.

Как известно, в жизнь русского человека чтение как деятельность, как специальное занятие, вошло гораздо позже, чем в жизнь европейца, а именно — только с христианизацией Руси.

Опираясь на работы российских исследователей и на тексты старорусских документов, можно утверждать, что русские люди на протяжении семи веков (с X в. по начало XVIII в.) читали в основном, за редким исключением, только Библию и литературу религиозного содержания. Светский характер чтение приобретает только в Петровскую эпоху благодаря проведению реформ: введению нового гражданского шрифта, формированию в России сети светских учебных заведений и т. п. В этот период активно начала печататься литература по технике, кораблестроению, астрономии и др.

Возникает понятие «читатель», становление которого как социально-культурного явления приходится на середину XVIII в. Состав русской читающей публики в этот период был весьма пестрым — это и аристократия (духовная и светская), и зарождающееся студенчество, и купечество, и мещанство.

Именно в эти годы в русском обществе возникает и новое отношение к чтению. Появляется понимание того, что чтение — не только душевспасительное, но и полезное занятие для человека и страны в целом. В этот период формируются новые модификации чтения: не только сакральное, но и ученое, деловое, развлекательное, самообразовательное, семейное и др.

Таким образом, в Петровскую эпоху складываются основные характеристики русского чтения:

- чрезвычайно высокий общественный статус чтения;
- тесная связь чтения и духовного развития личности, просвещения, образования, понимание влияния чтения на эти сферы;
- связь чтения и социальной жизни страны.

Ярчайшим качеством русского чтения является его так называемая социальная сила (или «социальная энергия») [43], под которой подразумевается сила влияния чтения на жизнь отдельного человека (онтогенез) и на нацию (человечество) в целом (филогенез), которая особенно ярко проявляется в период личностной или социальной напряженности.

Углубление в изучение этих особенностей русского чтения позволяет утверждать, что повышение интереса к чтению (художественной, публицистической, и даже научной литературы), проявление социальной силы чтения тесным образом сопряжено с социальной ситуацией в стране.

Можно выделить периоды в развитии страны, когда социальная сила русского чтения проявилась особенно ярко [42]. Чтение русского читателя в эти периоды характеризовалось особой степенью интенсивности, высоким интеллектуальным уровнем и реальным влиянием на развитие личности и социальную практику. Это в полной мере относится к важнейшему из них — с 1941 по 1945 г.

Таким образом, сформированные еще в Петровскую эпоху уникальные черты русского чтения зримо проявились в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны и, как показывают исследования, сохраняются (в модернизированном виде) и до наших дней.

Список литературы

1. Академик А. Н. Толстой. Из доклада на Юбилейной сессии АН СССР «Четверть века советской литературы». 15–18 ноября 1942 г. // Юбилейная сессия Академии Наук СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л.: АН СССР, 1943. 248 с.
2. Дементьев А. Г. Книга на фронте. Художественная литература в воинском воспитании. Л.: Воен. изд-во, 1946. 77 с.
3. Денисевич А. Ю. Орлиное племя. Записки комсомольского работника. Минск: Беларусь, 1972. 399 с.
4. Державин А. Н. О войне из войны: народная письменность, 1941–1945 гг. / авт.-сост. С. А. Мойсеева [и др.]. Магнитогорск: [б. и.], 2015. 335 с.
5. Детский городок в Нижнем Тагиле. М.: Учпедгиз, 1963. 139 с.
6. Детская книга войны. Дневники 1941–1945 / ред. совет: Н. Зятков [и др.]. М.: АИФ. Доброе сердце, 2015. 455 с.
7. Духовное подспорье. В годы блокады книги были спасением для ленинградцев // Аргументы и факты — Санкт-Петербург. 19.06.2019. URL: https://spb.aif.ru/city/duhovnoe_podspore_v_gody_blokady_knigi_byli_spaseniem_dlya_leningradcev (дата обращения: 15.05.2025).
8. Жуков Н. Стихи Твардовского на фронте // Пригорское / Н. Ф. Жуков. Смоленск, 1993. С. 55–56.
9. Извекова К. Т. Работа с книгой в госпиталях в годы Великой Отечественной войны советского народа (1941–1945 гг.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1956. 16 с.
10. История книги: учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. М.: Мир книги, 1998. 345 с.
11. История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: Фаир, 2008. 542 с.
12. Каменских А. И. Пермская Краевая библиотека им. А. М. Горького в годы Великой Отечественной войны // Ноябрьские историко-архивные

- чтения — 2019 г. Материалы Международ. науч.-практ. конф. «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (ПермГАСПИ. 7–8 ноября 2019 г.): сб. / под ред. С. В. Неганова. Пермь: ПермГАСПИ, 2020.
13. Книги непобежденного Ленинграда. 1941–1942: Каталог книг, изданных в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Н. Ф. Куприянов, 1999. Т. 1. 207 с.
14. Книги непобежденного Ленинграда. 1943 год: Каталог книг, изданных в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Н. Ф. Куприянов, 2000. Т. 2. 162 с.
15. Книги непобежденного Ленинграда. 1944 год: Каталог книг, изданных в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Н. Ф. Куприянов, 2003. 207 с.
16. Костюкова Е. И. Эволюция читательских интересов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Ульяновской, Пензенской и Саратовской области) // Известия Самарского научного Центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 444–448.
17. Кректун А. Н. Роль чтения в воспитательной работе в годы Великой Отечественной войны на примере Нижнетагильского детского дома № 1 // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: https://historyntagil.ru/ural/ural_068.htm (дата обращения: 15.05.2025).
18. Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: История и археология. Психология. Филология. 2016. № 4. С. 63–68.
19. Кузнецова И. В., Лаврук П. П. «Мы боролись за книги, а значит за жизнь». Военная библиотека штаба ЛенВО в период блокады // Военно-исторический журнал. 1917. № 4. С. 44–49.
20. Люттов С. Н. Книжный фронт Великой Отечественной войны. Новосибирск: ГПНТБ, 2021. 170 с.
21. Мазурицкий А. М. Работа с книгой в госпиталях в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XIII Российско-Белорусского научного семинара, Москва, 26 ноября 2020 г. / МААН, Научный совет по книгоизданию и книжной культуре и др. Минск: Центр. Науч. библ-ка им. Я. Коласа, НАН Беларуси. С. 91–100.
22. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 343 с.
23. Максимова С. В. Книжное дело в Якутии (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... к. и. н. Якутск, 1994. 20 с.
24. Малахова Е. В. Библиотерапевтическая роль книги и чтения в годы ВОВ // Инфоурок. 08.02.2023. URL: <https://infourok.ru/statya-na-konferenciyu-biblioterapevticheskaya-rol-knigi-i-chteniya-v-gody-vov-6486184.html> (дата обращения: 15.05.2025).
25. Мелентьева Ю. П. Русское чтение как часть национальной культуры // Школьная библиотека. 2023. № 1. С. 30–38.
26. Меркурьева В. С. Особенности организации учебно-воспитательной работы в детских домах Сталинградской области в 1943–1945 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 219–223.

27. Михеева Г. В. «Мы вместе назывались “Ленинград”...»: (Сотрудники Российской национальной библиотеки в годы блокады Ленинграда) // Библиотекосведение. 2014. № 3. С. 70–76.
28. Павлова С. А. Партизаны читают В. И. Ленина // Советский читатель (1920–1980-е гг.). СПб.: СПбГИК, 1992. Т. 132. С. 147–154.
29. Партизанские рукописные журналы Могилевской области: Каталог. Минск: БудМедияПроект, 2017. 364 с.
30. Полтева Т. И. Эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) из собрания Национального музея им. А. В. Анохина // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 285–288.
31. Постникова Е. Г., Моисеева С. А. Чтение на войне: рефлексия, терапия, самоидентификация (на материале дневников 1943–1945 гг. подводника Северного флота Г. И. Сенникова). Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2018.
32. Российская государственная детская библиотека. URL: <https://rgdb.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
33. Руднев В. Н. История книжной культуры: учебник. М.: КНОРУС, 2019. 224 с.
34. Рябухина В. И. «Мы их расценивали как боеприпасы...». Книги-бойцы. (Из фронтовых писем) // Библиотека. 2005. № 5. С. 14–17.
35. Савенко Е. Н. Книжное дело Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... к. и. н. Новосибирск: [б. и.], 1993. 22 с.
36. Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. М.: Гослитиздат, 1963. 799 с.
37. Сталева Т. В. Для окопного чтения // В мире книг. 1982. № 12. С. 70–72.
38. Строки, добытые в боях: Поэзия военного поколения / сост. и вступит. ст. Л. Лазарева; оформ. Е. Когана. М.: Дет. лит., 1972. 302 с.
39. Тажиудинова И. Г. «Книжный голод хуже хлебного»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны // Культурная жизнь юга России. 2010. № 2. С. 5–9.
40. Тажиудинова И. Г. Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) // Наука и школа. 2010. № 2. С. 142–145.
41. Тихонов Н. С. Ленинградский год: май 1942–1943. Л.: Воениздат, 1943. 116 с.
42. Целищева В. А. Книги, которые помогли победить // Библиотеки и библиотекари Прикамья в годы Великой Отечественной Войны: к 70-летию Победы. Пермь: Перм. гос. краев. универс. б-ка им. А. М. Горького, 2015. С. 32–37.
43. Чтение. Энциклопедический словарь / под науч. ред. Ю. П. Мелентьевой. М.: Наука, 2021. 438 с.
44. Шагинян М. С. Дневник москвича. М.: Профиздат, 1942. 31 с.
45. Эренбург И. Душа России // Красная звезда. 1943. 11 ноября. № 2.
46. A History of Reading in Modern Russia / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. Vol. 1. 303 p.
47. A History of Reading in Modern Russia / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. Vol. 2. 568 p.
48. A History of Reading in Modern Russia / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. Vol. 3. 433 p.

Е. М. Акишина, Э. В. Миндзаева

Военно-патриотическая подготовка школьников в годы Великой Отечественной войны

Введение

Педагогика в нашей стране одной из основных своих целей всегда обозначала формирование патриотического сознания молодежи. В настоящее время на первый план выходит переосмысление необходимости военно-патриотического воспитания молодого поколения на новом уровне, включающем формирование критического мышления и фундаментального исторического образования; концентрация внимания государства на физической подготовке молодежи; выделения военной подготовки в самостоятельную дисциплину, в том числе в общеобразовательных организациях.

Однако многолетнее доминирование небрежного отношения к воспитанию гражданского долга у молодых людей привело к тому, что большинство из них несколько десятилетий росло в полном незнании о воинских подвигах предыдущих поколений в деле отстаивания независимости Отчизны, защиты жизни и свободы ее граждан. Масштабная государственная кампания по очернению советского периода истории в 1990-х гг. сопровождалась отказом от большей части традиционных методов воспитания и обучения, в которые входила базовая военная подготовка, что стало причиной того, что желание молодых людей служить интересам Родины, естественным образом возникшее после начала 24 февраля 2022 г. по приказу Президента РФ В. В. Путина специальной военной операции, вошло в противоречие с их незнанием элементарных основ воинской службы, недостаточной физической подготовленностью к исполнению воинского долга [39, 45]. Специальная военная операция (СВО) — «это форма боевых действий, осуществляемых в соответствии с нормами международного права и законодательством Российской Федерации с использованием Вооруженных Сил и других силовых органов Российской Федерации на территории зарубежного государства с целью выполнения договорных обязательств перед дружественными зарубежными государствами в части обеспечения их суверенитета и безопасности, а также для устранения угроз и обеспечения безопасности Российской Федерации» [94, с. 16]. Задачи СВО, среди

которых могут быть пресечение агрессии, принуждение агрессивного государства к миру и нейтральному статусу, его демилитаризация и денацификация и др., требуют значительной физической и морально-нравственной подготовки от всех участников, в том числе от гражданского населения и волонтеров.

Особенностями современного этапа можно считать: переосмысление необходимости военно-патриотического воспитания молодежи на новом уровне, включающем формирование критического мышления и фундаментального исторического образования; концентрация внимания государства на физической подготовке молодежи; попытки выделения военной подготовки в самостоятельную дисциплину, в том числе в общеобразовательных организациях.

После начала специальной военной операции было принято решение о возвращении в систему школьного образования курса начальной военной подготовки (НВП). В «Инструктивном письме об организации изучения начальной военной подготовки в образовательных организациях в рамках освоения основных общеобразовательных программ» Министерство просвещения Российской Федерации определяет ее следующим образом: «Рабочая программа курса внеурочной деятельности “Начальная военная подготовка” предназначена для юношей (для девушек по выбору) и предусматривает изучение военного дела в объеме одиночной подготовки военнотружашаго мотострелковых войск, что позволяет в короткие сроки овладеть знаниями и навыками, необходимыми для скорейшей адаптации при призыве на военную службу и при поступлении в высшие учебные заведения Минобороны России, Росгвардии, МВД России, МЧС России, ФСБ России. <...> Содержательную основу данной программы составляют знания об обороне государства, составе и структуре Вооруженных Сил Российской Федерации. Программа позволяет овладеть начальными элементами тактической, инженерной и технической подготовки, приобрести практические навыки обращения с оружием, оказания первой помощи на поле боя, действий в условиях радиационного, химического и биологического заражения местности. Одновременно реализация данной программы позволит юношам получить физическую и психологическую закалку» [79].

Исторически сложилось так, что начальная военная подготовка предусматривает получение начальных знаний по основам военной службы и обороны в рамках освоения образовательной программы среднего общего образования или среднего профессионального образования, а также военно-патриотическое воспитание. На уровне общеобразовательных школ целесообразно возрождать не только отдельный учебный предмет, но и проверенную временем практику военно-спортивных секций, военно-спортивных игр, военно-технических кружков,

организации тематических походов и экскурсий под руководством и при непосредственном участии учителя начальной военной подготовки [34].

В юбилейный год Великой Победы над фашизмом особенно важно обратиться к историческому опыту практики организации военной подготовки и патриотического воспитания молодежи, которая зародилась еще во времена Российской империи. Осмысление и переосмысление накопленного за столетие опыта является ориентиром для педагогических путей совершенствования подготовки молодого поколения к защите Отечества в современном мире. Исторический опыт становления нашего Отечества показывает, что патриотическое воспитание молодого поколения является важнейшим средством формирования гражданского общества, укрепления единства и целостности многонациональной Российской Федерации.

История возникновения и развития системы начальной военной и допризывной подготовки молодежи является предметом исследования многих ученых. Опираясь на них, В. О. Зинченко и А. Д. Кривуля [34, с. 603] выделяют пять периодов формирования и развития этой системы в общеобразовательных организациях:

1) 1918–1941 гг. — становление:

- формирование содержания курса,
- разработка отдельных форм и методов обучения,
- разработка системных методик допризывной подготовки молодежи, в которых значительная роль отводилась возникавшим на разных этапах уникальным военно-прикладным видам спорта;

2) 1941–1991 гг. — основной период развития:

- усложнение образовательных программ,
- увеличение объемов учебной нагрузки,
- расширение и совершенствование материально-технической базы, форм, методов и методик обучения,
- тесное взаимодействие школы, воинских подразделений и общественных организаций в вопросах допризывной подготовки молодежи, в том числе подготовки по воинским специальностям, участию в военно-прикладных видах спорта, военно-спортивных играх, поисковой деятельности;

3) 1991–1999 гг. — деформация:

- отказ от обязательного учебного предмета «Начальная военная подготовка»,
- переход к изучению основ военной подготовки в рамках курса «Основы безопасности жизнедеятельности» с минимальным количеством учебных часов,
- почти полное исключение военно-патриотического воспитания и физической подготовки как части образовательной работы в школах;

4) 1999–2022 гг. — переход к восстановлению:

- несистемная начальная военная подготовка в общеобразовательных организациях, в основном старшекласников,
 - увеличение объемов физической подготовки,
 - частичное возрождение комплекса ГТО,
 - расширение содержания учебного курса «Основы безопасности жизнедеятельности» в части доработки отдельных модулей, связанных с начальной военной подготовкой,
 - усиление работы по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения;
- 5) с 2022 г. по настоящее время — возрождение:
- возврат с 2023/24 учебного года обязательной начальной военной подготовки старшекласников в двух формах — либо как отдельного учебного курса, либо как расширенного модуля учебного курса «Основы безопасности жизнедеятельности»
 - расширение форм и методов военно-патриотического воспитания и физической подготовки молодежи.

В данном обзоре мы проанализируем тенденции и основные результаты подготовки молодежи к военной службе в один из самых трагических периодов нашей истории — годы Великой Отечественной войны.

Краткий исторический очерк становления системы военно-патриотического воспитания и подготовки молодежи к военной службе в российской системе образования до 1941 года

Дореволюционный период

Подготовка будущих защитников у народов, в разные времена вошедших в многонациональную семью современной Российской Федерации, зарождалась как стихийные традиции многих поколений на протяжении веков.

В России формирование идеи патриотической военной подготовки молодежи своими истоками уходит в далекую древность и совпадает с возникновением Русского государства. Зарождение патриотизма связывается с формированием определенного характера личности, который проявлялся в преданности воинов своему князю и дружине. Для воина считалось позором оставлять поле сражения, а для князя — постыдным бросить свое войско. Неписанным правилом для русского воина было стоять насмерть за отца и брата, мать и жену, за родную землю. В военных походах и сражениях воспитывались взаимовыручка, товарищество, смелость, героизм, презрение к смерти — и все это во имя спасения Отечества [76].

По описанию В. Ю. Микрюкова, в Древней Руси идеи военно-патриотической подготовки нашли свое отражение в таких произведениях, как «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Притчи» и «Слова» Кирилла Туровского, «Моления» Даниила Заточника, «Чтения» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, «Русская Правда» киевского князя Ярослава Мудрого. В «Поучении Владимира Мономаха детям» (XII в.) автор призывает любить Родину, не щадить жизни при защите ее от врагов, наставляет своих соотечественников с большим уважением относиться к образованию, любить книгу, настойчиво овладевать знаниями, быть деятельными, трудолюбивыми и храбрыми. Постепенно эти качества стали основой патриотизма как важнейшего явления в социально-политическом и духовном развитии общества и фундаментальной составляющей российского менталитета [76, с. 37–38].

В истории Российского государства можно назвать основные ключевые события, связанные с историей самой страны, которые повлияли на становление и развитие института начальной военной подготовки молодежи и стали основой массового патриотизма молодых людей в годы Великой Отечественной войны.

Длительный период становления системного начального военного обучения, по мнению исследователей, был упорядочен только с созданием Петром I регулярной армии и флота [44]. Введение рекрутской системы позволило в короткий срок развернуть многочисленные вооруженные силы, состоявшие из национально однородного личного состава с высокими морально-боевыми качествами, в отличие от войск западноевропейских государств, имевших в армиях значительное количество наемников. «...Патриотизм приобретает характер государственной идеологии, считается выше всех ценностей и добродетелей... воспитание в армии основывается на положении: русский солдат служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского...». Все говорит о том, что Петр I стал основоположником закрепления понимания в ратном деле понимания того, что «решающим фактором армии, войны и победы являются люди, они ценнее и имущества, и боеприпасов» [77, с. 38–39].

Практически все исследователи данного периода говорят об обновлении в начале XVIII столетия государственной идеи: на смену религиозной ментальности пришли новые светские принципы, главный из которых — «служение Отечеству и своим ближним» [90]. Более двух столетий офицеры и нижние чины Российского государства несли воинскую службу, воевали и умирали с патриотическим девизом «За Веру, Царя и Отечество». Идея государственного патриотизма и служения Отечеству нашла отражение и осмысление в трудах великих русских полководцев и флотоводцев П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, М. И. Драгомирова, С. О. Макарова, М. Д. Скобелева и других [76, с. 37–38].

Разгром и изгнание наполеоновской армии, спасение Европы от французского нашествия, освобождение Балканских государств от османского ига и другие события XIX в. сформировали основы русской идеи, отражающей мессианскую роль России и патриотической идеи как ее ключевой составляющей. По мнению В. И. Лутовинова и др., наиболее яркими именами, характеризующими этот этап развития патриотической мысли, являются С. С. Уваров, Н. Я. Данилевский, С. С. Соловьев, Ф. И. Тютчев и другие [76]. Исследователи исторического опыта развития патриотического воспитания также справедливо отмечают особую роль, которую сыграла в данном процессе православная церковь: «На протяжении многих веков она была духовной наставницей и вдохновительницей русских воинов, благословляя их на битвы в защиту Отечества. Высокий православно-патриотический дух в армии поддерживали военные священники, которые стремились воспитать в русском воине духовно-нравственные силы, сделать его человеком, проникнутым истинно христианским настроением, исполняющим свои обязанности не из-за страха угроз и наказаний, а по совести и глубокому убеждению в святости своего долга» [76, с. 39].

Таким образом, в российском обществе и государстве сформировались осознание и предпосылки создания системы патриотического воспитания гражданского общества и, в частности, молодежи. Фундаментом этого воспитания стала национальная идея преданности и верности своему Отечеству, воспитания любви к Родине, готовности проявить свои лучшие качества в различных сферах общественной жизни, в том числе в военной службе. Для реализации возможности такого проявления в России начала складываться система патриотического просвещения, активно развивались различные формы и институты военно-патриотической подготовки. Изложенные во многих источниках факты позволяют сделать вывод о том, что система патриотического воспитания в России произошла от воспитания военного.

Исследователи истории и современного состояния военного дела в средней школе О. Н. Косенков и Г. В. Кретинин пишут о том, что в начале XVIII в. в России появились первые инженерные, артиллерийские, адмиралтейские, гарнизонные и т. п. школы, а затем сложилась полноценная система военно-учебных заведений. «Среди них были такие, в которых обучали молодых людей для поступления в военно-учебные заведения подготовки офицеров (выпускавшие своих воспитанников офицерами или с правами на офицерский чин). <...> Позже в результате различных реформ появились кадетские корпуса, которые затем разделились на военные гимназии и военные училища, а также были организованы общеобразовательные военные учебные заведения сокращенного курса, получившие название военных прогимназий» [44, с. 10–11].

«Одним из результатов реформирования военного образования стало расширение круга молодых людей, вовлеченных в изучение военного дела. <...> По социальному происхождению учащиеся в военных прогимназиях вначале не отличались от воспитанников военных гимназий: в основном это была дворянская молодежь. Но постепенно в прогимназиях стали обучаться лица недворянского происхождения» [44, с. 12].

Авторы связывают реформу военного образования в 1860-х гг. с реформой народного образования в России. «В этот период были созданы средние учебные заведения двух типов: классическая гимназия (с преобладанием преподавания гуманитарных предметов) и реальная (с естественно-математическим уклоном)». В русле этих реформ военный министр Д. А. Милютин предполагал со временем передать все подготовительные заведения в ведение Министерства народного просвещения, с тем чтобы военные учреждения комплектовались выпускниками обычных гимназий. Это был как бы прообраз современной средней школы, выпускники которой, овладев основами знаний, поступают в военные училища. Однако реформы были проведены не полностью [44, с. 12–14].

В. Ю. Храмов исследуя вопросы начальной военной и допризывной подготовки учащихся в 1920–1940-е гг. пишет о том, что исходя из политических тенденций начала XX в., было понятно: современные войны будут вестись массовыми армиями. «Перед Первой мировой войной вопрос об обучении учащихся российских школ военному делу уже обсуждался в обществе. Главными причинами введения военной подготовки в гражданских учебных заведениях были возникновение военной угрозы для страны и уменьшение сроков службы в Российской Императорской армии (переход от рекрутской системы комплектования русской армии к воинской повинности и формированию массовой армии)» [102, с. 11].

Проводя сравнительный анализ, автор говорит о том, что военные специалисты предупреждали об отставании России в вопросе массового военного обучения населения от других государств. Например, в Германии на тот момент военный строй и гимнастика давно уже были обязательными школьными предметами. «Немецкие педагоги полагали, что военное обучение в школе (помимо прямой цели — подготовки народа к вооруженной защите государства) прекрасно укрепляет физическое состояние населения и позитивно влияет на его нравственное воспитание» [102, с. 11].

Исследования ученых позволяют воссоздать направления развития начальной военной подготовки молодежи данного периода. А. Н. Теркун: «После проигранной Россией на Дальнем Востоке войны 1904–1905 гг. военное ведомство выступило инициатором массовой военно-начальной подготовки юношества. Предполагалась многоплановая организация военного образования (в военных и общеобразовательных учебных заведениях, в различных добровольческих организациях, в спортивных

кружках) в сочетании с элементами военного воспитания и военно-учебными целями» [96, с. 74–75]. В. М. Манукян: «Наиболее верным путем усиления вооруженных сил была признана допризывная подготовка молодежи, военное воспитание, обучение юношей элементарным понятиям строя, развитие верноподданнического патриотизма и физическая подготовка будущих солдат и матросов» [57, с. 117].

Возникла необходимость в государственной программе. А. Н. Теркун: «Комитет по образованию войск в марте 1907 г. признал необходимым ходатайствовать о введении в городских и сельских школах обязательного обучения мальчиков гимнастике и строю, которое планировалось возложить на учителей школ, при условии соответствующей дополнительной подготовки. Данная цель могла быть достигнута следующими шагами: подготовкой в учительских семинариях, установлением отбывания учителями народных школ воинской повинности в пехоте (хотя бы на правах вольноопределяющихся в течение одного года), допуском к занятию учительских должностей унтер-офицеров по приобретении ими требуемого образовательного ценза» [96, с. 120].

8 января 1908 г. Николай II высказал высочайшее пожелание о введении в народных школах обучения военному строю и гимнастике в целях физического развития молодежи и подготовки ее к военной службе [52, 53]. В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилась (Ф. 400. Оп. 3. Д. 4604. Л. 1) подлинная записка Николая II, текст которой заверен А. Ф. Редигером: «Его Императорскому Величеству благоугодно было 8-го января 1908 года в Царском селе вырезать из своей записной книжки часть листка, на котором Собственною Его Величества рукою написано: “Завести в деревнях обучение детей в школах строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату”. Как пишет В. А. Кутепов: «29 мая Министерство народного просвещения циркуляром оповестило все учебные округа о введении в школах обучения военному строю и гимнастике в целях физического развития молодежи и подготовки ее к военной службе. С этого времени подготовка к военной службе вводилась как обязательный предмет в начальных и средних учебных заведениях всех ведомств. На нее отводилось не менее 2 часов в неделю. Учителя выбирались из действующих военнослужащих или состоящих в запасе и в отставке» [52, 53].

В «Положении о преподавании гимнастики и военного строя в мужских учебных заведениях» (1908) было обозначено, что организация этой подготовки, включая создание соответствующей учебно-материальной базы, была возложена на дирекцию учебных заведений. Была разработана специальная «Программа обучения военному делу в начальных училищах», основной целью которой являлась «духовная и физическая подготовка молодого поколения к предстоящей ему службе в рядах армии: укрепление в молодежи любви к Царю и Родине; приверженность

к закону и порядку; возможно большее физическое развитие молодежи; ознакомление с военным строем и военной дисциплиной» [82].

Во всех начальных учебных заведениях строй и гимнастика должны были стать обязательными предметами, что стало причиной конкурса на учебные пособия и руководства по дисциплинам, объявленного военным ведомством. В результате появилось множество учебников и пособий: О. И. Пантюхов «Памятка юного разведчика» (Царское Село, 1911); Е. Ф. Макуев «Потешный гимнаст, строевик и разведчик. Руководство для учителей гимнастики и военного строя, во всех учебных заведениях с приложением инструкции ученического лагерного сбора» (Екатеринослав, 1911); Ф. Тарапыгин «Храбрым бессмертие. Военная хрестоматия» (СПб., 1911); П. Спицын «Священный завет Императора Николая II. Духовное развитие детей военного строя (для руководителей)» (СПб., 1911).

По отзывам современников, одним из лучших стало учебное пособие «Допризывная подготовка. Нравственное и физическое воспитание нашей молодежи и ознакомление ее с основами военного дела» [100]. Автор — П. К. фон Герих — офицер лейб-гвардии Егерского полка, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. Его пособие отличалось систематичностью и подробностью изложения при сжатом тексте. Оно было издано уже на стыке эпох в 1917 г.

Эпиграфом к пособию был стих:

Пусть воскреснет, пусть вернется
Дух родных богатырей,
Пусть скорее перелется
В сердце наших сыновей [100].

Во введении автор пишет: «Теперь нуждаются въ знаніи войны и самыя народы. Они должны сами умѣть ковать свое оружіе, сами укрѣпить свои руки, чтобы владѣть ими, и должны сами закалить свои души для перенесенія всѣхъ тѣхъ испытаній, которыя неминуемы въ борьбѣ за независимость, честь и національную свободу страны. Вотъ почему нужна допризывная подготовка, которую должны пройти всѣ ученики высшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ, семинарій и всѣхъ вообще среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ имѣются ученики старше 16-лѣтняго возраста. Эта мѣра служить какъ бы звеномъ, связывающимъ армію и народъ, и можетъ повести къ возвращенію утраченной въ послѣднее время любви къ арміи и военному дѣлу» [100, с. 9–10]. Начинается пособие с главы «Нравственное воспитание», в которой рассматриваются такие вопросы, как: рыцарский устав, честь, честность, преданность, дисциплина и повиновение, храбрость, настойчивость, хорошее расположение духа

и приветливость, долг перед Богом, трезвость, бережливость, гражданство [100].

В сентябре 1911 г. введено «Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе», основными целями которой являлись: «а) укрепление в подрастающем поколении веры в Бога, беззаветной любви к Царю и Отечеству, добрых нравственных правил и уважения к законности и порядку, б) ознакомление будущих воинов с доблестным духом русской армии и коренными началами воинской дисциплины, в) обучение военному строю и физическое развитие, г) привитие с юных лет духовных и физических качеств, необходимых рядовому бойцу во время военных действий» [81, с. 1]. «Для внешкольной подготовки к военной службе, для укрепления в ней воинского духа и привития ей воинской дисциплины могут быть образуемы дружины или отряды из молодежи... не старше 15 лет» [81, с. 2]. «...Могут быть устраиваемы смешанные дружины, состоящие как из школьной, так и внешкольной молодежи» [81, с. 7].

Историки отмечают постепенное наращивание усилий в деле организации военного воспитания подрастающего поколения. С. П. Поляков: «В ноябре 1913 г. главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения страны командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майор В. Н. Воейков доложил императору об открытии Обществом содействия физическому развитию учащейся молодежи Института физического развития для учащихся (в манеже Главной гимнастическо-фехтовальной школы). <...> В январе 1914 г. принято решение об образовании при главнонаблюдающем Временного совета, включавшего представителей 14 заинтересованных министерств и ведомств» [83].

В мае того же года были подготовлены «Основания и общая программа деятельности» — в последнюю входили мероприятия по повышению уровня физической подготовки населения: развитие сети общественных организаций с физическим воспитанием дошкольников; правильная постановка и обязательное введение в программу физических упражнений; разработка вопросов о постановке стрелкового дела среди населения и др. С началом Первой мировой войны при Главной гимнастическо-фехтовальной школе были организованы курсы допризывной подготовки молодежи к военной службе [83].

В. М. Манукян говорит о том, что одновременно с вышеуказанными мероприятиями предпринимались многочисленные попытки организовать «внешкольное молодежное движение, которое обеспечило бы военную подготовку и физическую тренировку подрастающего поколения перед началом военной службы. В городских и сельских школах возникло движение молодежных “потешных отрядов” (названных в честь “потешных полков” Петра I) и “классов военного строя” из детей в возрасте от 8 до 14 лет» [57]. Целями формирования «потешных рот» были

духовное и физическое развитие, подготовка детей как будущих граждан и воинов.

Согласно высочайшему повелению Николая II от 1910 г., помощь в организации военной подготовки должны были оказывать войсковые части, в районах расположения которых возникали такие отряды и классы [57]. Не в последнюю очередь оно было мотивировано смотром воспитанников А. А. Луцкевича, инспектора народных училищ, действительного статского советника. Весной 1908 г. он на свои средства организовал в Бахмутском народном училище роту из детей в возрасте от 8 до 14 лет, обучавшихся военному строю и гимнастике. «По мысли Луцкевича, “никакие политические союзы и организации взрослых, как бы они ни были благонамеренны”, не могли принести государству столько пользы в смысле укрепления национального самосознания и патриотизма, сколько “эта нарождающаяся из народных школьников новая русская грамотная армия, дисциплинируемая и воспитываемая в том же духе и направлении”, что и доблестный русский солдат» [95, с. 934–935].

В конце мая 1910 г. рота участвовала в парадах в Царском Селе, Санкт-Петербурге и Москве. Дети продемонстрировали перед императором и министрами ротное учение, «сокольскую» гимнастику под музыку, хор, прохождение маршем. После парада Николай II обошел строй, поговорил с детьми и сфотографировался с ними. Роте присвоили название «Первый народный класс военного строя и гимнастики Государя Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича» [95].

Как отмечает С. П. Поляков, в числе внешкольных движений активно проявило себя и скаутское движение (с *англ.* scout — разведчик), пришедшее в Россию из Англии. «Первый отряд русских юношей-скаутов создал в г. Павловске 30 апреля 1909 г. штабс-капитан О. И. Пантюхов. Через некоторое время отряд переформировали в Царскосельскую дружину разведчиков. В 1910 г. появился отряд в Санкт-Петербурге, основанный преподавателем 1-й Петроградской мужской гимназии В. Г. Янчевецким. В редактируемом им журнале «Ученик» скаутам впервые было отведено постоянное место скаутам. В сентябре 1914 г. создано общество содействия юным разведчикам «Русский скаут», по инициативе которого к концу 1915 г. подобные отряды возникли в 23 городах, а еще через год — в 143 общей численностью около 50 тыс. человек.

В декабре 1915 г. в Петрограде состоялся первый всероссийский съезд инструкторов скаутизма и лиц, им интересующихся. Он способствовал дальнейшему развитию российского скаутского движения» [83].

О его особенностях и задачах писали следующее: «У нас в России организация юных разведчиков не есть организация военная, как можно было бы заключить по ее названию, а организация рыцарская. Привить юношам рыцарское отношение к окружающим, любовь и преданность к Родине, заботливое и благожелательное отношение ко всем людям — вот

задачи, которые объединяют мальчиков и юношей в скаутских отрядах» [91, с. 48]. Были сформулированы нравственные правила юных разведчиков — скаутов, в которых фигурируют следующие категории: Родина, честь, обещание, дисциплина, воля, скромность, ясность души [91, с. 49].

Таким образом, на основании вышеописанных источников можно сделать вывод о том, что в дореволюционный период в России происходило формирование системы подготовки молодежи к военной службе с одновременным гражданским патриотическим воспитанием. Исследователи неоднократно отмечают одну из ведущих ролей школы в этой деятельности, вместе с которой широко использовалась и внешкольная подготовка. Практически всегда привлекались армия и вновь создаваемые общественные организации, целью которых было содействие подготовки всего населения к защите Отечества.

В октябре 1917 г. началось создание нового государства и новой армии, которая строилась на классовом принципе. Это не могло не повлиять на развитие форм и методов работы с подрастающим поколением.

Послереволюционный период (до 1941 года)

С первых же дней молодое Советское государство придавало большое значение распространению военных знаний среди народных масс. Этому способствовал сложный период борьбы за воплощение революционных идей. 28 января 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов».

Начавшаяся Гражданская война требовала стремительной организации функционирования многомиллионной армии. Для подготовки будущих бойцов Красной армии 22 апреля 1918 г. в Советской России был принят декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» с целью создания системы военной подготовки боевых резервов Красной армии. Согласно вышеназванному декрету также было учреждено Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии (далее — Всевобуч). В. Г. Стуканов с соавторами подробно описывает в исследовании [16] этот сложный период.

В состав Всевобуча входил отдел физкультурного развития и спорта, ведавший, кроме прочего, физическими тренировками на пунктах допризывной подготовки и среди гражданского населения. Военное обучение, включавшее занятия гимнастикой и различными видами спорта, проходили граждане в возрасте от 16 до 40 лет [16]. Обязательному обучению подлежали учащиеся в возрасте 8–16 лет (школьный уровень, низшая ступень) и 16–18 лет (подготовительный уровень). По соглашению с Народным комиссариатом просвещения были открыты учебные пункты Всевобуча при школах в Петрограде и в Москве.

Строился этот процесс по 96-часовой программе, в которую входили:

- стрелковое дело (устройство винтовки образца 1891 г. и уход за ней);
- ведение стрельбы из винтовки из всех положений;
- строевая подготовка (построения, команды, порядок огневого боя);
- полевая служба (охранение, разведка);
- окопное дело (рытье ячеек и окопов, использование гранат);
- Устав гарнизонной службы.

Впоследствии программа была дополнена занятиями по санитарной подготовке (оказание первой помощи) [102].

«В 1919 г. на основе программы по военному делу было разработано содержание занятий физкультурой с детьми и юношеством. Создание трехступенчатой системы школьного образования в 1922 г. позволило осуществлять обязательное физическое воспитание и расширило возможности для военной подготовки, неотъемлемой частью которой являлось военно-патриотическое воспитание. Всеобщее просуществовало до 1923 г. и был возрожден 17 сентября 1941 г.» [16].

«Ответственность за обучение на школьном уровне возлагалась на Народный комиссариат просвещения при участии Народного комиссариата по военным делам, за обучение на подготовительном и призывном уровнях — на Народный комиссариат по военным делам. Подростки и молодежь осваивали военную науку, чтобы подготовиться к защите социалистического Отечества» [16].

Авторы справедливо отмечают, что одним из условий воспитания человека нового типа советское правительство считало создание молодежных общественных организаций. В октябре 1918 г. был образован Российский коммунистический союз молодежи, который стал ведущей организацией, занимавшейся военно-патриотическим воспитанием молодых людей и их подготовкой к защите государства. В 1922 г. на 2-й Всероссийской конференции комсомола было принято решение о создании пионерских отрядов.

Этот период характеризуется развитием в рамках военно-патриотического воспитания добровольных оборонных организаций — Военно-научного общества (1920), Общества друзей воздушного флота (1923), добровольного общества друзей химической обороны и промышленности — ДОБРОХИМа (1924), общества АВИАХИМ (1925). В 1927 г. в результате объединения АВИАХИМа и Общества содействия обороне СССР появилось Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР — Осоавиахим СССР [16].

Как указывают многочисленные исследователи, деятельность оборонных обществ была ориентирована на вооружение советских граждан знаниями и навыками в сфере военного обучения и обороны. В школах, учреждениях и организациях проводились лекции, создавались клубы юных авиамоделистов, кружки противохимической обороны, пункты противохимической защиты (тренировки и обучение населения

правилам поведения при газовой атаке). В рамках Осоавиахима развернулась сеть подготовительных центров, а также учебных и научно-проектных организаций. Повсеместно создавались опорные пункты, тир, стрельбища, дома обороны, кружки, где старшеклассники знакомились с основами военного дела, овладевали различными видами стрелкового оружия, учились управлять автомобилями и тракторами [9; 74].

В местностях, где было развито коневодство, из допризывников создавались отряды «Ворошиловский всадник», в которых молодежь обучали владению холодным оружием и основам кавалерийского боя [9; 16; 74].

А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев, В. И. Лутовинов, В. Г. Стуканов и др. акцентируют внимание на том, что в 1930-х гг. из-за сложной международной обстановки советское государство было вынуждено проводить форсированную индустриализацию, создавая военно-промышленный комплекс, и активно заниматься военно-патриотическим воспитанием молодежи, чтобы иметь возможность в любой момент отразить агрессию врага. В 1931 г. Наркомпрос РСФСР разработал и начал внедрять в учебный процесс программу военно-патриотического воспитания, нацеленную на политическое просвещение учащихся, их физическое воспитание и всестороннюю военную подготовку [16; 19].

О. Н. Косенков пишет о том, что, история создания единых программ начального военного обучения в России ведет свое начало с 1931 г., когда состоялось I Всесоюзное совещание по военной работе в школе [43]. На нем была принята Программа военной работы с детьми, в которой дифференцировались возрастные особенности детей. «Со школьниками 8–10 лет предусматривалось выполнение физических упражнений, разучивание революционных и боевых песен, проведение встреч и бесед с бойцами и командирами Красной армии. Для учащихся 11–14 лет во внеурочное время организовывались метание гранаты в цель, стрельба из лука и малокалиберной винтовки, изучение средств связи, освоение приемов ведения разведки и санитарного дела. Оборонно-массовая работа с учащимися 14–17 лет переносилась в ячейки и кружки Осоавиахима» [41, с. 64].

Постепенно все более актуальным становился вопрос о включении НВП в школьные программы обучения. Вскоре была разработана программа по военной подготовке учащихся средних школ, техникумов, рабфаков, вузов и втузов, не охваченных высшей военной подготовкой. Она была опубликована, и с 1935 г. школы приступили к ее реализации. В 9-х и 10-х классах предусматривалось проведение занятий по начальной военной подготовке из расчета один час в неделю [72, с. 284].

А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев, В. И. Лутовинов отмечают, что одним из методов общественно-политического воспитания населения были так называемые ударные обязательства. «Школьники, к примеру, брали на себя обязательство повысить успеваемость, физическое мастерство,

уровень военных навыков. В 1930-х гг. зародилась такая важная форма военно-патриотического воспитания, как походы по местам революционной, боевой и трудовой славы. Приобрели популярность военные игры, которые развивали выносливость, наблюдательность, находчивость, умение ориентироваться на местности: “Штурмовой городок”, “В разведке”, “Боевой приказ”, “Ночью за языком”, “В обороне”, игры-маневры. Школьники изучали топографию, сигнализацию, учились оказывать первую помощь раненым» [19].

О. Е. Иляшенко, К. В. Иванов пишут о новаторском шаге в массовом патриотическом движении пионеров и школьников в предвоенный период — неформальном тимуровском движении, которое началось после публикации в сентябре 1940 г. в журнале «Пионер» повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Подражая главным героям произведения, учащиеся школ страны повсеместно стали создавать тимуровские команды и отряды в детских домах, школах, при дворцах пионеров и внешкольных учреждениях. Основная цель этих организаций состояла в оказании помощи семьям бойцов и командиров Красной армии, ветеранам и престарелым, колхозам, детским садам. Особенностью тимуровского движения было использование элементов военизированной игры, что придавало неформальный, творческий характер этой общественно полезной работе подростков, способствовало их военно-патриотическому воспитанию, развитию инициативы и самостоятельности. По популярности тимуровские отряды опередили пионерские дружины. В итоге руководство ВЛКСМ приняло решение об объединении пионеров и тимуровцев [7, с. 19–23].

Одну из ключевых ролей в создании новых форм и методов военно-патриотического и физического воспитания молодежи сыграл комсомол. Он выступил инициатором создания Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» (далее — ГТО). Инициатива получила поддержку, и по поручению Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР был разработан проект комплекса ГТО (утвержден 11 марта 1931 г.), ставший нормативной основой системы военно-патриотического и физического воспитания в масштабах страны. Целью комплекса было дальнейшее повышение уровня физической подготовки и боеготовности советского народа, в первую очередь — молодого поколения [16].

Требования к организации обучения учащихся до 16 лет начальной военной подготовке были предметом обсуждения в педагогической печати: «Надо вооружить ребят умением чертить планы своей местности, быстро ориентироваться на местности, как можно лучше изучать свой край. Надо научить оказанию первой помощи раненым и отравленным, научить элементарным санитарным правилам... Надо продумать, что давать детям читать о войне» [47, с. 3–6].

На этом фоне процесс обучения молодежи военному делу развивался посредством разработки и внедрения новых педагогических форм и методов. Системно такие формы и методы, например, можно увидеть в учебном пособии Е. Черняка под редакцией Б. Кальпуса, в котором раскрывалась методика проведения военизированных упражнений и игр. «Метод игры и соревнования, — говорилось в нем, — единственный дающий возможность преподавать в интересной форме даже малоувлекательные для молодежи знания». <...> Пособие было подготовлено для руководителей занятий с ребятами 14—16 лет и включало в себя три раздела. В первом — подобраны задания (упражнения и игры) для выработки высоких личных качеств бойца, которые направлены на развитие таких качеств, как память, слух, обоняние и осязание, сообразительность, глазомер, «прятанье, выслеживание, подкрадывание и т.д.». Второй раздел содержал задания на обучение учащихся воинским специальностям — разведчика, связиста, санитаря, а также совершению марша. В третьем разделе раскрывались вопросы выживания, ориентирования на местности и инженерного дела» [103, с. 9].

В. Ю. Храмов пишет о том, что одним из первых печатных изданий для школьников по НВП стало пособие «Элементарный курс военных знаний» (1932), которое также использовалось в кружках военных знаний [102; 105]. Основное содержание «Элементарного курса...» — освещение угрозы войны против СССР, в том числе политическая и идеологическая подготовка к войне против СССР, и задачи обороны. «Особенность данного момента заключается в том, что все более стирается грань между мирным положением и войной, вползание в войну без открытого объявления войны» [105]. Большое внимание уделено строительству Вооруженных сил, роли военной техники в СССР и странах капиталистического мира, вопросам противовоздушной обороны тыла и стрелковой подготовки (баллистика, хранение оружия, винтовка Мосина и др.). По мнению исследователя, ни в одном последующем издании по НВП огневая подготовка не была представлена так глубоко и профессионально. Уровень материала позволял новобранцу с первых дней службы в полной мере выполнять свои обязанности с оружием. Г. И. Овчинников, один из авторов пособия, занимал должность начальника военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений Ленинградского военного округа. Не случайно материал для учебного издания отбирался исходя из задания Народного комиссариата по военным и морским делам [102].

В. Г. Стуканов с соавторами [16] большое внимание в исследовании уделяет направлениям воспитания «человека нового типа», которое осуществлялось с использованием образов героя (героя труда и военного героя) и врага. «Подвиги военных героев — легендарных летчиков, полярников, пограничников, танкистов — бесстрашных защитников

Советского Союза — благотворно влияли на формирование чувства патриотизма у молодежи. Внешние враги были представлены странами капитализма и фашизма, готовящими шпионов и вредителей для подрыва успехов социалистической Родины. <...>

Великие стройки и успехи СССР в различных сферах способствовали тому, что подавляющее большинство советской молодежи гордилось своей Родиной, было готово трудиться на ее благо и в любую минуту встать на ее защиту» [16].

Эффективность в деле воспитания патриотизма продемонстрировала массовая культура, направленная на прославление СССР, его руководства и советских граждан. Именно в 1930-е гг. появились такие жанры и формы идейно-воспитательной работы, как массовая песня, литература, кинофильмы. Их цель заключалась в том, чтобы привить населению СССР веру в лучшую жизнь и величие Родины [9].

Исследователи выделяют различные средства воздействия на сознание человека, которые использовались в работе по патриотическому воспитанию, одно из важнейших — пролетарская литература, героизирующая людей нового поколения, патриотов, которые превыше всего ставили не личное, а общественное благо. «Патриотизм предполагал преданность социалистическому строю (романы Н. А. Островского “Как закалялась сталь” и “Рожденные бурей”, А. А. Фадеева “Разгром” и др.). В таком же русле действовал и кинематограф. Немаловажную роль в воспитании учащихся в духе готовности к защите Родины руководство страны отводило использованию кинофильмов, театральным постановкам и радиопропаганде. Студии выпускали фильмы, прославлявшие героизм народа в годы Первой мировой, Гражданской и польско-советской войн, высокий боевой дух Красной армии, героическую борьбу народа. <...>

Музыкальное искусство также характеризовалось выраженным оптимизмом и верой в успешную защиту рубежей страны (“Если завтра война”, “Краснофлотская”, “Тачанка”, “Бой у озера Хасан”, “Бейте с неба самолеты” и др.). Советские школьники по многу раз смотрели замечательные советские фильмы на военно-патриотическую тему, созданные в 1930-е гг.: “Чапаев”, “Александр Невский”, “Суворов”, “Мы из Кронштадта” и др.» [16].

Конфликт между Японией и Советским Союзом на озере Хасан (1938), Советско-финляндская война (1939–1940) актуализировали вопрос формирования у молодежи качеств патриотов-интернационалистов, так как появилась необходимость сплочения людей разных национальностей против единого врага [9].

Как пишут М. А. Гончаров и Я. П. Кривко, на страницах журнала «Пионер» уже в 1930 г. открыто говорилось о том, что война, может быть, в любой момент и что быть готовым к ней есть обязанность каждого

пионера: «...мы все знаем, что над нашим социалистическим отечеством, как грозовая туча, постоянно висит опасность войны» [20]. Авторы отмечают, что изучение основ военного дела становилось задачей каждого гражданина СССР, включая детей и подростков.

«Прежде всего, работа была направлена на то, чтобы население, как взрослые, так и дети, с уважением относились к Красной армии и флоту. В направлении формирования у пионеров положительного образа армии и ее авторитета наряду с воспитанием патриотизма, редакция журнала использовала литературно-художественный потенциал журнала «Пионер», что реализовалось в публикациях рассказов, очерков, повестей и т. д. о подвигах Красной армии, о жизни и деятельности видных военачальников, революционеров и др.» [20]. Было большое количество публикаций, в которых в литературной форме писали о Красной армии в целом, о том, как ее модернизируют, что входит в ее состав и т. д. Военная страничка включала рассказы о военных и их службе, о том, что представляет собой их род войск, какая техника стоит на вооружении.

Как уже было сказано выше, в СССР активно использовалась одна из наиболее эффективных форм работы с детьми — игра, в том числе и в контексте военно-патриотического воспитания. Основы проведения военных игр среди детей и подростков были заложены еще в 1930-х гг., и журнал «Пионер» сыграл в этом одну из главных ролей. Показательна в этом отношении статья «Военная игра 1930 года», опубликованная в № 5 за 1930 г. В ней обосновывалась необходимость регулярного проведения военных игр среди пионеров. При этом планировалось не только научить детей, «как укрыться от аэроплана, спастись от обстрела» и «подать первую медицинскую помощь», но и ставились более масштабные цели: «...у ребят должны быть любовь и привязанность к Красной армии. На ее героическом прошлом и на достижениях настоящего должны учиться советские ребята, чтобы воспитать из себя будущего гражданина-бойца» [20].

М. А. Гончаров и Я. П. Кривко пишут еще об одном направлении военной подготовки пионеров на страницах журнала «Пионер» в 1930-х гг. — публикации ситуативных заданий, в которых необходимо было найти правильное решение, опираясь на внимательность и наблюдательность: «Куда двигался танк» (№ 22 за 1930 г.), «Доставка донесения» (№ 12 за 1937 г.), «Солнечный телеграф» (изучение азбуки Морзе и создание специального прибора для ее реализации, № 7 за 1935 г.) и т. д. «Представляют интерес также публикации, направленные на обучение пионеров правилам выживания в экстремальных условиях, например статья «Костровая энциклопедия доктора Звенового» в № 14 за 1935 г., в которой подробно описывается, как развести костер на манер американских индейцев, правильно поджарить на костре мясо, вскипятить чай и т. д.» [20].

В целом, как пишут авторы, на страницах журнала «Пионер» «проводилась активная работа по популяризации военного дела среди детей и подростков, которая была направлена на подготовку физически развитого, физически здорового поколения, обученного первичным военным навыкам. Поколение пионеров 30-х годов внесло свой существенный вклад в великую Победу 1945 г., и во многом это результат той работы, которую выполнила редакция журнала “Пионер” по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения» [20].

Не только «Пионер» занимался пропагандой военной подготовки среди молодежи. Как отмечает В. Ю. Храмов, важную роль в изучении и пропаганде военной подготовки среди молодежи играла советская печать в целом: «На страницах газет также активизировалась военная пропаганда, лучшие военные пропагандисты начали читать лекции, в том числе для школьников. Так, например, газета “Комсомольская правда” регулярно показывала многообразие форм и способов оборонной работы среди учащихся и молодежи, вскрывала имевшиеся недостатки и формировала у читателей понимание необходимости этой работы». Говорит он и о такой популярной форме работы, как лекции на военные темы: «Артиллерия в современной войне», «Роль авиации в современной войне», «Профессия командира Красной Армии», «Обзор второй империалистической войны» и т. п., авторами которых выступали командиры и политработники Красной армии [102].

Подобная системная разнообразная целенаправленная допризывная военная подготовка позволяла охватить большую часть учащихся различных учебных заведений, включая базовое направление — школьный предмет «Начальная военная подготовка», который находился под контролем НКО СССР.

Здесь стоит отметить, что в целом значительное место в военно-патриотическом воспитании школьников в предвоенные годы отводилось укреплению шефских связей с Вооруженными силами страны. Их целью было ознакомление учащихся с историей Красной армии, жизнью, учебой и бытом воинов. Основными формами работы помимо встреч с командирами и рядовыми бойцами Красной армии здесь были следующие: посещения школьниками воинских частей и музеев; проведение специальных собраний, вечеров, чтений докладов и бесед, посвященных героизму советских воинов; организация различных совместных выставок, показывающих достижения как учащихся, так и военнослужащих. Обсуждались книги и фильмы, организовывались встречи с писателями, поэтами и актерами, в творчестве которых звучала тема патриотизма и героизма.

Много внимания во второй половине 1930-х гг. уделялось улучшению преподавания и других предметов, несущих в своем содержании и методике преподавания патриотическую составляющую. Так,

15 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли два постановления: «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» [35, с. 73–76]. В 1936/37 учебном году в программу было введено подробное ознакомление с Конституцией СССР. Школьники изучали права и обязанности граждан страны, в том числе и разделы Основного закона, посвященные защите Отечества. В начальной и неполной средней школе был введен начальный курс истории СССР. В 1937 г. вышел одобренный правительственной комиссией «Краткий курс истории СССР» — учебник для 3-го и 4-го классов средней школы. Как справедливо отмечается О. Е. Иляшенко и К. В. Ивановым, углубление знаний школьников о своей стране, ее боевых традициях и героях благотворно отразилось на уровне военно-патриотического воспитания в предвоенные годы [35].

Важнейшей особенностью военно-патриотической работы со школьниками была ее тесная связь с учебно-воспитательным процессом. Большая роль в этом отводилась привитию учащимся чувства любви к Родине на учебных занятиях, обучению военному делу на занятиях по начальной военной и допризывной подготовке. В часы неплановых занятий широкое распространение получили разнообразные оборонные кружки и секции, проведение соревнований, сдача нормативов оборонно-массовой направленности.

Комсомольская и пионерская организации всегда работали в системе со школой, дополняя школьный учебно-воспитательный процесс расширенной и углубленной деятельностью патриотической направленности: это уже упомянутые походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, пионерские слеты и торжественные линейки, встречи с героями, участниками революций, ветеранами войны и труда.

Таким образом, для оборонно-массовой работы среди населения во второй половине 1930-х гг. было характерно взаимодействие партийных организаций, профсоюзов и комсомола, как между собой, так и с массовыми добровольными оборонными обществами, и прежде всего Осоавиахимом, что обеспечивало единство усилий и целенаправленность в подготовке граждан страны к защите Родины. Сложилась относительно стройная система подготовки резервов для Красной армии [17].

Большое значение для развития начальной военной подготовки имело принятие Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. (опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР», в № 32). В докладе наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова о проекте закона подчеркивалось: «Правильно поставленная начальная и допризывная подготовка сыграет для обороны нашей страны роль, значение которой трудно переоценить. Наши будущие воины получат возможность ознакомиться с боевыми традициями нашей Красной Армии и с основными началами воинской дисциплины. Подростки

и юноши обучаются военному строю, стрелковому делу, будут знать правила противовоздушной и противохимической защиты и, главное, получают хорошую физическую тренировку и закалку» [70, с. 18].

В статье «О начальной и допризывной военной подготовке» закона говорилось, что начальная военная подготовка учеников проводилась во всех школах с 5 до 7-го класса включительно. На нее в учебном плане школ отводилось по 2 часа в шестидневку. Допризывную военную подготовку проходили учащиеся трех старших классов средней школы (8, 9 и 10-й классы). На нее в средних школах или приравненных к ним учебных заведениях также отводилось по 2 часа в шестидневку. Таким образом, полный курс по военному делу для учеников средних школ предполагал 408 часов. Начальная и допризывная военная подготовка в учебных заведениях, согласно этому закону, проводилась штатными военными руководителями. Общее руководство возлагалось на Народный комиссариат обороны [102].

В. Ю. Храмов подробно описывает учебник по военной подготовке для учащихся 5–7-х классов, который был издан уже в 1940 г. под редакцией Управления укомплектования войск Генерального штаба Красной армии (переиздан в 1941 г.) [50]. Он начинался разделом «Для чего нужна начальная военная подготовка». Автор акцентирует внимание на познавательном характере материала о строительстве Красной армии в 1920–1930 гг., опыте проведения боевых операций у оз. Хасан, в районе р. Халхин-Гол и в войне с белофиннами, особо отмечая, что разъяснение учебного материала велось на схемах боевых действий, с рассказом о героизме советских солдат.

Автор указывает на наглядность представленной информации: в учебнике большое количество рисунков, схем и таблиц. Рисунки с фотографической точностью изображали военную технику, тактические приемы боя и другой материал. В. Ю. Храмов отмечает интересную деталь: на рисунках было изображено выполнение строевых приемов школьниками, а не военнослужащими. В учебник были включены вопросы закаливания, личной гигиены, оказания первой помощи и физической культуры, причем последнее рассматривалось применительно к подготовке к военной службе. Много места отведено самостоятельной подготовке. Строевая подготовка включала как одиночную подготовку без оружия и с оружием, так и строевые приемы в составе отделения.

В главе «Стрелковая подготовка» давались основы знаний и навыков по вопросам баллистики, хранения и сбережения оружия (винтовка образца 1891/30 г.), изображался порядок выполнения нормативов по неполной разборке и сборке винтовки, что позволяло ученикам тренироваться самостоятельно. В этой главе также описаны тактико-технические характеристики различных гранат и их устройство.

В главе «Топография» раскрывались способы ориентирования на местности, давались разъяснения о способах. «И командиры, и бойцы должны уметь читать карту, т.е. хорошо понимать все, что на ней изображено, и ясно представлять себе действительную местность...» [66, с. 163].

Глава «ПВХО» рассказывала о комплексе нормативов «Готов к противовоздушной и противохимической обороне», который был введен в СССР в 1934 году. «Что значит быть готовым к ПВХО? Это значит заблаговременно научиться защищаться от воздушных нападений и усвоить правила противовоздушной и противохимической защиты так, чтобы быть в полной боевой готовности при первой угрозе с воздуха» [66, с. 186]. Материал главы раскрывал необходимые действия школьников по различным сигналам, включая сигналы применения противником отравляющих веществ, а также способы коллективной и индивидуальной защиты и действия при возникновении пожаров. Наличие большого количества иллюстраций позволяло ученикам самостоятельно изучать материал и практически отрабатывать полученные знания [66].

В. Ю. Храмов пишет о том, что «в соответствии с программой допризывной военной подготовки учащиеся 8–10 классов изучали:

- историю РККА и ВМФ;
- организацию и состав РККА и ВМФ;
- уставы РККА;
- стрелковую подготовку;
- строевую подготовку;
- военную топографию;
- противовоздушную и противохимическую защиту;
- военно-санитарное дело;
- тактическую подготовку» [102].

В рамках дополнительных занятий школьники приобретали навыки оказания первой медицинской помощи при ранениях и ожогах, учились пользоваться средствами противохимической защиты, бороться с пожарами, тушить зажигательные бомбы, знакомились с другими элементами противовоздушной обороны. Много времени уделялось изучению истории и боевых традиций Красной армии и флота, основ сознательной воинской дисциплины. Особенно широко накануне войны были распространены в школах кружки военных знаний, которые значительно дополняли знания и умения, полученные учащимися на занятиях по военной подготовке. В них в свободное от учебы время занимались как старшеклассники, так и те, кто не достиг еще допризывного возраста.

Большой популярностью среди школьников и пионеров пользовались стрелковые кружки. В них изучалось устройство винтовки, нагана, пулемета, велось обучение правилам стрельбы. Практические стрельбы проводились из малокалиберных винтовок в тирах. Руководили работой

кружков, как правило, красноармейцы запаса. Интерес молодежи к стрелковому делу был связан с утверждением в 1932 г. нагрудного знака «Ворошиловский стрелок». Им награждались меткие стрелки, выполнявшие установленные нормативы. Возникло массовое движение за право получить такой значок. В 1939 г. — первой половине 1941 г. были проведены Всесоюзные заочные стрелковые соревнования. В них приняло участие более миллиона учащихся. Право на ношение значка «Юный ворошиловский стрелок» в период с 1935 г. по 1941 г. получили 544 тыс. школьников [22 с. 41].

Широкое распространение получило массовое участие пионеров и школьников в кружках и клубах юных авиамоделистов. Именно здесь во многом реализовывались потребности подрастающего поколения в соприкосновении с романтикой летного дела. Знания и навыки, полученные учащимися в авиамоделировании, способствовали дальнейшему развитию у них интереса к отечественному самолетостроению, эксплуатации и обслуживанию летной техники. В предвоенные годы в практику детского авиамоделизма вошли различные массовые соревнования, выполнение норм на получение значка «Юный авиастроитель». Так, в 12-м Всесоюзном слете юных авиамоделистов, проведенном в Крыму в 1938 г., приняли участие 254 школьника.

В 1939–1940 гг. в школах было создано более 104,5 тыс. военных кружков, около 1,24 млн пионеров и школьников сдали нормы на оборонные значки. Основная часть старшекласников в эти годы вступила в Осоавиахим. На 1 апреля 1941 г. из имевшихся в стране 2,32 млн учащихся 8–10-х классов 2,18 млн (около 94 %) состояли в рядах этого оборонного общества [5, с. 278].

Также в школах повсеместно создавались кружки по изучению основ противовоздушной и противохимической обороны. В них учащиеся узнавали о средствах воздушного нападения ВВС вероятного противника, химических отравляющих веществах, учились применять средства защиты от них. В предвоенные годы в школах, как и по всей стране, создавались группы самозащиты от воздушного и химического нападения вероятного противника. В 1940 г. были проведены всесоюзные учения по ПВХО, в которых школы принимали самое активное участие. На время учений в образовательных организациях формировался штаб, создавались наблюдательные посты, разворачивались медпункты и газоубежища. В период этих мероприятий с учащимися и педагогами отрабатывались упражнения по надеванию комбинезонов и защитных костюмов, проходили тренировки по тушению пожаров, дегазации «зараженных мест». Учащиеся 5–10-х классов по результатам своих действий получали значки «Готов к ПВХО».

Большой размах среди школьников и пионеров в предвоенные годы получило движение по сдаче военно-спортивных норм на три оборонных значка. Среди них наиболее престижными являлись: БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ПВХО («Противовоздушная и химическая оборона»),

ЮВС («Юный ворошиловский стрелок»), ЮВВ («Юный ворошиловский всадник»), БГСО («Будь готов к санитарной обороне»), ЮАС («Юный авиастроитель»), ЮМ («Юный моряк») [5, с. 278].

В 1940/41 учебном году количество учащихся в стране составляло 34,8 млн человек. В последний предвоенный учебный год в 1–3-х классах училось 15,8 млн, в 4–8-х классах — 17,5 млн, а в 9–10-х классах — 1,2 млн школьников [60]. Всеми формами военной подготовки было охвачено около 12 млн школьников [5, с. 276–277].

В январе 1941 г. комиссией Генерального штаба было проверено состояние допризывной военной подготовки учащейся молодежи [12]. Она выявила многочисленные недостатки, особенно в школах. Основными из них были названы следующие:

- начальная и допризывная подготовка с учениками 5–8-х классов в школах не проводилась;
- в школах не хватало около 50 % военных руководителей начальной военной подготовки;
- в 9–10-х классах средних школ занятия по военной подготовке проводились неудовлетворительно;
- материальная обеспеченность учебного предмета была недостаточной (например, для учебного процесса не доставало 357 590 малокалиберных винтовок) [102].

Для устранения недостатков и улучшения начальной военной подготовки в школах Наркомат обороны разработал и разослал на места программы, учебник начальной военной подготовки, учебные плакаты, 35 тыс. учебных винтовок, топографические карты и другие пособия. С военруками школ в областях были организованы командирские сборы, шел отбор новых военных руководителей. Генеральный штаб считал, что с устранением вскрытых недостатков начальная и допризывная военная подготовка будет соответствовать требованиям, которые выдвигала уже начавшаяся мировая война.

Одно из важнейших мест в подготовке подрастающего поколения к защите Родины в предвоенные годы отводилось физической подготовке и спорту. Самое широкое распространение в стране получила сдача нормативов на значки «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО). В программу соревнований по сдаче норм ГТО — в них принимали участие миллионы советских школьников — входили гранатометание, штыковой бой, преодоление полосы препятствий, фехтование, стрельба, верховая езда, лыжи, различные кроссы, борьба, альпинизм и др.

С лета 1939 г. ежегодно отмечался Всесоюзный день физкультурника. Подготовка и проведение этого праздника проводились под девизом: «Сегодня физкультурник — завтра боец». Особенно большой размах приобрели Всесоюзные спортивные и оборонные соревнования

среди учащихся школ. В 1940 г. в них принимали участие почти 2,1 млн, а в 1941 г. — 3,13 млн учащихся [5, с. 278].

Таким образом, анализ работ ученых, занимающихся историей возникновения и развития начальной военной подготовки молодежи, позволяет сделать вывод о том, что советская школа в предвоенный период представляла собой завершенную систему начальных, неполных средних и средних учебных заведений, которые стали базой для системной работы по военно-патриотическому воспитанию. Для этих целей профессионально использовались все методические направления по активизации военно-патриотического воспитания, в результате которого формировались чувства патриотизма, любви к своему Отечеству: история Родины, родной язык, литература, все многообразие отечественная культуры и др.

Исследователи отмечают особую роль военно-исторических музеев в военно-патриотическом воспитании школьников в предвоенные годы. Их деятельность была направлена не только на комплектование, хранение и изучение документов и реликвий военной истории, но и на популяризацию среди широких слоев населения героических страниц из прошлого Отчизны. Наибольшей популярностью у учащихся пользовались Центральный музей Красной армии и флота, Центральный военно-морской музей, Артиллерийский исторический музей, Центральный дом авиации, музей Черноморского флота (г. Севастополь) и др.

Важная роль отводилась деятельности школьных музеев. Их образовательно-воспитательная функция усиливалась тем, что учащиеся сами собирали, изучали, экспонировали и пропагандировали музейные материалы. В залах музеев проводились встречи школьников с ветеранами Красной армии, уроки по истории Отечества, доклады и беседы о боевых традициях Вооруженных Сил.

Как показал опыт начальной военной и допризывной подготовки, а также системного патриотического воспитания в 1920–1940-х гг., только использование сразу нескольких видов, форм и методов работы позволяет добиться хороших результатов в подготовке молодежи к военной службе, к защите Отечества. Отличительной особенностью начальной военной подготовки и военно-патриотического воспитания школьников в предвоенный период являлась их системность и непрерывность. Они осуществлялись как в учебном году, так и в период летних каникул. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию учащихся школ в духе готовности к защите Отечества носила целеустремленный и многоплановый характер, который определялся коммунистической идеологией и наличием социального института военно-патриотического воспитания [17].

В целом проведенный анализ практических мероприятий, направленных на предвоенную подготовку и военно-патриотическое

воспитание учащихся школ в предвоенные годы, описанный в многочисленных исследованиях, позволяет сделать вывод об их комплексности, высоком уровне их организации и эффективности. Цели были достигнуты, что подтверждается проявлениями массового мужества и героизма детей и подростков в военные годы [17].

Система военно-патриотической подготовки и воспитания, накопленный в предвоенный период, была не только применена при организации образовательного процесса в период Великой Отечественной войны, но и получила развитие.

Военно-патриотическая подготовка школьников во время войны

Истории российской школы периода Великой Отечественной войны посвящены специальные исторические исследования, главы в обобщающих работах по истории народного образования, многочисленные статьи историков, педагогов, публицистов, воспоминания и другие материалы. Сотни книг и статей посвящены героической борьбе школьников и учителей в партизанских отрядах, подпольных организациях, самоотверженной работе педагогов и учащихся в тылу. «Общественно-патриотический подъем в стране в последние годы привел к публикационной активности: появились новые мемуары, дневники и письма очевидцев событий, воспоминания и документы, предоставленные участниками “Бессмертного полка” и других патриотических акций. Как и история Великой Отечественной войны советского народа за свободу и независимость, история школы в годы войны дополняется новыми деталями, подробностями тех или иных явлений и событий, яркими образами учителей-подвижников, примерами стойкости и трудовой доблести бойцов “армии просвещения”» [21, с. 146–156].

В марте 1940 г. народным комиссаром просвещения РСФСР был назначен В. П. Потемкин, педагог с многолетним дореволюционным стажем, один из организаторов советской школы, ученый-историк, дипломат (предыдущая должность — заместитель народного комиссара иностранных дел). Принятые наркомом Потемкиным управленческие решения способствовали выполнению сложных задач, поставленных перед системой народного образования начавшейся войной. По его инициативе в 1943 г. была создана Академия педагогических наук (с 1966 г. — АПН СССР, с 1991 г. — РАО), первым президентом которой он был в 1943–1946 гг. В том же 1943 г. В. П. Потемкин был избран действительным членом Академии наук СССР.

Уже в первые дни войны Наркомпрос РСФСР и ЦК профсоюзов, работники политико-просветительных, учебных и научных учреждений

опубликовали специальное обращение «Ко всем работникам просвещения РСФСР» о перестройке работы школ, вузов, библиотек и различных просветительных учреждений. В обращении подчеркивалось, что их деятельность следует перестроить так, чтобы она была полностью подчинена интересам обороны страны, организации широкого разъяснения в массах грабительского характера войны, систематического ознакомления трудящихся с решениями партии и правительства, широкой пропаганде военных знаний, правил противовоздушной, химической и санитарной обороны.

Библиотечным работникам рекомендовалось организовать в библиотеках ежедневные читки газет, разрабатывать книжные выставки, составлять рекомендательные списки литературы по военной тематике. Особое внимание уделялось обслуживанию производственных и сельскохозяйственных предприятий, сборных пунктов, обеспечению мобилизованных воинских частей передвижными библиотечками военно-оборонной и политической литературы.

В первые недели войны нарком В. П. Потемкин дважды обращался через «Учительскую газету» ко всем заведующим краевыми и областными отделами народного образования и наркомам просвещения АССР, предлагая им совместно с местными комитетами комсомола и советами ОСОВИАХИМа «организовать в летний период занятия учащихся 7–10-х классов по военной подготовке и военно-санитарному делу» [29].

«Правда» опубликовала 10 июля 1941 г. обращение наркома просвещения РСФСР к пионерам и школьникам с призывом помочь стране в борьбе с врагом: организовывать пожарные, санитарные и трудовые бригады, взять на себя заботу о семьях фронтовиков, помогать взрослым в ремонте школьных зданий и учебного оборудования [29].

Ведущая роль в военно-патриотическом воспитании детей, подростков и юношества в годы войны отводилась образовательным организациям. НИИ школ Наркомпроса РСФСР к концу 1941 г. выпустил методические документы в помощь учителю: «Организация учебно-воспитательной работы в период Отечественной войны», «Элементы военного дела в преподавании математики, физики, химии, географии», «Военно-физкультурная подготовка учащихся» и др. [42].

Исследователи данного периода пишут о том, что до войны был разработан учебный план только на 1940/41 учебный год. С началом войны он был скорректирован в директивном порядке. Руководство государства поставило задачу существенно изменить, наполнить прикладным содержанием военную и физическую подготовку. С 1 сентября 1941 г. в 8-х классах вместо одного часа в неделю на военно-физкультурную и военно-санитарную подготовку было отведено три часа, в 9-х — вместо двух четыре, в 10-х — вместо двух пять. В учебный план 1942/43 учебного года был введен предмет «Военное дело», программа которого включала

строевую, лыжную, огневую, противохимическую подготовку, изучение стрелкового оружия, техники рукопашного боя и военно-санитарное дело [29; 42; 93; 102; 104].

Необходимость введения в старших классах курса военно-допризывной подготовки юношей потребовала изменения структуры обучения. Позже Постановлением СНК СССР в 1943/44 учебном году было введено раздельное обучение мальчиков и девочек в городских неполных средних и средних школах. «Раздельное обучение позволяло не только осуществлять специальные занятия с юношами по допризывной подготовке, но и организовать специфическую подготовку и юношей, и девушек. Новшество вводилось в жизнь постепенно, но “грамотно и быстро”. Мероприятия по раздельному обучению курировал председатель Совнаркома РСФСР А. Н. Косыгин» [104]. Школы с раздельным обучением юношей и девушек были созданы в 146 городах страны (при этом следует учитывать, что 75 % детей учились в сельских школах и школах поселков городского типа).

В августе В. П. Потемкин опубликовал в «Известиях» статью «Школа в военное время», в которой обозначил основные приоритеты деятельности школы в воюющей стране: «...В новом учебном году во всех школах республики особое внимание преподавателей будет направлено на сообщение учащимся знаний и навыков, необходимых для обороны страны. Первенствующую роль в этом плане будут играть такие предметы, как география, физика, химия, математика, черчение, история и литература. Учащийся должен приобрести умение осмысленно пользоваться картами и компасом; он обязан научиться чертить и производить измерения на местности; ему необходимо сообщить сведения об отравляющих веществах, их действий на организм и средствах борьбы с ними; его надобно ознакомить с составом зажигательных веществ, способами гашения зажигательных бомб и тушения пожаров: необходимы для него сведения о взрывчатых веществах и их применении в военной обстановке; законы баллистики, работа двигателей внутреннего сгорания, действие средств связи, пользование оптическими приборами, основы математических расчетов, необходимых для военного дела, — таковы те элементы оборонного значения, которые должны быть внесены в школьное преподавание ряда соответствующих дисциплин... В соответствии с требованием военной обстановки и обороны страны значительно расширяется в новом учебном году постановка преподавания физкультуры и военного дела в старших классах школы. Назначение этих дисциплин — подготовить достойное пополнение героической Красной Армии» [4].

Учебный материал каждого урока был адаптирован к требованиям военного времени. Так, на уроках физики учитель объяснял принципы работы двигателей в танках, самолетах, автомобилях, а также применение электричества в военном деле. При изучении химии уделялось

внимание развитию необходимых навыков в противовоздушной химической обороне [56]. А в учебный план по географии входили темы: «Ориентирование и работа с компасом во дворе и на поле», «Топографическая карта и ее чтение», «Глазомерная съемка во дворе и на поле». Особое внимание уделялось истории, которая должна была взять на себя основную нагрузку по воспитанию патриотизма у школьников.

В конце августа 1941 г. нарком Потемкин издал приказ для работников просвещения о подготовке школ к началу учебного года как всегда — 1 сентября, с учетом необходимости приема в школы на местах детей из семей эвакуированных и беженцев [29].

12 ноября 1941 г. «Учительская газета» опубликовала приказ по Наркомпросу РСФСР «О военной подготовке учащихся старших классов средних школ»: «...Военная подготовка юношей — учащихся 9–10 классов должна проводиться по 110-часовой программе всеобуча, на военную подготовку отводится 7 часов в неделю». Для всех школьников страны обязательными стали всеобщее военное обучение и трудовое воспитание. «Многие мальчишки и девчонки вскоре начинают осаждают военкоматы с требованием отправить их на фронт: “Мы прошли военобуч!”» [29].

Всеобуч был введен 17 сентября 1941 г. в целях подготовки резервов. Государственным комитетом обороны СССР было принято Постановление № ГКО-690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В целях подготовки резервов для Красной армии с 1 октября 1941 г. для граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет было введено обязательное военное обучение, которое позволяло пополнять войска квалифицированными воинами и самоотверженными бойцами за Родину. Из постановления «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 г.: «...каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, чтобы быть подготовленным с оружием в руках защищать свою родину и в целях подготовки для Красной Армии обученных резервов...». Вся организация и практическая работа по созданию военно-учебных пунктов, их материальное обеспечение, подбор инструкторского состава и контроль над качеством подготовки возлагались на военные комиссариаты [29; 42; 93; 102; 104].

Отделы Всеобуча и политические отделы в военных округах и военкоматах строили работу вместе с местными партийными, комсомольскими организациями и советами депутатов трудящихся. Советы помогали оборудовать помещения для занятий, подбирать командный и политический состав, они разрабатывали учебные пособия, строили стрелковые тиры.

Несмотря на нехватку бумаги, для подразделений Всеобуча издали большими тиражами 18 различных брошюр. Среди них: «Овладевай штыковым боем», «Ручной пулемет», «Автомат», «Винтовка» и др.

С введением Всевобуча организации Осоавиахима направили в распоряжение военкоматов инструкторов, а также предоставили для занятий свои тир, стрельбища, лагерь.

Двумя направлениями системы Всевобуча были подготовка бойцов-стрелков по 110-часовой программе Главного управления всеобщего военного обучения (ГУ ВВВО) НКО СССР и подготовка бойцов других военных специальностей из числа прошедших 110-часовую программу, а именно: автоматчиков, истребителей танков, снайперов, ручных и станковых пулеметчиков, минометчиков, стрелков противотанковых ружей. Начальник ГУ ВВВО НКО СССР генерал-майор Н. Н. Пронин говорил: «Боец должен знать военный строй, уметь владеть в рукопашном бою штыком и лопатой, отлично знать винтовку, метко стрелять, ловко бросать ручные гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью, уметь вести разведку, знать средства противохимической защиты и уметь ими пользоваться, умело окапываться, маскироваться и вести ближний бой как самостоятельно, так и в составе своего подразделения».

Как указывает О. Г. Жукова, детей привлекали к участию в массовом движении по изготовлению и сбору теплых вещей для Красной армии, шефству над госпиталями, к заботам о семьях фронтовиков, сдаче металлолома, сбору лекарственных трав. Привлекались школьники и к работе в ученических мастерских, где мальчики производили детали, необходимые оборонным заводам, чинили велосипеды, лыжи, примусы, а девочки — шили белье, вышивали кисеты для бойцов и командиров, ремонтировали обмундирование [29].

24 октября 1942 г. было принято сразу два постановления СНК СССР. Одно из них — «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5–10-х классов», второе — «О военной физической подготовке учащихся начальных и 1–4-х классов средних школ». В этом же 1942 г. была введена новая программа обучения, которая ставила цель «подготовить дисциплинированных, физически крепких и выносливых юношей, овладевших военным делом в объеме сокращенной программы подготовки одиночного бойца и бойца, способного действовать в составе отделения и взвода; подготовить... девушек к выполнению обязанностей санитарных дружинниц, а также радисток, телеграфисток» [86, с. 3]. Одновременно с принятием новой программы учебный план был доработан вначале для неполной средней, а затем и для средней школы [73, с. 24]. В результате с 1942 г. занятия по военной подготовке проводились по 4–5 часов в неделю в старших классах и по 3 часа в неделю в младших классах. Кроме того, с юношами 8–9-х классов в период летних каникул проводились двухнедельные лагерные сборы [73; 86].

В 1942 г. были приняты изменения в учебном плане и программах средней школы, обозначившие новые задачи школы в военное время, среди которых важное место занимала военно-физическая подготовка,

идейно-политическое и патриотическое воспитание: «учащиеся изучали строевую, лыжную, огневую и противохимическую подготовку, познакомились с стрелковым оружием, проходили технику рукопашного боя и военно-санитарного дела» [93]; «каждый обучающийся школьник должен был научиться в совершенстве владеть стрелковым оружием и практически усвоить тактику ближнего боя» [65].

Время, отводимое для военно-физической подготовки, необходимо было использовать с наибольшей производительностью в полном соответствии с заранее разработанным учебным планом. Как пишет М. Н. Скаткин, «расписание занятий составлялись на каждую неделю, в нем указывались время, часы, предмет (т. е. вид военной подготовки), содержание занятий, а также пособия и руководства, на основе которых должны были вестись занятия. Так, в 8-х классах выделялось 3 часа на занятие, в 9-х классах — 4 часа, в 10-х классах — 5 часов. На физическую и допризывную военную подготовку учащихся отводилось в 5–7-х классах по 3 часа в неделю. В связи с необходимостью дать старшим школьникам начальные военные знания и умения в 8–9-х классах на военные занятия и физкультуру отводилось по 4 часа, в 10-х классах — по 5 часов в неделю» [93].

По разработанному учебному плану и расписанию проводились следующие занятия:

- строевая подготовка;
- огневая подготовка;
- тактическая подготовка;
- подготовка одиночного бойца (бойца-наблюдателя, бойца в наступательном бою и атаке);
- химическая подготовка [93].

Н. Г. Мыслинский, рассуждая о вопросах методики начальной военной подготовки учащихся средних школ, пишет о том, что «целью строевой подготовки являлось воспитание сознательной дисциплины, товарищеской «спайки» и выработки навыков каждого учащегося для выполнения боевых задач. Перед каждым построением и выходом необходимо было проверять исправность одежды, выданного оружия и снаряжения. Это имело большое воспитательное значение, приучало школьников к аккуратности и вниманию» [65, с. 20].

Так, при прохождении темы «Действия бойца без оружия» следовало сразу добиться правильной основной стойки и четких поворотов; при обучении действиям бойца с оружием — добиться четкого, с необходимой выдержкой, выполнения ружейных приемов; при обучении бойцов «пербежкам» и «переползанию» — указать обучаемым, что эти способы передвижения нужны для преодоления участков местности, и т. д. [65, с. 20].

Занятия огневой подготовкой организовывались и проводились под общим руководством военрука. Учащиеся знакомились с оружием

и правилами обращения с ним. При изучении приемов стрельбы обязательно демонстрировалось выполнение этого приема в целом, после чего обучаемый повторял показанный прием. При изучении ручных гранат и противотанковой ручной гранаты объяснялось, как зарядить гранату и подготовить к метанию; особенно внимательно останавливались на изучении зажигательных бутылок [65, с. 20].

Описывает М. Г. Мыслинский и тактическую подготовку, которая предполагала изучение и отработку техники проведения атаки (колка чучел, метание учебных гранат в мишени и др.). «На всех практических занятиях обязательно вводились вопросы стрелковой, саперной и химической подготовки. При обучении бойца основам наступательного боя и атаке на занятии следовало было избрать участок с разнообразным характером местности для показа всякого рода передвижений под огнем противника при сближении с ним. Каждому школьнику необходимо было показать движения и действия с момента открытия пулеметного огня противника и рубежа атаки» [65, с. 20].

Учащихся знакомили со службой дозора в разведке, где необходимо было объяснить значение разведки и ознакомить со способами добывания сведений о противнике, объяснить, почему боец должен сдать все свои документы, личные и служебные, а лишь затем перейти к практическому обучению разведчика. Кроме того, разъяснялось поведение наблюдателя, которому необходимо было вести следующие наблюдения:

- за противником — выявить расположение его огневых точек, наблюдателей, офицеров, танков, орудий, самолетов и т. д.;
- за передвижениями и действиями своих войск, соседей и т. д.;
- за сигналами воздушной, танковой и химической тревоги.

Необходимо было обращать внимание на самые незначительные признаки: качание веток или кустов при отсутствии ветра, колебание травинки, отблеск, изменение положения предметов и др. При обнаружении цели наблюдателю нужно было точно определить расстояние и доложить командиру примерно так: «прямо, желтый куст справа рядом — пулемет — 600 метров» [65].

Занятия по химической подготовке проводились только практически, с показом средств химической защиты и способами их использования. «Особое внимание обращалось на изучение противогаса общевойскового типа, а именно знакомство с его устройством, назначением и действиями противодымного фильтра, химического поглотителя и активированного угля, а также умением пользоваться им в разных условиях» [65, с. 21].

Результаты военно-физической подготовки каждого ученика подлежали обязательной проверке. «Отстающих обязательно выделяли в отдельную группу и “тренировали их особенно настойчиво, чтобы они шли в уровень с другими”. В рамках военно-физической подготовки

воспитывали и командирские навыки. Для этого лучшим школьникам поручали вести некоторые виды занятий с небольшими группами обучающихся» [65, с. 21].

О. Н. Косенков и Г. В. Кретинин указывают на то, что допризывная подготовка носила отчетливо выраженный практический характер, около трети занятий по тактике проводились ночью. Во внеурочное время организовывались как военно-патриотическое воспитание, так и военизированные игры на местности, лыжные и пешие переходы. Основными методами обучения учащихся являлись рассказ, показ, упражнение, тренировки, практические работы, контроль. Занятия проводились в школах, тирах, на военно-учебных пунктах и спортплощадках различных организаций. «С целью выработки таких качеств, как стойкость, бдительность, смелость, дисциплинированность, военный руководитель наряжал суточный караул из учащихся старших классов. Итоги воспитательной работы в школе подводились три раза в год: осенью, зимой и весной. Дни их подведения были для школьников праздником. Как правило, они открывались парадом» [44].

Авторы описывают большую воспитательную работу с учащимися 8–10-х классов, которая проводилась также в период лагерных сборов. Для совершенствования тактической, строевой и топографической подготовки в полевых условиях, в целях проведения стрельб из боевой винтовки в период летних каникул учащиеся 8–9-х классов средних школ проходили 15-дневные лагерные сборы. На них военные округа в качестве руководителей направляли опытных командиров и политработников. Важным итогом лагерных сборов являлось то, что подростки возвращались в школы, обогащенные знаниями, физически окрепшие, дисциплинированные, становились активистами оборонно-массовой работы [44]. Например, в 1943–1945 гг. в Армении на лагерных сборах находилось свыше 25 тыс. старшеклассников, из которых 1653 стали общественными инструкторами военного дела. Активная оборонно-массовая работа среди школьников велась и в каникулы. В пионерских лагерях и на детских оздоровительных площадках ребята занимались строевой подготовкой, бегом, прыжками, ходьбой по компасу, совершали пешие походы. Здесь им читались доклады, с ними проводились беседы о героях Великой Отечественной войны, о великих русских полководцах [92, с. 324].

Многие исследователи говорят о том, что, как и ожидалось, большую помощь общеобразовательным школам в оборонно-массовой работе оказывали Осоавиахимовские и физкультурные организации, а также Союз Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Соревнования — стрелковые, физкультурные, по ПВХО — способствовали углублению военных знаний учащихся, совершенствованию их навыков в оказании первой медицинской помощи при травмах, возникающих в боевой

обстановке, на пожарах. Ребята успешно сдавали нормы по комплексам БГТО, ГТО, ПВХО, ГСО.

Дворцы и Дома пионеров, станции юных техников, юннатов, юных туристов и другие внешкольные учреждения в 1941–1945 гг. стали центрами военно-патриотической и оборонно-массовой работы. В них проводилась учеба актива и педагогов, пропагандировался передовой опыт внеурочной работы, шло общение и со школьниками. Так, например, при Доме Советской армии в г. Горьком функционировал учебно-методический кабинет в помощь военным руководителям общеобразовательных школ; при иркутском Дворце пионеров работали секции для ребят: стрелковая, военно-морская, стрелкового оружия, лыжная и др. Ташкентский Дворец пионеров за 1943 г. подготовил в помощь школам инструкторов-общественников из числа старшекласников: по стрелковому делу — 139 человек, по пулеметному — 100 человек, по рукопашному бою — 150 человек.

Из различных источников можно сделать выводы об опыте организации внеклассной военно-спортивной работы по всей стране: в 1943 г. на территории автономных республик, краев и областей РСФСР были открыты 150 детских спортивных школ, на базе которых тренерско-преподавательский состав активно принимал участие в подготовке бойцов для службы в рядах Красной армии, а также спортивных рот по выполнению специальных задач на фронтах.

Необходимо отметить, что важнейшей проблемой военной подготовки стало материальное обеспечение занятий. Естественно, никаких учебных пособий специально не создавалось: в стране просто не было для этого ресурсов. Отвлекать хотя бы часть вооружения, специальных средств для оснащения школ тоже было невозможно. На местах искали любую возможность для обеспечения занятий. Большей частью это были пособия, изготовленные или адаптированные самими обучаемыми. Опыт создания военных кабинетов, оснащения школ учебными и наглядными пособиями распространялся по другим школам. Элементы обучения военному делу включались в преподавание других предметов, находились в центре внимания пионерских и комсомольских организаций [25, с. 177].

Для военного обучения школьников многие воинские части предоставляли им свои тиры, учебные городки, стрелковое оружие, помогали в оборудовании учебных классов. В Свердловске с ними была проведена военно-спортивная игра, в которой участвовало свыше 4 тыс. учеников, руководил ею командующий войсками Уральского военного округа генерал-лейтенант А. В. Катков. В январе 1943 года в период зимних каникул Ленинанский горком комсомола и гороно совместно с представителями воинских частей фронта организовали военно-спортивный праздник, в котором участвовали 3 тыс. школьников. Сборные команды

районов состязались в ходьбе на лыжах, в умении ползать по-пластунски, в преодолении барьеров, перевозке пулеметов, транспортировке раненых на волокушах.

Важна также и деятельность комсомола и пионерской организации в годы Великой Отечественной войны. Как замечает В. А. Кудинов, рассуждая об истоках патриотизма советской молодежи: «Социальное в человеке не заложено в генах, оно воспитывается всеми институтами общества, законами государства и бытием человека в государстве и обществе. Существовало много компонентов, влиявших на то, что дети как состоящие в пионерской организации, так и не являющиеся ее членами, внесли свой вклад в дело победы» [50, с. 125]. Война заставила общественные объединения искать и находить новые формы, методы и новое содержание деятельности.

Здесь можно отметить зародившееся тимуровское движение — оказание помощи семьям фронтовиков, инвалидам войны, больным и престарелым людям. Только в РСФСР тимуровцев было более 2 млн человек. Тимуровцы Угодско-Заводской средней школы Калужской области о проделанной работе регулярно писали своему знатному земляку — Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Маршал присылал им теплые поздравления по случаю революционных праздников, благодарил за заботу о семьях воинов Советской армии.

«О масштабах работы тимуровцев может дать представление простой перечень дел: они заботились о семьях фронтовиков, престарелых, кололи дрова, подносили воду, отводили в детский сад малышей, собирали золу, куриный помет, черный и цветной металл, стекло для парниковых рам, лекарственные растения, деньги и облигации на постройку самолетов, орудий и др., устраивали мастерские для починки, пошива белья для семей фронтовиков, шефствовали над госпиталями, выступали перед ранеными с концертами, беседами, читали вслух газеты, помогали тем, кто был не в состоянии, писать письма, боролись с безнадзорностью, возвращали ребят в школу, собирали теплые вещи фронтовикам, отсылали посылки на фронт, выращивали овощи, собирали опавшие листья, которые служили сырьем для табачных фабрик, ремонтировали здания, расчищали дороги, заботились об эвакуированных детях» [50, с. 128].

В свою очередь, солдаты и офицеры частей и кораблей вносили средства на содержание детских домов, в фонд помощи детям, пострадавшим от немецко-фашистских захватчиков. Только в октябре 1943 г. в частях Дальневосточного фронта на эти цели собрано около 4 млн рублей.

Еще одним направлением пионерской работы было зарабатывание и сбор денег в Фонд обороны (за годы войны пионеры вместе с комсомольцами собрали миллиард рублей). Был проведен сбор средств на постройку именного вооружения: танковых колонн «Московский пионер»,

«Куйбышевский пионер», «Пионер Урала», бронетанковой колонны «Московский школьник», танковой колонны имени ВЛКСМ, имени Ивана Сусанина, «Имени Юрия Смирнова», «Советский школьник», «Школьник Ярославской области», «Киевский комсомолец», «Комсомолец Украины» и др. [50, с. 128].

Всего на пионерские средства было сформировано 16 танковых колонн и построено:

- 9 именных танков;
- 7 авиаэскадрилий (среди которых «Юный ивановец», «Пионер Сибири», «Ярославский пионер», «Пионер Узбекистана», «Пионер»)
- 5 именных самолетов;
- 2 подводные лодки «Ярославский комсомолец» и «Ярославский школьник»;
- отряд торпедных катеров «Одесский комсомолец» и т. д. [50, с. 128].

В августе — сентябре 1941 г. костромские и ярославские пионеры провели сбор средств на строительство бронепоезда, который уже в октябре начал воевать у Великих Лук. Было построено дальнобойное оружие «Юный ярославец» [50, с. 128].

Молодежь также участвовала в боевых действиях в партизанских отрядах и подполье. В фондах Центрального штаба партизанского движения, открытого для исследований в 1989 г., В. А. Кудинову удалось обнаружить тысячи документов — свидетельств участия детей в партизанском движении. Как указывает автор, широко об этом не было известно по одной причине — эти данные были засекречены и входили в одну из семи важнейших государственных тайн, о которой было запрещено говорить в открытой печати. По его подсчетам, на оккупированной территории действовало 84 подпольных пионерских отряда (29 находились в РСФСР, 23 на Украине, 13 в Латвии, по одному в Литве, Молдавии и 2 среди угнанных детей в Германии и Польше) [49, с. 226–232]. В это число не входят сотни пионерских групп, отрядов, которые находились в партизанских соединениях и школах партизанских зон в Ленинградской области, Белоруссии. За боевые действия больше 200 тыс. пионеров было награждено боевыми орденами и медалями. Из них более 20 тыс. — «За оборону Москвы», 15 249 человек — «За оборону Ленинграда». Шесть человек получили звание Героя Советского Союза (посмертно). Все это подтверждает, что детская общественная пионерская организация явилась важным ресурсом Победы [50, с. 129–130].

Школьные кружки являлись популярной формой применения энергии и способностей учащихся, приобщения их к оборонно-массовой работе. Кружковая работа в основном велась в вечернее время и в воскресные дни. Ребята вовлекались в кружки истребителей танков, стрелкового оружия, радистов, телефонистов, телеграфистов, конного спорта, служебного собаководства и голубеводства и т. д. В историческом кружке

школы № 9 Восточно-Сибирской железной дороги изучали историю войн русского народа с иностранными захватчиками, жизнь и деятельность русских полководцев, методы ведения партизанской борьбы в прошлом и настоящем.

Р. Е. Санин, А. В. Волков, исследуя опыт военно-патриотического воспитания учащихся средних школ в 1941–1945 гг. пишут о шефстве над общеобразовательными школами, которые находились в поле зрения командования и политорганов Вооруженных сил. «В военном обучении учеников школ использовался фронтовой опыт. Этому способствовало то, что военные руководители подбирались, как правило, из числа выздоравливающих после ранений командиров и политработников. Нередко командиры-фронтовики присутствовали на учебных занятиях, школьных мероприятиях; воины-комсомольцы руководили военно-техническими кружками. В системе Наркомпроса имелись специальные школы — артиллерийские, военно-воздушные и военно-морские, которые являлись средними общеобразовательными школами. Эти школы, а также созданные по решению партии и правительства суворовские военные и нахимовские военно-морские училища, содержащиеся по штатам и сметам НКО и НК ВМФ, были хорошим примером для общеобразовательных школ в постановке военно-патриотического воспитания, готовили достойное пополнение для военных и военно-морских училищ» [92].

Период Великой Отечественной войны определил направления, виды, методы и формы дальнейшего развития военного дела и военного воспитания. «В 1943 году перед военными были поставлены задачи по созданию учебных заведений, которые бы способствовали приобретению опыта обучения и воспитания у суворовцев и нахимовцев, которые должны стать новым поколением военных, с новым мышлением, сформированными навыками, которые позволят укрепить вооруженные силы и мощь государства. Данная задача также была прописана в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г.» [64, с. 509]. Регламент формирования, воспитания и обучения в указаниях Суворовскому военному училищу (СВУ) осуществлялся согласно приказам 605 и 606 [15]. Все работы, связанные с подготовкой к открытию училищ, были окончены к середине декабря 1943 г., в то время как плановые занятия начались 1 декабря. Как пишет А. В. Путинцев, ссылаясь на исследования В. Ф. Некрасова: «основная задача СВУ «состояла в том, чтобы воспитать, подготовить к военной службе офицеров, при этом дать суворовцам общее среднее образование. Воспитать будущее поколение советских офицеров, привив им чувство пламенного патриотизма, беспредельной любви и преданности Родине. Также стояло задачей воспитать офицеров как всестороннее развитых, культурных, имеющих высокое чувство личной, профессиональной и политической чести, основываясь

на глубоком уважении к героическому прошлому советского народа, а также чтить воинские чекистские традиции» [67, с. 356]. По общеобразовательной подготовке суворовцам следовало «твердо усвоить программу за 10 классов средней школы; по военным дисциплинам — подготовить смелого, инициативного, решительного бойца, в совершенстве владеющего личным оружием и умело использующего местность в бою, выносливого, могущего переносить трудности и лишения боевой жизни, а для старших классов — дополнительное ознакомление с основными положениями, нормативами и обязанностями командира отделения и командира взвода» [89, с. 512].

Р. Е. Санин и А. В. Волков отмечают большую роль в военно-патриотической работе с учащимися пропаганды героизма советских людей на фронте и в тылу, регулярное информирование ребят о положении на фронтах Великой Отечественной войны: «Преподаватели использовали на занятиях документальные фотоснимки и публикации о мужестве и героизме воинов действующей армии, об их умении громить врага, а также о зверствах фашистов. Воспитательная работа не замыкалась в рамках уроков. Учителя проводили экскурсии по местам революционной и боевой славы, организовывали коллективные посещения спектаклей и кинокартин, музеев и выставок. Жгучую ненависть к немецко-фашистским захватчикам рождали у школьников художественные фильмы “Радуга”, “Зоя”, “Она защищает Родину”, “Народные мстители”, хроникально-документальная лента “Разгром немецких войск под Москвой” и др.

Участники художественной самодеятельности частей и учреждений Московского и Северо-Кавказского военных округов давали концерты в школах, детских домах, педагогических техникумах. В декабре 1944 — январе 1945 г. преподаватели и курсанты Смоленского военно-политического училища прочитали 581 доклад на темы о беспримерном подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Их прослушали 25 тыс. человек, в том числе 12,5 тыс. школьников» [92, с. 323].

Огромное воздействие на ребят оказывали переписка и встречи с фронтовиками. Письма с фронта читали перед началом и в ходе уроков, на митингах, они помещались в стенгазетах, выпускались специальными листовками. Офицер-политработник А. И. Ручьев, отвечая своим дочерям, писал в письмах: «Прочтите их не только сами, но и в школе среди детей... Мы ваши наказы будем выполнять с честью — бить немцев, и вы, наши дети, отвечайте хорошими успехами в учебе и помогайте колхозам» [78].

Для всех учащихся ежедневно проводились политинформации о ходе отечественной войны по материалам Советского информационного бюро, газет и радиосообщений. Из учащихся 8–10-х классов организовывались агитационные группы для проведения разъяснительной работы среди населения.

Особое значение в годы войны приобрело школьное историческое образование, в основе которого было «знание великого прошлого своей страны, подвигов народных героев, этапов борьбы русского народа с иностранными захватчиками, гениальных творений русской науки, литературы и искусства.

Духовным началом в борьбе с фашизмом была гордость за героическое прошлое страны: суворовские походы, победа над Наполеоном, героическая оборона Севастополя в Крымской войне и др. Другой духовной силой стало пробуждавшееся национальное чувство, которое было одной из главных движущих сил в борьбе с Германией в годы Великой Отечественной войны. Все это явилось ресурсом Победы — формировавшееся самопожертвование, жертвенность не ради смерти, а ради жизни, которое рассматривалась как составная часть жизни: «Сам погибай — товарища выручай!»» [85]

О. Г. Жукова пишет: «15 ноября 1941 г. Враг на подступах к столице. Геббельс по радио оповещает весь мир о скором торжественном вступлении в Москву германского воина-победителя. Нарком просвещения издает приказ № 170 “О сборе материалов Великой Отечественной войны”, который дает начало поиску экспонатов для музеев. Собираются письма с фронта и фотографии воюющих и погибших земляков, плакаты, киноафиши, вырезки из местных газет, свидетельства варварских бомбардировок и артобстрелов — осколки мин и бомб, гильзы и другие реликвии и свидетельства войны, а также — трофеи. Этой инициативой Наркомат просвещения закладывает начало сбору материалов по истории еще идущей Великой Отечественной войны, в конечном победном исходе которой, стало быть, сомневаться нужды нет. Скоро и Академия наук, и правительство озаботилось созданием комиссий по сбору материалов для будущих экспозиций в музеях по истории Великой Отечественной» [29].

При участии воинских коллективов шла работа по созданию школьных музеев и комнат боевой славы. Так, политуправление Центрального фронта по просьбе местных комсомольских организаций направляло школьникам материалы о боевых подвигах комсомольцев-земляков, в том числе комсомольские билеты погибших, пробитые и залитые кровью.

На протяжении всей войны издательства страны выпускали книги, учебно-методическую литературу по военно-патриотическому воспитанию школьников. Уставы и наставления Советской армии, необходимые для военной подготовки учащихся, учебно-методические и наглядные пособия печатались в типографиях «Военного издательства».

Все это помогало ребятам глубже осознавать свой долг по защите Родины, приобретать необходимые знания и навыки [44].

В 1944/45 учебном году в общеобразовательных школах Наркомата путей сообщения СССР подготовлено 70 тыс. человек по таким

специальностям, как пулеметчик, автоматчик, гранатометчик, истребитель танков, связист и др. В 1944 г. в Киевской, Черниговской, Житомирской областях из числа девушек — учащихся 8–10-х классов — было подготовлено 6,4 тыс. радисток, телефонисток, телеграфисток, сандружинниц [46, с. 258].

Обзор источников показывает, что в педагогической периодике военного времени находят отражение значительные коррективы в организации и функционировании школьной системы, которые обусловили такую перестройку учебно-воспитательной работы, которая обеспечивала бы подготовку учащихся к практическому участию в труде и обороне [93].

В приказе по Наркомпросу РСФСР № 43 от 20 января 1944 г. «О мероприятиях по улучшению военной и физической подготовки обучающихся», отражен анализ состояния выполнения постановлений Совнаркома СССР № 1729 и 1730 от 24 октября 1942 г., в которых отмечались достижения в школах по постановке военного обучения и физической подготовки учащихся: проделана работа по подбору кадров военных руководителей, внеклассная военно-спортивная работа в школах несколько улучшилась и стала носить более массовый характер.

Однако военное обучение во многих случаях еще не стало органической частью всей учебно-воспитательной работы школы. В целях улучшения военной подготовки и физического воспитания учащихся в приказе указывалось на конкретные меры по ее улучшению, например предписывалось:

- «заведующим обл.(край)ОНО и наркомам просвещения РСФСР по кадрам: обязать заведующих гор.(рай)ОНО производить набор кадров военных руководителей лично самим, а директорам — предварительно проверять пригодность намечаемых кандидатов для работы в школе; о[б]о всех случаях использования военных руководителей не по назначению немедленно доводить до сведения военных комиссаров, военных отделов райкомов и обкомов ВКП(б), добиваясь отмены неправильных распоряжений; возложить на заведующих рай(гор)ОНО контроль и наблюдение за командирской учебой военных руководителей, усилив в ней элементы педагогической подготовки и изучения вопросов физического воспитания; привлечь областные и краевые институты усовершенствования учителей, а также районные и городские педагогические кабинеты к практической работе по повышению практической и методической квалификации военных руководителей;
- заведующим обл.(край)ОНО и наркомам просвещения РСФСР по учебно-воспитательной работе: обеспечить повседневную и более тесную взаимную работу школьных секторов и секторов военного обучения; вменить в обязанность школьным инспекторам при выездах на места обязательно проверять состояние военной

и физической подготовки в школах; обеспечить широкое развертывание в школах и внеклассной военно-спортивной работы, улучшая положение с подготовкой сдачи норм комплекса БГТО и ГТО; потребовать от всех директоров школ обязательное проведение во всех школах физической зарядки перед началом занятий во всех школах;

- заведующим обл.(край)ОНО и наркомна просвещения РСФСР по материальному обеспечению: добиться полного выполнения предприятиями местной промышленности и промкооперации плана производства военно-учебных пособий и спортивного оборудования и обеспечить изготовление простейших видов этих пособий мастерскими детских домов и самими школьниками; шире развернуть работу по строительству и дооборудованию пришкольных спортивных площадок при каждой школе».

В. Ф. Кулаков, В. И. Лутовинов и А. С. Синайский в своем исследовании делают выводы о том, что началу Великой Отечественной войны советское общество качественно изменилось. Граждан сплотили и внешняя угроза, и успехи страны в экономике, науке, образовании. «Ушли в прошлое социальные различия между богатыми и бедными слоями общества. Сохранилось понимание религиозных, в том числе христианских ценностей, несмотря на господствовавший повсеместно воинствующий атеизм. Проявился и осознаваемый выбор участия в борьбе за лучшее состояние семьи, своего народа, родины. Молодые люди, комсомольцы, пионеры и не только осознавали себя участниками совместных действий детей и взрослых по улучшению окружающей среды. <...> Война обострила осознание самого себя, своего места в жизни и в обществе. За два десятилетия у детей и молодежи было сформировано понимание общности ценностей, общей истории своей страны, перспектив развития» [50, с. 126].

Обращение к истории школы военных лет позволяет говорить об укреплении связи обучения с воспитанием. И это, прежде всего, видно из опыта начального военного обучения и патриотического воспитания молодежи. Никогда в российской школе, даже в годы тяжелых испытаний, обучение военным навыкам, в том числе связанным со стрелковой подготовкой, не осуществлялось в отрыве от воздействия на систему ценностей учащихся, основанную на традициях предков, любви к Родине, к своему народу. Обучение и воспитание в годы войны максимально были связаны с героическими усилиями советского народа в его борьбе с фашистскими захватчиками. Учителя начальной военной подготовки, инструкторы всевобуча, наставники в кружках — все не только транслировали знания, но и воспитывали людей, способных отстоять независимость страны в освободительной войне во имя спасения от физического и духовного уничтожения.

Заключение

Исследователи вопросов начальной военной подготовки и военно-патриотического воспитания школьников в годы войны основными практическими задачами называют следующие:

- 1) образовательная:
 - получение и углубление знаний по истории нашей страны, в том числе истории армии и флота, биографии выдающихся военных деятелей и армейских частей,
 - приближение знаний по многим дисциплинам к военным знаниям на уровне дидактических материалов уроков и практических задач,
 - соотнесение тем уроков с историческими и происходившими военными событиями;
- 2) воспитательная (идеологическое, гражданское, патриотическое и трудовое воспитание);
- 3) военно-физическая:
 - строевая, огневая, противохимическая, тактическая, военная, санитарная подготовка,
 - физическое воспитание,
 - укрепление здоровья;
- 4) адаптивная:
 - формирование жизнестойкости личности в сложных условиях военного времени,
 - формирование коллективного сознания, готовности к взаимопомощи.

Военно-патриотическое воспитание и начальная военная подготовка учащихся, проводимые школами и общественными организациями с участием воинских и трудовых коллективов, являлись неотъемлемой частью общей системы воспитания молодежи в 1941–1945 гг. В результате выпускники школ получали военные знания, осознавали ответственность за вооруженную защиту своей Родины и были готовы и способны отстоять Отечество.

История начальной военной подготовки и патриотического воспитания в России свидетельствует о том, что на каждом историческом этапе они тесно связывались с государственными и общественными потребностями и отображали уровень их развития. Так, на первых этапах развития государственности идеи патриотизма находили свое выражение в основном в литературных и религиозных источниках, отражались в национальной психологии народа на уровне обыденного сознания. Начиная с Петра I, патриотическое воспитание приобретает все более сложную организационную форму. При этом в каждом историческом периоде характерными чертами системы формирования патриотического

воспитания является преемственность, развитие, опора на ратные подвиги соотечественников [76].

Кроме того, прошлое России убедительно свидетельствует, что во все времена государственно-патриотическая идея была одним из основных факторов, обеспечивающих жизнеспособность общества. Более того, патриотизм представляет собой глубокую традицию отечественной гуманитарной науки и культуры. Он всегда рассматривался как необходимое условие силы российского народа, единства и величия России, могущества Российского государства и его Вооруженных сил [3, с. 24].

Вплоть до развала Советского Союза в начале 1990-х гг., начальная военная подготовка в общеобразовательных организациях была эффективным инструментом не только допризывной подготовки молодежи, но и ее военно-патриотического воспитания, физического и нравственного развития, стимулирования соблюдения норм здорового образа жизни. Катастрофические изменения социально-экономических и политических условий привели к отмене НВП в системе общего и начального профессионального образования. В результате накопленный веками педагогический опыт был почти утерян, а молодежь на долгое время осталась практически неподготовленной к защите Родины.

Осенью 1990 — весной 1991 г. российское правительство трижды на своих заседаниях обсуждало вопрос об отмене обязательной начальной военной подготовки в школе. В результате постановлением Правительства РСФСР от 14 мая 1991 г. № 253 «О допризывной подготовке учащейся молодежи в государственных общеобразовательных учебных заведениях в РСФСР» с 1 сентября 1991 г. в государственных общеобразовательных учреждениях был введен новый курс «Основы безопасности жизнедеятельности». В рамках этого курса в 1991/92 учебном году предлагалось завершить обучение учащихся 10–11-х классов по действующей программе допризывной подготовки. Должность военного руководителя упразднилась, взамен вводилась должность преподавателя курса «Основы безопасности жизнедеятельности». Стрелковое оружие из школ изымалось, военная подготовка учащихся сосредоточивалась в кружках, спортивных и военно-прикладных секциях, на факультативах (приказ Министерства образования РСФСР от 27 мая 1991 г. № 169 «О введении в государственных общеобразовательных учебных заведениях РСФСР нового курса “Основы безопасности жизнедеятельности”»). Этот подход был отражен в федеральном законе «Об образовании», принятом 10 июля 1992 г. Пункт 7 главы 14 закона четко фиксировал: «Военная подготовка в гражданских образовательных учреждениях может проводиться только на факультативной основе с согласия обучающихся и (или) их родителей за счет средств и силами заинтересованного ведомства». В итоге начальная военная подготовка как учебный предмет была исключена из учебного процесса в школе [44].

Однако в настоящее время общественный запрос на качественное совершенствование системы военно-патриотического воспитания, наполнение ее конкретным содержанием, обучение допризывной молодежи знаниям, умениям и навыкам, отвечающим актуальным потребностям и уровню развития современной Российской армии и соответствующим решаемым ею сегодня задачам, растет. Этим объясняется внимание к теме подготовки молодежи к военной службе — ей посвящено значительное количество исторических и педагогических работ. В них авторы рассматривали вопросы подготовки молодежи к защите Отечества в концептуальном плане, используя общегосударственный опыт и подход, обосновывали принципы формирования у молодежи оборонного и правового сознания, привития необходимых умений и навыков для службы в армии.

«В условиях формирования эффективной модели допризывной подготовки в современной России становится актуальным изучение позитивного опыта организации начальной военной подготовки молодежи, накопленного в СССР. Анализ опыта подготовки молодежи к военной службе в советский период позволяет понять, что только комплексный подход к осуществлению допризывной подготовки молодежи обеспечит формирование для армии и флота призывников, отвечающих современным требованиям, и позволит повысить престиж военной службы» [8].

Опровергая бытующее мнение о том, что возвращение НВП в школу началось после 24 февраля 2022 г. с началом специальной военной операции, В. Ю. Храмов пишет: «...Решения об исключении данного вида подготовки молодежи из практики российского образования можно оценивать как не отвечающие вековым традициям общества и государства, и вопрос о введении военной подготовки для учащихся общеобразовательных учреждений назрел уже давно. НВП — это часть государственной политики по обеспечению национальной безопасности. Этому учит многовековая история народов России. Рассматривая предмет НВП в общеобразовательных учреждениях как часть национальной безопасности государства, мы должны определять и основные направления для него:

1. Военная подготовка учащихся к службе в Вооруженных силах. Изучение предметов боевой подготовки ВС и отработка установленных нормативов, а также улучшение физической подготовленности допризывников.

2. Воспитание молодежи в готовности к защите Отечества от внутренних и внешних врагов, личной ответственности за его безопасность.

3. Воспитание патриотизма у молодых людей, гордости за свою страну и ее историю. Активное участие во всероссийском детско-юношеском общественном движении, в военно-патриотических и других молодежных организациях и движениях.

4. Отбор и подготовка будущих кандидатов для поступления в военно-учебные заведения, а также для службы по контракту в ВС и других силовых ведомствах.

5. Изучение военной истории и героического настоящего ВС РФ.

Следует отметить, что в современном варианте начальной военной подготовки использован богатый опыт Советского Союза. Это поможет в организации учебного процесса и методическом сопровождении предмета, что позволит эффективней использовать учебное время и положительно повлияет на подготовленность к службе в армии» [102].

В. П. Потемкин в 1941 г. писал: «В обстановке нынешней войны задачи просветительной работы приобретают особое, чрезвычайное значение. Дело идет о защите культуры против варварства, школы — против невежества, защите науки, сокровищ искусства — против новых вандалов, вооруженных всеми средствами разрушения и истребления. Решается вопрос о судьбах молодежи, которой грозит физическая и духовная гибель. Работники культуры и просвещения — ближайшие помощники партии в этой благородной борьбе. <...>

Советский учитель сыграет историческую роль в этой борьбе. Сознательность, активность, патриотический подъем, готовность к самопожертвованию народных масс обеспечат победу над фашизмом. Никто теснее учителя не связан с народными массами. Через детей он входит в общение с семьей, становится ее советником и другом. В школе, библиотеке, клубе народный учитель проводит среди населения огромную просветительную и политическую работу. К народному учителю идут родители поговорить о своем ребенке; к нему обращаются с вопросом о газете или книге. От него требуют разъяснения смысла происходящих событий, целей нынешней войны, условий и перспектив борьбы с фашистскими варварами, путей, ведущих к скорейшей победе над врагом человечества. Все советское учительство должно осознать эту свою важнейшую роль. Нужно, чтобы оно поняло, какая ответственность возлагается на него в нынешнем году решающих испытаний» [85].

Сегодня эти слова выдающегося наркома просвещения по-прежнему несут смысловую основу российского образования.

Список литературы

1. Аверьянов А. В., Грядский Д. М. Военная подготовка в системе школьного образования Ростова-на-Дону (1941 — первая половина 1943 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 47–53.
2. Аверьянов А. В., Грядский Д. М. Организация военной подготовки и обучения на Юге РСФСР в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020. Т. 8. № 2. С. 18.

3. *Азарова А. В.* К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник военного университета. 2010. № 3. С. 21–25.
4. *Академик В. П. Потемкин.* Статьи и речи / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова и Н. А. Константинова. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 303 с.
5. *Артемьев Ж. Л.* Деятельность Коммунистической партии по военно-патриотическому воспитанию советского народа в годы довоенных пятилеток: дис. ... к. и. н. М., 1968. 89 с.
6. *Бабаскин О. П.* Реализация государственной политики в сфере начальной военной подготовки молодежи в учебных заведениях курского региона (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... к. и. н. Курск, 2011. 178 с.
7. *Балакцрев А. Н.* Тимуровцы: маленькие волонтеры Великой войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 19–23.
8. *Балашов Р. В., Лутовинов В. И., Метлик И. В., Поляков С. П.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе: история и современность // Учебно-методические материалы. М.: ДОСААФ, 2010. С. 35.
9. *Бодрова Е. В.* Система военно-патриотического воспитания накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Русский интеллектуальный клуб. URL: <https://rikmosgu.ru/publications/3559/4741/>. (дата обращения: 15.05.2025).
10. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / председ. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Бол. Росс. Энциклопедия, 2014. Т. 24. 767 с.
11. *Бомбаева Р. В.* История и становление начальной военной подготовки в школе // Педагог-профессионал в школе будущего: Материалы VI Всероссийской молодежной конференции. Элиста, 20 апреля 2023 года / редкол.: С. В. Белова [и др.]. Элиста: Калмыц. гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2023. С. 30–33.
12. Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32 (Доклад начальника Генерального штаба Красной армии К. А. Мерецкова председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову о состоянии допризывной военной подготовки учащейся молодежи 24 января 1941 г.).
13. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
14. Вклад в победу над фашистской Германией Сибирских формирований Красной армии в годы Великой Отечественной войны: материалы региональной науч.-практ. конф. (25 апреля 2008 года) / под общ. ред. В. И. Голикова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 242 с.
15. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): док. и материалы. 1975. М.: Юридическая литература. 728 с.
16. Военно-патриотическое воспитание учащихся: пособие / В. Г. Стуканов [и др.]. Минск: Нац. ин-т образования, 2023. 256 с.
17. *Волков А. П., Прилуцкий В. В.* Оборонно-массовая работа общественных организаций СССР во второй половине 1930-х годов // Право и образование. 2019. № 9.
18. Воспитывать патриотов Родины: о проблемах военно-патриотического воспитания молодежи и населения в период с 1922 г. по начало XXI в. / А. П. Волков [и др.]; под общ. ред. А. П. Волкова. Рязань: Русское слово, 2011. 723 с.
19. *Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б., Лутовинов М. Б.* Военно-патриотическое воспитание молодежи. Волгоград: ПринТерра, 2008. 162 с.

20. Гончаров М. А., Кривко Я. П. Основные направления военно-патриотического и физического воспитания школьников в предвоенные годы XX века (по материалам литературно-художественного и общественно-политического журнала «Пионер») // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1, № 3. С. 138–151.
21. Гуркина Н. К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.
22. Гусев А. И. Год за годом: из летописи детского коммунистического движения СССР. 1917–1981 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 41.
23. Дважды орденоносное оборонное: Кн. о ДОСААФ СССР, о возникновении и развитии о-ва, его воен.-патриот. деятельности, вкладе в укрепление обороны. могущества страны / И. Ф. Васильев [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ДОСААФ, 1983. 542 с.
24. Деларов И. Д. Военная работа ребят летом: методы, формы, содержание и программы летней работы пионерлагеря, площадки, военно-турист. похода. М.; Л.: Мол. гвардия, 1931. 120 с.
25. Дмитриев Н. Военный кабинет в школе: (Устройство и организация работ). Тбилиси: Изд-во Ин-та, 1944; Карганова С. Военная подготовка учащихся на внеклассных занятиях по географии. В помощь учителям и пионерработникам. Ярославль: Яросл. обл. изд-во, 1943; Народное образование в СССР. Общеобразовательные школы. 1917–1973: сб. док. М., 1974. С. 177.
26. Добрые заветы русскому юношеству: на память о царском смотре воен. строя гимнаст. дружин гражд. учеб. заведений и пребывания их в СПб. с 22 по 30 июля 1911 г. СПб.: Санкт-Петербург. Отдел Всерос. нац. союза.
27. ДОСААФ России. URL: <https://www.dosaaf.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
28. Ефимова Е. А. Военная (оборонная) работа с пионерами и школьниками в 1927–1941 гг.: некоторые организационно-педагогические аспекты. М.: Ленанд, 2021. 200 с.
29. Жукова О. Г. Битва за школу // Народное образование. 2020. № 4. С. 106–128.
30. Журнал «Осоавиахим». 1929. 15 октября. № 20.
31. Заводсков И. Н. Военно-патриотическое воспитание молодежи в 1929–1941 гг.: на материалах Ульяновской области: автореферат дис. ... к. и. н. Ульяновск, 2024. 22 с.
32. Заводсков И. Н. Военно-патриотическое воспитание ульяновских школьников в конце 1920-х — 1930-х гг. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3. С. 22–31.
33. Заводсков И. Н. Опыт Осоавиахима в военно-патриотическом воспитании детей и молодежи в 1927–1941 гг. // Платоновские чтения: материалы и докл. XXVIII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 9–10 дек. 2022 г.). / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара: Самар. гуманит. акад., 2023. С. 187–188.
34. Зинченко В. О., Кривуля А. Д. Организация начальной военной подготовки в общеобразовательной организации: опыт и проблемы современного этапа // Инновационные направления интеграции науки, образования и производства: сб. материалов IV Международной науч.-практ. конф., Феодосия, 10–14 мая 2023 года. Керчь: Керч. гос. мор. технолог. ун-т, 2023.
35. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая. № 113; Сборник руководящих материалов о школе / сост. Н. И. Болдырев. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 308 с.

36. Казакова А. Г., Новашина М. С. Непреходящее значение идей А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского о патриотическом воспитании // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. С. 131–138.
37. Касьян И. Н. Исторические аспекты создания и функционирования Осоавиахима в 20–30 годы XX столетия // Инновации в науке. 2017. № 6. С. 23–28.
38. Качулина Н. Н. Сокольская гимнастическая система как вариант воспитательной системы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4.
39. Кнителъ Н. Ю. Педагогические пути совершенствования подготовки молодежи к военной службе в общеобразовательных организациях: дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 178 с.
40. Кобелев П. П. XX лет Осоавиахима. М.: Редиздат ЦС Союза Осоавиахим СССР, 1947.
41. Колычев В. Г. Истоки мужества: Подготовка молодежи к вооруженной защите Родины в 1918–1945 гг. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1985.
42. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. М.: Учпедгиз, 1948.
43. Косенков О. Н. О программах начального военного обучения в общеобразовательных школах // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 4.
44. Косенков О. Н., Кретинин Г. В. Военное дело в средней школе: история и современность. Преподавание начальной военной подготовки в школах Калининградской области в 1945–2007 годах: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. 220 с.
45. Котельников А. Ю., Андруник А. П. Проблемы формирования патриотического сознания студенческой молодежи на современном этапе развития России // Современные проблемы науки и образования: сетевое изд. 2021. № 3. URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=30855> (дата обращения: 15.05.2025).
46. Краснознаменный Киевский. История Краснознаменного Киевского военного округа (1919–1979) / Г. И. Серебряков [и др.]. Изд. 2-е, доп. и испр. Киев: Политиздат Украины, 1979. 414 с.
47. Крупская Н. К. Школа и учитель перед лицом опасности войны // На путях к новой школе. 1927. № 7–8.
48. Кудинов В. А. История детского и юношеского движения в России: учеб. пособие / отв. ред. Л. И. Тимонина. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. 289 с.
49. Кудинов В. А. Некоторые проблемы деятельности пионерской организации в годы войны // Народ и война. 50 лет Великой Победы: сб. ст. / отв. ред. В. А. Ежов. СПб.: Петрополис, 1995.
50. Кулаков В. Ф., Лутовинов В. И., Синайский А. С. Концепция военно-патриотического воспитания молодежи // Обозреватель. 1999. № 1. С. 40–45.
51. Курс сокольской гимнастики: Пособие для руководителей / пер. с чеш. Н. В. Манохина. 2-е изд., доп. и испр. Петроград: Сокол-1, 1917. 267 с.
52. Кутепов В. А. Начальная военная подготовка молодежи в общеобразовательных школах Западной Сибири (1968–1991): опыт и проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2010. № 30. Вып. 42. С. 53–63.
53. Кутепов В. А. Начальная военная подготовка молодежи в общеобразовательных школах Западной Сибири: дис. ... к. и. н. Тюмень, 2011. 234 с.

54. Лобанова О. Б. [и др.] Практика военно-патриотического воспитания школьников в годы великой отечественной войны // Современные проблемы науки и образования: сетевое изд. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17775> (дата обращения: 15.05.2025).
55. Лутовинов В. И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. С. В. Смульского. М.: Изд-во РАГС, 2010. 170 с.
56. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977.
57. Манукян В. М. Военно-патриотическое воспитание населения России (1905–1914 гг.): дис. ... к. и. н. СПб., 2000. 183 с.
58. Манукян В. М. Деятельность государства по военно-патриотическому воспитанию населения в России начала XX в. // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. по материалам IX международ. науч.-практ. конф. Новосибирская: Сибирская акад. кн., 2018. Том 4.
59. Массовая военно-физкультурная работа среди учащихся. М.: Наркомпрос РСФСР, 1941. 11 с.
60. Медведев Р. Г. Военно-патриотическое воспитание школьников в предвоенные годы (1938 г. — июнь 1941 г.) // На пороге войны. 1939 год. М.: Яуза-Каталог, 2020. 448 с.
61. Минаков А. С. Оборонно-массовая работа и военная подготовка в СССР в предвоенный период // Власть. 2013. № 7.
62. Морева Е. В. Становление военно-патриотического воспитания в СССР (1918–1945 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность: материалы всерос. (с международ. участием) науч.-теорет. конф., Иркутск, 20 апреля 2022 года. Иркутск: Репроцентр+, 2022.
63. Мосеев В. И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921–1941 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда и Ленинградской области: дис. ... к. и. н. СПб., 2002. 187 с.
64. Мухаметов П. А. Организация военной подготовки в учебных заведениях Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 113–120.
65. Мыслинский Н. Г. О вопросах методики начальной военной подготовки учащихся средних школ // Советская педагогика. 1942. № 5.
66. Начальная военная подготовка: Учебник по военной подготовке для учащихся 5, 6, 7-х классов неполных средних и средних школ. М.: Воениздат Наркомата обороны СССР, 1940. 103 с.
67. Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства (1917–1977 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1980.
68. Никонова О. Ю. Осоавиахим и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе: 1927–1939 гг.: автореферат дис. ... д. и. н. Челябинск, 2013. 45 с.
69. «О признании утратившими силу решений Правительства СССР в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 мая 1966 г. № 349 «О состоянии и мерах по улучшению работы Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР)». Постановление Совета министров СССР от 3 января 1967 г. № 3.

70. О проекте закона «О всеобщей воинской обязанности». Доклад народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова // Исторический журнал. 1939. № 9.
71. Осоавиахим СССР. Съезд (2; 1930; Москва). Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. 2-е изд. М.: Осоавиахим, 1930. 63 с.
72. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917–1941) / лит. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. М.: Педагогика, 1980, 284 с.
73. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1941–1961 гг. / Е. И. Волкова [и др.]. М.: Педагогика, 1988. 270 с.
74. *Панков Н. П.* Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в 1929 — июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2013. 21 с.
75. Патриотизм в системе обеспечения национальной безопасности России // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25 марта 2016 года. М.: Эко-Пресс, 2016.
76. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. И. Лутовинова. М.: Экон-Информ, 2017. 330 с.
77. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 4, Ч. I.
78. Письма с фронта. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1979.
79. Письмо Минпросвещения России от 14.02.2023 № 03-287 «О направлении инструктивного письма» (вместе с «Инструктивным письмом об организации изучения начальной военной подготовки в образовательных организациях в рамках освоения основных общеобразовательных программ») // Официальные документы в образовании. 2023. № 10.
80. План и программы подготовки учащихся 9-х классов в лагерях Осоавиахима в 1937 г. М.: Наркомпрос РСФСР, 1937. 44 с.
81. Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе. Новгород: Новгород. губ. тип., 1911. 5 с.
82. Положение о преподавании гимнастики и военного строя в мужских учебных заведениях. СПб.: [б. и.], 1908.
83. *Поляков С. П.* Концептуальные положения педагогической системы подготовки молодежи к военной службе в России. М.: ИВИ, 2008.
84. Постановление СНК СССР № 1729 «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5–10 классов неполных средних и средних школ и техникумов», с приложением Положения и ведомости // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 58–65.
85. *Потемкин В. П.* Статьи и речи по вопросам народного образования. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947.
86. Программа допризывной военной подготовки учащихся VIII, IX, X классов и I, II, III курсов техникумов. М.: Наркомпрос РСФСР, 1943.
87. Программа кружка юных друзей Осоавиахима по ПВО (противовоздушная оборона). Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1934. 7 с.
88. Программа начальной военной подготовки учащихся 5, 6, 7-х классов неполных средних и средних школ. Л.: Ленгаз-жур, и кн. изд-во, 1942. 62 с.

89. *Путинцев А. В.* Опыт организации военно-патриотического воспитания в суворовских военных училищах НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. 2020. № 23. С. 508–513.
90. Развитие взаимодействия образовательных организаций и военно-патриотических объединений с воинскими частями: методическое пособие для образовательных организаций / В. П. Голованов [и др.]. М.: Пространство инноваций, 2017. 144 с.
91. Русский скаутизм // Армия и флот. 2001. № 2–3. С. 48–49.
92. *Санин Р. Е., Волков А. В.* Из опыта военно-патриотического воспитания учащихся средних школ в 1941–1945 годах // Приоритетные направления развития системы военного образования / под общ. ред. В. Ф. Кулавского. Пермь: Изд-во Перм. воен. ин-та войск нац. гвардии, 2018. 385 с.
93. *Скаткин М. Н.* Предлагаемые изменения в учебном плане и программам средней школы на 1942/43 учебный год // Советская педагогика. 1942. № 2. С. 23–25.
94. Специальная военная операция. Меры социальной и правовой поддержки участников, членов их семей и другие актуальные вопросы: информационно-методические материалы. Иркутск: ИРНИТУ, 2024. 104 с.
95. *Твердюкова Е. Д.* «В Вас только одним нашел я поддержку в осуществлении Высочайшей идеи»: переписка организатора первого народного класса строя и гимнастики А. А. Луцкевича с военным министром В. А. Сухомлиновым // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 925–939.
96. *Теркун А. Н.* Военное воспитание в России (1905—1914): дис. ... к. и. н. СПб., 1999.
97. *Тимошенко Ю. В.* Развитие патриотического воспитания в России // Молодой ученый. 2018. № 25. С. 319–322.
98. *Тихомирова Т. В.* Осоавиахим в 1927–1948 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: автореферат дис. ... к. и. н. Иваново, 2011. 24 с.
99. Устав Союза обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства «Осоавиахим» СССР. Утвержден Советом Народных Комиссаров Союза ССР 31 августа 1927 года // *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: док., прилож. СПб: Изд. Дом «Нева», 2004. Кн. 2. С. 373–375.
100. *Фон-Герих П.* Допризывная подготовка: Нравственное и физическое воспитание нашей молодежи и ознакомление ее с основами военного дела. Петроград: Изд. Т-ва В. А. Березовский, 1917. 406 с.
101. Храбрым — бессмертие. Военная хрестоматия / сост. Ф. Тараныгин. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1911.
102. *Храмов В. Ю.* Начальная военная и допризывная подготовки учащихся в 20–40-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 01.02.2024. URL: <http://history.milportal.ru/nachalnaya-voennaya-i-doprizyvnaaya-podgotovki-uchashixsya-v-20-40-e-goda-xx-veka/> (дата обращения: 15.05.2025).
103. *Черняк Е.* Военизированные упражнения и игры на местности / под ред. Б. Кальпуса. М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит-ры, 1928.
104. *Четверикова О.* Сталин и школа. Знания: цена, ценность, оценка // Завтра. 2020. Март. № 11. URL: https://zavtra.ru/blogs/stalin_i_shkola (дата обращения: 15.05.2025).
105. Элементарный курс военных знаний: пособие / под ред. Г. И. Овчинникова. М.; Л.: Учпедгиз, 1932.

Е. М. Малышева, Э. В. Осерская

Кадетское образование в СССР в годы Великой Отечественной войны

Основополагающая идея долга перед отечеством в многонациональной России утверждалась не одно столетие. Она всегда была показателем гражданственности, сопричастности с судьбой страны и выражалась в стремлении к активным действиям во благо Отечества. Патриотизм, возникший как сложный духовно-нравственный феномен, проявлялся в стремлении к защите Родины и чувстве гордости за успехи, причастности к ее истории. Для гражданина России во все времена были важны моральные устои, которые впервые обретаются в семье и составляют стержень патриотизма, без которого не может быть национального суверенитета страны. Задача формирования и развития этих нравственных устоев решалась через образовательные учреждения.

Предыстория зарождения кадетского образования в России восходит к началу XVIII в. Прообразом кадетских учреждений стала созданная Петром I в 1701 г. Школа математических и навигацких наук. В нее набирались дети дворянского сословия старше 11 лет, которые обучались и военным дисциплинам.

Первый российский кадетский корпус (сухопутный) был учрежден по указу Анны Иоанновны в 1731 г. в Санкт-Петербурге. Позже были созданы артиллерийские, инженерные, морские корпуса, которые стали важным элементом подготовки кадров для российской армии и флота. В кадетские корпуса зачислялись дети дворян, которые готовились для военной службы и получения офицерского звания.

В XIX в. кадетские корпуса стали открываться в различных регионах Российской империи. Программа обучения сочетала военные и общеобразовательные дисциплины: наряду с подготовкой по военной тактике и стратегии изучались такие предметы, как математика, история, география, иностранные языки. Как и прежде, кадеты проходили усиленную физическую подготовку, что способствовало формированию их физической выносливости и боевых навыков [2, с. 46].

В середине XIX в., в период правления Александра II, кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии и училища, где воспитанники стали готовиться к государственной службе наряду с армейской.

Во второй половине XIX в., в период правления Александра III, кадетские корпуса были возвращены. В образовании и воспитании упор делался на «преданность царю и Отечеству, верность воинскому долгу, дисциплину» [12].

В начале XX в. была расширена сеть кадетских корпусов, углубилась их общеобразовательная подготовка за счет расширения программы изучения естественнонаучных и гуманитарных дисциплин.

В преддверии Первой мировой войны кадетские корпуса в России стали важным источником комплектования армии, в первую очередь офицерского состава. Многие выпускники на фронтах проявили себя как боеспособные командиры и ответственные офицеры.

К началу 1917 г. России в 32 кадетских корпусах училось 13 тыс. кадет. Наряду со строевой подготовкой воспитанники учились фехтованию, плаванию, а также танцам, рисованию, пению, занимались гимнастикой. В программе обучения были уроки по предмету «Закон Божий». Из языков кадеты изучали русский, французский и немецкий.

После революционных событий 1917 г. кадетские корпуса столкнулись с серьезными вызовами: многие из них были закрыты или преобразованы в военные училища. В 1918 г. кадетские корпуса на территории, подконтрольной большевикам, были практически упразднены, и в 1920-е гг., в процессе установления советской власти, окончательно ликвидированы. Вместо них были созданы военные гимназии и училища, ориентированные на военную подготовку и политическое воспитание советской молодежи.

Однако в условиях нарастающей внешней угрозы для СССР и необходимости подготовки кадров для советских вооруженных сил, в 1930-х гг. был инициирован процесс возрождения кадетского образования. Учреждались специальные школы и училища, которые успешно решали поставленные правительством задачи политической, идейно-нравственной, физической и боевой подготовки молодежи Советского Союза к службе в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии.

В результате целенаправленной плановой учебно-воспитательной работы в соответствии с государственной программой в СССР накануне войны сложился новый тип патриотизма — советский патриотизм, воплотивший наиболее яркое выражение патриотического чувства. Он проявлялся в преданности своему Отечеству и готовности защитить Родину от внешних врагов. Мировоззрение, основанное на нравственно-духовном общественном интересе, правомерно будет назвать государственным, патриотическим или государственно-патриотическим [9].

Подчеркнем, что эти идеи были изначально заложены в систему кадетского образования в России. А в условиях угрозы войны кадетские учебные заведения вновь стали играть важнейшую роль в системе военного образования. В них проходили подготовку не только кадры будущих

офицеров, но также и рядовые бойцы, в которых формировалось патриотическое сознание и чувство готовности защищать советскую Родину.

С началом Великой Отечественной войны система военного образования в СССР претерпела очередные качественные трансформации, обусловленные потребностями фронта и задачами, поставленными экстремальными условиями перед советскими органами власти. Была разработана сокращенная ускоренная программа подготовки для училищ, а также взят ориентир на подготовку кадров для армии и флота из детей семей военнослужащих. Большая часть преподавателей и воспитателей были бывшими кадровыми офицерами и воспитанниками дореволюционных кадетских корпусов. Обучение в таких училищах было бесплатным, воспитанники получали полное государственное обеспечение, что делало его привлекательным для широких слоев советского общества [5].

В 1943 г. к Сталину с предложением воссоздать кадетские корпуса обратился генерал-лейтенант А. А. Игнатьев, выпускник царского кадетского корпуса. Надо отдать в очередной раз должное уважение главе государства, который согласился, только предложил назвать их суворовскими. Так в ходе Великой Отечественной войны было принято постановление о создании суворовских военных училищ (СВУ), с пометкой Сталина: «по типу старых кадетских корпусов». В соответствии с принятым решением, в суворовские училища принимались «дети воинов Красной армии, партизан, а также советских партийных работников, рабочих и колхозников, погибших на фронтах и в фашистской оккупации».

Была поставлена задача «готовить мальчиков к военной службе в офицерском звании, дать им общее среднее образование и соответствующее их предназначению воспитание». Прием в созданные пансионаты закрытого типа был с десятилетнего возраста, срок обучения назначался в семь лет. По первому набору в СВУ были приняты, в частности, внуки В. И. Чапаева, сын легендарного летчика Н. Ф. Гастелло, юные партизаны, «сыновья полка». Для преподавательской работы в созданных СВУ с фронтов отзывались офицеры, сержанты с педагогическим образованием, включая немногочисленных выпускников дореволюционных кадетских корпусов. В 1943–1944 гг. в СССР было создано семь суворовских военных училищ и Нахимовское военно-морское училище.

Статистика показывает, что в годы Великой Отечественной войны количество кадетских училищ увеличилось на 30 %. Так, если в 1941 г. в СССР насчитывалось около 50 кадетских училищ, то к 1945 г. их число возросло до 65. Это увеличение свидетельствует о растущем интересе к кадетскому образованию и его роли в формировании обороноспособности страны. Кроме того, около 60 % выпускников этих училищ уходили на фронт, что подчеркивает высокую степень востребованности кадетов в армии.

В обновленных учебных планах и программах педагоги уделяли особое внимание физической подготовке, тактике, стрельбе, практическим

навыкам, а также формированию духа героизма и готовности к самопожертвованию. Одновременно, несмотря на ускоренную программу подготовки в условиях войны, в кадетских корпусах уделялось внимание изучению истории, культуры, традиций и духовных ценностей народов СССР.

Значимым аспектом работы кадетских учебных заведений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стало сотрудничество с государственными военными органами и структурами.

Активное взаимодействие с армейскими подразделениями позволяло оперативно реагировать на изменения в ситуации на фронте и адаптировать учебный процесс в кадетских корпусах к требованиям времени. Выпускники принимали участие в военных действиях, применяя на практике полученные знания, внесли свой достойный вклад в общую победу.

Кроме того, кадетские школы и училища стали важными центрами, в которых молодые кадры не только получали необходимые теоретические знания, но и приобретали практические навыки и необходимую подготовку, необходимую для работы в различных отраслях советской экономики. В историографии отмечалось, что в условиях острого дефицита подготовленных кадров и необходимости оперативной подготовки специалистов эти учебные заведения способствовали формированию трудовых резервов, что, в свою очередь обеспечивало стабильность и эффективность тыла, необходимые для успешного ведения военных действий [1, с. 48].

В экстремальных условиях войны кадеты принимали участие в организации оборонительных мероприятий. Они помогали в строительстве укреплений, участвовали в подготовке и проведении учений, в обеспечении безопасности на территориях, подверженных нападениям врага. Их труд и самоотверженность становились примером для других, вдохновляя молодежь на активные действия в защиту Родины [4].

Примеров активного участия кадетов в обороне страны можно привести множество, один из них — история Железнодорожного училища г. Белово в военные годы и его вклад в победу [11, с. 95]. Железнодорожное училище подготовило множество специалистов, которые в условиях войны проявили свои знания и навыки на фронте и в тылу.

Одним из основных критериев эффективности кадетской подготовки является уровень готовности выпускников к выполнению боевых задач. Кадеты быстро адаптировались к условиям фронта. Их обучение включало не только основы военного дела, но и морально-психологическую подготовку, что способствовало формированию у них стойкости и готовности к самопожертвованию. Многие кадеты, окончившие учебные заведения, сразу же отправлялись на фронт. В условиях боевых действий они демонстрировали высокую степень обучаемости и способность к быстрой адаптации, что делало их ценными кадрами для армии [8].

Многие кадеты, находясь на фронте или в тылу врага, присоединялись к партизанским отрядам, где использовали свои навыки для ведения разведки, диверсий и саботажа. Это требовало от них не только физической подготовки, но и смекалки, способности принимать быстрые решения в условиях ограниченного времени и ресурсов. Их молодость и энергия, сочетавшиеся с военной подготовкой, делали кадетов ценными бойцами в партизанских формированиях [3].

Участие кадетов в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны стало важным элементом не только в военной истории, но и в воспитании нового поколения защитников Родины. Их вклад в победу был значительным, и память о подвигах кадетов продолжает жить в сердцах людей. Эти молодые люди, проявившие храбрость и преданность, стали символом патриотизма и готовности к самопожертвованию ради защиты своей страны [7].

Кадеты принимали участие и в различных формах поддержки фронта. Например, согласно архивным данным, более 70 % кадетов участвовали в строительстве укреплений и организации оборонительных учений, что подчеркивает их значимость в контексте военной подготовки.

Также кадеты занимались организацией помощи раненым и поддержки семей военнослужащих. По данным статистики, более 80 % кадетов участвовали в акциях по сбору средств для фронта и организации гуманитарной помощи Красной армии. Эти действия не только укрепляли моральный дух молодежи, но и способствовали формированию у них навыков социальной ответственности и готовности к помощи в трудные времена [13].

Оборонительные мероприятия и акции по поддержке сплачивали кадетов, что, в свою очередь, повышало их мотивацию к обучению и службе.

Таким образом, кадетское образование в годы Великой Отечественной войны не только способствовало подготовке кадров для Красной армии, но и формировало у молодежи важные моральные и этические ценности. Это воспитание стало основой для формирования гражданской позиции, ответственности и готовности к самопожертвованию ради защиты своей Родины. В условиях войны, когда каждый день мог стать решающим, кадетские учебные заведения стали важным элементом в системе подготовки молодежи к службе в армии и защите своей страны.

Влияние региональных особенностей на организацию кадетского образования в СССР в годы Великой Отечественной войны было многогранным. Кадетские учебные заведения, расположенные в различных регионах страны, адаптировались к конкретным условиям, что оказывало влияние на методику обучения, содержание учебных программ и подготовку кадетов к военной службе. Сравнительный анализ кадетских учебных заведений в разных регионах СССР в годы Великой

Отечественной войны позволяет выявить как общие черты, так и специфические особенности их функционирования и влияния на подготовку молодежи к военной службе. Они отличались не только по количеству учащихся и материально-технической базе, но и по подходам к обучению [10].

В Центральном регионе, где находились наиболее известные кадетские корпуса, такие как московский и ленинградский, акцент делался на теоретическую подготовку и изучение военной истории. Эти учебные заведения обладали богатой историей и традициями, что способствовало формированию у кадетов чувства гордости за свою страну и стремления к служению ей. Однако, несмотря на высокую теоретическую подготовку, кадеты из Центрального региона часто сталкивались с недостатком практического опыта, что порой снижало их эффективность в боевых условиях.

В кадетских учебных заведениях на Урале и в Сибири (в Свердловске и Омске) акцент делался на физическую подготовку и практические навыки. Учитывая удаленность от фронта, многие кадеты могли проходить обучение в более спокойной обстановке. Это создавало условия для формирования крепких и выносливых бойцов, готовых к любым испытаниям. Кадеты из этих регионов часто участвовали в партизанских отрядах, где их физическая подготовка и навыки выживания в сложных условиях оказывались особенно полезными.

На юге страны, в таких городах, как Ростов-на-Дону и Краснодар, кадетские корпуса также имели свои отличия. Здесь обучение сочетало в себе элементы теории и практики, а также активное участие в местных военных формированиях. Кадеты не только обучались военному делу, но и принимали участие в защите своих городов от врага. Это создавало у них чувство ответственности и патриотизма, а также формировало навыки командной работы и лидерства. В условиях войны кадеты из южных регионов часто оказывались на передовой, где их опыт и знания были незаменимы [6].

Сравнительный анализ кадетских учебных заведений в разных регионах СССР показывает, что, несмотря на общую цель подготовки молодежи к службе в армии, каждая школа имела свои уникальные особенности, которые определялись как историческими традициями, так и конкретными условиями военного времени. Эти различия влияли на формирование личностей кадетов, их готовность к боевым действиям и способность адаптироваться к меняющимся условиям фронта.

24 июня 1945 г. на Параде Победы на Красной площади маршировали первые суворовцы. В 1956 г. в период так называемой «хрущевской оттепели», часть СВУ была расформирована, и на их базе созданы школы-интернаты. Оставшиеся военные училища были переведены на трехлетнее обучение, сокращенное с 1969 г. до двух лет [12].

В конечном итоге, вклад кадетских учебных заведений в подготовку защитников Родины был значительным и разнообразным, что подтверждает важность их роли в истории Великой Отечественной войны и в формировании патриотизма и гражданского сознания среди молодежи. Кадетское образование обеспечивало не только профессиональную подготовку, но и формировало личностные качества, которые были необходимы для успешного выполнения военных задач. В условиях войны кадеты становились частью единой команды, готовой к защите своей страны. Также кадетское образование стало важным элементом подготовки кадров для Красной армии, военной экономики и ее послевоенного восстановления.

Участие кадетов в защите Отечества страны — яркий пример того, как образование может быть интегрировано с реальными потребностями общества, особенно в критические времена его истории.

Список литературы

1. Бахвалов А. Еще раз об истории и особенностях управления кадетскими корпусами в России // Образование. 2001. № 3. С. 45–49.
2. Бондарев А. А. История кадетских корпусов в России. М.: Воен. изд-во, 2012. 320 с.
3. Владимиров А. И. Место, роль и значение кадетского, суворовского, нахимовского образования. Исторический аспект и современность // Московское содружество суворовцев, нахимовцев, кадет. URL: https://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/VRNS_26052010.htm (дата обращения: 15.05.2025).
4. Горбачев В. И. Кадетские корпуса Российской империи: традиции и преемственность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 250 с.
5. Гурковский В. А. Кадетские корпуса в России (XVIII — начало XX) // Образование и общество. 2002. № 1, 2.
6. Друкарев А. А. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах. М.: [МЧНС], 2006.
7. Иванов С. П. Воспитание патриотизма в кадетских корпусах: исторический анализ. М.: Просвещение, 2018. 200 с.
8. Кузнецов А. Н. Образовательная система кадетских училищ: история и современность. Екатеринбург: Урал. изд-во, 2020. 290 с.
9. Малышева Е. М. Противодействие попыткам фальсификации истории в научно-образовательном пространстве. Сохранение Памяти о вкладе СССР в Победу: актуальная задача российского исторического просвещения // Актуальные вопросы преподавания истории и исторического просвещения в России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 7 июня 2023 г. Ростов н/Д: ЮФУ, 2023. С. 155–166.
10. Малышева Е. М., Осерская Э. В. Кадетство в России как метод гражданско-патриотического воспитания молодежи: история и современность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16. № 6. С. 44–63.
11. Михайлова Е. Н. Железнодорожное училище города Белово в годы Великой Отечественной войны // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 3. С. 94–96.
12. Портнягина М. Кадетская вертикаль // Огонек. 2018. 26 ноября. С. 27–28.

А. Е. Абылкасымова, Б. А. Тлеп

Состояние народного образования Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны

Годы Великой Отечественной войны были тяжелым и суровым испытанием для народного образования не только европейской части Советского Союза, но и всех союзных республик, в том числе Казахской ССР. Сразу же после начала войны у школ, средних и высших учебных заведений республики появилось множество трудностей. Несмотря на исключительно неблагоприятные условия, вызванные войной, внимание правительства республики к народному образованию не ослабло. В этот сложный исторический период в Казахстане не произошло развала или деградации советской образовательной системы. Правительство и органы народного образования сумели решить ряд поставленных правительством Советского Союза задач по сохранению и дальнейшему развитию этой системы, находили финансовые средства для поддержания уровня народного образования республики. Для того, чтобы всесторонне раскрыть данную проблему, надо вкратце охарактеризовать развитие народного образования в Казахстане в довоенный период.

Система народного образования довоенного Казахстана являлась составной частью советской системы образования. Надо отметить, что, несмотря на определенные недостатки, советские школы оказали положительное влияние на просвещение казахского народа. Широкие перспективы развития народного образования открылись перед советским Казахстаном после принятия постановления Народного комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. Согласно этому постановлению, всем коренным национальностям предоставлялось право осуществлять обучение на своем родном языке. Это обусловило рост уровня народного образования в Казахстане. Именно в этот период в республике была создана новая советская система образования, имеющая определенные особенности по сравнению с РСФСР в отношении содержания программ и учебников [25].

В 1920–1930 гг. в Казахстане работали разные типы школ — начальные школы, школы-семилетки, фабрично-заводские школы,

школы-коммуны, школы-девятiletки, школы для подростков. Из-за этого в сроках начала, окончания и продолжительности учебного года, а также в учебных планах и программах был разнoбой. В августе 1930 г. был принят закон Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Казахской АССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» (всеобуче), который должен был вступить в силу с 1930/31 учебного года и охватить всех детей 8–11 лет. Однако началом коренного поворота в деле народного образования Казахстана стало постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г.. Согласно этому постановлению, с 1931/32 учебного года в СССР был введен семилетний всеобуч [24].

Во втором полугодии 1933/34 учебного года в Казахстане из 594 042 учтенных детей от 8 до 15 лет обучением были охвачены 550 878, то есть 92,5 %. Однако анализ распределения учащихся по классам за 1933/34 учебный год показал сокращение числа учащихся при переходе в последующие классы. Так, если в 5-х классах обучались 30 252 детей, то в 9-х классах — 314. Число учеников-казахов сократилось сильнее всего.

Таблица 1

**Количество учащихся в школах Казахстана
в 1933/34 учебном году**

	5-й класс		6-й класс		7-й класс		8-й класс		9-й класс	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Всего учащихся	30 252	52,2	16 148	28,9	7803	13,9	1299	2,9	314	0,66
Из них казахов	4792	64,0	1962	26,7	624	8,5	23	0,3	нет	—

Надо отметить, что развитие народного образования в предвоенные годы проходило в сложных социально-экономических условиях. Особые трудности испытывала казахская сельская школа — низкая наполняемость, отсев учащихся, малокомплектность.

После принятия Казахским краевым комитетом ВКП(б) и СНК Казахской АССР постановления «Об упорядочении структуры казахской средней школы» от 13 ноября 1935 г. в Казахстане был установлен единый тип общеобразовательной школы с четкой организационной структурой. Были приняты следующие наименования школ: начальная школа (1–4-е классы), неполная средняя школа (1–7-е классы) и средняя школа (1–10-е классы). Этим постановлением был положен конец существовавшим различиям школьных систем в Казахстане [3; 25].

Таблица 2

**Сеть школ Казахстана на 1939/40 и 1940/41 учебные годы
с выделением казахских школ**

Типы школ	1939/40		1940/41	
	количество школ	в том числе казахских	количество школ	в том числе казахских
Начальные	5997	3501	5314	2801
Неполные средние	1619	755	1779	746
Средние	532	163	701	168
Прочие	—	—	33	—
Всего	8148	4419	7827	3715

Как видно из табл. 2, общее количество школ в республике уменьшилось на 321 школу. При этом число неполных средних школ выросло на 160 школ, средних — на 169, что произошло за счет сокращения 683 начальных школ. Также из таблицы видно сокращение числа казахских школ на 704.

Приведем данные распределения контингента учащихся по типам школ.

Таблица 3

**Количество учащихся Казахстана по типам школ
на 1939/40 и 1940/41 учебные годы**

Тип школ	1939/40	1940/41
Начальные	688 997	299 666
Неполные средние	321 376	422 120
Средние	42 256	420 832
Прочие	—	3375
Всего	1 052 629	1 145 993

По табл. 3 видно, что общее количество учащихся возросло в 1940/41 учебном году на 93 364 человека. В 1939/40 учебном году насчитывалось 1 052 629 учащихся, в том числе казахов 408 808, а в 1940/41 учебном году — 1 145 993 учащихся, в том числе казахов 441 000, что показывает рост количества детей-казахов на 32 200 человек. Все эти изменения объясняются прежде всего упорядочением сети и структуры советской школы в стране.

С 1935 г. для школ Казахстана были утверждены единые учебные планы, разработанные на основе учебной сетки школ РСФСР,

с продолжительностью урока в 45 минут, твердым расписанием учебных занятий и правильным чередованием предметов по степени трудности. Следует отметить, что в первые годы существования казахские советские школы работали по разным учебным программам и учебникам. В середине 1930-х гг. они перешли к новым программам, составленным на основе программ Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР и предусматривавшим комплексную систему обучения.

В 1920–1930 гг. были приняты соответствующие меры по обеспечению казахских школ учебными программами, благодаря которым в Казахстане была создана обширная оригинальная учебно-методическая литература, в том числе и учебники для школ. Если, например, Наркомпросом республики в 1921/22 учебном году было выпущено всего три названия учебников (букварь, грамматика и арифметический задачник), то в 1925/26 учебном году — уже 16 названий общим тиражом 322 тыс. экземпляров.

В создании учебно-методической литературы казахская методическая наука в первые годы советской власти располагала обширными материалами. Изучение и анализ этой литературы показали, что для большинства их авторов характерна прогрессивная тенденция — стремление поднять уровень народного образования, соблюдать принципы систематичности и доступности, связи теории и практики в обучении. В настоящее время эти учебно-методические пособия представляют лишь историко-педагогический интерес, так как они были написаны с использованием арабского алфавита (байтурсыновской графики).

В 1929 г. казахская письменность была переведена с байтурсыновской графики на латинскую. Это сильно сказалось на системе народного образования, оторвало казахское население от национального духовного наследия. Следует отметить, что в 1930–1940 гг. большая часть богатого культурного наследия, в том числе и школьные учебники, написанные арабской графикой, сожжены после сталинских репрессий в отношении их авторов, многие из которых были расстреляны как буржуазно-националистические элементы. Таким образом, ситуация с учебниками для казахских школ в эти годы серьезно осложнилась [24; 25].

Приведем статистические данные о количестве учебников и учебно-методической литературы, изданных в 1930–1932 гг.

Таблица 4

**Количество учебников и методической литературы, изданных
в 1930–1932 гг. в Казахстане**

Годы	Учебники для НСШ		Учебники для СШ		Учебники прочие		Методическая литература		Всего	
	названия	экземпляры, тыс.	названия	экземпляры, тыс.	названия	экземпляры, тыс.	названия	экземпляры, тыс.	названия	экземпляры, тыс.
1930	12	555	2	10	5	775	12	255,7	31	1595,7
1931	21	2035	13	175	4	1180	20	131	58	3521
1932	22	948	6	58	2	20	25	95	55	1121
Всего	55	3539,6	31	243	11	1975	57	481,7	144	6237,7

Примечание. НСШ — неполная средняя школа, СШ — средняя школа.

Как видно по табл. 4, основной объем изданий по названиям приходится на первые два года. Это было связано с тем, что сталинские репрессии еще не набрали силу, а квалифицированные авторы-алашординцы продолжали свою педагогическую деятельность в учебных заведениях, издательствах и органах народного образования.

Наркомпрос Казахской АССР, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) «Об учебниках начальной и средней школы» от 12 февраля 1933 г., указал на тревожное положение с изданием учебников для казахской школы. В связи с этим по инициативе Научно-исследовательского института педагогических наук республики на специально созданной в марте 1933 г. краевой конференции обсуждался вопрос о создании новых учебников. На конференции было принято решение о переходе к стабильным учебникам, созданным для школ РСФСР. Правительство республики поставило перед Наркомпросом задачу по скорейшему переводу стабильных русских учебников на казахский язык.

В результате количество наименований и общий тираж учебников увеличивались из года в год, при этом улучшалось их качество. Если в 1936 г. было издано 15 наименований учебников для казахской начальной школы, то в плане на 1941 г. стояло уже 25 наименований. Всего в 1939–1940 гг. было издано около 5 млн экземпляров учебников и большое количество учебно-методических пособий для казахских школ.

В январе 1940 г. 5-я сессия Верховного Совета Казахской ССР приняла закон о переводе казахской письменности с латинского на новый алфавит, разработанный на основе кириллицы. Двукратная смена алфавитов (в 1929 г. и в 1940 г.) нанесла непоправимый урон развитию народного образования, при котором просвещение казахского населения на родном языке было забыто [24; 25].

Реализация закона о всеобщем обязательном начальном обучении, способствовавшего быстрому росту сети школ и контингента учащихся в Казахстане, требовала подготовки новых учительских кадров ускоренными темпами. В связи с этим Наркомпрос проводил ряд мероприятий по укреплению материально-технической базы педагогических учебных заведений. Материальное положение педагогических училищ укрепились и они стали развиваться как в качественном, так и в количественном отношениях.

Таблица 5

**Данные о контингенте учащихся в педагогических училищах
Казахской АССР за 1930–1935 учебные годы**

1930/31		1931/32		1932/33		1933/34		1934/35	
всего	в т. ч. казахов	всего	в т. ч. казахов	всего	в т. ч. казахов	всего	в т. ч. казахов	всего	в т. ч. казахов
3565	1037	4112	2845	4821	3050	4985	2571	5599	3010

Из таблицы видно, что на конец 1934/35 учебного года количество учащихся педагогических училищ превышало уровень 1930/31 учебного года почти на 2 тыс. человек, а число учащихся-казахов увеличилось в три раза.

Значительный рост числа неполных средних и средних школ в Казахстане сопровождался дальнейшим развитием средних и высших педагогических учебных заведений. На 1 января 1940 г. в стране функционировали 24 педагогических училища, в них обучалось 8435 человек, что превышало уровень 1935 г. на 33,5 %. Были открыты педагогические и учительские институты в городах Кызылорде, Уральске, Семее, а также в Алма-Ате (Казахский государственный университет (КазГУ) им. С. М. Кирова). Особую роль продолжал играть Казахский педагогический институт (КазПИ), как крупный центр по подготовке высококвалифицированных педагогических кадров, которому в 1935 г. было присвоено имя великого казахского просветителя и поэта Абая Кунанбаева.

В связи с ростом числа педагогических и учительских институтов в 1933 г. были упразднены все институты просвещения. К началу 1940/41 учебного года в Казахстане функционировало 13 педагогических

учебных заведений, общее количество студентов в которых достигло 5 тыс. человек [3; 6; 24].

Таково было состояние народного образования в Казахстане накануне Великой Отечественной войны.

Вероломным нападением фашистской Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз началась Великая Отечественная война. Она усугубила сложную ситуацию в деле народного образования. Планы по открытию школ и других учебных заведений к новому 1941/42 учебному году были отменены, возникла проблема с учительскими кадрами, осложнялся вопрос с ремонтом школьных помещений, появились новые заботы педагогических коллективов о хозяйстве своих школ и т. д.

В ходе массовой депортации и насильственного переселения некоторых народов в Казахстан прибыло много детей. К концу 1941 г. общая численность переселенных составила 386 492 человека, в том числе свыше 136,5 тыс. детей. Помимо них в республику прибывали сотни тысяч эвакуированных. Общая численность эвакуированных граждан в годы войны составила 484 149 человек, около 40 % из которых — дети. Как следствие, изменился национальный состав жителей Казахстана.

Учитывая это, правительство республики приложило много усилий для организации школ с национальным языком обучения. Например, в 1943 г. в стране было открыто 36 школ для 4743 польских детей. В 1944/45 учебном году их стало 56, в них числились 6124 ученика. В период войны также действовали 297 смешанных школ, в которых функционировали казахские, русские, украинские, польские классы. Всего в них обучалось свыше 188 тыс. детей, среди которых более 30 % были дети в возрасте до 14 лет. Отделы народного образования регионов испытывали большие трудности в обеспечении этих школ учителями, учебниками, наглядными пособиями и учебными принадлежностями. Трудности возрастали и осложняли нормальную работу не только школ, но и других учебных заведений республики, многие из которых перешли на обучение в две-три смены.

Тяготы и лишения военных лет вызвали большой отток учащихся из школ, особенно из старших классов, так как многие старшеклассники уходили в фабрично-заводские школы, ремесленные училища, а также на работу в производства. Возрастала детская беспризорность. Состояние всеобща во время войны было весьма неутешительным не только для Казахстана, но и для всей страны. Поэтому Совет народных комиссаров СССР распоряжением от 30 июля 1942 г. наметил дополнительные меры по вовлечению в школы всех детей школьного возраста. Постановлением СНК СССР «О приеме детей семилетнего возраста в школы» от 8 сентября 1943 г. было введено, начиная с 1944/45 учебного года, обязательное обучение детей с семилетнего возраста. В 1944 г. была опубликована обязательная инструкция «Об организации учета детей и подростков

в возрасте от 8 до 15 лет включительно и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении» [13].

Количество учащихся-казахов в средних школах сократилось к 1943/44 учебному году по сравнению с 1940/41 учебным годом в два раза. В результате проведения значительных работ по прекращению дальнейшего отсева учащихся из школ к началу послевоенного 1945/46 учебного года в школах Казахстана стало обучаться 792 058 детей, в том числе 235 тыс. казахов.

Таблица 6

Сеть школ Казахской ССР в 1940/41 и в 1945/46 учебных годах

Учебные годы	Всего школ	В том числе казахов	Начальных школ		Начальных средних школ		Средних школ	
			всего	в том числе казахов	всего	в том числе казахов	всего	в том числе казахов
1940/41	7566	3714	5191	2801	1734	746	641	167
1945/46	7656	3628	5320	2792	1664	654	665	182

Таблица 7

Данные о контингенте учащихся за 1940/41 и 1945/46 учебные годы

Учебные годы	1–4 классы		5–7 классы		8–10 классы		Всего	В том числе казахов
	всего	в том числе казахов	всего	в том числе казахов	всего	в том числе казахов		
1940/41	627 528	221 174	372 476	133 014	61 647	14 429	1 061 651	368 617
1945/46	576 396	176 637	133 391	41 154	30 742	9 157	740 529	226 948

Как видно из табл. 7, в 1945/46 учебном году контингент учащихся резко уменьшился по всем показателям. Эти статистические данные показывают какими тяжелыми были годы войны для реализации закона «О всеобуче» и как это отразилось на школах Казахстана [12].

Война внесла свои коррективы и в учебный процесс. Для школ и других учебных заведений лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал законом жизни. Учебные планы, программы, учебники были насыщены тематикой войны, пропитаны эмоциями советского патриотизма и героизма. Структура и продолжительность учебного года резко

изменились. В связи с участием обучающихся в сельскохозяйственных работах в весенние и осенние периоды продолжительность учебного года сократилась, занятия в школах начинались не раньше 15–20 октября. Из-за этого учебные программы выполнялись за счет сокращения продолжительности зимних и весенних каникул, а также перегрузки обучающихся и рационализации учебного процесса.

Материально-техническая база школ за годы войны значительно ухудшилась. Новые школьные здания не строились, а старые не ремонтировались. Учебно-хозяйственное оборудование также нуждалось в серьезном обновлении и значительном пополнении, состояние учебных пособий оставляло желать много лучшего. Все это, несомненно, оказывало отрицательное влияние на развитие народного образования в республике и результаты учебы.

В 1941–1945 гг. казахская школа работала по программам 1935 г., введенной для школ всех союзных республик. Следует отметить, что эти программы содержали очерченный круг знаний и соответствовали социально-экономическим потребностям страны предвоенных лет. В период Великой Отечественной войны эти программы не претерпели существенных изменений [2].

Как уже говорилось выше, переход казахской национальной школы на новые программы в середине 1930-х гг. сопровождался введением переводных вариантов стабильных учебников РСФСР. Работа по их переводу, начатая до 1941 г., продолжалась и в годы войны. Усилиями методистов и ведущих учителей казахских школ с русского на казахский язык было переведено большое количество школьных учебников. Например, по математике переведены на казахский язык стабильные учебники следующих авторов: Е. С. Березанской, И. М. Богданова, Н. К. Вальцова, Р. В. Гангнуса, И. М. Гуль, Ю. О. Гурвиц, А. П. Киселева, Н. С. Поповой, А. С. Пчелко, Н. А. Рыбкина, Н. А. Шапошникова [4; 5; 7–9; 14–23; 26–27]. Переводилась литература и по другим дисциплинам.

Несмотря на такую огромную работу издательств Казахстана, переводные учебники не отвечали в полной мере требованиям советской школы, а также задаче по переводу преподавания школьных дисциплин в казахских школах на родной язык. Большинство учебников содержали ошибки, в том числе методические, в них не учитывались возрастные особенности учащихся. Некоторые из переводчиков допускали большие отступления от учебных программ, сетки часов и системы предметности. Как следствие, по выявлении ошибок в ходе обучения, в ряд переводных учебников были внесены существенные поправки, а часть из них перевели заново.

Ведущую роль в обучении школьным дисциплинам в годы войны играл принцип связи теории с практикой. Учителя глубоко осознавали важность этого принципа и свои усилия старались направлять на его

осуществление в учебном процессе, задействовали элементы трудового обучения. Тем самым вопросы практической работы получили частичное разрешение в годы войны. Таким образом, школы Казахстана стали обеспечивать учащихся не только теоретическими знаниями, как раньше, но и практическими умениями и навыками.

Следует отметить, что советская работа по повышению успеваемости учащихся путем усовершенствования методики обучения, привития им глубоких и прочных знаний оставалась главным приоритетом и для школ Казахстана [13].

В период Великой Отечественной войны советским правительством были приняты некоторые документы, имеющие историческое значение. Так, в 1943 г. приняты «Правила для учащихся», согласно которым с 1 сентября 1943/44 учебного года в неполных средних и средних школах Алма-Аты и Балхаша, а также областных центров было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. А Постановлением СНК СССР от 21 июля 1944 г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школах» были введены выпускные экзамены, пятибалльная система оценки знаний учащихся, экзамены на аттестат зрелости, награждение учащихся, отлично оканчивающих среднюю школу, золотыми и серебряными медалями [2; 3].

В предвоенные годы видную роль в развитии педагогической и методической мысли в Казахстане сыграл научно-педагогический журнал «Халық мұғалімі» («Народный учитель»), на страницах которого обсуждались стабильные переводные учебники, вскрывались их методические недостатки, публиковались статьи, освещающие актуальные проблемы обучения в казахской школе, а также широко освещался передовой педагогический опыт учителей казахских школ. Однако из-за перевода экономики республики на военный лад в 1942–1945 гг. журнал не издавался.

Как говорилось выше, снижение уровня народного образования в Казахстане было связано и с недостатком учительских кадров, особенно казахов, так как многие учителя с первым же призывом ушли на фронт. Наркомпрос республики был вынужден рекомендовать перевести преподавание некоторых предметов в старших классах казахских школ на русский язык. Такая мера, временно допущенная в связи с войной, способствовала тому, что учителями стали работать педагоги, прибывшие из оккупированных немецкими захватчиками территорий. Однако это не дало возможности в полной мере использовать этих учителей для работы в казахских школах и восполнить недостаток учительских кадров. Поэтому были приняты новые планы по подготовке учительских кадров в высших учебных заведениях путем проведения курсовых мероприятий. Также были организованы областные и межрайонные краткосрочные педагогические курсы со сроками обучения

от 2 до 10 месяцев. В результате в 1942/43 учебном году на курсах обучалось 2300 человек, а в августе 1943 г. — 2650 [2; 24].

В этот период большую помощь в повышении квалификации учителей и их методической подготовке стали оказывать институты усовершенствования учителей, которые возобновили свою деятельность в 1944/45 учебном году, а также Научно-исследовательский институт педагогических наук, возобновивший свою работу в 1943 г.

В годы войны продолжали функционировать педагогические училища, однако они также испытывали большие затруднения с помещениями и материальным обеспечением. На конец войны в Казахстане работали 23 педагогических училища с 4334 учащимися, при этом сократилось число подготовленных учителей [13]. В 1940 г. педагогические училища окончили 2618 человек, в 1946 г. — 947.

Педагогические училища в основном готовили учителей для начальной школы, но во время войны в большинстве из них проходили постоянно действующие курсы по подготовке учителей для неполных средних школ.

Первый педагогический вуз Казахстана был создан на базе Ташкентского института народного просвещения в 1926 г., где велась подготовка учителей для семи- и девятилетних казахских школ. Вуз стал называться Казахским педагогическим институтом и в 1928 г. переведен из Ташкента в Алма-Ату. Контингент обучающихся был незначительным, однако потребность в педагогических кадрах сохранялась, и, как следствие, были открыты Уральский (1932) и Кызылординский (1937) педагогические институты, а также Казахский государственный университет (1934). Это позволило подготавливать значительно больше учительских кадров [1].

В годы войны высшие педагогические учебные заведения Казахстана продолжали свою работу по подготовке учителей для неполных средних и средних школ, но у них, так же как у остальных, возникла проблема с преподавательским составом, так как основная часть преподавателей ушли на фронт. Первая группа преподавателей и студентов вузов Казахстана была призвана в действующую армию уже в начале войны, а мобилизация и добровольный уход в армию продолжались и дальше. В 1942/43 учебном году из 13 тыс. начавших обучение студентов прервали обучение более 3,5 тыс. (34 %) студентов, из них 1258 студентов (35,9 %) педагогических вузов.

Поэтому органы народного образования Казахской ССР вынуждены были принять неотложные меры по подготовке учителей из числа казахов. Эта мера сыграла важную роль в деле развития женского педагогического образования. В 1941 г. в Алма-Ате открылся Педагогический институт иностранных языков, в 1944 г. — Казахский государственный женский педагогический институт [11]. Кроме того, удалось обеспечить более быстрые темпы подготовки учителей, в том числе из представителей казахской

молодежи, благодаря решению правительства Советского Союза не призывать в армию с 1942 г. аспирантов, а также студентов старших курсов [11].

Ввиду нехватки преподавателей в вузах стала практиковаться их взаимозаменяемость. Например, преподаватели КазГУ им. С. М. Кирова на протяжении двух лет работали параллельно в нем и в КазПИ им. Абая.

Отдельно затруднял работу недостаток аудиторий и общежитий для студентов, так как здания многих вузов передавались под госпитали, оборонные предприятия, а общежития — рабочим эвакуированных заводов и фабрик.

В результате оккупации значительной территории европейской части Советского Союза немецко-фашистскими захватчиками и систематических массовых бомбардировок крупнейших городов в тыловые районы страны, в том числе в Казахстан, были эвакуированы и перебазируемы ряд учебных заведений. Всего в Казахскую ССР было эвакуировано 41 учебное заведение высшего и среднеспециального звена образования (из эвакуированных вузов 12 были размещены в Алма-Ате) вместе с преподавательско-студенческим составом: 545 преподавателей и более 8 тыс. студентов.

В кратчайшие сроки их работа была возобновлена путем объединения с соответствующими по профилю учебными заведениями Казахстана. Например, Кызылординский педагогический институт послужил базой для работы Объединенного Украинского государственного университета (ОУГУ). В свою очередь, эвакуированные вузы способствовали повышению научно-педагогического уровня педагогических учебных заведений Казахстана, в стенах которых они были размещены и в сотрудничестве с которыми работали. Так, в числе прибывших по эвакуации в казахстанских вузах научно-педагогическую работу вели 5 академиков, 35 профессоров, 92 доцента. Среди них были академик И. И. Мещанинов, член-корреспонденты АН СССР А. М. Панкратова и Н. М. Дружинин, член-корреспондент АН УССР Н. И. Ахиезер, известные доктора наук, профессора: Н. Я. Выгодский, С. Г. Михлин, С. В. Юшков, В. Г. Фесенков, В. А. Догель, А. В. Думанский и многие другие [3; 10; 11; 13].

Эвакуированные вузы в период своей работы в Казахстане сыграли положительную роль в развитии науки в республике. Так, например, по инициативе ОУГУ весной 1942 г. в г. Кызылорде прошла первая совместная научная конференция, на которой было заслушано 66 научных сообщений. В апреле 1943 г. эвакуированные из Московского авиационного института совместно с преподавателями алматинских вузов провели научную конференцию, где было прочитано 50 докладов. Украинский физико-технический институт совместно с КазГУ им. С. М. Кирова провел несколько научных семинаров. Одновременно эвакуированные ученые обеспечивали квалифицированное руководство научными исследованиями казахстанских ученых.

В перестройке работы педагогических вузов в соответствии с условиями военного времени важное значение имели рекомендации, содержащиеся в постановлении ЦК КП(б) Казахской ССР «Об улучшении учебно-воспитательной работы в вузах», принятом в октябре 1941 г. Согласно постановлению, все вузы с пяти- и четырехлетними сроками обучения были переведены на четырех- и трехлетнее обучение. В связи с этим вузы страны в 1941/42 учебном году перешли на новые учебные планы с сокращенными сроками обучения. Однако летом 1942 г. появилась возможность отказаться от них, и это нашло отражение в постановлении СНК СССР от 18 июня 1942 г., в котором более не допускалось сокращение срока обучения и восстанавливались прежние сроки.

Вынужденное сокращение сроков обучения, отвлечение обучающихся от учебы на сельскохозяйственные, строительные и другие работы, нехватка учебных помещений и общежитий, введение нормированной карточной системы снабжения и другие меры военного времени отрицательно сказались на качестве подготовки педагогических кадров [11; 13].

В сторону сокращения были пересмотрены учебные программы по всем дисциплинам. Характерной их чертой стало сокращение мелких тем, а также включение новых тем, имеющих оборонное значение.

В начале 1945 г. вузам стали возвращать их здания, занятые в первые годы войны. В итоге восстановление и дальнейшее расширение сети вузов привели в 1945/46 учебном году к значительному увеличению контингента студентов.

Таблица 8

**Движение контингента студентов вузов Казахстана
за годы войны**

1940/41		1942/43		1945/46	
Кол-во вузов	Кол-во студентов	Кол-во вузов	Кол-во студентов	Кол-во вузов	Кол-во студентов
20	10,4 тыс.	35	12,5 тыс.	25	15,6 тыс.

В связи с восстановлением предвоенной сети общеобразовательных школ к концу войны возросла потребность в педагогических кадрах: если в 1943–1944 учебном году студентов педвузов числилось 3368 человек, то в 1944–1945-м — 4855. Однако из-за войны количество учителей, выпускаемых педагогическими учебными заведениями, резко сократилось — так, если в 1940 г. их окончили 1943 человека, то в 1946 г. — 1092. То есть число выпускников уменьшилось в 1,7 раза.

Всего в годы Великой Отечественной войны в педагогических вузах Казахстана были подготовлены 3070 учителей. Необходимо отметить,

что в этот период большую часть выпускников вузов составляли педагоги и врачи. Так, в 1942/43 учебном году всего в 35 вузах обучались 12,5 тыс. студентов, из них:

- 27 % готовились для отрасли народного образования;
- 26,5 % — для здравоохранения;
- 21,5 % — для промышленности, транспорта и строительства;
- 13 % — для сельского хозяйства;
- 12 % — для остальных отраслей народного хозяйства.

Остро стоял вопрос о национальном составе студенчества в Казахстане как в предвоенные, так и в военные годы. В 1941/42 учебном году произошло снижение доли казахской молодежи в рядах студенчества: в педагогических вузах обучались только 268 казахов. В 1944 г. из обучающихся в вузах республики более 15,5 тыс. студентов казахами были 1276 человек, при этом в КазПИ им. Абая они составляли 35–40 %, в КазГУ имени С. М. Кирова — 20 % [3; 10; 11].

Важную роль в организации работы по подготовке учительских кадров в довоенные годы сыграла заочная форма обучения. Однако эта система подготовки кадров значительно ослабла в военные годы. В связи с этим правительство республики приняло постановление «О мероприятиях по развитию и укреплению заочного педагогического образования» от 18 января 1944 г., которое стало серьезно улучшать систему заочного педагогического образования в Казахстане [12]. Был создан республиканский научно-методический кабинет заочного обучения при Наркомпросе Казахской ССР, на который возложили задачу обеспечения учебного процесса заочных отделений учебных заведений страны учебными программами, учебниками, учебно-методической литературой, контрольными заданиями и др. [11].

Как видно из табл. 9, в итоге число заочников за короткий период возросло на 4277 человек.

Таблица 9

Охват системой заочного образования в Казахстане в 1943 и 1944 годы

Учебные заведения	Декабрь 1943 г.	Сентябрь 1944 г.
Педагогические училища (чел.)	3816	6148
Педагогические и учительские институты (чел.)	2255	4200
Всего (чел.)	6071	10 348

Особое и ведущее положение в подготовке учительских кадров с высшим педагогическим образованием в Казахстане занимал КазПИ им. Абая, в котором сложились свои традиции и методы подготовки

кадров, профессорско-преподавательский состав был стабильным, большинство преподавателей работали здесь на протяжении многих десятилетий. В военные годы в институте работали эвакуированные ученые и педагоги [1].

Следует отметить, что во время войны в КазПИ им. Абая стали открываться новые кафедры педагогического направления. Так, в 1942 г. в составе физико-математического факультета была создана кафедра «Методика преподавания математики», первым заведующим которой стал доцент А. Т.Калмыков. Задач кафедры было множество — организация научно-исследовательской работы, подготовка высококвалифицированных методистов-математиков, создание учебных пособий по школьному курсу математики, перевод преподавания математики в казахских школах на родной язык, улучшение качества переводных учебников, развитие казахского математического языка, систематизация математической терминологии на казахском языке, а также широкая популяризация математических знаний.

Одним из ведущих центров народного образования в военные годы стал КазГУ им. С. М. Кирова. В комплектовании кафедр университета научно-педагогическими кадрами значительную роль сыграло решение Всесоюзного комитета по делам высшей школы СССР, согласно которому в Алма-Ату переехали некоторые известные ученые из центральных вузов СССР. Например, в августе 1940 г. из Казанского государственного университета прибыл профессор К. П. Персидский, который был назначен заведующим кафедрой математического анализа. Уже в начале войны им были получены конкретные результаты, а именно под его руководством защитили кандидатские диссертации В. П. Марачков, М. К. Сатбаев, Ш. М. Еникеев, О. А. Жаутыков и др. В результате была создана знаменитая казахстанская математическая школа К. П. Персидского по теории дифференциальных уравнений и устойчивости их решений [1].

В заключение можно сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на труднейшие условия, в Казахстане была проведена огромная работа в деле сохранения народного образования. При этом страна сумела перестроиться на военный лад и продолжала решать множество проблем, возникавших в ходе сохранения и дальнейшего развития педагогического образования в Казахской ССР.

Список литературы

1. Абылкасымова А. Е., Косанов Б. М. История становления и развитие математического образования в Казахстане. Алматы: Мектеп, 2023. 329 с.
2. Балтабаева А. М. Особенности национального школьного образования в Казахстане в военные годы // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. Алматы, 2008. № 4. С. 90–96.

3. Бекмагамбетова Р. К. История развития учебных заведений по подготовке учительских кадров для начальной школы Казахстана (1917–1991 гг.). Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Алматы, 2007. 38 с.
4. Березанская Е. С. Сборник задач и упражнений по арифметике для 5 и 6 классов семилетней и средней школы. М.: Учпедгиз, 1941.
5. Богданов И. М., Кантор Ш. Л., Корольков А. Е. Сборник арифметических задач. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1941.
6. Гузненко З. И., Чуцула Н. М. Развитие школьного образования в Казахской ССР: ценностно-критическое осмысление исторического опыта // Педагогическое образование в России, 2018. № 10. С. 6–15.
7. Гуль И. М. Сборник задач по геометрии. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1941.
8. Гурвиц Ю. О., Гангнус Р. В. Начальные сведения по геометрии. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1943.
9. Гурвиц Ю. О., Гангнус Р. В. Систематический курс геометрии. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1943.
10. Жаманбаев К. Ж. Высшая школа в Казахстане. Алматы: Казахстан, 1972. 184 с.
11. Жумашев Р. М. Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестник Карагандинского университета. 2010. № 3. С. 116–123.
12. Задорожный Г. К. Школы Казахстана (1946–1970 гг.). Алматы: Наука, 1975. 246 с.
13. Казахстан в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. С. Н. Покровского. Алма-Ата: Наука, 1963. Т. 2. 530 с.
14. Киселев А. П. Алгебра. 6–7 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1943.
15. Киселев А. П. Алгебра. 8–10 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1943.
16. Киселев А. П. Арифметика. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1943.
17. Киселев А. П. Геометрия. 6–8 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.
18. Киселев А. П. Геометрия. 9–10 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.
19. Попова Н. С., Пчелко А. С. Сборник арифметических задач и упражнений. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1941.
20. Рыбкин Н. А. Прямолинейная тригонометрия. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.
21. Рыбкин Н. А. Сборник задач по геометрии. Планиметрия. М.: Учпедгиз, 1942. 120 с.
22. Рыбкин Н. А. Сборник задач по геометрии. Стереометрия. М.: Учпедгиз, 1942. 120 с.
23. Рыбкин Н. А. Сборник задач по тригонометрии. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.
24. Сембаев А. И. История развития казахской советской школы в Казахстане. Алматы: Казучпедгиз, 1962. 366 с.
25. Серикбаева Ж. Ш. Национальные школы Казахстана 1920-х — начало 1940-х гг. // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 787–790.
26. Шапошников Н. А., Вальцов Н. К. Сборник алгебраических задач. 6–7 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.
27. Шапошников Н. А., Вальцов Н. К. Сборник алгебраических задач. Для 8-го и 9-го классов средней школы. М.: Учпедгиз, 1935. 132 с.
28. Шапошников Н. А., Вальцов Н. К. Сборник алгебраических задач. 8–10 классы. Алма-Ата: Казахстан. гос. объедин. изд-во, 1944.

О. Ю. Васильева

«Артек» в годы Великой Отечественной войны

Создание Артека и довоенный период

Сама идея создания на южном берегу Крыма детской здравницы принадлежит заместителю наркома здравоохранения РСФСР, председателю Красного Креста, начальнику санитарного управления Красной армии, врачу Зиновию Петровичу Соловьеву. Он мечтал создать такие учреждения, «где врачи имели бы дело не только с отдельным ребенком, а с организованным детским коллективом» [5], а санаторный режим совмещался с воспитательной работой, с пионерской жизнью. Ранее в стране таких мест отдыха детей практически не существовало.

Зиновий Петрович начал с того, что тщательно выбирал место. Он сам объездил, по сути, весь Крым: побывал в Коктебеле, Судаке, Феодосии. И наконец нашел урочище Артек [9]. Лагерю быть!

Под лагерь выбрали свободное место. Срок был поставлен жесткий. К началу сезона 1925 г. доктору Федору Федоровичу Шишмареву, заведующему детским санаториями в Ай-Даниле, было поручено создать и открыть лагерь. Впоследствии Шишмарев восемь лет работал в нем главным врачом.

Средства на создание лагеря выделялись Красным Крестом и были весьма скромны. Поначалу постоянные постройки не возводились. Была расчищена площадка от камней и деревьев, на которой разместились палатки для детей и учреждений воспитательного и оздоровительного характера.

За весну 1925 г. на более-менее подготовленной территории поставили семь (по другой информации — восемь) брезентовых палаток с дощатыми полами. Этот лагерь стал называться «Нижним». Четыре большие палатки (на 80 человек каждая) — для пионеров, три поменьше — для сотрудников и медицинского изолятора. Поначалу в лагере работали 18 человек, а также те вожатые, которые приезжали с отрядами из регионов.

Спали в палатках на топчанах. Помещения для столовой также не было — под тентом расставили шесть больших обеденных столов. Столы были грубо сколочены из теса, однако их покрывали белыми скатертями, а у каждого ребенка были салфетка и кольцо для нее.

«Нижний» лагерь. [1925]

Позже поставили два домика: один для кухни-столовой, второй — для врача и клуба с библиотекой. Электричества в лагере тоже не было довольно долго, поэтому вечером разжигали костры. Пекли картошку и слушали рассказы Зиновия Петровича, вожатых о прошлом, о настоящем, мечтали о будущем, пели. С той поры и до настоящего времени в «Артеке» сохранилось трепетное отношение к кострам, «посиделки» у которых стали традицией для него и для других пионерских лагерей страны [10].

В середине июня 1925 г. в урочище Артек, в лагерь «Нижний» прибыли первые отдыхающие. На первую смену собрались ребята из Поволжья (и это было спасением от голода), а также из Ленинграда, Москвы и некоторых других городов. Для первых артековцев приготовили роскошные по тем временам подарки: кусок мыла, коробку зубного порошка, зубные щетки, полотенца. Дети были одеты как придется, а в «Артеке» их ждала сшитая из сурового льняного полотна форма: панاما, рубашка и трусы. Еще один интересный факт: ходили в лагере в основном босиком — обувь берегли, обутыми ездили на экскурсии.

Торжественное открытие лагеря состоялось 16 июня 1925 г. В этот день впервые на флагштоке лагеря «Нижний» (позже он станет называться «Морским») взвился алый флаг Всесоюзного пионерского лагеря «Артек».

Четыре первые артековские смены 1925 г. приняли 320 ребят, в 1926 г. их было уже 875. Лагерь набирал популярность очень быстро. До июня 1941 г. в лагере отдохнуло 33 тыс. пионеров Советского Союза. Стали проводится особые тематические смены. Например, была смена пионеров-орденоносцев, там отдыхала юная сборщица хлопка из Таджикистана — первая пионерка страны, награжденная орденом Ленина, — Мамлакат Нахангова, юный коневод из Кабардино-Балкарии Барасби Хамгоков, растивший коней для Красной армии, а также орденосцы Рауза Шамжанова, Алеша Фадеев, Ваня Чулков, Этери Гванцеладзе и др. [3].

Группа пионеров
и вожатая пионерского
лагеря «Артек» на берегу
моря. 1930-е

Ребят в «Артеке» ждало много интересного, познавательного, развивающего физически, интеллектуально и нравственно. У артековских костров проходили встречи с всесоюзным старостой М. И. Калининым, известным французским писателем Анри Барбюсом, героями-челюскинцами, знаменитыми учеными и спортсменами, прославленными тружениками полей и заводов.

Страна любила «Артек». В 1930-е гг. лагерь расширил свои владения. Создали лагерь «Верхний» (позднее — «Горный»). В 1932 г. была построена детская техническая станция — тогда было понимание острой необходимости подготовки в инженерных областях. На свое десятилетие, в 1935 г., «Артек» получал подарки со всей страны: рабочие Горьковского автомобильного завода прислали pedalные автомобильчики и настоящий автобус, связисты — телефонную станцию, Осоавиахим

Пионерский
лагерь «Артек». 1946

и командование ВВС страны — гидросамолет и планер. В 1936 г. «Артек» получил дом отдыха ВЦИК СССР «Суук-Су».

Путевка в «Артек» — это награда лучшим из лучших. В него съезжались дети из разных уголков огромной страны, из городов и сел.

Все становились одной большой дружной артековской семьей. Названия населенных пунктов, откуда приехали дети, наносились на модельную карту страны. Дети делились событиями своей жизни, тем, чем живет малая Родина, становились преданными друзьями. Закономерно, что юные артековцы 1920–1930-х гг. в дни Великой Отечественной войны отдали жизнь за Родину: молодого гвардеец Ваня Туркенич, снайпер Алия Молдагулова, летчик Тимур Фрунзе, санинструктор Гуля Королева, юные разведчики Володя Дубинин и Витя Коробков и многие другие [8].

Война

Война прервала привычный ритм жизни пионерской республики. Представим череду событий. Очередная смена началась 20 июня 1941 г. 22 июня планировалась встреча артековцев с командирами Красной армии, но почетные гости не приехали, а по радио сообщили о начале войны с фашистско-гитлеровскими захватчиками. Конечно, руководство страны и родителей волновала судьба детей, сразу стали решаться вопросы их отъезда. При первой возможности дети разъезжались по своим городам и селам. Но туда, где враг уже ступил на советскую землю, где шли тяжелые бои, наши войска отступали под натиском фашистов, ребятам возвратиться было невозможно. Таких ребят было 200 человек, и было решено их эвакуировать. «Артек» был эвакуирован в глубокий тыл, в деревню Белокуриху Алтайского края [11].

Памятная доска
в «Артеке»

На фронт. Дети из «самой длинной смены» готовят посылку бойцам Красной армии

Обратимся к известным цифрам: от Крыма до Белокурихи почти 8 тыс. километров, и эта группа из 200 человек с сопровождающими взрослыми добиралась до места эвакуации 16 месяцев. Трудно представить этот продолжительный, сложный маршрут: Артек — Симферополь — Москва — Горький — Казань — Сталинград — ст. Нижне-Чирская — Сталинград — Фролово («Серебряные пруды») — Камышин — Казань — Уфа — Омск — Новосибирск — Барнаул — Бийск — берег реки Белокуриха. Эвакуация продолжалась с сентября 1942 по январь 1945 г., там лагерь стали называть «Алтайским Артеком», с этим названием он вошел в историю «Артека», пионерского движения, страны [1].

В эти годы в лагере жили не только эвакуированные дети, чья смена затянулась практически до конца войны, но и отдохнули более 500 ребят из сибирских регионов. Было очень трудно, однако ребята помогали колхозу, шили теплые вещи для фронта, отлично учились. Артековцы заработали средства на танк Т-34 и подарили его фронтовикам-танкистам.

Фашисты сильно разрушили «Артек», многие остававшиеся сотрудники лагеря были казнены, а уходя, враги заминировали территорию.

Послевоенное восстановление

В апреле 1944 г., сразу же после освобождения Крыма, бывшего начальника «Верхнего» лагеря А. Ф. Кабакова срочно отозвали из действующей армии, чтобы он возглавил восстановительные работы в «Артеке» [4].

Приведем слова А. Ф. Кабакова: «Четыре года ждал я этой минуты — встречи с родным Артеком! Нижний лагерь разрушен полностью.

В Верхнем — мало что осталось. Дворец Суук-Су взорван: смотрел на все, и так больно было!

Надо восстанавливать. Вернуть Артек. Местных, кто остался, собрал. Мальчишки с девчонками прибежали, человек тридцать. Начали мы с имущества. Ребята, я их разведчиками назначил, разыскивали кровати, стулья, а мы приносили в лагерь. Но много ли соберешь такими темпами? Тем более что ходить по территории надо осторожно, кругом мины» [4].

Было обезврежено свыше сотни мин: вначале небольшой командой минеров, затем полноценными саперными войсками. Солдаты помогали с расчисткой дворца Суук-Су, восстановлением инфраструктуры, включая водопровод, и зданий. Заехала очередная смена.

«У нас еще не хватало кроватей, вместо подушек и матрацев набивали сеном мешки. В первую ночь разместились кое-как. Ребятишек прислали больше, чем ждали. Ночью обходим спящих. Хотел под одной девчушкой матрасик поправить, а она проснулась, смотрит на меня:

— Что вы, дяденька, мне удобно, мы в войну в катакомбах на земле спали...

Им казалось это раем. Вместо кроватей — раскладушки низкие, ка-набейками мы их называли. Кормили детей сухим молоком и яичным порошком.

А. Ф. Кабанов, директор «Артека» в 1940-х (справа), с фронтовым другом. «Артек», 1944

А в следующую смену ленинградцы приехали. Уже осенью.

Нам все помогали. Вернее, не нам, детям. Бойцы 4-го Украинского фронта обратились ко всем советским людям с призывом «Дашь Артек!». И подарки в лагерь шли отовсюду: из Донецка — уголь, от 101-й Сивашской танковой бригады — грузовики, моряки-черноморцы подарили шлюпки и три катера «Охотник»» [4].

29 мая 1945 г. «Артек» посетил М. И. Калинин. Он выразил благодарность всем, кто участвовал в возрождении лагеря.

Стоит обратить внимание на сроки восстановления: в апреле 1944 г. «Артек» начали восстанавливать, а в июне 1944 г. возрожденный лагерь принял первую смену — 500 детей, переживших

ужасы войны. Из воспоминаний вожатой В. Н. Федюшкиной: «Главным было вернуть детей к прежней жизни, звонкому смеху, улыбкам, дать им снова почувствовать мир, ведь первые послевоенные смены принимали детей с выжженными звездами на спинах, выколотыми номерами на руках... Нужно было теплом и лаской согреть детей. Вечером, вернувшись из артековской школы, мы зажигали фитильки и готовили уроки. “Артек” снова наш. Хотелось как можно быстрее все восстановить. Сажали деревья, собирали семена и выращивали, а наутро узнавали по артековскому радио, в каком из лагерей что восстановлено, что появилось нового. Вот в “Нижнем” лагере появился зоологический уголок. В нем медвежонок Звездочка, олененок, уж-желторотик» [2].

С войной связана и одна удивительная тайна «Артека», которую долго хранил В. Т. Свистов, связавший свою жизнь с лагерем в 1936 г., когда он приехал сюда пионером из Харькова, как организатор первого в городе авиамодельного кружка. До 2003 г. он работал в «Артеке» на разных должностях, не переставая вести лагерную летопись.

«Во время Ялтинской конференции 1945 г. супруга Черчилля, Клементина, побывала в “Артеке” и подарила лагерю пятнадцать 40-местных военных палаток, а посол США в СССР Аверелл Гарриман вручил чек на 10 тысяч долларов США. Про чек скоро забыли, палатки помнили долго. По периметру они совпадали с фундаментами снесенных во время оккупации домиков и простояли до конца 1950–х гг., пока не были построены капитальные корпуса.

Но вернемся к послу. Дети вручили Гарриману необыкновенной красоты американский герб, выполненный из ценных пород дерева (санда, самшита, секвойи, слоновой пальмы, парротии персидской, красного и черного дерева). Личный переводчик Сталина В. М. Бережков, сопровождавший посла, посоветовал повесить герб в кабинете, прибавив при этом, что “англичане просто умрут от зависти”. Гарриман так и сделал, и герб провисел у него восемь лет, в течение которых сменилось четыре посла. Каждый из них менял интерьер кабинета, но герб не трогал. А герб был не простой: в нем был спрятан “жучок”. При этом микрофон питался не за счет батареек, а при помощи микроволнового излучения, от антенны, установленной на соседнем доме. Прослушивание курировал лично Л. Берия» (В. Т. Свистов) [8].

Существует не одна версия, как была раскрыта эта тайна американцами, но известно, что «подарок» с устройством хранится в музее ЦРУ как яркая страница истории мирового шпионажа [6].

Развитие лагеря «Артек»

Успехи лагеря были оценены по заслугам. В 1945 г. в связи с 20-летием лагеря за выдающиеся заслуги в деле оздоровления и воспитания

детей «Артек» был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1975 г. в ознаменование 50-летия на его знамени появился орден Дружбы народов.

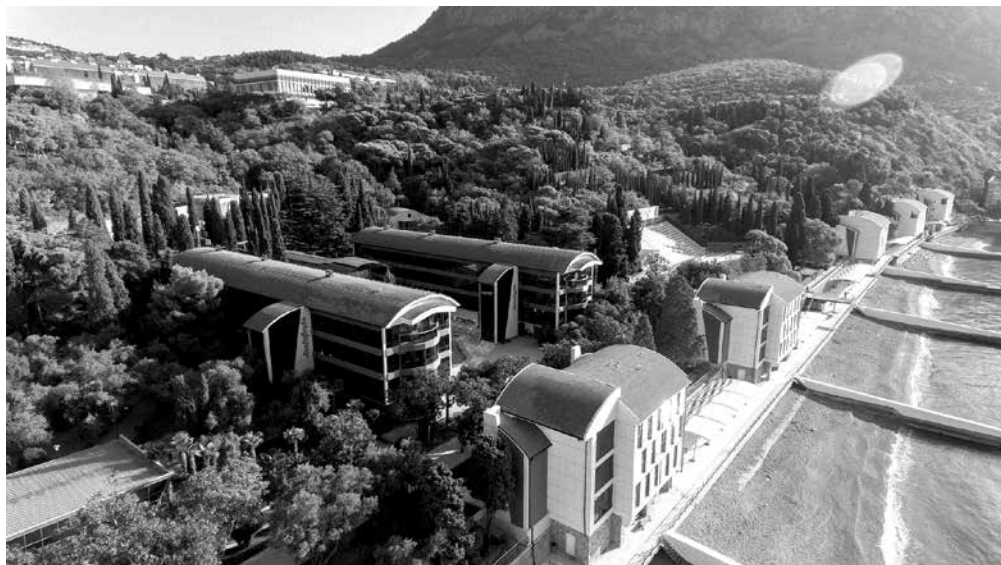
«Артек» на протяжении всей своей истории был школой пионерского актива. Здесь показывали свои умения юные корреспонденты, ракетомоделисты, вожатые октябрятских звездочек и многие другие. Соревновались многоборцы, юные шахматисты боролись за главный приз клуба «Белая ладья». В «Артеке» проходили традиционные сборы и слеты пионерии страны [7].

В январе 1960 г. ЦК ВЛКСМ, в ведении которого находился «Артек», утвердил проект реконструкции лагеря: началась новая страница в истории его строительства. К своему 50-летию пионерская республика имела пять лагерей: «Морской», «Горный», «Прибрежный», «Лазурный» и «Кипарисный». В «Морском», Лазурном», «Кипарисном» — по одной пионерской дружине, в «Горном» — три, в «Прибрежном» — четыре. Пять лагерей и десять дружин составляли Всесоюзный лагерь (у каждой дружины и лагеря были особые приметы, свой особый облик). Каждая смена обязательно заканчивалась анкетой «Чем тебе запомнился лагерь?».

Приведем лишь несколько мнений ребят, отдохнувших в «Артеке»: ««Артек» — это пионерский город. Здесь все веселое: и ребята, и деревья, и цветы, и здания» (Ион Бусутск, г. Бельцы Молдавской ССР); «В этом лагере все необыкновенное и обыкновенное смешалось вместе. Здесь умеют

«Артек» в 1952 году

Современный вид пляжа «Артека»

обыкновенные мероприятия провести по-необыкновенному» (Ниоли Паткаускайте, г. Вильнюс Литовской ССР) [2]. Исключительно важные слова об «Артеке» принадлежат Ю. А. Гагарину: «Для меня дорога в “Артек” пролегла через космос. Вернулся из полета и стал космическим гостем республики красных галстуков. С тех пор в “Артеке” был не раз. Я вижу, как расцветает “Артек”, строится. Все больше здесь дружин, все больше советских ребят и детей разных стран. Очень рад, что в “Артеке” открылся космический городок, и верю, что еще не один артековец станет разведчиком космических трасс» [3].

Как вспоминали участники тех встреч, «Артек» навсегда запомнил неповторимую улыбку первого космонавта. Он играл с ребятами в «снайпера», пел любимые песни у костра, положил начало дружбе артековцев с космонавтами.

Говоря о лагере, нельзя не сказать о вожатых. «Артек» — школа мастерства вожатых. Здесь экспериментировали, спорили и думали, искали новое, сберегали традиции и историю пионерии и «Артека», занимались интересными делами и приобретали огромный, ни с чем не сравнимый опыт. В «Артеке» было посвящение в вожатые. Новички давали торжественную клятву «быть верным своей профессии, вести ребят к цели, не отступать перед трудностями». Один вожатый на вопрос о выборе профессии ответил: «Когда я надеваю форму вожатого с красным галстуком, то мне кажется, что произошло волшебное превращение: я вернулся в детство. И мне хочется играть, как играют ребята, петь, как поют они, и быть для каждого другом» [9].

В настоящее время происходит новый, яркий этап развития «Артека», как и всего Крыма, вернувшего в Россию. Однако это тема для отдельной статьи.

Список литературы

1. «Артек» в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Артек. URL: <https://artek.org/artek-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/> (дата обращения: 15.05.2025).
2. «Берег детской дружбы «Артек». URL: https://vk.com/wall-57819359_131755 (дата обращения 15.05.2025).
3. Бурт В. «Ах, Артек, мой Артек...» // Столетие. 16.06.2020. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/ah_artek_moj_artek_508.htm (дата обращения: 15.05.2025).
4. Освобождение «Артека» от фашистских оккупантов // Артек. URL: <https://artek.org/artek-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Петров Б. Д., Потулов Б. М. З. П. Соловьев. М.: Медицина, 1976. 144 с.
6. Полухович Д. Лица Артека. О Сталине, шпионах и людоедах // Зеркало недели. 2003. 31 мая. URL: <https://as-bondar.narod.ru/images/artek.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Рыбинский Е., Азаров Ю. Песня серебряных горнов: сб. М.: Мол. гвардия, 1975. 176 с.
8. Свистов В. Есть местечко в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1961.
9. Свистов В. Т. Артек — за годом год... (Летопись Международного Детского Центра). Запорожье: Берегиня, 1995. 238 с.
10. Хорошевский А. Ю. 100 знаменитых символов советской эпохи. М.: Фолио, 2010. 509 с. URL: <https://www.litres.ru/book/a-u-horoshevskiy/100-znamenityh-simvolov-sovetskoj-epohi-5004262/chitat-onlayn/> (дата обращения: 15.05.2025).
11. Ястребов Г. Артек, июнь 1941 года. Страницы из дневника // Артековская библиотека. URL: <https://suuk.su/knigi/jastrebow.htm> (дата обращения: 15.05.2025).

Н. Н. Фомина

Центральный дом художественного воспитания детей в годы Великой Отечественной войны

В Международном собрании детского рисунка Российской академии образования хранится альбом [1], содержащий фотографии, детские рисунки, афиши и программки разнообразных культурных мероприятий, карты Советского Союза, отражающие масштабы деятельности Центрального дома художественного воспитания детей (ЦДХВД)¹ в дни Великой Отечественной войны.

1 января 1944 г. альбом был подарен наркому просвещения РСФСР В. П. Потемкину.

Центральный дом художественного воспитания, имевший статус научно-методического центра Советского Союза, охватывал всю систему эстетического и художественного воспитания, включая детский сад, общеобразовательную школу (уроки и кружки) и внешкольное (дополнительное) образование. На протяжении 1930–1940-х гг. им осуществлялось руководство художественным образованием в республиканских и региональных Домах художественного воспитания, домах пионеров, художественных и музыкальных школах. На базе ЦДХВД были созданы Театр юного зрителя, Кукольный театр Сергея Образцова, Музей детского рисунка.

Содержание альбома раскрывает деятельность всех отделов ЦДХВД.

Отдел изобразительных искусств во время Великой Отечественной войны проводил консультации, кружки и студии живописи и рисунка, кружки вышивки. Отдел руководствовался следующими задачами:

- «учебно-воспитательная работа в кружках изобразительного искусства как единый педагогический процесс;
- идейное воспитание ребенка и подростка средствами изобразительного искусства;
- место и значение метода систематического творческого воспитания в обучении изобразительному искусству» [1, с. 9].

¹ В 1946 г. ЦДХВД был преобразован в НИИ художественного воспитания АПН, в 1998 г. — Институт художественного образования РАО.

Юные художники ЦДХВД участвовали в выставках на тему «Великая Отечественная война в рисунках детей», работали над плакатами для окон Роста, готовили подарки бойцам и детям фронтовиков. Альбом отражает проведение в 1941 г. Всероссийского конкурса на лучшую детскую иллюстрацию, посвященного столетней годовщине со дня гибели М. Ю. Лермонтова. Представлены афиши, условия Лермонтовского конкурса и конкурса 1943 г., посвященного XXV годовщине ВЛКСМ, произведения участников. Учениками кружков изобразительного искусства оформлялись сборники, подготовленные литературными кружками.

В кружках и студиях отдела изобразительных искусств в годы войны подготовлены к поступлению «в художественную школу десятилетку 22 человека, в художественное училище — 11 человек, в Институт изобразительных искусств и в Архитектурный институт — 9 человек» [1, с. 9].

За 1941–1945 гг. отделом изобразительных искусств дано свыше тысячи заочных консультаций, о географии которых свидетельствует карта СССР с отметками населенных пунктов, в которых проживали «заочники», — подростки, увлеченные рисованием, выявленные в результате проведения всероссийских и всесоюзных конкурсов детского рисунка. В дни Великой Отечественной войны заочная консультация не только не прекратилась, но вызвала к жизни некоторые новые формы: ЦДХВД брал на заочное обучение не только отдельных школьников, но и целые коллективы кружков и студий, руководители которых ушли на фронт.

Музыкальный отдел работал с экспериментальными детскими коллективами. На страницах альбома называются:

- государственный детский хор;
- хор мальчиков;
- симфонический оркестр;
- оркестр народных инструментов.

Сотрудниками разрабатывались методы воспитания детского голоса. Они считали, что «неразумное и нерациональное пение в детстве непосильного музыкального репертуара ведет к порче, а часто и гибели хорошего голоса» [7, с. 5].

Отдел игры и танца в дни Великой Отечественной войны работал со следующими опытными (экспериментальными) детскими коллективами:

- младшей группой девочек (9–12 лет). В работе с ней отдел ставил своей целью разработать методику обучения танцам детей младшего дошкольного возраста, в частности работал над внедрением музыкально-ритмических и народных игр в занятия по танцу. Создал репертуар по танцу для кружков младшего возраста;
- группой мальчиков (10–14 лет). Задачей, поставленной в работе с этой группой, являлась переработка специального характерного тренажа для использования в обучении мальчиков, разработка

методики преподавания танцев мальчикам и создание репертуара для этой работы;

- старшей группой девочек (12–16 лет). В работе с ней решалась задача разработать систему художественной гимнастики, обеспечивающей гармоническое развитие всего организма ребенка и являющейся подготовкой тела к танцу, проверить и разработать раздел этюдных творческих занятий.

В учебные планы групп входили:

- тренировочная работа (упражнения);
- разучивание элементов танцев;
- этюдная творческая работа;
- постановочная работа по танцу.

Для повышения общей культуры для детей проводились:

- беседы о быте, костюмах и культуре народов;
- прослушивание музыки;
- посещение концертов и театра;
- встречи с мастерами танцевального искусства;
- учебно-тренировочные занятия по программе для хореографических кружков ЦДХВД с целью проверки этой программы.

Театральный отдел разрабатывал малые театральные формы, проверявшиеся в учебной работе в студии. С небольшими инсценировками и театрализованными шарадами дети выступали в госпиталях, на полях совхоза. Отделом были разработаны методические указания к постановке и практический художественный материал по театрализованному рассказу и литературному монтажу.

Литературный отдел вел работу с опытными детскими коллективами в следующих направлениях:

- литературный кружок детей 9–12 лет;
- литературно-творческий кружок детей 14–17 лет;
- кружок выразительного чтения детей 13–17 лет.

На основе работы детских коллективов литературный отдел разрабатывал программы для литературных кружков младшего, среднего и старшего школьного возрастов. Основной проблемой в работе отдела являлось исследование литературного творчества детей и подростков. Он вел заочную консультацию школьников по творчеству, для чего разработал ряд листовок: «Об очерке», «Рассказ», «Как писать стихи» и др.

Дошкольный отдел проводил занятия по всем направлениям художественного творчества. Учебный план дошкольной группы включал:

- музыкально-двигательные занятия (пение, гимнастические упражнения, музыкальные игры, пляски);
- литературные занятия (чтение и рассказывание детям, разучивание детьми стихов, пересказ ими сказок, небольшие инсценировки, занятия по дикции в форме игры);

- занятия по изобразительному искусству (рисование, лепка, различные виды работы с бумагой, рассматривание картинок и других предметов искусства).

Занятия дошкольной группы происходили три раза в неделю по два учебных часа. Каждый предмет занимал один час. Во время сбора детей на занятия и в перерывах им давали игры и игрушки.

Знакомясь с содержанием альбома, мысленно возвращаешься к нашим предшественникам, которым выпало на долю работать с детьми в годы войны. Что обозначает выражение: «работать с детьми»? В годы войны оно значило нечто гораздо большее, чем заниматься разными видами искусства. Нужно было накормить и напоить детей, пришедших на занятия. Обезопасить их от бомбежек, спустившись в метро или бомбоубежище. Организовывать концерты и выставки в Москве и даже на фронте.

Хочется вспомнить всех самоотверженных сотрудников ЦДХВД, занимавшихся с детьми. А это были педагоги, являвшиеся в то же время профессиональными музыкантами и художниками, актерами драматических, музыкальных и кукольных театров, писатели, то есть это были деятели всех видов искусства. Многие из них после преобразования ЦДХВД в НИИ художественного воспитания детей Академии педагогических наук РСФСР (затем — СССР) защитили диссертации, подтвердив научный статус своей области образования.

На первой странице альбома рядом с графическим портретом И. В. Сталина работы П. В. Васильева — благодарность вождя учащимся кружков и хора ЦДХВД, собравшим средства на строительство танков для Красной армии, а чуть выше — интереснейшая информация, имеющая значение для изучения истории художественного образования. Здесь названы старосты кружков: государственного детского хора — Лида Риппель, литературного кружка — Ида Дымова, театрального кружка — Ира Сотова и кружка танцев — Нина Тимофеева. Старостами, как известно, избирались не только наиболее талантливые, но и общественно активные подростки. Как сложилась их судьба?

Кое-что удалось узнать о Лидии Риппель и Нине Тимофеевой. В каталоге советских пластинок есть фотография пластинки с записью произведения под названием «Желание». На ней указаны следующие сведения: «музыка Ф. Шопена, обработка В. Соколова, слова С. Витвицкого. Исполняет Детский хор ЦДХВД под управлением В. Г. Соколова. Соло Лида Риппель, фортепьяно М. А. Браславская». Пластинка произведена Ногинским заводом грампластинок. Можно предположить, что Нина Тимофеева — это ставшая знаменитой Народная артистка СССР Нина Владимировна Тимофеева (1930–2014). Полной уверенности в этом нет, в силу малой изученности первых лет ее жизни (до поступления в Ленинградское хореографическое училище им. А. Я. Вагановой).

На следующих страницах альбома — информация о 43 изданиях, изданных в типографии ЦДХВД в годы войны. Большинство из них — методические пособия и рекомендации, программы, репертуарные сборники по всем видам искусства: пению, танцу, театру, литературе, изобразительному искусству. Адресованы они педагогам, работающим с детьми. Названия изданий свидетельствуют о том, что творческие (интерактивные) методы приобщения к разным видам искусства были востребованы и в то время.

Л. М. Гурари написала методическое пособие «Как организовать массовое пение», изданное в 1946 г. типографией Оборонгиза. В. А. Дышлевская подготовила пособие «Музыкальная викторина» в 1942 г. В 1950 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русская народная песня в музыкальной работе с детьми в школе».

Исследовательскими темами музыкального отдела являлись: у К. В. Головской — «Музыкальное воспитание детей младшего возраста на основе творчества», у Л. С. Лебедевой — «Роль музыки в формировании личности советского школьника». Музыкальное восприятие детей младшего школьного возраста изучала Л. М. Гурари. Н. Д. Орлова исследовала занятия по пению с детьми в период мутации голоса [7]. Клавдия Васильевна Головская (1895–1948) в 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Детское музыкальное творчество», основные положения которой были опубликованы в Известиях АПН РСФСР, в первый год после преобразования ЦДХВД в НИИ художественного воспитания (1947–1948) являлась директором института [3; 4].

На поприще литературного воспитания работал С. М. Шитик, выпустивший в 1942 г. в помощь школьникам-активистам пособие «Литературные игры». Литературным образованием занимались также С. В. Сапожников, Н. С. Карпинская, З. Кедрина, И. Г. Кривошапкин. Последний некоторое время возглавлял литературный отдел в ЦДХВД, а затем в НИИ художественного воспитания занимался литературным творчеством детей среднего и старшего возраста [5]. В центре внимания Н. С. Карпинской были дошкольники. После войны она работала в НИИ дошкольного воспитания. В список ее основных работ входят «Русская народная сказка в моральном воспитании ребенка дошкольного возраста» (1949), «Методы воспитания детей дошкольного возраста средствами художественной литературы» (1955), «Художественное слово в воспитании детей» (1972). В 2002 г. в издательстве «Педагогика» вышла капитальная монография Н. С. Карпинской «Художественное слово в воспитании детей».

Развитию физической культуры детей дошкольного возраста, художественному движению, танцу были посвящены методические пособия А. И. Быковой. Ее дальнейшая научная биография связана с НИИ физического воспитания и школьной гигиены АПН РСФСР, где ею было подготовлено методическое пособие «Обучение детей дошкольного возраста

основным движениям», выдержавшее три издания в Учпедгизе — в 1955, 1957 и 1961 гг. А. И. Быкова рассматривала развитие движений в тесной связи с игрой, применением игровых методов [2]. Искусством движения детей занимались также В. Н. Светинская и Л. В. Былеева, о чем свидетельствуют их исследовательские темы. Научная тема В. Н. Светинской — «Танцы народов СССР в детской самодеятельности», Л. В. Былеева изучала «развитие творчества детей в движении». Вера Николаевна Светинская (1895–1986) являлась воспитанницей Императорской балетной школы, артисткой Большого театра, автором воспоминаний о балетмейстере А. А. Горском. Ею также в соавторстве было подготовлено пособие для преподавателей современных балльных танцев, изданное в 1976 г. [11; 12]. Интерес к занятиям с детьми она сохранила на всю жизнь.

Проблемы театральной педагогики также были названы среди исследовательских тем сотрудников ЦДХВД. Е. П. Перельман была поставлена задача выявления элементов системы К. С. Станиславского с целью их применения в качестве методов воспитания школьника в драмкружке. Н. А. Левонович разрабатывала методику выразительного «художественно-эмоционального чтения» [6]. Театром теней и кукольным театром занимались Л. Г. Шпет [14] и Сервинский. Актуально звучит исследовательская тема военных лет В. Г. Ширяевой «Воспитание творческого воображения школьников средствами театрального искусства». В 1960 г. ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Театральное творчество в эстетическом воспитании учащихся (в восьмилетней школе)» [13].

Успешно сложилась профессиональная жизнь Лены Густавовны Шпет (1905–1976), дочери выдающегося отечественного философа и психолога Густава Густавовича Шпета (1879–1937). Высшее образование она получила в 1-м МГУ на факультете общественных наук. Свободно владела английским, французским и немецким языками. С 1931 г. заведовала театральным отделом ЦДХВД, была одним из инициаторов создания театра кукол под руководством С. В. Образцова. В дальнейшем являлась в нем заведующей сначала литературной частью, а затем — научно-методической частью. На протяжении всей жизни, начиная с работы в ЦДХВД, вела театрально-педагогическую работу. В 1947 г. Л. Г. Шпет участвовала в создании Кабинета детских театров при Всесоюзном театральном обществе и первые годы руководила им. С 1958 г. была ответственным секретарем Советской секции, а затем членом Президиума УНИМА (*фр.* Union Internationale de la Marionnette, UNIMA) — Международного союза кукольных театров. Многие годы Л. Г. Шпет занималась изучением детских театров. В 1971 г. была издана ее книга «Советский театр для детей», посвященная истории театров юного зрителя, в которой она обобщила свои представления о миссии художника-педагога в детском театре.

Нина Павловна Сакулина (1898–1975) всю жизнь посвятила изучению детей дошкольного возраста. Выпускница историко-филологического факультета 2-го МГУ (1921) и искусствоведческого отделения музейно-экскурсионных курсов (1922), в 1920-е гг. работала ученым секретарем Государственной академии художественных наук в тесном контакте с А. В. Бакушинским и его соратниками и учениками. Среди этих учеников была Г. В. Лабунская, в 1931 г. возглавившая отдел изобразительного искусства в ЦДХВД (о ней будет подробнее сказано далее). В 1932–1934 гг. Н. П. Сакулина работала в Институте дефектологии под руководством Л. С. Выготского, в 1934–1960 гг. — в ЦДХВД. Ее работы военных лет посвящены художественному воспитанию дошкольников в области изобразительной деятельности: «Вышивание в детском саду», «Занятие с бумажной мозаикой», «Рабочая тетрадь по проведению изобразительных занятий в детском саду» (в соавторстве с М. Сахаровой). Исследовательская тема в них определена как «роль организованного наблюдения в развитии рисунка ребенка-дошкольника».

В монографии «Рисование в дошкольном детстве» Н. П. Сакулина с благодарностью отмечает: «Большинство исследований, включенных в данную книгу, проведено в Институте художественного воспитания АПН РСФСР под руководством В. Н. Шацкой. Многие положения оттачивались в научных спорах с товарищами Г. В. Лабунской, Е. Е. Рожковой, Т. Л. Беркман, что позволило внести большую ясность, найти более точную форму изложения» [9, с. 4]. В 1967 г. ею была защищена докторская диссертация на тему «Рисование в дошкольном детстве» [10]. Ее работы обобщали многолетний опыт изучения художественного творчества маленьких детей.

В целом в списке трудов сотрудников ЦДХВД большое место занимают методические пособия и программы по изобразительному искусству. Среди них коллективная работа «Об итогах всероссийских смотров детского изобразительного творчества», Г. В. Лабунской «Изобразительное творчество детей», в соавторстве с А. Шастовым «Оформление стенной газеты», в соавторстве с Н. Ливчак и Г. Мирзабековой пособие «В помощь юным вышивальщицам». В. С. Щербаковым издана брошюра «Тематическая композиция».

Всеволод Сергеевич Щербаков (1904–1963) в 1930–1940-е гг. являлся методистом отдела изобразительного искусства ЦДХВД. В центре его внимания была задача формирования композиционного мышления подростков, остающаяся краеугольным камнем творческого развития детей в области всех видов искусства.

В качестве исследовательских названы темы Г. В. Лабунской «Изобразительное творчество детей и детское художественное воспитание и образование. Их взаимосвязь. История этого вопроса в теории и практике» и Н. Ф. Ливчак и Е. Е. Рожковой «Рисование по наблюдению. Место и значение этой работы в общем учебном плане».

Галина Викторовна Лабунская (1893–1970) — художница и педагог, ученица в живописи К. Ф. Юона, в области педагогики и психологии — ученица А. В. Бакушинского. К началу войны была ведущим специалистом в области художественного воспитания в стране. Признание отечественных и зарубежных коллег она получила как организатор первой в Москве международной выставки детского рисунка в 1934 г., экспонаты которой составили существенную часть уникальной коллекции детского рисунка. Подготовленные ею в 1940-е гг. издания явились основой кандидатской диссертации на тему «Роль художественного воспитания и образования в развитии детского изобразительного творчества», защищенной в 1947 г. Выдающиеся ученые Г. В. Жураковский и А. А. Фортунатов выступили в качестве официальных оппонентов. В последней работе Г. В. Лабунской «Изобразительное творчество детей» (1965) ясно прослеживается ее метод изучения проблем художественного развития: сопоставление исторического опыта с сегодняшним состоянием, изучение творчества конкретного ребенка в процессе развития.

В отделе изобразительного искусства вместе с Г. В. Лабунской работали выпускники ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа (Высшие художественно-технические мастерские, позже переименованные в Высший художественно-технический институт) — Е. Е. Рожкова (старший методист по разделу школьной работы), Н. Ф. Ливчак и др. Заявленная в альбоме исследовательская тема «Рисование по наблюдению» стала для Е. Е. Рожковой главной научной проблемой на протяжении всей научно-педагогической деятельности в ЦДХВД, о чем свидетельствуют сформированные ею подборки работ подростков, хранящиеся в международном собрании детского рисунка РАО [8].

Основной областью деятельности художника и педагога Надежды Федоровны Ливчак (1903–1994) были практические занятия с подростками в форме очных и заочных консультаций, кружков и студий. Одним из ее учеников, всю жизнь с благодарностью вспоминавшей занятия с ней, был А. В. Щербаков — художник, архитектор, кандидат педагогических наук, работавший в институте в 1970–1990 гг., сын В. С. Щербакова.

Особенностью, объединявшей сотрудников ЦДХВД в годы войны, являлся их высокий профессионализм в области избранного вида искусства. Так, Е. Е. Рожкова, Н. Ф. Ливчак, В. С. Щербаков, Г. В. Лабунская были замечательными живописцами, обладавшими индивидуальным художественным стилем. Исследования и методики, проведенные и разработанные в годы войны в области всех видов искусства, свидетельствуют о том, что их педагогические усилия были направлены на выявление и развитие индивидуальности учащегося в области восприятия искусства и практической деятельности. Представленные в альбоме работы воспитанников студий и кружков изобразительного искусства, очных и заочных консультаций (групповых и индивидуальных)

свидетельствуют о высоком уровне преподавания. Главным было развитие наблюдательности, композиционного мышления и художественного кругозора ребенка.

В условиях войны усилия оставшихся в Москве сотрудников ЦДХВД были направлены на объединение детей разного возраста в выставочной, постановочной и концертной деятельности, происходившей в госпиталях и даже на фронтах. Занятия проводились не только в Москве, но и в загородных школах, детских домах, где ребят нужно было согреть душевным теплом, лаской. А помимо этого они рыли окопы под Москвой, работали в поле, сажали овощи, убирали урожай. В дни, когда враг был у самой Москвы и налеты носили регулярный характер, дежурили на крыше ЦДХВД, располагавшегося в одном помещении с Театром юного зрителя в самом центре Москвы, в Мамоновском переулке. Дети вместе с учителями обезвреживали зажигательные бомбы, преодолевая страх, защищали Москву, свой дом, право на жизнь и творчество.

Об этом рассказано на страницах альбома, где рисунки, сделанные в кружках и студиях ЦДХВД, соседствуют с рисунками, присланными издалека учениками заочных форм обучения. Консультации давались в письмах научными сотрудниками, которые на протяжении нескольких лет следили за художественным развитием своих подопечных, живших в разных уголках Советского Союза. Начинались такие консультации по инициативе юных художников, посылавших свои рисунки в «Пионерскую правду» или на радио, откуда их направляли в ЦДХВД. Некоторые участники конкурсов детского рисунка, которые организовывал ЦДХВД в 1930-е гг., также становились заочниками. Научные сотрудники и методисты ИЗО-сектора анализировали каждый рисунок, направляли специальные методические пособия, давали индивидуальные советы, иногда посылали художественные материалы.

Среди рисунков, помещенных в альбоме 1944 г., обращают на себя внимание работы Ивана Спиридонова — одного из заочников, и его письма. Мирные сцены из жизни — бесхитростные и будничные. Будничные настолько, что, кажется, не заслуживают внимательного разглядывания, а тем более изображения. Неказисто одетый мальчик в валенках сидит у окна деревенской избы, освещенный зимним солнцем. Игра в снежки, где легко обнаружить ошибки в передаче пространства, пропорций... Но что-то делает эти рисунки притягательными. Простое мальчишеское лицо, полное спокойного достоинства, данное без излишних подробностей, со стремлением сосредоточиться на позе модели, ее расположении в пространстве. А при изображении играющих детей тот же автор не мог удержаться от выразительных подробностей пейзажа — все избы, попавшие в его поле зрения, нарисованы в равной степени четко и подробно.

Под рисунками подпись: Спиридонов Иван, 16 лет, 1942 г. Шестнадцать лет. В этом возрасте выпускники художественных школ и студий рисуют много грамотнее и мастеровитее. Но выразительнее ли? И в каких условиях рисовал Иван? Приведу строки из двух писем Ивана: одно написано до ухода на фронт, 17 декабря 1942 г., и обращено к педагогу Н. Ф. Ливчак, другое — спустя несколько месяцев, с фронта.

В первом Иван писал: «Здравствуйте, Надежда Федоровна! Письмо Ваше я получил. Ох, знали бы Вы, как я был рад и доволен... Я все понимаю в письме, написанном таким простым и внятным языком, но дело заключается в том, что я никак не могу получить желаемого цвета, оттенка. От красок ли это частично зависит? Или у хорошего художника любимыми красками выходит. Но по поводу писем будьте покойны. Я этот ценнейший материал для меня берегу как зеницу ока. Я их храню в отдельной папке, которую сам сделал очень удобной. У меня целы все письма до единого, на каждом ставлю на обороте карандашом “осторожно” и № в порядке их поступления...» [1, с. 13]. Жил Иван в селе Салтыково, которого не коснулись военные действия. Несмотря на войну, переписка с заочниками продолжалась и, как свидетельствует второе сохранившееся письмо Ивана, морально помогала солдатам. «Ваше письмо получил, — пишет он Надежде Федоровне летом 1943 г. — Неожданность этого драгоценного письма меня просто поразила. А я уже думал, что, сделавшись курсантом и перестав быть ребенком, я ничего не получу из Дома художественного воспитания детей. И вдруг я получаю 8 июня письмо, и на нем знакомый штамп. Я его почитал, и до чего же оно подействовало на меня. <...> Я не нахожу слов выразить свою благодарность вам точно. И поэтому, пока я жив, пока течет по жилам кровь, буду отстаивать Родину, бить беспощадно врага. Отстоим Родину, отстоим счастливую жизнь. Может быть, если останусь жив, я снова смогу учиться как прежде. Только быстрее разбить врага, быстрее... победа — это основное» [1, с. 13]. Дальнейшая судьба Ивана Спиридонова неизвестна.

На следующих страницах — рисунки детей, занимавшихся в кружках и студиях вышивкой и рисованием, оформлением пригласительных билетов, программ, литературных сочинений. Множество выставок детского рисунка разного масштаба — от всесоюзной до госпитальной — состоялось в нашей стране за военные годы. А сколько рисунков было отправлено на фронт родным и близким, а порой и совсем незнакомым солдатам с единственной целью — дать силы, помочь воину в его фронтовой жизни.

Но, пожалуй, больше всего любили бойцы концерты, устраиваемые детьми. И учащиеся студий и кружков ЦДХВД готовились к ним со всей серьезностью.

Деятельность хора под управлением Владислава Геннадьевича Соколова (1908–1993) на протяжении десятилетий определяла широкую

известность сначала ЦДХВД, а затем НИИ художественного воспитания АПН СССР в нашей стране и в мире. О концертах детского хора под руководством В. Г. Соколова рассказала Лидия Риппель в заметке «Концерт в лесу на широкой поляне», написанной под впечатлением выступления на Калининском фронте 10 мая, по-видимому, 1942 г. «Первый концерт в госпитале. Душно в небольшом зале с низким потолком. Сидят и стоят бойцы. Сцена мала для нас, и мы спустились встали перед ней. Пели с баяном. Сначала неуверенно звучали голоса. Мы волновались. Так много мыслей было в голове. Но после каждой новой песни мы пели все смелее, и казалось, что совсем по-иному звучали стихи и веселее, чем всегда танцы. Бойцы отвечали громом аплодисментов.

А вот мы в палатах. Здесь тихо. Нам никто не аплодировал. Но эта торжественная тишина была особенной, глубокой благодарностью, которую видели мы на лицах бойцов. На минуту она забывали свои страдания и улыбались нам. И улыбка эта звучала громче самых громких аплодисментов.

Мчимся в автобусах по шоссе. Солнце жарит вовсю. Настроение радостное. И даже после вечерних четырех концертов мы не чувствуем никакой усталости. Всю дорогу шутим, поем, смеемся.

Деревня Черногубово. Мы попали в сосновый лес. Воздух чистый. Поют птицы. Погода стоит прекрасная. Так много зелени. Свежие яркие листики березы и сочные иглы хвои шумят по-весеннему. Нас приветливо встречают бойцы и ведут на территорию госпиталя, санатория для выздоравливающих. Нам никогда еще не приходилось петь на улице. А здесь...

Вот мы стоим на деревянной сцене, вокруг расположились слушатели-бойцы и командиры. Над нами яркое голубое небо без видимого облачка. Солнце печет. А ветер треплет наши волосы, и галстуки, словно язычки пламени, колышутся в такт ему. И кажется, что притих лес, словно вслушивается во все происходящее, и старые сосны и ели приветливо протягивают к нам свои мохнатые лапы.

И еще концерт в лесу на широкой поляне. Здесь нет сцены, все сидят на траве полукругом. Госпиталь интернациональный: русские, украинцы, белорусы, грузины, буряты, латыши, татары, ингуши, чеченцы особенно хорошо принимают песни на своих родных языках. Но хоть и не все слова понимают они в [песнях на] других [языках], — все равно радостно улыбаются, внимательно слушают и дружно аплодируют. Весело звучат шуточные песни. Мощно и широко льется песня о широком Днепре, могучем и прекрасном. И украинец вспоминает свою родину, свою семью. А гулкое эхо несет песню далеко. Она звенит в траве, летит над лесом, заглядывает в землянки.

Нам так не хочется уезжать из этих прекрасных мест! Хотелось петь еще и казалось, что мы никогда не устанем» [1, с. 32].

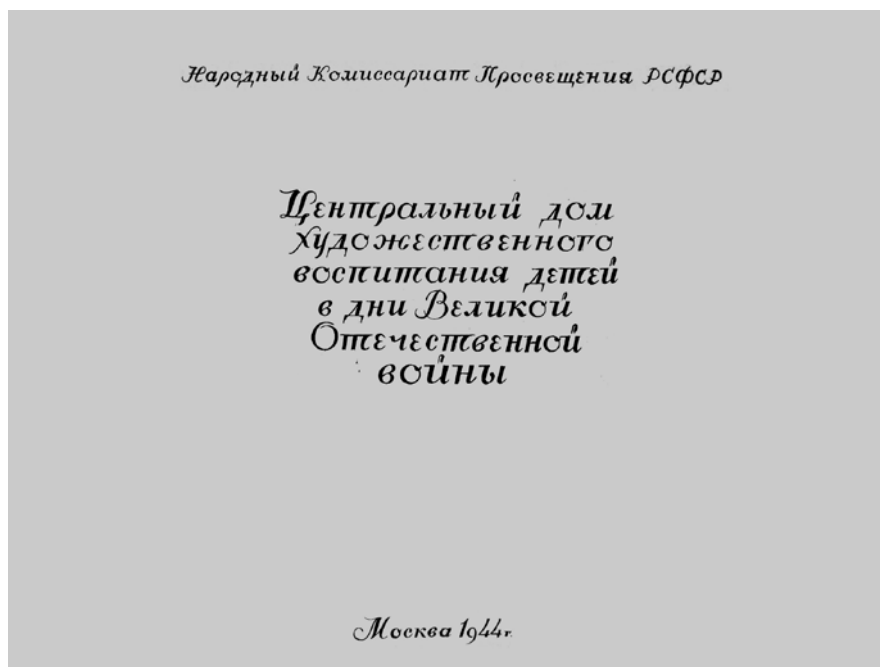
Детский хор за годы войны дал более трехсот концертов в госпиталях, военных клубах, по радио. Из бесед с руководителями хора в 1970-е годы известно, что за большую работу «по художественному обслуживанию Советской армии» 45 учеников хора, кружков и студий ЦДХВД были награждены медалью «За оборону Москвы».

В подготовке к концертам принимали участие все кружки и студии. Созданием костюмов и элементов декорации занимались учащиеся кружков и студий изобразительного искусства.

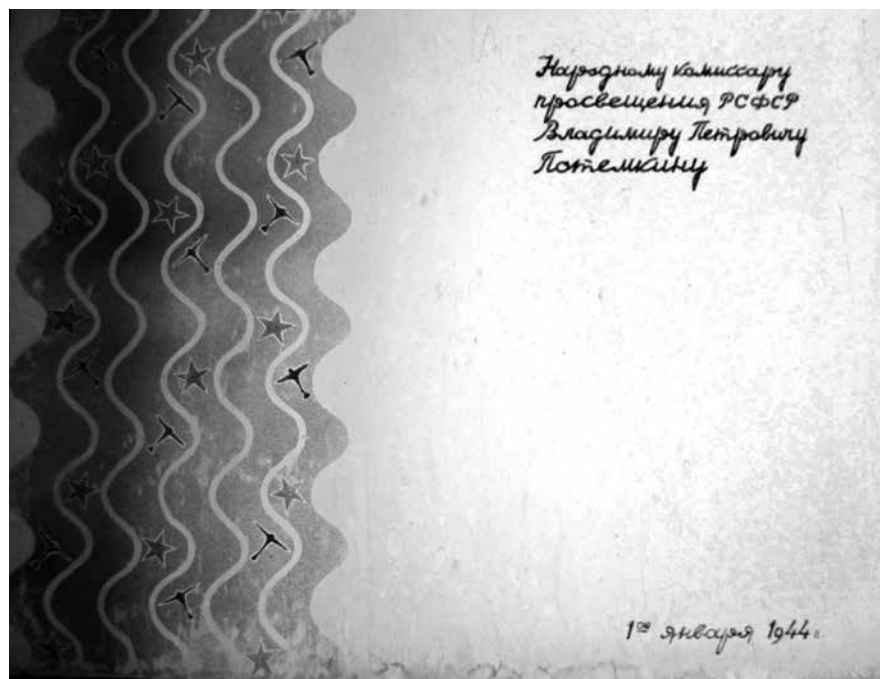
Спустя много лет, в дни, когда страна готовилась отметить 50-летний юбилей Победы, в Институт художественного образования пришел очень пожилой человек с просьбой восстановить документ, свидетельствующий о получении им в детстве высокой награды. Оказалось, что, получая медали, некоторые воспитанники ЦДХВД, воодушевленные торжественным актом награждения, забыли получить удостоверение о награде, так необходимое для присвоения статуса ветерана войны.

Альбом завершается словами общественного признания и благодарности коллективу и воспитанникам ЦДХВД за участие в сельскохозяйственных работах в годы войны и выступлениям на Детской оздоровительной площадке фабрики «Дукат».

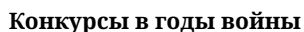
В заключение хочу отметить личностные качества сотрудников ЦДХВД, определившие их плодотворную научную и педагогическую деятельность. Профессиональная принадлежность конкретному виду искусства, из которого каждый пришел в педагогику, способность пробудить в ребенке творца, глубокое понимание переживаний детей, живущих в состоянии войны, определили высокую продуктивность деятельности ЦДХВД в эти драматичные годы. Им удалось главное — включить художественное творчество в культурное пространство страны, сделав необходимым искусство детей в жизни страны.

Титульный лист альбома

Дарственная В. П. Потемкину

Государственный детский хор

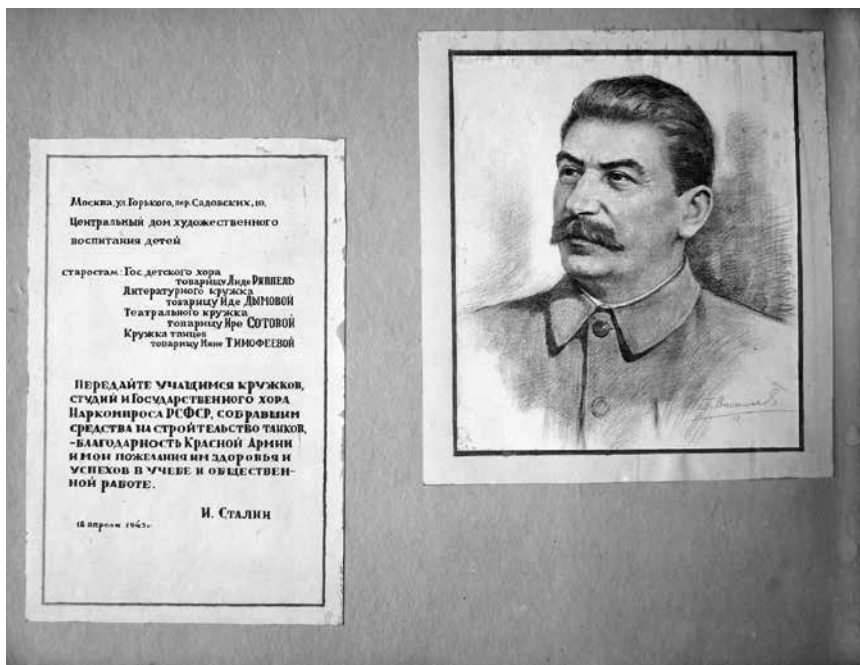
Отдел игры и танца

Литературный отдел

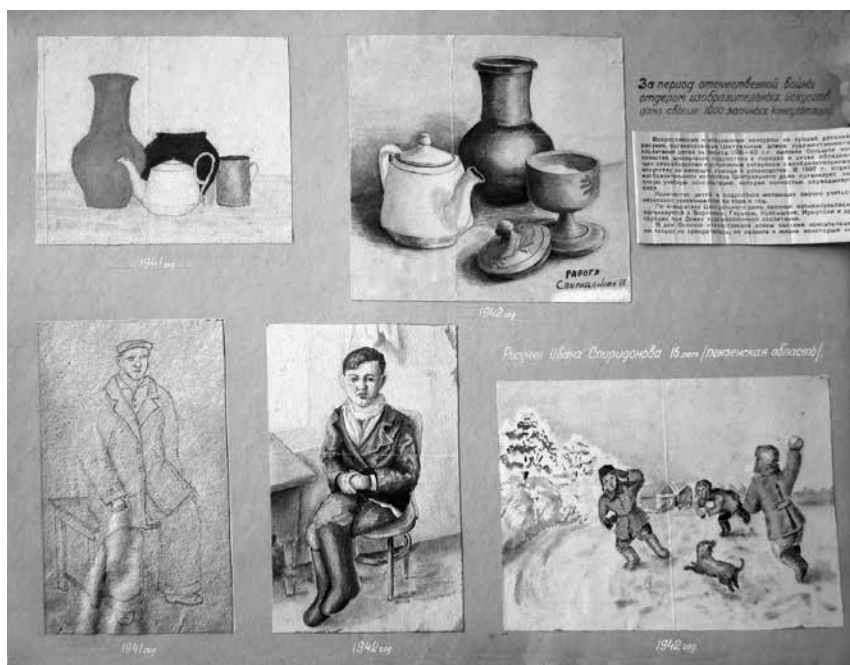
Дошкольный отдел

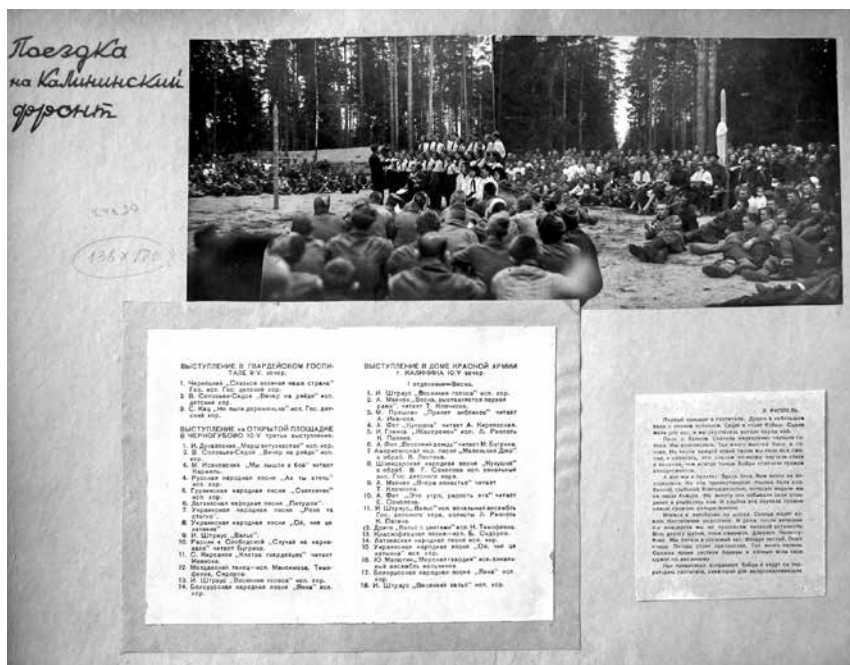
Благодарность Сталина

Концерты и выступления детских коллективов

Рисунки Ивана Спиридонова

Поездка на Калининский фронт

Список литературы

1. Альбом «Центральный дом художественного воспитания детей в годы войны. Москва, 1944» // Международное собрание детского рисунка Российской академии образования. 38 с.
2. Быкова А. И. Обучение детей дошкольного возраста основным движениям. Пособие для воспитателей дет. садов / Акад. пед. наук РСФСР. Науч.-исслед. ин-т физ. воспитания и школьной гигиены. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1961 [переплет 1962]. 152 с.
3. Головская К. В. Детское музыкальное творчество как метод музыкального воспитания // Известия АПН РСФСР. М., 1947. Вып. 11. С. 43–53.
4. Головская К. В., Дышлевская В. А. П. И. Чайковский. Метод. разработка для учителей музыки и руководителей кружков сред. школы / Центр. дом худож. воспитания детей. М.: [б. и.], 1940. 44 с.: ноты.
5. Кривошапкин И. Г. Литературное творчество детей среднего и старшего возраста: (В помощь педагогу) / Акад. пед. наук РСФСР. Центр. дом худож. воспитания детей. М.: [б. и.], 1945. 28 с.
6. Левонovich Н. А. Выразительное чтение / Центр. дом худож. воспитания детей; Акад. пед. наук РСФСР. М.: [б. и.], 1946. 10 с.
7. О детском голосе / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т худож. воспитания; под. ред. Н. Д. Орловой; авт. разделов: Н. Д. Орлова, Е. М. Малинина, М. Н. Евсеева [и др.]. М.: Просвещение, 1966. 55 с.: ил.
8. Рожкова Е. Е. Работа по памяти, ее место и значение в обучении рисованию: дис. ... канд. пед. наук. М., 1950. 19 с.
9. Сакулина Н. П. Рисование в дошкольном детстве. М.: Просвещение, 1965.
10. Сакулина Н. П. Рисование в дошкольном детстве: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / НИИ общего и политехн. образования АПН СССР. М. [б. и.], 1967. 38 с.
11. Светинская В. Н. Воспоминания [записала Е. П. Белова] // Балетмейстер А. А. Горский: Материалы. Воспоминания. Статьи / Рос. гос. ин-т искусствознания, Театр. музей им. А. А. Бахрушина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 237–249.
12. Светинская В. Н. Современный балетный танец. Учеб. пособие для отделения преподавателей соврем. балетных танцев / Моск. гос. ин-т культуры. М.: [б. и.], 1976. 94 с.
13. Ширяева В. Г. Театральное творчество в эстетическом воспитании учащихся (в восьмилетней школе): автореф. ... канд. пед. наук. М., 1960. 24 с.
14. Шпет Л. Г. Театр. Методическое и практическое пособие для организаторов и руководителей театров с детьми. М.: Профиздат, 1933. 186 с.

А. М. Каверкина

Литературный институт имени А. М. Горького в годы Великой Отечественной войны

Литературный институт им. А. М. Горького продолжал свою работу в годы Великой Отечественной войны. Директором института с 1941 по 1944 г. был Гавриил Сергеевич Федосеев, затем на четыре месяца его сменил Алексей Федорович Зайцев, а следующим директором стал Федор Васильевич Гладков, который оставался на этом посту до 1947 г.

В 1941 г. в Литературном институте не принимали новых студентов. Занятия в нем, как и во многих других высших учебных заведениях страны в тот год, начались 1 октября. Тем не менее обучение продолжалось, и, по словам директора института, учебный год начался нормально, несмотря на то что вуз испытывал трудности из-за отсутствия финансирования. Около половины студентов ушло на фронт в качестве бойцов и военных корреспондентов. Преподавательский состав также сократился по этой причине [3].

Всего в начале войны более сотни студентов и сотрудников института ушли на фронт и в ополчение. Многие студенты погибли: П. Д. Коган, М. В. Кульчицкий, Н. П. Майоров, Г. С. Эфрон, Е. М. Ширман и др. [5]. Некоторые сотрудники института были участниками обороны Москвы: Г. С. Федосеев, В. С. Сидорин, С. К. Шамбинаго, С. В. Щирина, Л. Н. Галицкий. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены А. А. Реформатский, И. А. Львов-Иванов, А. Л. Слонимский, Л. И. Тимофеев [8].

Студенты института оставили немало воспоминаний об этом времени. Они отмечали, что в 1941 г. в Литературном институте жизнь шла своим чередом и могло показаться, что она далека от военных будней. В. Н. Жегис так пишет об осени 1941 г.: «А в Доме Герцена — Литературном институте имени Горького — своим чередом шла, казалось бы, столь далекая от суровых военных будней жизнь: студенты — в основном вчерашние школьники (из тех, кого пока не взяли на фронт, но рвались все) — изучали такие “мирные” предметы, как, например, история античной литературы. Но и в тех дальних временах виделись героические черты, столь созвучные современности» [2, с. 126].

Во внеучебное время студенты старались помогать солдатам, как могли: многие работали в подшефном госпитале института, который

располагался в нынешней детской Филатовской больнице. При этом руководство института старалось максимально сохранить учебную программу — как и сказано в воспоминаниях выше, в нем продолжали изучать классические предметы филологического цикла. Основным видом занятий оставались творческие семинары — в воспоминаниях и архивных документах несколько раз упоминается И. Л. Сельвинский в качестве их ведущего.

В воспоминаниях студентов также часто встречаются упоминания о семинарах по основам марксизма-ленинизма, который проводился и в военные годы. Их вела С. В. Щирина, которая была известна и любима студентами не только из-за своей образовательной деятельности, но и, в большей степени, из-за организации общения с фронтовыми товарищами. Именно благодаря ей студенты и преподаватели вели активную переписку с коллегами, которые находились в действующей армии, а в 1943 г. она помогла подготовить подарок фронтовикам: поэтический сборник «Друзьям», который стал одной из первых в стране поэтических военных хроник [7].

Участие бывших и действующих студентов, которые отправлялись на фронт или возвращались в Москву — часто из госпиталя, — стало неотъемлемой частью учебного процесса в годы войны. Фронтовики делились воспоминаниями, выступали на общеинститутских митингах, принимали активное участие в творческой деятельности института: писали свои произведения и обсуждали творческие работы студентов, остававшихся в тылу.

Прием студентов в Литературный институт возобновился с 1942 г., причем в нем существовали очная и заочная формы обучения. В этом же году институт вошел в титульный список высших учебных заведений СНК СССР, в нем была организована аспирантура и отделения поэзии, прозы, критики и художественного перевода. Он продолжал активную творческую деятельность: в ее рамках, в том числе, решался вопрос о публикации книги «Летопись Отечественной войны», куда должны были войти истории о студентах и преподавателях института, которые ушли на фронт, о студенческом ополчении, об учебе во время войны, а также художественные произведения обучающихся, написанных в эти годы.

В 1943 г. Союз писателей СССР решил возобновить и усилить контроль за Литературным институтом. В протоколе заседания Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. упоминалось, что до этого момента Союз писателей уделял недостаточное внимание институту. Это событие станет отправной точкой некоторых организационных изменений в жизни Литературного института в 1944/45 учебном году.

В воспоминаниях студентов отражен и 1944 г.: по их словам, коридоры института в то время заполняли не обычные слушатели курсов.

Некоторые из них были в шинелях, другие — в защитных и голубых фуфайках (рабочей одежде тех лет), были и студенты, одетые в хорошие костюмы: казалось, что война обошла их стороной [1].

Студенты отмечают, что в 1944 г. в институте продолжались творческие семинары, в ходе которых раз в две недели преподаватели оценивали тексты новых студентов. Это были беспощадные разборы и, чаще всего, итоговое мнение преподавателя выслушивалось как приговор. Ситуация поменялась, когда в институт назначили нового директора: он предложил проводить творческое воспитание студентов в форме индивидуальных консультаций [1].

В 1944 г. студенты и выпускники литературного института встречались не только в доме Герцена. В воспоминаниях А. С. Абсалямова, работавшего в ежедневной красноармейской газете Карельского фронта «В бой за Родину», встречается упоминание о том, что «в Карелию прибыла редакция волховской фронтовой газеты, в коллективе которой было много бывших воспитанников Литературного института: М. Эдель, Б. Рунин, Н. Мельников и В. Розанов. Видел А. Чаковского и В. Курочкина» [8].

В 1944 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило, что Литературный институт не оправдывает своего назначения, не создает литераторов — большинство его выпускников не работает в области художественной литературы [4]. Решение Оргбюро признавало нецелесообразным дальнейшее существование Литературного института. Однако Политбюро не утвердило это решение, отправив на доработку. 30 декабря 1944 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило новый вариант постановления: в нем также отмечалась неудовлетворительность работы Литературного института, однако не было предложения закрыть его. Согласно этому постановлению, Всесоюзный комитет по делам высшей школы и президиум Союза писателей СССР должны были рассмотреть и утвердить учебный план, утвердить руководителей кафедр и состав преподавателей, предусмотреть творческую практику в студентов, а также утвердить нового директора Литературного института и усилить идеологическую и политико-воспитательную работу среди студентов.

На основании этих решений после окончания войны в институте произошла реорганизация: творческие семинары трансформировались в литературные консультации, а со студентами индивидуально работали 15 поэтов и писателей. Качество лекций повысилось, увеличилась активность преподавательского состава, появился контроль посещения. Ужесточились и требования к студентам: больше 60 учащихся, не имевших литературных данных, перевели в другие вузы, а в новом 1946 г. на первый курс приняли 20 человек из 600 желающих.

Помимо этого, ЦК ВКП(б) разрешил Союзу писателей СССР на очередном пленуме пополнить состав его правления писателями, проявившими

себя в литературе в годы Отечественной войны, — это было поручено сотрудникам Литературного института Н. С. Тихонову и Д. А. Поликарпову.

Список литературы

1. Воспоминания о Литературном институте. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2008. Кн. 2. 854 с.
2. Воспоминания о Литинституте. 1933–1983 / сост.: К. Я. Ваншенкин, Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков; гл. ред. В. Ф. Пименов. М.: Советский писатель, 1983. 480 с.
3. Главархив рассказал о жизни Литературного института имени Горького в войну // Литинститут. URL: <https://litinstitut.ru/content/glavarhiv-rasskazal-o-zhizni-literaturnogo-instituta-imeni-gorkogo-v-voynu> (дата обращения: 15.05.2025).
4. *Жирнов Е.* «Столь же бойкие, сколь и бездарные юноши и девицы» // Коммерсантъ. 15.06.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6772211> (дата обращения: 15.05.2025).
5. История Литературного института имени А. М. Горького // Литинститут. URL: https://litinstitut.ru/info_history (дата обращения: 15.05.2025).
6. Письма в ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б) по вопросам деятельности Литературного института, проведении Пленума правления СП СССР о состоянии и развитии международного книгообмена и др. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 11.
7. *Седых Г. И.* К истории поэтического сборника «Друзьям» (1943) // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2020. № 1. С. 98–123.
8. *Яковлева Г.* Литературный институт в годы Великой Отечественной войны // Соты: журнал русской словесности. 20.06.2015. URL: <https://litsota.ru/literaturnyj-institut-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 15.05.2025).

С. А. Нелюбов, О. Н. Сидорчук, О. М. Хлытина

Новосибирский государственный педагогический университет в годы Великой Отечественной войны

Открытый в Новосибирске в 1935 г., Вечерний городской педагогический институт за пять лет вырос в солидный государственный институт со своим зданием на Комсомольском проспекте и квалифицированным составом преподавателей. В 1940 г. состоялся первый выпуск 43 учителей на четырех факультетах: историческом, физико-математическом, естественно-географическом, литературном.

22 июня 1941 г. вероломное нападение фашистской Германии в один миг перевернуло судьбы всех граждан Советского Союза, включая, конечно же, студентов, преподавателей и сотрудников Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ). Уже на следующий день они откликнулись на призыв Родины встать на ее защиту. Всего за годы Великой Отечественной войны из НГПИ отправились на фронт более 90 человек. Они воевали на всех фронтах, принимали участие в крупных сражениях, переломивших ход войны.

Одним из первых ушел на фронт только что перешедший на второй курс студент Федор Циома. Получив тяжелое ранение и ослепнув, он вернулся в институт, окончил его, в дальнейшем преподавал историю. В 1970 г. он стал заслуженным учителем РСФСР.

Десятки студентов шли на фронт, думая только о быстрейшем разгроме врага. По призыву или, не ожидая его, добровольно покинули

Новосибирский
педагогический
институт. Здание
на Комсомольском
проспекте
в Новосибирске

институт и пошли защищать Родину В. В. Вишневский, Я. П. Аникеев, И. Д. Бирюков, Виктор Богуславский, А. Ю. Давыдов, Василий Емельянов и многие другие. Не все они вернулись с фронта. О многих не сохранилось сведений, удалось установить судьбу лишь некоторых из них.

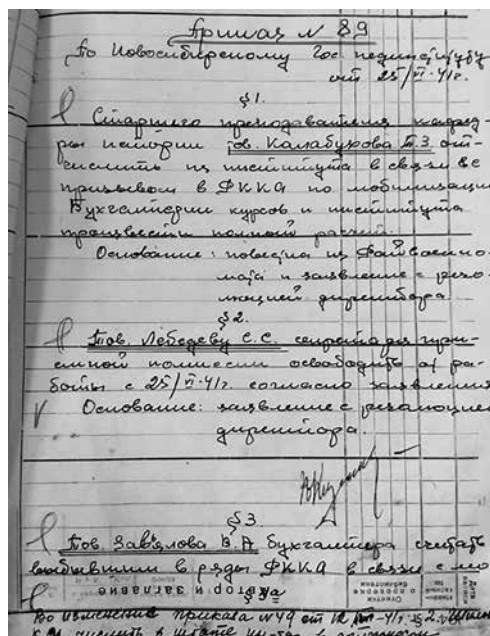
Аркадий Давыдов учился в предвоенные годы на историческом факультете. С третьего курса был призван в армию, затем поступил в военное училище. После его окончания был отправлен в действующую армию. В январе 1943 г. под Великими Луками часть, в которой воевал Давыдов, несколько раз пыталась взять высоту и небольшую деревню. Бой затянулся. Тогда старший политрук Давыдов поднял солдат и первым пошел в атаку. Деревня была взята, Аркадий погиб в этом бою [6, с. 21].

Вместе со студентами на фронт уходили и педагоги. В первые дни войны был призван директор Новосибирского педагогического института В. Я. Королев, декан исторического факультета Ф. С. Меркурьев, декан географического факультета Н. Е. Рогозин, преподаватели Т. С. Лобанов, П. Д. Войтик, Ю. С. Казаченко и мн. др.

Старший преподаватель кафедры истории Тимофей Захарович Калабухов, будучи комиссаром батальона, участвовал в боях за Москву. В декабре 1941 г. его батальон в результате быстрого и точного маневра занял важный стратегический участок, что обеспечило успех наступления наших войск. В бою Калабухова тяжело ранило. После госпиталя он снова сражался с фашистскими захватчиками на Третьем Украинском фронте заместителем командира полка. За проявленный героизм, мужество и находчивость Тимофей Захарович награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени. После победы возвратился в НГПИ, был деканом исторического факультета.

Тимофей Захарович
Калабухов

Приказ по НГПИ от 25 июня 1945 года
об отчислении студента Т. З. Калабухова
в связи с призывом в РККА

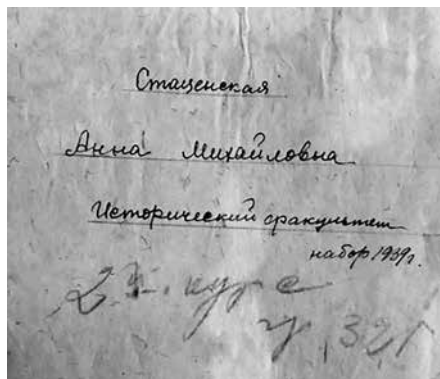
Пединститут был в основном женским. Девушки в первые дни войны вместе с мужчинами шли на фронт. Медицинскими сестрами стали Зоя Архипова, Калерия Григорьева, В. Жидкова, П. Иванова, В. Кравцова (из-за недостаточных сведений мы не всегда можем установить имя).

Когда летом 1942 г. формировалась Сибирская добровольческая дивизия, Аня Стаценская, Люба Кузнецова и Раиса Христюлюбова оказались на фронте.

Из воспоминаний Раисы Устиновны Христюлюбовой: «При институте были организованы шестимесячные вечерние курсы медсестер запаса без отрыва от учебы, на которые вместе с подругами поступила и я. Несмотря на большие трудности (учеба в институте, на курсах, изучение медицинской теории, практика), закончили мы эти курсы успешно... Многому мы научились, и большинство из нас старались попасть на фронт. Не ради славы. Нет. Просто мы не хотели остаться в долгу перед Родиной, которая вскормила, воспитала, выучила нас и многое дала нам» [4]. Р. У. Христюлюбова была награждена орденом Красной Звезды.

Анна Михайловна Стаценская получила повестку из военкомата, когда начались государственные экзамены. Аня с отличием их сдала и отправилась на фронт. Вместе со 150-й, потом ставшей 22-й гвардейской, дивизией она прошла все фронты от города Белого до Прибалтики. Она шла вместе с бойцами в первых рядах, спасая раненым жизни и рискуя собственной. В 1944 г. Аню перевели в медсанбат. Вспоминает П. А. Оляничкова: «31-го января 1944 г. раненых готовили к отправке в госпиталь. Варили обед. В палатке было больше сотни людей, когда с огромным свистом прилетел снаряд». Так, в 35 километрах западнее г. Невель, погибла студентка НГПИ, медицинская сестра А. М. Стаценская [7, с. 406].

Орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу» была награждена бывшая студентка истфака Маша Плотникова. На фронт она ушла в 1944 г. и была направлена в 67-й гвардейский полк, в санитарный взвод.

Документы
А. М. Стаценской

Достоинo сражались с врагом преподаватели В. М. Зибарев, П. М. Про-сецкий, В. М. Епимахов, М. Д. Коварский, В. П. Раков, Г. А. Титов и мн. др. Они честно выполнили свой долг перед Отечеством, перед своим наро-дом. Каждый по мере сил вносил свой вклад в Победу над врагом [6, с. 23].

Те, кто оставался в тылу, своей работой и учебой тоже приближали Победу. Начало войны совпало с окончанием учебного года. Многие уеха-ли на каникулы в свои города и села. Студенты, жившие в Новосибирске, стихийно, по зову сердца шли в свой вуз, чтобы организовать помощь фабрикам, заводам, колхозам, совхозам, откуда люди уходили на фронт. Студенты и преподаватели записывались в добровольные бригады для помощи на промышленном производстве, в селе.

В Новосибирск прибывали эшелоны с тяжелоранеными бойцами. Здание пединститута было занято под госпиталь. Встал вопрос о переме-щении студентов и преподавателей. Институт из Новосибирска был пе-реведен в Колпашево — центр Нарымского края на Томском севере (Ново-сибирская область в те годы включала в себя территории современных Томской и Кемеровской областей), с которым не было железнодорожного сообщения, только водный путь по Оби. Перемещение оказалось труд-ным и сложным. Трудности были и материальные, и транспортные, но в первую очередь — психологические. Не каждый студент и препода-ватель мог быстро, свободно, спокойно уехать в далекий город на Край-нем Севере. Вопрос о переезде обсуждался на партийном собрании. Ком-мунисты проводили разъяснительную работу среди студентов, поясняя, что учебой в эвакуации они принесут большую пользу стране, так как после окончания войны будут необходимы новые учительские кадры, чтобы готовить новое поколение советских детей.

Всю сложную работу по переезду вуза возглавил директор Виктор Фомич Цыба. Стояли теплые солнечные августовские дни. Студенты, пре-подаватели и сотрудники погрузили на пароходы учебное оборудование, все необходимое для работы на новом месте. В сен-тябре прибыли на место. Северный городок встре-тил переселенцев мрачно, неприветливо. В. Ф. Цыба вспоминал: «Когда все оборудование было отгруже-но в Колпашевском порту, встала проблема: как пе-ревезти его в учебное здание. Ценой многочислен-ных хлопот нам удалось получить один грузовик и три лошади» [7, с. 34].

В Колпашево находился небольшой двухгодич-ный учительский институт, который объединили с НГПИ. Педагогическому институту предоставили для занятий деревянное здание педучилища, его общежития, помещения фельдшерско-акушерской и зооветеринарной школ.

Виктор Фомич Цыба
(1906–1976)

**Общежитие
преподавателей
и студентов
в Колпашево [4]**

Колпашево этого времени описывает в своих воспоминаниях Е. И. Соловьева (в те годы студентка Колпашевского педагогического училища): «Уже в первый год война тяжело ударила по всему населению маленького, некогда уютного городка. Вдоль тротуаров появились длинные грядки картофеля, пошли на отопление ограды многих домов, огородов, опустели прилавки магазинов, неимоверно выросли цены и на рынках. Рыночная торговля процветала, но цены были для нас совершенно недоступными. Булка хлеба стоила 400–600 рублей при стипендии 41 рубль в месяц. Спасало то, что государство ввело карточное обеспечение населения, по которому нам, учащимся педучилища, было положено 400 граммов хлеба в сутки, 200 г сахара и 200 г масла в месяц. При отсутствии других источников питания молодому, еще растущему организму 400 г хлеба было явно недостаточно. Это была норма, сохраняющая жизнь, но при постоянном ощущении неутолимого голода. Чувство голода сопровождало повсюду и оставляло только во сне» [6, с. 14–15].

Питание студентов было организовано в столовой № 3. Приказ № 57 гласил: «С 1 июня 1942 г. установить следующий порядок работы пользования столовой № 3:

1. Круглосуточное пользование столовой разрешается только студентам пединститута и учащимся педучилища.
2. Преподаватели и сотрудники получают только обед.
3. Время работы столовой: завтрак с 7 часов утра до 9. Обед: для преподавателей и сотрудников с 1–2 часов дня, для студентов и учащихся с 2 до 6 часов. Ужин с 8 до 10.30 часов вечера.
4. Отпуск обедов на дом запрещен.
5. Вход в столовую только по пропускам, передача пропусков воспрещается, виновные будут лишаться пропусков сроком на один месяц.
6. В случае утери пропуска дубликаты не выдаются.

7. Дежурные по столовой обязаны строго наблюдать за порядком отпуска талонов в кассе и отпуском обедов» [1, л. 31].

Для контроля над работой столовой была приказом № 117 от 10 декабря 1942 г. создана специальная комиссия [1, л. 42].

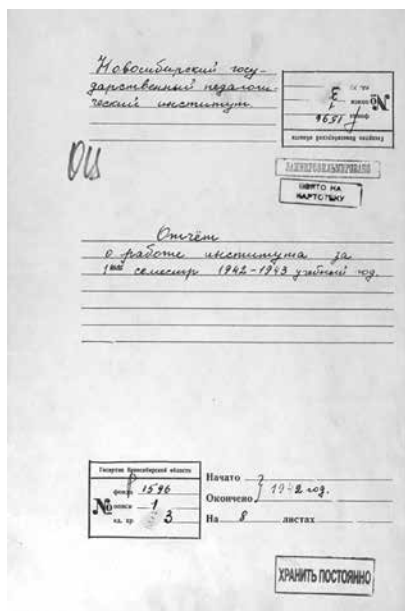
Занятия в НГПИ вначале велись в две смены, но дни становились все короче, требовалось освещение аудиторий. Электричество подавалось с перебоями. Институт перешел на односменную работу с 10:00 до 19:00.

Война изменила профессорско-преподавательский состав. Одни воевали на фронте, другие не смогли выехать в Колпашево. Однако в это время эвакуировались в Сибирь работники центральных районов страны, ставшие новыми преподавателями института. Это Т. И. Агафонов, А. И. Кащенко, Н. А. Нагинский, П. А. Компанийц, Н. Н. Ильин, З. А. Кейлина, В. Г. Музафаров, И. Г. Париллов и др. Штат института не только был доукомплектован, но и стал более квалифицированным [5, с. 25–26]. Из Москвы прибыли Н. В. и О. С. Зволинские. Первый был кандидатом наук, профессором, известным математиком, учеником и коллегой академика А. П. Александрова. Его жена — известной в Москве пианисткой. В Колпашеве работала Е. П. Молчанова, сестра известного композитора В. П. Соловьева-Седого. Он вела занятия на литературном факультете и вместе с О. С. Зволинской руководила работой музыкального кружка.

Минимальная нагрузка преподавателя определялась в те годы от 330 (директор и заместитель директора) до 840 часов. Доцент, кандидат наук вел 660 учебных часов, занимаясь при этом большой общественной работой — чтением лекций для населения Колпашевского района. Оклады колебались от 275 рублей (ассистент) до 1040 (заведующий кафедрой, кандидат наук, доцент). Директор института имел минимальную нагрузку 330 часов и оклад 600 рублей, заместитель директора соответственно — 330 часов и 525 рублей.

Война потребовала пересмотра учебных планов, содержания многих курсов, перечня изучаемых дисциплин. Читались курсы истории СССР, в содержании которых особое внимание уделялось самоотверженной борьбе русского народа в борьбе с «иноземными захватчиками» в XIII и в XVII вв., подробно изучались победы российской армии в XVIII–XIX вв. Студенты кроме обязательных предметов постигали основы системы и способы организации противовоздушной обороны, обучались владению стрелковым оружием, девушки получали специальность медицинских сестер. Важнейшим предметом стала физическая подготовка [5, с. 27].

В отчете о работе института в 1942/43 учебном году читаем: «Семинарские занятия проводились серьезно, прививая студентам глубокие знания по отдельным предметам. Тем не менее состояние учебно-педагогического процесса в первом семестре характеризовалось рядом недостатков:

**Отчет о работе института
за I семестр 1942/43 учебного
года [2, л. 1]**

Большим тормозом для организации самостоятельных занятий студентов и постановки научно-исследовательских работ является недостаток учебной, марксистской и художественной литературы. Библиотеки города Колпашево совершенно не удовлетворяют потребности института, собственная библиотека пединститута бедна: она насчитывает всего 18 тыс. томов, преимущественно учебной.

Работа кабинетов также страдает недочетами из-за невозможности пополнения их оборудованием, а также недостаточностью квалифицированными лаборантами.

Необеспеченность студентов бумагой и совершенной отсутствие тетрадей также мешало самостоятельной работе студентов [2, л. 4–4 об.].

Очень сложным оказался и набор новых студентов. Частично студенческий коллектив пополнялся демобилизованными воинами, в основном с инвалид-

ностью. Поступали абитуриенты из Колпашево, но их было немного, так как после окончания школы выпускники сразу записывались добровольцами на фронт. К 1 сентября 1941 г. прием в вуз составил 135 человек. Несмотря на все трудности, студенты приступили к занятиям. А ведь это были самые тяжелые первые месяцы войны!

В институте велась и научная работа. Заведующая кафедрой литературы А. А. Богданова занималась глубоким анализом романа Л. Н. Толстого «Война и мир», доцент И. Г. Париков со студентами изучали фольклор Нарымского округа, отражение Отечественной войны 1812 г. в народном творчестве. Преподаватели кафедр общественных наук разрабатывали историю своего края, занимались научной разработкой тем, имевших непосредственное отношение к борьбе с фашистскими захватчиками. Так, директор института В. Ф. Цыба исследовал темы «Нарым в годы советской власти», «Народное образование в Нарыме». Доцент М. И. Марченко к концу войны закончил научный труд «Народное движение в Сибири в связи с пугачевским восстанием 1773–1775 гг.». Часть труда была опубликована в издававшихся «Ученых записках НГПИ». Е. С. Шальнева исследовала проблему «Наши великие предки», П. М. Просецкий — «Истощение экономических ресурсов Германии в войне 1914–1918 гг. и в современной войне», А. И. Кащенко — «О новом порядке в Европе» [3, с. 30].

А. А. Богданова [4]

При кафедрах создавались научные студенческие кружки. Преподаватели кафедры географии Н. А. Нагинский, К. А. Соболевская, В. Г. Музафаров вместе со студентами организовывали экспедиции для поиска полезных ископаемых, ягодных массивов и лекарственных растений.

Нередко учебные занятия приходилось отменять из-за срочных заданий по помощи фронту и фронтовикам. Нужно было заготавливать топливо не только для нужд института, но и для обеспечения им семей фронтовиков, дома инвалидов. Все студенты во главе с преподавателями-мужчинами два-три раза в неделю выезжали в лес (а иногда проводили в нем всю неделю). Здесь они валили сосны и превращали их в дрова. «Нам, молоденьким девчонкам и мальчишкам, — вспоминал Г. А. Титов, — не только быстро удалось овладеть искусством лесоповала и распиловки и рубки дров с их последующим сплавом по реке, мы научились в перерывах петь песни на морозе, водить хороводы и даже целоваться» [7, с. 410–411]. Приходилось оказывать помощь в сборе урожая, разгружать баржи, пароходы, помогать заводам в выполнении военных заказов. Трудились все добросовестно.

Трудности проявлялись не только в организации учебного процесса, но и в быту. Помимо вышеупомянутых проблем с обеспечением питанием была и проблема с обеспечением материалами для учебы. Одна из студенток того времени Н. Ф. Жителява вспоминала: «Учебников было мало, один-два экземпляра на группу. Трудно было из-за бумаги, порой приходилось писать на книгах» [3, с. 25–26].

Как бы ни было тяжело, но преподаватели и особенно студенты находили время и для отдыха. В Колпашево тогда работал эвакуированный Украинский драматический театр им. Т. Г. Шевченко. Студенты

**Лекционные
занятия
в Колпашево**

ходили на спектакли «Наталка-Полтавка», «Свадьба в Малиновке», «Запорожец за Дунаем», «Русские люди» и др. Приезжали в Нарым и другие театральные коллективы. На колпашевской сцене выступали Н. К. Симонов, Ю. М. Юрьев и другие известные артисты [3, с. 32].

В 1942 г. состоялся первый военный выпуск студентов физико-математического, естественно-географического, исторического и литературного факультетов.

13 ноября 1943 г. пединститут после двухлетней эвакуации вернулся в Новосибирск. Испытания военного периода молодой педагогический вуз выдержал с честью, окрепнув и возмужав.

**Исторический
факультет. Выпуск
1942 года**

К окончанию войны стали прибывать с фронта студенты, преподаватели, сотрудники института. В 1944 г. коллектив студентов пополнился демобилизованными по ранению.

Вспоминает Екатерина Ивановна Соловьева, ректор НГПИ в 1981–1988 г.: «Необычайно колоритными были первые послевоенные наборы. В аудитории пришли бывшие фронтовики, многие имели офицерские звания, ордена и медали, прошли через госпитали. Они не сняли военную форму, правительственные награды говорили о мужестве, стойкости, преданности Родине. Бывшие фронтовики жадно, с упорством учились, вели за собой остальных. Возвратился в институт руководитель комсомольской организации Моисей Коварский. На факультет русского языка и литературы пришли Николай Брюханов (впоследствии доцент медицинского института), Николай Каргаполов (впоследствии декан филологического факультета), Николай Мейсак, ставший известным поэтом и писателем. На физико-математический факультет — Валентин Парамзин (зав. кафедрой педагогики НГПИ), Павел Мошкин (декан факультета). За парты исторического факультета сели Лев Березняков (впоследствии проректор по ОЗО), Гай Титов (секретарь партийной организации НГПИ), Феликс Козаченко (партийный и советский работник), Николай Безрядин (реактор газеты “Советская Сибирь”, затем директор Новосибирского областного архива) и др.» [6, с. 31].

**Екатерина Ивановна
Соловьева
(1924–2017)**

1 сентября 1945 г. в НГПИ был открыт новый факультет — иностранных языков. К концу 1940-х гг. НГПИ стал одним из крупнейших вузов Сибири. На пяти факультетах на дневной и заочной формах обучалось почти 2,5 тыс. студентов.

В эти годы в НГПУ учились два Героя Советского Союза. Лейтенант Ф. И. Анисичкин был удостоен звания Героя Советского Союза за подвиг при форсировании Днепра. За мужество и отвагу в боях он награжден орденами Отечественной войны I и II степени. Полковнику М. Е. Волкову звание Героя Советского Союза было присвоено за подвиги при освобождении Вильнюса, успешное форсирование реки Неман, умелое управление боем полка при прорыве обороны противника с выходом на государственную границу СССР. 24 июля 1945 г. он участвовал в Параде Победы на Красной площади столицы.

Выпускники НГПУ — фронтовики вели большую просветительскую работу. Нельзя не вспомнить в этой связи фронтовиков — замечательного учителя и директора школы П. А. Горьковского и Ю. П. Лесневского, трудившегося в НГПУ и в Новосибирском институте усовершенствования учителей (ныне Новосибирский институт повышения квалификации

Второй курс
исторического
факультета

1945

и переподготовки работников образования), известного специалиста в области учебного кино и технических средств обучения.

**Михаил
Евдокимович Волков**

В 2024 г. Новосибирскому государственному педагогическому университету исполнилось 90 лет. Решить государственную задачу — воспитать патриота — можно только бережно храня память о людях, которые своей судьбой, своим подвигом в годы Великой Отечественной войны сохранили нашу Родину, дав отпор фашистской нечисти, сохранили вуз как высшее учебное заведение, организовывали каждодневную помощь фронту. Воспитание собственным примером, воспитание на основе исторической памяти помогает нам как педагогическому вузу выполнить свою миссию и подготовить достойных учителей будущих поколений России.

Список литературы

1. Архив НГПУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11.
2. ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 3.
3. Катюонов О. Н., Сидорчук О. Н. Новосибирский педагогический институт в Колпашеве в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА, 2013. 370 с.
4. Многопрофильный музей НГПУ им. Т. Н. Троицкой. И-4. Часть 2. Оп. 1. Д. 99. № 3193/3372.
5. Новосибирскому педагогическому — 60 лет. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. 160 с.

6. *Соловьева Е. И.* Черные и красные штрихи судьбы: мои воспоминания о времени и о себе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 104 с.
7. Это великое слово Победа. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Ч. 1. Великая Отечественная война в жизни студентов и сотрудников НГПИ. 538 с.

И. В. Кичева

Бессмертный научный полк Пятигорского государственного университета

В годы Великой Отечественной войны преподаватели и научные сотрудники Пятигорского государственного педагогического института (сегодня — Пятигорский государственный университет) вместе со всей страной встали на защиту Родины. Кто-то уходил на фронт добровольцем, кто-то по призыву, кому-то выпала доля быть в партизанском движении и подполье, кто-то работал в госпиталях. В настоящее время в «Музее истории Пятигорского государственного университета» в разделе «Они сражались за Родину» 143 фамилии педагогов-фронтовиков, память о наших героях мы свято храним. В «Музее истории ПГУ» собраны архивные данные, документы, материалы газет, фотографии, мемуары, научные работы, освещающие участие ученых-педагогов в Великой Отечественной войне.

11 января 1943 г. Пятигорск был освобожден от фашистских захватчиков, и уже в марте того же года в Пятигорском педагогическом институте возобновились занятия [2; 7; 15]. «В августе 1943 года Пятигорский педагогический институт объявил набор в аспирантуру по двум специальностям: история и литература. Вуз открыл новые факультеты: естественно-географический (октябрь 1943 г.) и иностранных языков (август 1944 г.) с отделениями английского, немецкого и французского языков» [4; 19]. Прошедшие суровые дороги войны выпускники педагогического института и педагоги-фронтовики, возвращаясь в родной вуз, приступали к развитию университетского образования, оказывали методическую помощь школам и училищам, совмещали работу преподавателя и ученого-исследователя. Многие из них, несмотря на трудности послевоенного времени, не только сами защитили кандидатские и докторские диссертации, но и создали научные школы, взрастили педагогические кадры для страны. Своим вкладом в науку и народное образование они существенно способствовали развитию системы образования в Ставропольском крае и всей стране. О таких выдающихся участниках Великой Отечественной войны хотелось бы сказать особо.

Профессиональные и человеческие качества руководителя во многом определяют судьбу вуза, научные достижения и становление

педагогической культуры в коллективе, фундаментализацию ценностно-смысловых идеалов, к которым стремится университет в своем развитии. Такими поистине знаковыми людьми в истории Пятигорского государственного университета стали ректоры — участники Великой Отечественной войны Рачия Григорьевич Саренц и Сергей Андреевич Чекменев.

САРЕНЦ Рачия Григорьевич (1907–1967)

Кандидат экономических наук, профессор; директор Пятигорского государственного педагогического института (1943–1961), ректор Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков (1961–1967).

С 1941 по 1943 г., будучи секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б), был одним из руководителей партизанского движения в Ставропольском крае [16].

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета».

Трудно переоценить его роль в развитии вуза. Под его руководством Пятигорский государственный педагогический институт был реорганизован в педагогический институт иностранных языков; благодаря его таланту организатора и авторитету руководителя институт не только наладил работу сразу после освобождения Ставрополья, но и обрел новые направления педагогического образования, превратился в крупнейший центр подготовки специалистов в области преподавания иностранных языков на всем юге страны [21].

ЧЕКМЕНЕВ Сергей Андреевич (1922–2008)

Доктор исторических наук, профессор; ректор Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков (1967–1986). Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ушел на фронт в 1941 г. Воевал на Северном Кавказе, участвовал во взятии Киева, Ровно, Дубно, Луцка. С 1942 по 1944 г. — командир танка 111-й Новоград-Волынской танковой бригады 1-го Украинского фронта. Пять раз горел в танке, дважды был тяжело ранен [4; 7–13; 17; 20].

За боевые заслуги награжден Орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в мирное время — орденом Почета.

О значительнейшем его вкладе в развитие вуза и образования на Ставрополье так говорит один из его аспирантов, а ныне ректор Пятигорского государственного университета профессор А. П. Горбунов: «Героический воин-танкист, он сумел не только достигнуть высот в науке, став известным ученым, заслуженным деятелем науки России, но и был одним из самых выдающихся ректоров. Он нас многому научил как руководитель, ученый и человек» [18].

Победители-фронтовики... они снова стали в строй — строй педагогов, ученых и наставников, когда в после войны педагогический колллектив вуза все усилия направил на развитие науки и подготовку будущих учителей и исследователей.

АКМАЛОВ Михаил Зиязович (1924–1986)

Кандидат педагогических наук, доцент; проректор по учебной работе.

В марте 1942 г. был призван в ряды РККА, стал курсантом общевоинского военно-пехотного училища в Гурьеве, по окончании которого в звании лейтенанта командовал ротой пулеметчиков. Был ранен, вернулся в строй. Весной 1945 г. вновь был тяжело ранен, находился на излечении в госпитале в Каунасе до конца войны.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Боевого Красного знамени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 8; 10–12; 18].

ГРИШИН Геннадий Павлович (1924–2009)

Кандидат экономических наук, профессор.

Окончив школу в 1941 г., в 17 лет ушел на фронт добровольцем. Стал курсантом Тихоокеанского высшего военно-морского училища. В ноябре 1941 г. был направлен в 69-ю морскую бригаду, в которой воевал в звании командира взвода. В мае 1943 г. вступил в ряды ВКП(б). В конце 1943 г. был избран комсоргом отдельного батальона морской пехоты. В 1944 г. ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

Участвовал в боях в Карелии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Закончил войну под Прагой в звании старшего лейтенанта, в должности помощника начальника политотдела спецчастей 9-й Гвардейской армии.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Вены»,

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 8–11; 18].

КОМИН Владимир Васильевич (1920–1997)

Доктор исторических наук, профессор; заместитель директора по учебной и научной работе Пятигорского государственного пединститута (ПГПИ), в дальнейшем ректор Калининского государственного педагогического института. Заслуженный деятель науки РСФСР.

Будучи студентом ПГПИ, в 1940 г. был призван в ряды РККА. Службу проходил в г. Смоленске. С июля 1941 по декабрь 1943 г. был командиром партизанского отряда, действовавшего на территории Белоруссии. С декабря 1943 по июнь 1944 г. находился в специальном резерве ЦК КП(б) Белорус-

сии на Западном фронте.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знаком «Партизан Великой Отечественной войны» [1; 4; 6; 8; 10; 11; 18].

КРИЧЕВСКИЙ Эдгар Леонидович (1921–1997)

Кандидат исторических наук, доцент; декан факультета испанского языка.

Эдгар Леонидович в 1941 г. добровольцем вступил в ряды РККА. В 1942 г. окончил военно-артиллерийское училище и командовал дивизионом на Западном фронте. Служил в штабе армии, где встречался с Жуковым, Коневым и другими видными военачальниками. Освобождал Прагу, участвовал в уличных боях в Берлине. Э. Л. Кричевский награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени; медалями «За освобождение Праги» и «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1948 г. демобилизован [1; 3; 8–11; 18].

МАКАЕВ Вячеслав Владимирович (1924–2012)

Доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой педагогики. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

С июля по сентябрь 1942 г. был курсантом военного училища, участвовал в боях. Службу в рядах Красной армии продолжил до 1947 г.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 4; 5; 8–11; 18].

МАЛИНИН Борис Алексеевич (1931–2023)

Кандидат филологических наук, доцент.

Война настигла 10-летнего мальчика Бориса в пионерском лагере в Крыму в 1941 г. С семьей, оставшейся в обороняющемся Бресте, связь была навсегда потеряна. Борис Малинин стал юнгой на одном из военных кораблей. Служил юнгой на Черноморском флоте с августа 1941 по февраль 1943 г. Участвовал в обороне Севастополя, был в составе десанта под Новороссийском. Победу встретил курсантом Ростовского артиллерийского училища. В 1950 г. участвовал в боевых действиях в Северной Корее.

Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями «Адмирала Ушакова», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа» [1; 8; 10; 11; 13; 18].

МИЛЬШИН Павел Кондратьевич (1920–2000)

Кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся.

В 1938 г. с отличием окончил фельдшерское отделение Пятигорского медучилища. В октябре 1939 г. был призван в действующую армию. Война застала его в Майкопе. Летом 1941 г. его полк был переброшен на Западное направление, в леса между Смоленском и Вязьмой. В тот период работал в госпитале [21].

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 8–11; 18].

ПИСАРЕВ Сергей Николаевич (1923–1997)

Кандидат исторических наук, доцент; декан филологического факультета.

С 1941 по 1942 г. учился в Московском авиационном технологическом институте. С июня по декабрь 1942 г. — курсант Ленинградского артиллерийского технического училища зенитной

артиллерии, а с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. — помощник командира взвода 13-го Гвардейского полка на Западном фронте. С апреля по июнь 1943 г. находился на лечении в московском госпитале. Затем до сентября 1945 г. в звании старшины проходил службу в полевом госпитале в г. Ленинграде.

В 1945–1949 гг. обучался на историческом факультете ПГПИ.

В 1980 г. создал в институте музей боевой славы, экспонатами которого стали многочисленные предметы военного времени, найденные студентами-следопытами на перевалах Кавказа.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2–4; 6–8; 10–13].

РАЧЕНКО Иван Петрович (1918–2006)

Доктор педагогических наук, профессор; руководитель лаборатории Научной организации педагогического труда. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Член Союза журналистов.

Находился на фронте с 1942 по 1944 г. Прошел путь от курсанта до начальника штаба артиллерийского корпуса. Принимал участие в боях за освобождение Кизляра, Ставрополя, Харькова, Будапешта, Бухареста и ряда городов Болгарии.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 3; 8; 11–14; 17].

СЕРБИН Владилен Семенович (1925–2005)

Кандидат экономических наук, профессор; проректор по заочному отделению Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков (ПГПИИЯ), ректор Ставропольского государственного педагогического института, заведующий кафедрой политологии и социологии Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ, после реорганизации — ПГПИИЯ). Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Ушел на фронт в 1942 г. в возрасте 17 лет, был направлен в 9-ю армию. Участвовал в обороне Кавказа. Войну закончил в Прибалтике в звании майора.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [6; 8; 9; 11–13; 18].

ХОМЯКОВ Владимир Александрович (1923–2003)

Доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой лексики английского языка.

С 28 октября 1941 по 30 октября 1945 г. воевал в действующей армии (как курсант Борисовского военно-инженерного училища, младший лейтенант, командир роты, командир саперного взвода). Участвовал в боях на Волховском фронте. 26 июня 1942 г. был тяжело контужен.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1; 8; 11–13; 18].

В летопись бессмертного научного полка Пятигорского государственного университета отдельной строкой навечно вписано имя Героя Советского Союза Ивана Васильевича Королькова.

КОРОЛЬКОВ Иван Васильевич (1919–1964)

Кандидат исторических наук, доцент; декан историко-филологического факультета Пятигорского пединститута, директор Читинского государственного педагогического института.

В ряды РККА вступил в октябре 1942 г. Участвовал в боях с декабря 1942 г. Наводчик станкового пулемета 221-го гвардейского стрелкового полка (77-я гвардейская стрелковая дивизия, 61-я армия, Центральный фронт). Как гвардии ефрейтор при форсировании Днепра с группой бойцов в числе первых достиг берега и пулеметным огнем прокладывал путь пехоте. В боях 1943 г. в районе деревни Галки (Брагинский район Гомельской области Белоруссии) он участвовал в отражении десяти контратак противника и уничтожил более сотни фашистов. Получил серьезные ранения в голову и ноги.

15 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и «Золотой Звезды». Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть» [6; 8; 11–13; 18].

Педагоги-фронтовики — это особое поколение: истинные патриоты, несгибаемые, решительные, мужественные, искренние во всем, люди с высокой нравственностью и чувством долга, они отважно защищали любимую Родину и отдавали все силы в труде на ее благо. Каждый из ветеранов — это пример для учеников, коллег, пример для

потомков. Мы гордимся нашими ветеранами и отдаем им дань уважения и памяти.

Список литературы

1. А впереди четыре трудных года... Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 140 с.
2. Аникеев А. А., Линец С. И., Януш С. В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 518 с.
3. Верхогляд Е. По местам славы // Учитель. Многотиражная газета ПГПИИЯ. 1985. 14 мая. № 3.
4. Карташев А. В. Вузы Ставрополя в годы Великой Отечественной войны // Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д: Юж. фед. ун-т, 2016. 122 с.
5. Кичева И. В., Айрапетова В. В., Свинторжицкая И. А., Иванова О. Е. Вячеслав Владимирович Макаев — учитель и ученый (к 100-летию юбилею) // Глобальный научный потенциал. 2024. № 7. С. 24–29.
6. Кобрин В. А. Время выбрало нас. Пятигорск: РИА-КМВ, 2013. 400 с.
7. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 г. — октябрь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ; РИА-КМВ, 2009. 492 с.
8. Навечно в памяти народной. Пятигорск: ПГУ, 2021. 154 с.
9. Нам дороги эти позабыть нельзя... Пятигорск: ПГУ, 2023. 125 с.
10. Они сражались за Родину. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 209 с.
11. Победители. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 209 с.
12. Помним! Гордимся! Пятигорск: ПГУ, 2020. 155 с.
13. Рассказы о победителях. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 147 с.
14. Раченко И. П. О принципах научной организации педагогического труда. М.: Высшая школа, 1970. 48 с.
15. Роль ученых в развитии науки, культуры, образования и здравоохранения на Кавказе. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 184 с.
16. Саренц Р. Г. Непокоренный край. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 1962. 132 с.
17. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): коллективная монография / С. И. Линец, А. А. Аникеев, А. В. Карташев [и др.]. М.: Надыршин, 2019. 480 с.
18. Страницы памяти. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 229 с.
19. Судацов Н. Д. Высшее образование Ставрополя в годы Великой Отечественной войны // Высшее образование на Северном Кавказе: история и современность. Ставрополь, 20–22 сентября 2022 года. Ставрополь: СКФУ, 2023. С. 229–238.
20. Чекменев С. А. Невыдуманное. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 125 с.
21. Шмурак И. Судьбы, опаленные войной // Пятигорская правда. 2004. 25 мая. С. 2.

И. Ю. Фроленкова

Благовещенский педагогический институт¹

В годы Великой Отечественной войны система высшего педагогического образования столкнулась с беспрецедентными вызовами. В условиях мобилизации, кадрового дефицита и общей нестабильности университеты и институты Дальневосточного федерального округа продолжали работать, готовить педагогов и активно поддерживать фронт. На примере Благовещенского государственного педагогического института (БГПИ) можно увидеть, как педагогическая наука и образовательная деятельность сочетались с героизмом и самопожертвованием.

Учителя вместе большим количеством соотечественников были на переднем крае против фашистских захватчиков. Во время войны советские университеты и институты не останавливали свою работу. Ученые, многие из которых были педагогами, внесли значительный вклад в оборону страны. Продолжались и научные исследования.

22 июня 1941 г., в день начала войны, в Благовещенском педагогическом институте состоялся митинг, на котором собралось более 600 человек. Преподаватели, студенты и сотрудники института единодушно выразили готовность встать на защиту Родины. Множество добровольцев направили заявления в военкомат, среди которых студент И. Я. Дудак: «Прошу отправить меня в ряды действующей армии, сейчас там особенно нужны военные специалисты». Студентки, такие как Анна Хмельницкая, Зоя Меркулова, Вера Кульменец, Латышева и другие, в своем коллективном письме заявили: «Мы, студентки педагогического института, просим зачислить нас в ряды бойцов, защищающих наше Отечество». Преподаватель русского языка Л. А. Петровский в своем письме отметил: «Мы сделаем все для победы над врагом. В совершенстве изучим винтовку, пулемет, гранаты и будем готовы с оружием в руках встать на защиту Родины».

В эти же дни в газете «Амурская правда» была опубликована статья будущего педагога Анны Руднецкой, где она делилась своими переживаниями и стремлением уничтожить врага. Эти примеры демонстрируют

¹ В тексте использованы цитаты из материала: Педагоги Великой Победы: преподаватели, выпускники и студенты БГПУ на фронтах Великой Отечественной // Амурская правда. 17.05.2022. URL: <https://ampravda.ru/2022/05/17/112674.html> (дата обращения: 15.05.2025).

высокий уровень гражданской ответственности и самоотверженности, характерный для педагогической молодежи региона.

Многие преподаватели и научные сотрудники БГПИ также покинули свои кафедры ради фронта. Среди них: заведующий кафедрой физики А. М. Долгих, заведующий кафедрой географии П. И. Филиппов, преподаватель русского языка Л. А. Петровский и другие сотрудники кафедр истории, географии и зоологии. Участие в боевых действиях этих специалистов, а также мобилизация студентов привели к значительному сокращению научного и педагогического состава. Если до войны в институте насчитывалось 11 кафедр и более 40 преподавателей, то к маю 1942 г. осталось только 7 кафедр.

Многие педагоги, ушедшие на фронт, проявили себя настоящими героями. Преподаватель географии А. Ф. Чурков после тяжелого ранения в танковом бою потерял зрение и слух, но сумел вернуться к педагогической деятельности. Он научился писать и читать по системе Брайля, опубликовал книгу «Мы идем по тайге», в которой писал: «Если мой труд поможет вызвать у юных читателей чувство любви к родной природе, я буду считать, что труд этот не пропал даром».

И. М. Шаревич, учитель и директор Новобурейской школы, был призван на фронт в 1942 г., командовал взводом и погиб в 1943 г. на Курской дуге.

Александр Чешев, выпускник Благовещенского педагогического института, прошел путь от артиллериста до командира батареи. В боях за Кенигсберг он получил тяжелое ранение, после лечения вернулся в родной институт, где стал деканом историко-филологического факультета. В своих воспоминаниях он писал: «После всего, что я пережил на войне, я считал своим долгом перед Родиной обучать новое поколение».

Несмотря на уход многих преподавателей и студентов на фронт, педагогический институт продолжал работать. В 1941/42 учебном году работали три факультета педагогического института: физико-математический (72 студента), филологический (158 студентов) и естествознания (75 студентов).

Преподаватель Г. П. Иванов вспоминал: «В эти дни и месяцы мы чувствовали, что фронт по существу рядом с нами, — писал он. — На противоположном берегу Амура мы видели японских солдат и знали, что Япония, как союзник фашистской Германии, может в любую минуту начать войну с нами. Поздно вечером или ночью мы ходили на строительство укреплений на берегу Амура, в качестве народных ополченцев проходили военную подготовку, много времени уделяли овладению стрелковым оружием. Наш институтский тир всегда был занят. Ревниво занимались такой подготовкой не только мужчины, но и женщины».

В 1943 г. в институте была создана военная кафедра, руководителем которой стал старший лейтенант И. Ф. Яшин, а с 1944 г. ее возглавил

капитан М. В. Алексеев, окончивший Академию Генерального штаба. Военная кафедра стала важным звеном в подготовке студентов к боевым действиям.

Под руководством директора института И. Н. Нарушевича, возглавлявшего вуз с 1937 г., образовательная деятельность была адаптирована к условиям войны. По приказу Наркомпроса в 1941 г. был организован досрочный выпуск педагогов, что позволило обеспечить школы кадрами, несмотря на тяжелейшие условия.

Пример БГПИ в годы войны показывает, как ученые и педагоги Дальневосточного федерального округа сочетали верность профессии с патриотическим долгом. Их подвиг состоял не только в участии в боевых действиях, но и в сохранении образовательного процесса в экстремальных условиях.

Г. М. Шавалеева

Преподаватели Можгинского педагогического колледжа имени Т. К. Борисова Удмуртской Республики, не вернувшиеся с войны

В годы Великой Отечественной войны около 300 тыс. человек из удмуртских городов, сел, деревень было отправлено на фронт, 133 тыс. не вернулись [3]. Среди них погибших и пропавших без вести были и преподаватели педагогического училища г. Можги Удмуртской Республики (на данный момент бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Можгинский педагогический колледж им. Т. К. Борисова»).

Следует отметить, что в военное время произошли изменения в организации профессионального обучения. 31 июля 1942 г. педагогическое училище Можги, основанное в 1918 г., разместило в своих стенах 2-е Московское пулеметное училище [1, с. 30]. Курсантов обучали полгода, ежедневно по 12 часов. Тем, у кого были положительные оценки, при выпуске из училища присваивалось звание лейтенанта. В годы войны в здании педучилища было подготовлено 12 тыс. офицеров [2, с. 57]. Выпускникам пулеметного училища пришлось прошагать по дорогам войны, защищая Сталинград и сражаясь на Орловско-Курской дуге, снимая блокаду Ленинграда и форсируя Днепр.

Одновременно обучались будущие учителя, только в зданиях школ города, так как корпус педучилища отдали под военные нужды. Занятия проходили согласно учебно-воспитательному плану. Но с октября 1941 г. со студентами проводились дополнительные занятия по защите от фугасных, осколочных, зажигательных авиабомб, появился новый учебный предмет — «Военно-санитарное дело». Ежедневно после уроков (в воскресенье — в 7 часов утра), с пилами и топорами, был выход на заготовку дров.

За годы войны педучилище закончили 650 учителей [2, с. 39].

Преподаватели Можгинского педучилища, ушедшие на фронт, самоотверженно выполняли свой патриотический долг перед Родиной. Среди них есть те, которые погибли смертью храбрых. Их имена не забыты.

Александров Филипп Григорьевич

Преподаватель родного языка, автор учебника «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») для обучающихся 1-го класса, удмуртский детский писатель. Член Союза писателей СССР. Погиб на фронте в 1943 г.

Ежов Василий Андреевич

Преподаватель военного дела. Родился в 1918 г. Младший лейтенант. 28 августа 1941 г. его призвали на фронт. Погиб в бою в 1942 г. в Смоленской области.

Козлов Михаил Степанович

Преподаватель истории. Родился в 1906 г. Командир взвода. Призван на фронт 28 августа 1941 г. Погиб смертью храбрых в 1942 г. при обороне Сталинграда.

Кузнецов Кирилл Владимирович

Преподаватель педагогики. Родился в 1911 г. Окончил Можгинское педучилище, Высший институт коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской в Ленинграде. Был направлен в Ригу. Пропал без вести в первые дни войны.

Ляпушин Александр Николаевич

Преподаватель химии, заместитель директора по учебной работе. Ушел на войну 24 июля 1941 г. Погиб в декабре 1941 г.

Матвеев Николай Константинович

Преподаватель физики. Родился в 1907 г. в семье учителей. Работая в педагогическом училище, он перевел тексты школьных учебников на удмуртский язык, чтобы облегчить усвоение знаний детям, не владеющих русским языком. Разрабатывал методику преподавания русского языка в удмуртской школе. В июне 1940 г. перевелся из педучилища на должность инспектора по изданию учебников в Наркомпрос в Ижевске. И в этом же году издал учебник русского языка для 3-го класса национальных школ. В феврале 1942 г. назначен директором института усовершенствования учителей Удмуртской АССР. В июне 1942 г. призван на защиту Родины. Погиб на фронте в апреле 1943 г.

Моисеев Петр Моисеевич

Преподаватель физики.
Пропал без вести в конце 1941 г.

Сорокин Михаил Александрович

Преподаватель военного дела (военрук). Погиб в августе 1942 г. при обороне Сталинграда [3, с. 12–13].

В Можгинском педагогическом колледже создан музей, являющийся хранителем памяти о войне 1941–1945 г. Письма, фото, статьи, воспоминания, очерки, летописи — весь этот материал широко используется в образовательном процессе: на уроках и классных часах, производственной практике в школах и внеурочной деятельности, при написании проектных работ и участии в научно-практических конференциях.

Современные преподаватели педагогического колледжа передают будущим учителям народную память о погибших преподавателях в годы Великой Отечественной войны и воспитывают студентов в духе благодарного почитания исторического наследия родной земли.

Список литературы

1. *Вичужанин А. Г.* Нашей юности обитель. Ижевск: Удмуртия, 2008. 240 с.
2. *Вичужанин А. Г.* Стало домом родным. Ижевск: Удмуртия, 1993. 256 с.
3. *Зорина Е.* Война: Удмуртия в 1941–1945 годы. Герои — уроженцы Удмуртии // Регнум. 01.05.2020. URL: <https://regnum.ru/article/2934712> (дата обращения: 15.05.2025).

Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны

В перечень, подготовленный коллективом Информационного центра РАО «Библиотека им. К. Д. Ушинского» под руководством В. Ю. Сурвилло, включены основные постановления, распоряжения, приказы, положения, письма и инструкции Советского правительства, Верховного Совета РСФСР, директивы ВКП(б), постановления Секретариата ВЦСПС и приказы ВКВШ за период с июня 1941 по май 1945 г. по вопросам воспитания, образования и обучения подрастающего поколения. Материалы представлены в шести тематических разделах в хронологическом порядке.

Начальная и средняя школа

1. О предоставлении в период летних каникул школьных зданий для размещения в них яслей и детских площадок. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 217-м от 24 апреля 1942 г.

2. Об использовании школьных зданий по назначению. Распоряжение СНК СССР № 14088-р от 30 июля 1942 г.

3. Об учебно-наглядных пособиях. Письмо Наркомпроса РСФСР № Н-100 от 13 октября 1942 г.

4. О мерах по осуществлению закона о всеобщем обучении. Распоряжение Наркомпроса РСФСР № Н-106 от 26 октября 1942 г.

5. О повышении квалификации кадров народного образования. Из приказа по Наркомпросу РСФСР № 1315-м от 11 ноября 1942 г.

6. Об освобождении школьных зданий. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 1494 от 27 ноября 1942 г.

7. Временное положение о пришкольном участке начальной, неполной средней и средней школы. Утверждено Наркомпросом РСФСР 5 декабря 1942 г.

8. О статистической отчетности по начальным, неполным средним и средним школам Наркомпроса РСФСР. Постановление СНК РСФСР № 935 от 14 декабря 1942 г.

9. Об участии органов народного образования в работе пионерской организации. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 592 от 25 февраля 1943 г.

10. О выдаче аттестатов учащимся рождения 1925 г., призванным из X классов средней школы в 1942/43 учебном году в ряды Красной армии. Из приказа по Наркомпросу РСФСР № 599 от 26 февраля 1943 г.

11. О школьных интернатах, обслуживающих детей работников речного транспорта. Распоряжение Наркомречфлота СССР и Наркомпроса РСФСР № 22/2 500 от 15 марта 1943 г.

12. О проведении ежегодных обязательных для каждой школы работ по древонасаждению и охране лесов от пожаров и лесонарушений. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР и начальника Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР № 1050 от 27 марта 1943 г.

13. Об обеспечении весеннего сева на пришкольных участках. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 1364 от 23 апреля 1943 г.

14. О детских спортивных школах. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 2532 от 30 июня 1943 г.

15. Положение о педагогическом совете начальной, неполной средней и средней школы. Утверждено народным комиссаром просвещения РСФСР 7 июля 1943 г.

16. О порядке посещения учащимися вечерних спектаклей в театрах. Приказ № 313 Комитета по делам искусств при СНК СССР от 12 июля 1943 г.

17. Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении. Постановление СНК РСФСР № 637 от 14 июля 1943 г.

18. Инструкция об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении. Утверждена постановлением СНК РСФСР № 637 от 14 июля 1943 г.

19. О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов. Постановление СНК СССР № 789 от 16 июля 1943 г.

20. О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов. Постановление СНК РСФСР № 671 от 23 июля 1943 г.

21. Инструкция по введению раздельного обучения мальчиков и девочек в школах крупных городов РСФСР. Утверждена народным комиссаром просвещения РСФСР 23 июля 1943 г.

22. Об обеспечении начальных, неполных средних и средних школ РСФСР учителями в 1943/44 учебном году. Из постановления СНК СССР № 837 от 28 июля 1943 г.

23. Правила для учащихся. Утверждены постановлением СНК РСФСР № 692 от 2 августа 1943 г.

24. О введении ученического билета. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 58-а от 5 августа 1943 г.

25. О преподавателях пения. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 607 от 7 августа 1943 г.

26. О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 от 11 августа 1943 г.

27. Инструкция Наркомпроса РСФСР по проведению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 от 11 августа 1943 г. «О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ». Утверждена постановлением СНК РСФСР № 788 от 18 сентября 1943 г.

28. О приеме детей семилетнего возраста в школы. Постановление СНК СССР № 964 от 8 сентября 1943 г.

29. Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г.

30. О заработной плате штатных старших пионервожатых начальных, неполных средних и средних школ. Постановление СНК СССР № 1089 от 5 октября 1943 г.

31. Положение о родительском комитете начальной, неполной средней и средней школы. Утверждено народным комиссаром просвещения РСФСР 23 ноября 1943 г.

32. О приеме детей семилетнего возраста в школы. Постановление СНК РСФСР № 966 от 1 декабря 1943 г.

33. О мероприятиях по улучшению военной подготовки учащихся школ в 1944/45 учебном году. Из приказа по Наркомпросу РСФСР № 610 от 5 января 1944 г.

34. О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы. Постановление СНК РСФСР № 18 от 10 января 1944 г.

35. О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 24 от 10 января 1944 г.

36. Инструкция о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы. Утверждена народным комиссаром просвещения РСФСР 29 февраля 1944 г.

37. О введении карточной системы учета учителей V–X классов неполных средних и средних школ РСФСР. Постановление СНК РСФСР № 23 от 11 января 1944 г.

38. Положение об Институте усовершенствования учителей. Утверждено Постановлением СНК РСФСР № 33 от 14 января 1944 г.

39. О мероприятиях по улучшению военной и физической подготовки учащихся. Из приказа по Наркомпросу РСФСР № 43 от 20 января 1944 г.

40. О социалистическом соревновании в школе. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 52 от 25 января 1944 г.

41. Об упорядочении посещения учащимися начальных, семилетних и средних школ кино, театров и других зрелищ. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 82 от 2 февраля 1944 г.

42. Об освобождении учащихся XIII классов средних школ от призыва в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Постановление СНК СССР № 207 от 25 февраля 1944 г.

43. О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению. Постановление СНК СССР № 242 от 5 марта 1944 г.

44. Об укреплении дисциплины в школе. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 205 от 21 марта 1944 г.

45. О мерах по улучшению работы комсомола в школе. Постановление XII пленума ЦК ВЛКСМ, март 1944 г.

46. О работе комсомола в школе. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 310 от 30 апреля 1944 г.

47. Положение об экзаменах на аттестат зрелости. Утверждено постановлением СНК РСФСР № 508 от 19 июня 1944 г.

48. О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе. Постановление СНК СССР № 750 от 21 июня 1944 г.

49. О мероприятиях по обеспечению своевременной выплаты заработной платы учителям сельских школ и медицинским работникам. Постановление СНК СССР № 1732 от 25 декабря 1944 г.

50. Об инспекторах школ. Постановление СНК СССР № 923 от 29 апреля 1945 г.

51. Об утверждении Положения о золотой и серебряной медалях и образцов аттестата зрелости для оканчивающих среднюю школу. Постановление СНК СССР № 1247 от 30 мая 1945 г.

52. Положение о золотой и серебряной медалях «За отличные успехи и примерное поведение». Утверждено постановлением СНК СССР № 1247 от 30 мая 1945 г.

53. Описание золотой и серебряной медалей «За отличные успехи и примерное поведение». Утверждено постановлением СНК СССР № 1247 от 30 мая 1945 г.

Школы рабочей и сельской молодежи и школы взрослых

1. О штатах и должностных окладах административно-обслуживающего персонала семилетних и средних школ для подростков, работающих на предприятиях. Постановление СНК СССР № 241 от 5 марта 1944 г.
2. О переименовании школ для подростков в школы рабочей молодежи и об утверждении Положения о школах рабочей молодежи. Распоряжение СНК СССР № 9492-р от 30 апреля 1944 г.
3. Положение о школах рабочей молодежи. Утверждено распоряжением СНК СССР № 9492-р от 30 апреля 1944 г.
4. О повышении заработной платы учителям школ для неграмотных и малограмотных и школ повышенного типа для взрослых. Постановление СНК СССР № 710 от 12 июня 1944 г.
5. Об организации вечерних школ сельской молодежи. Постановление СНК СССР № 829 от 6 июля 1944 г.
6. Положение о вечерних школах сельской молодежи. Постановление СНК СССР № 829 от 6 июля 1944 г.
7. Об участии фабрично-заводских комитетов профсоюзов в организации обучения подростков, работающих на предприятиях. Постановление Секретариата ВЦСПС (Протокол № 597 от 17 сентября 1943 г.).
8. О порядке оплаты учителей школ рабочей и сельской молодежи за классное руководство и за заведывание учебными кабинетами. Разъяснение Наркомпроса РСФСР и Наркомфина РСФСР № 623 от 25 октября 1944 г.

Дошкольное воспитание

9. О подсобных хозяйствах при детских садах. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 1416 от 27 апреля 1943 г.
10. О мероприятиях по осуществлению безотказного приема в детские сады детей военнослужащих. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 1420 от 27 апреля 1943 г.
11. О мероприятиях по расширению сети и улучшению работы детских садов. Из постановления СНК СССР № 33 от 9 января 1944 г.
12. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.
13. О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей. Из постановления СНК СССР № 1571 от 10 ноября 1944 г.

14. Устав детского сада. Утвержден Народным комиссариатом просвещения РСФСР 15 декабря 1944 г.

15. Положение о республиканской почетной грамоте отличника дошкольного воспитания. Утверждено Наркомпросом РСФСР 24 апреля 1945 г.

Устройство детей, оставшихся без родителей

16. О трудовом обучении в детских домах. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 502 от 23 июня 1941 г.

17. Об устройстве детей, оставшихся без родителей. Постановление СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г.

18. Об устройстве детей, оставшихся без родителей. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 63-м от 18 февраля 1942 г.

19. О выполнении Постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Из постановления СНК РСФСР № 865 от 25 ноября 1942 г.

20. Инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей. Утверждена постановлением СНК РСФСР № 325 от 3 апреля 1943 г.

21. Положение о комиссиях по устройству детей, оставшихся без родителей. Утверждено постановлением СНК РСФСР № 300 от 14 апреля 1943 г.

22. Об улучшении состояния детских домов. Из постановления СНК РСФСР № 471 от 9 мая 1943 г.

23. Об улучшении работы детских домов. Постановление СНК СССР № 942 от 1 сентября 1943 г.

24. Инструкция о порядке докомплектования специальных детских домов. Утверждена народным комиссаром просвещения РСФСР 20 сентября 1943 г.

25. Инструкция по исчислению заработной платы воспитателям и другим работникам детских домов и приемников-распределителей. Утверждена постановлением СНК СССР № 1334 от 30 ноября 1943 г.

26. Положение об инспекторе охраны детства отдела народного образования. Утверждено народным комиссариатом просвещения РСФСР 8 марта 1944 г.

27. Положение о школьном детском доме. Утверждено Наркомпросом РСФСР 21 апреля 1944 г.

28. О трудовом устройстве в 1944 г. воспитанников детских домов Наркомпроса РСФСР старше 14 лет. Из приказа № 293 1840/7 Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР, Главного управления трудовых резервов при СНК СССР и народного комиссариата просвещения РСФСР от 27 апреля 1944 г.

29. Об открытии мастерских в детских домах. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 330 от 10 мая 1944 г.

30. О детских домах смешанного типа. Утверждено Наркомпросом РСФСР 7 июня 1944 г.

31. Извлечение из Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. Утверждено Постановлением СНК СССР от 18 августа 1944 г.

32. Инструкция об охране имущественных прав воспитанников детских домов. Утверждена приказом заместителя народного комиссара просвещения РСФСР № 592 20 августа 1944 г.

33. Инструкция о порядке передачи воспитанников детских домов на воспитание в семьи трудящихся. Утверждена приказом Наркомпроса РСФСР № 592 от 29 августа 1944 г.

34. Положение о дошкольном детском доме. Утверждено Наркомпросом РСФСР 31 августа 1944 г.

Подготовка педагогических кадров и научно-исследовательская работа

35. Об укреплении руководящего и преподавательского состава педагогических училищ. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 364 от 9 февраля 1943 г.

36. О размерах и порядке назначения стипендий в вузах и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную армию. Из постановления СНК СССР № 996 от 15 сентября 1943 г.

37. О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях. Приказ ВКВШ № 2 от 2 января 1944 г.

38. Положение о научно-методическом кабинете по заочному обучению учителей. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 37 от 17 января 1944 г.

39. Об установлении цифровой пятибалльной системы оценок успеваемости учащихся в техникумах (средних специальных учебных заведениях). Приказ ВКВШ № 26/т от 10 февраля 1944 г.

40. О социалистическом соревновании в педагогических училищах. Из приказа по Наркомпросу РСФСР № 116 от 11 февраля 1944 г.

41. Об Академии педагогических наук РСФСР. Из постановления СНК РСФСР № 138 от 14 февраля 1944 г.

42. Об улучшении работы педагогических училищ. Постановление СНК РСФСР № 197 от 11 марта 1944 г.

43. Устав педагогического училища. Утвержден постановлением СНК РСФСР № 197 от 11 марта 1944 г.

44. Положение о начальной школе при педагогическом училище. Утверждено народным комиссаром просвещения РСФСР 27 марта 1944 г.

45. Инструкция о государственных экзаменах и защите дипломных проектов в техникумах (средних специальных учебных заведениях). Утверждена ВКВШ при СНК СССР 30 марта 1944 г.

46. О создании резерва для выдвижения на руководящую работу. Приказ Наркомпроса РСФСР № 256 от 12 апреля 1944 г.

47. Инструкция о порядке оплаты специальных расходов учителям-заочникам. Инструкция Наркомфина СССР и Наркомпроса РСФСР № 203 и 25/н от 18 апреля 1944 г.

48. Положение о кандидатской аспирантуре при Академии педагогических наук РСФСР. Утверждено Президиумом АПН РСФСР 17 мая 1944 г.

49. Положение о докторантуре (докторской аспирантуре) при Академии педагогических наук РСФСР. Утверждено Президиумом АПН РСФСР 17 мая 1944 г.

50. Извлечение из Положения об институте Академии педагогических наук РСФСР. Утверждено Президиумом АПН РСФСР 17 мая 1944 г.

51. О порядке определения должностных окладов работников наркоматов и ведомств в зависимости от стажа работы. Распоряжение СНК СССР № 13434-р от 24 июня 1944 г.

52. О зачете в стаж работы преподавательского и учебно-вспомогательного состава вузов и техникумов времени пребывания в период Отечественной войны в Красной армии, Военно-морском флоте и партизанских отрядах. Приказ ВКВШ № 276 от 28 июня 1944 г.

53. Об улучшении работы учительских институтов. Постановление СНК РСФСР № 595 от 5 августа 1944 г.

54. Положение о «Педагогических чтениях». Утверждено президентом АПН РСФСР 9 октября 1944 г.

55. Положение о семилетней школе при учительском институте. Утверждено народным комиссаром просвещения РСФСР 14 октября 1944 г.

56. О возвращении педагогическим училищам учебных зданий и общежитий. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 820 от 30 ноября 1944 г.

57. Из Устава учительского института. Утвержден приказом ВКВШ № 614 от 20 декабря 1944 г.

58. О порядке организации наркоматами, центральными учреждениями СССР и совнаркоматами союзных республик курсов по подготовке кадров. Из постановления СНК СССР № 147 от 28 января 1945 г.

59. О порядке дополнительной оплаты преподавателям педагогических училищ за классное руководство и за заведование учебными кабинетами. Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР № 192 от 26 марта 1945 г.

60. О мероприятиях по подготовке преподавателей физики для высших и средних учебных заведений. Постановление СНК СССР № 552 от 24 марта 1945 г.

Почетные звания. Отпуска. Пенсии. Плата за обучение

61. Об освобождении от платы за обучение детей рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота. Постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г.

62. О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению учебных заведений. Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 269 от 5 мая 1942 г.

63. О мероприятиях по укреплению техникумов. Из постановления СНК СССР № 1089 от 2 июля 1942 г.

64. Об освобождении от платы за обучение студентов Бурят-монгольского государственного педагогического и учительского институтов. Распоряжение СНК СССР № 3724-р от 20 февраля 1943 г.

65. Об освобождении от платы за обучение студентов Кабардинского педагогического института. Постановление СНК СССР № 528 от 15 мая 1943 г.

66. Об освобождении от платы за обучение студентов высших педагогических учебных заведений Дагестанской АССР. Распоряжение СНК СССР № 17974-р от 17 сентября 1943 г.

67. О распространении постановления ЦИК и СНК СССР от 3 июля 1929 г. «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет» на учителей, работающих в органах народного образования и в профсоюзе работников начальной и средней школы. Постановление СНК СССР № 1246 от 13 ноября 1943 г.

68. Положение о нагрудном значке «Отличник народного просвещения». Приложение к постановлению СНК РСФСР № 926 от 14 ноября 1943 г.

69. Об освобождении от платы за обучение учителей, удовлетворительно обучающихся на заочных отделениях в педагогических учебных заведениях. Из постановления СНК СССР № 1398 от 18 декабря 1943 г.

70. О непрерывном стаже работы рабочих и служащих, находившихся во временно оккупированных районах. Постановление Секретариата ВЦСПС от 6 февраля 1944 г., утвержденное постановлением СНК СССР № 126 от 6 февраля 1944 г.

71. О льготах для участников Отечественной войны при приеме в вузы и техникумы. Приказ ВКВШ № 212 от 24 мая 1944 г.

72. О бесплатном обучении в вузах и техникумах детей лиц высшего и старшего офицерского состава Красной армии, Военно-морского

флота, войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР, зачисленных на пенсию. Приказ ВКВШ № 296 от 6 июля 1944 г.

73. О распространении Положения о почетных званиях РСФСР на учителей специальных школ и преподавателей педагогических училищ. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июля 1944 г.

74. О повышении ставок заработной платы работникам массовых и школьных библиотек при высших и средних заведениях, государственных, публичных и научных библиотек. Постановление СНК СССР № 1114 от 16 августа 1944 г.

75. Об освобождении от платы за обучение детей офицеров. Приказ Наркомпроса РСФСР № 842 от 12 декабря 1944 г.

Список сокращений

Авиахим	— Общество друзей авиационной и химической промышленности
Автодор	— Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог
АПН	— Академия педагогических наук
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
БАССР	— Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БГПВХО	— комплекс норм «Будь готов к противовоздушной и противохимической обороне»
БГСО	— комплекс норм «Будь готов к санитарной обороне»
БГТО	— детская ступень комплекса / значок «Будь готов к труду и обороне»
БССР	— Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВКВШ	— Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР
ВВС	— военно-воздушные силы
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	— Всероссийский ленинский коммунистический союз молодежи
ВНАР	— воздушное наблюдение и разведка
Всевобуч	— Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии
всеобуч	— всеобщее обязательное обучение детей школьного возраста
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с преступностью
ГА КО	— Государственный архив Курской области
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГКО	— Государственный комитет обороны СССР
ГКУ «ЦДНИ УР»	— государственное казенное учреждение «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики»
Главлит	— Главное управление по делам литературы и издательств
ГПВХО	— комплекс норм «Готов к противовоздушной и противохимической обороне»
ГСО	— комплекс «Готов к санитарной обороне»
ГТО	— комплекс норм «Готов к труду и обороне»

ДОСААФ	— Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ДОСАВ	— Добровольное общество содействия авиации
ДОСАРМ	— Добровольное общество содействия армии
ДОСФЛОТ	— Добровольное общество содействия флоту
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
ЛГПИ	— Ленинградский педагогический институт
МВТУ	— Московское высшее техническое училище
МГПИ	— Московский государственный педагогический институт
МПИГ	— Московский педагогический государственный институт
МГУ	— Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Мосгорисполком	— Московский городской исполнительный комитет
НА РАО	— Научный архив Российской академии образования
нарком	— народный комиссар
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
НВП	— начальная военная подготовка
НИИ	— научно-исследовательский институт
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКП	— Народный комиссариат просвещения
ОДР	— Общество друзей радио
ОСО	— Общество содействия обороне
Осоавиахим	— Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР
ПВО	— противовоздушная оборона
ПВХО	— противовоздушная и противохимическая оборона
РАО	— Российская академия образования
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
РОКК	— Российское общество Красного Креста
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК, Совнарком	— Совет народных комиссаров
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
ТОЗ	— винтовка «Тульский оружейный завод»
УССР	— Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗО	— фабрично-заводское обучение
ЦА МО	— Центральный архив Министерства обороны РФ

Список сокращений

ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— центральный комитет
ЦК ВКП(б)	— Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
ЦК КП(б)Б	— Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии
ЦК КПСС	— Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦС	— Центральный совет
ЧГК	— Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков

Сведения об авторах

1. **Абылкасымова Алма Есимбековна** — доктор педагогических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, иностранный член РАО; директор Центра развития педагогического образования Казахского национального педагогического университета им. Абая

2. **Акишина Екатерина Михайловна** — доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО; руководитель Центра совершенствования методик преподавания дисциплин ФГБУ «Российская академия образования»

3. **Васильева Ольга Юрьевна** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАО; президент ФГБУ «Российская академия образования»

4. **Иванова Светлана Вениаминовна** — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАО; и. о. вице-президента, главный ученый секретарь президиума ФГБУ «Российская академия образования»

5. **Каверкина Александра Максимовна** — преподаватель НИУ «Высшая школа экономики»

6. **Катагощина Мария Всеволодовна** — кандидат исторических наук; ведущий аналитик лаборатории гуманитарного образования и формирования мировоззрения Центра воспитания и развития личности ФГБУ «Российская академия образования»

7. **Кичева Инна Васильевна** — доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования ФГБОУ «Пятигорский государственный университет»

8. **Лазуренко Светлана Борисовна** — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО; руководитель Центра развития инклюзивного образования ФГБУ «Российская академия образования»

9. **Лютков Сергей Николаевич** — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник ФГБУН «Научный и издательский центр “Наука” РАН»

10. **Мазурицкий Александр Михайлович** — доктор педагогических наук; профессор кафедры библиотечно-информационных наук ФГОУ ВО «Московский государственный институт культуры», профессор кафедры информационно-аналитической деятельности ФГОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

11. **Малышева Елена Михайловна** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный

деятель науки Республики Адыгея; профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

12. **Мелентьева Юлия Петровна** — доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, академик РАО; заведующая отделом проблем чтения ФГБУН НИЦ «Наука» РАН

13. **Миндзаева Этери Викторовна** — кандидат педагогических наук, ведущий аналитик Центра совершенствования методик преподавания дисциплин ФГБУ «Российская академия образования»

14. **Мурафа Светлана Валентиновна** — кандидат психологических наук; ведущий аналитик лаборатории развития высшего специального (дефектологического) образования Центра развития инклюзивного образования ФГБУ «Российская академия образования»

15. **Нелюбов Сергей Александрович** — доктор педагогических наук, доцент; и. о. ректора ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

16. **Овчинников Анатолий Владимирович** — доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО; научный руководитель лаборатории сравнительной педагогики и истории образования ФГБУ «Российская академия образования»

17. **Осерская Эмма Владимировна** — директор МБОУ «Лицей № 8»

18. **Рыжов Алексей Николаевич** — доктор педагогических наук; профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования ГАОУ «Московский городской педагогический университет»

19. **Сидорчук Оксана Николаевна** — кандидат исторических наук, доцент; зам. директора Института истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

20. **Соловьева Татьяна Александровна** — доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО; директор ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики»

21. **Тимофеев Михаил Анатольевич** — кандидат исторических наук; руководитель Научно-образовательного центра им. В. П. Кащенко ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики»

22. **Тлеп Болат Анапьяулы** — кандидат политических наук, доцент, академик Национальной академии высшей школы Казахстана; ректор Казахского национального педагогического университета им. Абая

23. **Фомина Наталья Николаевна** — доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО; научный руководитель лаборатории развития художественно-эстетического творчества Центра развития дополнительного образования ФГБУ «Российская академия образования»

24. **Фроленкова Ирина Юрьевна** — кандидат философских наук; руководитель Центра воспитания развития личности ФГБУ «Российская академия образования»

25. **Хлытина Ольга Михайловна** — кандидат педагогических наук, доцент; директор института истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

26. **Шавалеева Гульнара Мунировна** — преподаватель БПОУ УР «Можгинский педагогический колледж имени Т. К. Борисова»

Научное издание

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 1

**Система образования
СССР в годы Великой
Отечественной войны**

Оригинал-макет подготовлен:

Автономная некоммерческая организация
«Центр историко-культурных публикаций и выставок «Наследие»
123112, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский,
наб. Пресненская, д. 10, стр. 2, пом. 5Н

Подписано в печать

Формат 170 × 240 мм

Печ. л. 27,5

Тираж 500 экз.

Заказ

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; <https://www.chpd.ru/>